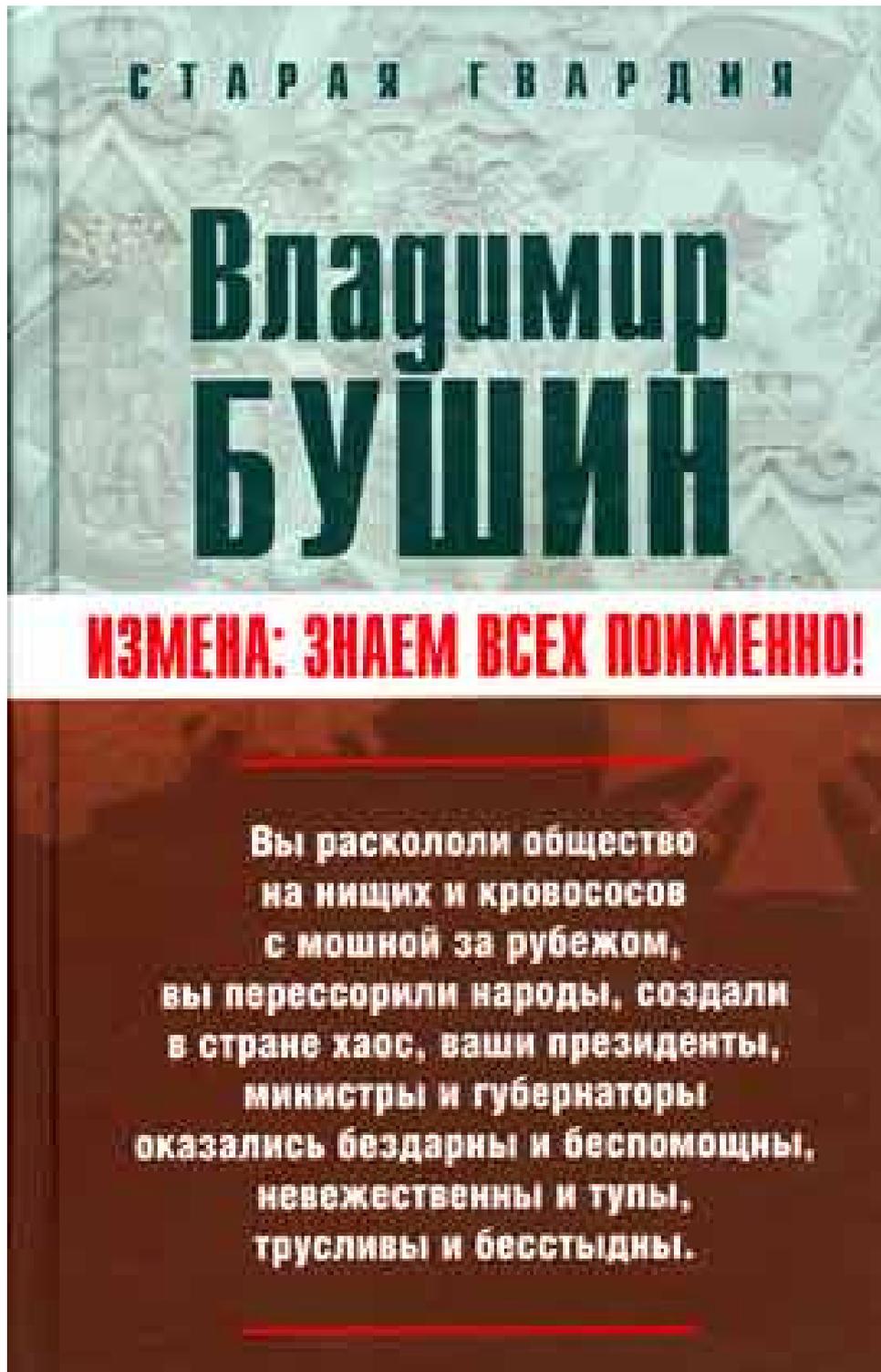

Бушин В.С. *Измена: знаем всех поименно*

Москва, 2007

Бушин Владимир Сергеевич

Владимир Сергеевич Бушин защищал социалистическое Отечество в роковые сороковые, когда враг стоял под Москвой, и продолжает сражаться за него до сих пор, когда измена бывших партийных и советских функционеров и карьеристов стала очевидной для всех. Теперь большинство из них перекрасилось и составило ядро политического бомонда нового государства. Внимательно рассматривая их поименно, автор рисует коллективный портрет современной политической элиты: без приукрашивания, без лжи и без пощады.

*Как с такой рожей
перед Господом нашим
стоять будете...*
Максим Горький

АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ НАЧИНАЛ ТАК... (А. Яковлев)

Когда 21 февраля 1990 года на фестивале "Российские встречи" в ленинградском Дворце спорта "Юбилейный" один оратор заявил, что ответственность за некоторые драматические события лежит на А. Н. Яковлеве, то зал стал скандировать: "Долой Яковлева!" Не кучка хулиганов, а пять тысяч ленинградцев разных возрастов, профессий, национальностей. Показательная реакция на его имя...

А. Н. Яковлев мне лично дал много высококалорийной пищи для размышлений еще и в своей большой беседе "Синдром врага; анатомия социальной болезни" ("ЛГ", 14.02.1990 г., с. 10). Сколько там метких замечаний, глубоких суждений, благородных призывов! Вот читаем: "Мы говорим: перестройка принесла свободу". Кто "мы"? Думаю, что, например, Виталий Коротич поддержал бы целиком тезис об обретенной свободе. Но поддержали бы его тысячи турок-месхетинцев, десятки тысяч русских, сотни тысяч армян и азербайджанцев, ставших в родной стране беженцами? Или это надо понимать так, что они обрели одно из основополагающих прав человека право свободного передвижения и выбора места жительства?

Дальше автор кого-то нахваливает, а кому-то пророчит беды: "Но свобода — дар лишь для тех, кто умеет использовать ее для созидательной реализации самого себя (В. Коротич? — В. Б.). А если нет, то свобода может обернуться для человека (уже обернулась! — В. Б.) наказанием, дестабилизировать его внутренний мир. И внешний тоже.

Да, в приведенных примерах автор несколько отступил тогда от своих принципов ясности, спокойствия и взвешенности. Но тем не менее, как было не откликнуться всем сердцем на его призыв к "большей терпимости, готовности уважительно дискутировать", как не принять всей душой напоминание о том, что отсутствием терпимости "в обществе воспитываются не только ненависть и разобщенность, но и равнодушие, беспринципность...". Все это прекрасно, замечательно, духоподъемно!

Но меня отчасти смущало (а у кого-то могло вызвать и более сильные чувства) некоторое несоответствие между этими благородными призывами, гуманнейшими принципами и языком, лексикой статьи. В частности, я был несколько огорчен определенной перенасыщенностью языка довольно неласковыми эпитетами, не слишком деликатными определениями, не очень-то корректными образами в таком духе: "кликушество", "клоунада", "глупость, недомыслие, чванство", "избыточное самолюбие, самомнение, чванство"... Едва ли обращение к оппонентам на таком языке свидетельствует о "готовности уважительно дискутировать".

Дальше: опять "кликушество", "свары", "мелкая суетность", "доносы" "доносительство", "идеологические доносы"... Таким языком охотно пользовались для прославления своих литературных противников некоторые авторы "Огонька",

но, право же, это не могло помочь тому, кто призывал к "самой широкой общественной консолидации", кто искал "возможность широчайшего конструктивного диалога", кто звал других "научиться сотрудничать со всем обществом, взаимодействовать со всеми его частями", кто, наконец, славил "искусство компромисса"!

И опять: "эта возня", "вся эта возня", "политическая возня", "возня в литературных подъездах"... Ну с каких это пор русские профессора и академики стали изъясняться на такой манер? Можно ли представить себе академика Б. А. Рыбакова или доктора исторических наук Л. Н. Гумилева с подобными речениями на устах!

Еще: "низменные инстинкты", "догматические спекуляции", "темные инстинкты", "нравственная ущербность", "духовное растление", "распад личности", "комплекс неполноценности"... И ведь это все о живых людях, соотечественниках, с коими автор намерен был "взаимодействовать" и "сотрудничать". Откуда такой набор? Из ярославской глубинки? Едва ли. Из канадской столицы? Совсем невероятно! Увы, скорей всего из возни в литературных подъездах.

Еще? Пожалуйста: "авантюристы", "ничтожества", "осенние мухи", "околовертящиеся", "подлые и злые", "ленивые и безвольные", "неумение и нежелание работать", "кто зол, ленив и завистлив", "непомерные амбиции на гениальность"... Ей-ей, это даже загадочно. Неужели профессор Яковлев надеялся, что после таких аттестаций хоть кто-то из самых ленивых и безвольных протянул бы ему руку и вместе с ним продекламировал: "Развернемся в сторону культуры — общей и личной культуры человеческих отношений!"

И вновь: "злые духи", "интеллигентствующие холопы застоя", "охотнорядство", "гробокопательство"... Тут уж пена видна на губах демократии.

Профессор был неутомим: "омерзительно", "гнусность", "гомо сапиенс", "мерзопакостные формы", "не твякнешь — не заметят"... И ведь все это, повторяю, на страницах писательской газеты, то есть предназначено было прежде всего для потребления творческой интеллигенцией, литераторами. Кажется, с августа 1946 года никто из секретарей ЦК и не говорил с литераторами на таком языке. А среди пишущей братии, как известно, нередко встречаются персоны весьма чувствительные.

Можно было бы сменить пластинку, но нет: "подлая жажда власти", "топтанье неугодных", "растоптать любого", "готовность изничтожить оппонента", "с дубинкой охотиться на других"... Господи, да что же это за напасть! Не позволял же себе т. Яковлев ничего подобного ни в "Правде", ни в "Московских новостях", ни на Пленуме ЦК, ни на Съезде народных депутатов. Почему в писательской газете так? Неужто думал, что иного языка мы не поймем да и не заслуживаем? Его арсенал поистине неисчерпаем: "есть люди, как бы обреченные жить в пещерах", "охота за черепами", "жажда крови", "параноическая жажда крови близких", "садистское сладострастие"... Все-таки в известном докладе о журналах "Звезда" и "Ленинград" таких стилистических взлетов, кажется, не было...

Могут сказать: да, конечно, но в том докладе подобные словеса адресовались конкретным лицам, а здесь они как бы распыляются в пространство, как бы в пустоту, как бы в эфир... А по-моему, такая анонимная распыленность еще хуже, ибо

создавала атмосферу всеобщих подозрений с возможностью ссылки на члена Политбюро. Кого автор обрек жить в пещерах? Одни скажут, что Вадима Соколова. Другие возразят: нет, Валентина Оскоцкого! А у кого "омерзительные формы"? У Аллы Гербер? У Юрия Идашкина? У Татьяны Толстой? Кто в параноической жажде крови охотится за черепами? Бенедикт Сарнов? Владимир Бушин?..

Мне кажется, что лексика и фразеология т. Яковлева работала порою против него самого. Причем в иных случаях — с особой силой. Например, он гневно проклинал "подлую жажду власти". Очень похвально! Однако нельзя же не понимать, как это звучало в устах человека, который за два года из "рядового" директора института стал секретарем ЦК и членом Политбюро, то есть проделал головокружительную карьеру, достиг высших ступеней власти. Поистине, "потеря чувства юмора, а вместе с ним и стыда всегда ведет к конфузу".

В его биографии читаем: "С 1946 года на партийной и журналистской работе: инструктор, заместитель заведующего, заведующий отделом Ярославского обкома партии. С 1953 года в аппарате ЦК КПСС: инструктор, заведующий сектором, первый заместитель заведующего Отделом пропаганды". В аппарате ЦК проработал до 1973 года — двадцать лет, и на важных должностях. Позже оставался членом ЦРК.

Но тут от Яковлева-литератора мы уже переходим к Яковлеву-политику. Мы слышали от него назидательные поучения в таком роде: "Тот, кто не знает азбуки и арифметики политики, ее логики, не может рассчитывать на успех". Сам он, видимо, "азбуку и арифметику" знал, но до поры знания свои не показывал.

С именем Яковлева, в частности, было связано обострение обстановки в Литве.

"Само по себе в этой жизни, в этом мире ничего не происходит. Много лежит в нашем прошлом. Однако главное, думается, все же в том, в чьих руках находится важнейший рычаг, влияющий на формирование общественного мнения. Я имею в виду средства массовой информации. Кто владеет ими, тот и влияет на настроение и поведение людей... И давайте спросим себя. Если изо дня в день в течение года или двух (а если пяти? - В. Б.) идет охаивание ценностей социализма по радио, телевидению, на страницах печати, останутся ли равнодушными люди? Конечно, нет. В особенности, если делается это профессионально, четко и организованно", так говорил в то время секретарь временного ЦК Компартии Литвы (на платформе КПСС) В. И. Швед.

Вопреки ему Александр Николаевич Яковлев высказал мнение, что средства массовой информации только объективно отображают те процессы, которые протекают в реальной жизни.

Но разве не очевидно, что изображать прессу всего лишь бесстрастным зеркалом жизни и есть незнание азбуки? Однако трудно все-таки допустить, что человек, дошедший до таких заоблачных вершин политической иерархии, не знал бы слов В. И. Ленина о том, что печать — самое сильное, самое острое оружие партии, что печать не только коллективный пропагандист и агитатор, но и коллективный организатор.

Уж Александр Николаевич должен был это знать, ведь он, как известно, являлся секретарем ЦК по идеологии, и наша пресса, в которой тогда произошли большие кадровые перемены, являлась прямым результатом неусыпных его забот!

27 ноября 1989 года, выступая по Центральному телевидению, т. Яковлев между прочим сказал: "Мы исповедовали двойную и тройную мораль". В этой коротенькой фразе было две большие неясности. Во-первых, кто это "мы" - члены ЦК? работники нашего посольства в Канаде? сотрудники Института мировой экономики? лично т. Яковлев? Во-вторых, когда это было — в тридцатых годах? в октябре 1987 года? 26 ноября 1989-го? Я думаю, Александр Николаевич Яковлев как был, так и есть человек, исповедующий и двойную, и тройную мораль. И именно благодаря этому он и вознесся и парит то ли над Иваном Великим, то ли над статуей Свободы.

Москва 1991

А ТАК ОН ЗАКАНЧИВАЕТ... (А. Яковлев)

На первой полосе "Московских новостей" помещен скорбный портрет Яковлева в полный рост. Ну такой скорбный, что сразу невольно вспомнились строки классика:

Прибежали в избу дети, второпях зовут отца:
Тятя! Тятя! Нам в газете притащили мертвеца...

Да, именно мертвеца. Ведь над портретом для ясности еще и написали аршинными буквами: "НИКОМУ НЕ НУЖЕН". Ведь о живом человеке так не скажешь. И тут вспоминается другой классик:

Как тяжело мертвецу среди людей Живым и страстным притворяться! Но надо, надо в общество втираться, Скрывая для карьеры лязг костей...

Вглядываешься в портрет, и тебе мерещится: вот сейчас сделает он шаг, или поднимет руку, или обернется, и ты услышишь этот лязг, эту похоронную музыку демократии...

Тут же редакция язвительно корит кремлевских чиновников, которые-де "считают себя свободными от исторических и человеческих обязательств" перед отцом русской демократии, т.е. не помогают ему втираться в общество, а, наоборот, препятствуют, не считаясь с тем, что ему скоро восемьдесят...

Продолжение темы на восьмой странице. Шапка: "В год 80-летия "архитектора перестройки" (почему два последних слова в кавычках? — В. Б.) выяснилось: симпатий к идеологу новой России (почему два последних слова без кавычек? — В. Б.) у сегодняшней власти резко убавилось". Здесь же еще два портрета отца-архитектора. Один веселенький, с улыбочкой: беседует с Путиным. Видимо, запечатлен момент, о котором он ниже рассказывает корреспонденту газеты Михаилу Гохману. Меня, мол, как бездомную дворнягу, без конца обижают кремлевские чиновники: лишили "вертушки", содрали правительственный номер с моей машины, их телефонистки мне хамят, но "когда речь зашла о моем "откреплении" от поликлиники (лучше бы сказать "откремлении", поскольку речь идет о Кремлевке. — В. Б.), я сказал об этом Путину. Он возмутился, дал выволочку

управляющему делами". Вот по причине такой победы Яковлев на фотке и улыбается, лязгая костями. Но под фоткой опять укоризненная надпись: "Владимир Владимирович раньше благоволил к Александру Николаевичу". А теперь?..

Второй портрет — справа на отлете. Это обложка книги Яковлева "Сумерки": мрачнейший, изрезанный морщинами, бледный лик как бы вылезает из "Черного квадрата" Малевича. Это надо понимать так: вот, мол, каким стал отец демократии, после того как президент-демократ перестал ему благоволить.

Над фотографиями и текстом беседы с Гохманом как бы заголовок, что ли: "Моя-то судьба — хрен с ней..." Это собственные слова Яковлева из беседы. Согласитесь, странно видеть академика с такими простецкими речениями, как "хрен", на устах. Но тут невольно вспоминается, что Отец и раньше не отличался изяществом слога, а уж теперь-то, когда Путин и Швыдкой довели культуру страны до такого уровня, что гомик Борис Моисеев (сам не видел, рассказывала Галина Вишневская) прямо на сцене скинул штаны и показал телезрителям державы все свое обветшалое единоличное хозяйство, уж теперь-то...

В принципе я вовсе не против острого словца, порой и сам к нему прибегаю. Это дало основание чувствительному Евгению Лесину сказать недавно в "Независимой газете" по поводу моей новой книги "Гении и прохиндеи" (издательство "Алгоритм", 2003 г.) даже так примерно (цитирую по памяти): "Владимир Бушин — фигура грандиозная во всех отношениях. Поэт, критик, фронтовик. По сравнению с ним Проханов и Бондаренко — образцы галантности и толерантности. Бушин ругается со всеми... Бушин — злой человек..." и т. д. Ну правильно. Только не очень. Во-первых, не ругаю же я, допустим, хотя бы Макаренко, Шолохова, Леонида Соболева. И не ругаюсь с Михаилом Алексеевым, Расулом Гамзатовым, Юрием Бондаревым... Не ругал я Молотова, Косыгина, Громыко. И не ругаюсь с Александром Лукашенко, Фиделем Кастро, Владиславом Ардзинбой... Совсем наоборот! Во-вторых, ну какой же я злой? Вон же Станислав Куняев, лучший инженер человеческих душ Цветного бульвара, как мог видеть Лесин в предисловии, признается: "Всегда, когда читаю статьи Бушина, я хохочу, негодую, печалюсь...". Прежде всего — хохочет! Но разве при виде злости хохочут? А что писал незабвенный Коля Глазков?

Ты, Володя Бушин, мудр.
Мысль твоя — как перламутр!...

Уж Коля — царство ему небесное — зря не сказал бы. А где ж в перламутре злоба?..

В-третьих, если серьезно, то были в моей-то жизни блаженные времена, когда я писал уж такие разлюбезные статьи о многих — о Николае Ушакове, Юрии Трифонове, Семене Шуртакове, Светлове, Симонове, Анатолии Калининне, Владимире Карпеко, Михаиле Алексееве, Василии Федорове, Сергее Викулове... Это очень разные писатели, но все они — советские патриоты. А о ком я пишу сейчас? О мерзких оборотнях, о злобных клеветниках, о прохиндеях. И нет таких слов, которые для их характеристики были бы чрезмерны.

И потом, надо учиться у смеляковского мальчика "гнев от злобы отличать". И тут Глазкова хорошо дополнил Сергей Михалков:

Попал Бушину на суд -
Адвокаты не спасут!

От чего не спасут? От того самого, что только внешне похоже на злобу. Да как же не обрушить его, допустим, на парникового гения Гайдара хотя бы только за то, что у моего фронтового товарища и однокашника, у старика, у инвалида войны Эдуарда Асадова, как корова языком, слизнул Гайдар со сберкнижки 300 тысяч советских рублей, в том числе похоронные все сбережения слепого поэта лет за сорок каторжного труда. Как не излить гнев, как не плюнуть на телеэкран при виде обкомовского алкаша хотя бы только из-за того, что он лишил мою родину Крыма, а недавно, гостем Назарбаева нагрянув в Казахстан, рыгнул с ухмылкой олигофрена на всю страну после выпивки: "Я счастлив!" Как не проклясть до седьмого колена Чубайса, рыжего ангелочка, хотя бы только за то, что однажды он заявил своему сослуживцу по Госкомимуществу: перестань, дескать, хныкать, ну вымрут скоро миллионов тридцать, так они же сами виноваты — не вписались в наши прогрессивные демократические реформы! А русские бабы, мол, еще нарожают.

Или вы хотите, Евгений Лесин, как и П. Басинский в "Литгазете", чтобы с грабителем я разговаривал так, допустим: "Уважаемый Егор Тимурович, позвольте вам заметить, что вы не совсем правы и кое-что недоглядели, пустив по миру миллионы русских людей". Или вам желательно, чтобы к этой кровавой образине я обращался бы на такой манер: "Любезный Борис Николаевич, как жаль, что из ваших мудрых державных рук уплыл Крым. Бог вам судья. Но нельзя ли его вернуть? Попробуйте. Ну пожалуйста!" Или вы считаете, что с самым вонючим клопом мировой истории я должен объясняться в таком духе:

"Ваше степенство! Однажды вы по телевидению заявили, что до войны наши оборонительные сооружения на границе были обращены не вовне, т.е. не в сторону вероятного противника, а внутрь страны — дабы предотвратить поголовное бегство за рубеж населения, которое только об этом и мечтало. Не будете ли вы, Толик, против, если я, основываясь на этом замечательном заявлении, выдвину вашу кандидатуру в Книгу рекордов Гиннеса как непревзойденного мудреца и правдолюбца всех времен и народов?"

Нет, товарищ Лесин, нет, мусье Басинский, я на такие речи с могильщиками моей Родины неспособен. А Яковлев — один из них и, пожалуй, работал самой широкой лопатой. И он навешивает свои ярлыки не на друзей-могильщиков, а на тех, кто им сопротивляется, кто защищает страну. И у него не гнев, а именно злоба, и самая лютая, не игра ума, не остроумие, а плоская вульгарная непотребщина. И потом, если уж сопоставлять его и меня, то — кто я? Вольный стрелок! А он? Архитектор! Лидер! Реформатор! Фундатор!... Имитатор! Да еще и президент фонда "Милосердие"... Ну милосердно ли это — с садистским сладострастием дубинкой загонять современников в пещеры, а самому красоваться в кресле то члена Политбюро и друга президента, то академика, то члена Союза писателей им. Оскоцкого?

И вот прошло почти пятнадцать лет. Отец вдрызг состарился, в прах одряхлел, плохо соображает, а стиль все тот же — обретенный как бы в результате черепно-мозговой травмы: "политическая шпана", "большевистское стадо", "Ленин был первым фашистом", "Сталин предал армию"...

И по-прежнему грамотность его на таком уровне, что порой употребляет не те слова, которые требуются по смыслу. Например: "У Брежнева хорошо работал инстинкт". Какой? Они бывают разные, их много. Есть, например, инстинкт продолжения рода. Об этом, что ли? Да нет, просто тут по смыслу, по контексту надо было сказать не "инстинкт", а "интуиция". Увы, возраст... Еще хорошо, что не написал "рефлекс".

Под замечательными своей выразительностью фотографиями помещена беседа отца демократии с журналистом Гохманом. Того, естественно, прежде всего заинтересовало, почему новая книга Отца при нынешнем триумфе этой самой демократии названа не "Рассвет", не "Забрезжило", не "Утро красит нежным светом власти лысину в Кремле", а — "Сумерки". Я, признаться, думал, что автор имеет в виду свои персональные малогабаритные сумерки, на эту мысль наводит не только его возраст, но и жуткий портрет на обложке. Да к тому же, оказывается, у него еще и "вертушку" кремлевские чиновники отобрали. Какая после этого жизнь? Только доживание, только сумерки. Ан нет, ничего подобного! Ответ совершенно неожиданный: "А у нас в стране и есть сумерки. С контрреволюции в октябре 1917 года. А может быть, и с убийства Столыпина".

То есть уже без малого сто лет все сумерки, сумерки и сумерки. В сумерках народ России совершил Октябрьскую революцию, в сумерках советский народ разбил белогвардейцев и интервентов, в сумерках уничтожили мы германский фашизм, грозивший весь мир погрузить в ночь, в сумерках создали мировую державу, в сумерках Шолохов написал "Тихий Дон", а Шостакович - Седьмую симфонию, в сумерках парила над страной божественная Уланова, в сумерках первыми в мире мы построили атомный ледокол и создали водородную бомбу, в сумерках Гагарин первым в мире вырвался в космос... Этот перечень можно продолжать долго. А закончить его следует так: не в сумерках, а темной глухой ночью 1952 года молодой Яковлев, напялив маску патриота, с дубинкой за пазухой, из Ярославского обкома пробрался в ЦК. Кости тогда еще не лязгали...

Все остальное в беседе на уровне этих сумерек в черепной коробке. А главное во всей публикации — письмо двух деток демократии президенту. Оказывается, уже давно создан то ли Комитет, то ли Комиссия, то ли Департамент по празднованию Восьмидесятилетия Отца. Разработан план юбилейных мероприятий. Надо думать, предусмотрены торжественное заседание в Большом театре или в Большом Кремлевском дворце, демонстрация демократов на Красной площади, праздничный салют (80 залпов из 224 орудий) и фейерверк на Васильевском спуске с бесплатной раздачей пива и сочинений юбиляра, в том числе "Хомута памяти". А еще будет издан сборник воспоминаний об Отце. Тут уже проделана огромная работа. Запланировано, что в сборнике примут участие "видные политики современности, известные ученые, писатели, выдающиеся мастера культуры". Уже получены статьи от всем известного ученого Виталия Коротича, от очень видного писателя Михаила Горбачева, от выдающегося мастера культуры Михаила Швыдкого, представьте себе, даже от покойного Василя Быкова. Когда ж успели хватить? Может, была эксгумация?.. Составляет сборник видный, известный и выдающийся Валентин Оскоцкий.

Что ж, прекрасно! За дело, выдающийся Оскоцкий! Я первым побегу искать ваш дивный сборничек. Но нет, оказывается, тут им чего-то не хватает. Да чего же? Столько блистательных имен живых и мертвых! Даже бывший первый секретарь

ЦК и бывший президент Литвы товарищ Бразаускас, даже бывший зав. отделом ЦК и нынешний президент Киргизии аксакал Акаев, которого, как говорят, Ельцин однажды в застолье по сверкающей лысине ногтем щелкнул. Да и сам Ельцин, кажется, уже представил рукопись на заданную тему. Чего еще? Неужто и от меня статью ждете? Да возьмите хотя бы фолиантик "Лучший идеолог всех времен и кагалов" из моей книги "Честь и бесчестье нации".

Нет, оказывается, они мечтают о "небольшом вступительном слове, которое открыло бы книгу в качестве предисловия" от президента Путина. С просьбой на сей счет к нему и обратились два крупнейших демократа - Председатель Совета Конгресса Интеллигенции Российской Федерации С. А. Филатов (не путать с В. И. Филатовым, певцом генерала Власова!) и упомянутый В. Д. Оскоцкий, секретарь СП Московский и Коломенский. Это будет книга, извещали они президента, "посвященная нравственному примеру и нравственному уроку", что дал нам всем Александр Николаевич. Урок состоит в том, как известно, что в отличие от библейского Савла, оголтелого гонителя христиан, превратившегося в христианского апостола Павла, Яковлев из коммунистического Павла превратился в оголтелого коммунофоба Савла. Сами-то авторы письма давно уже последовали этому нравственному уроку, но шибко хочца, чтобы и другие тоже, чему и должен споспешествовать сборничек.

В конце пишут: "Будем рады Вашему согласию. Желаемый (т. е. желательный) срок получения текста — в течение июля. С глубоким уважением".

С глубоким? Нет, драгоценные, им здесь и не пахнет. К президенту-то надлежало обратиться в первую очередь, а вы сделали это лишь 26 июня, после смерти Быкова, да еще даете срок всего месяц, — это не глубокое уважение, это, как сказал бы сам Яковлев, "охота с дубинкой за черепами".

Вполне естественно, что с ответом на вашу дубинку никто не спешил, и вы получили его лишь через месяц от чиновника кремлевской администрации с очень подходящей в данном случае фамилией Кара. Да, всех бесцеремонных охотников за черепами должна непременно постигнуть кара. Достойный носитель этой фамилии не отрицает великих заслуг отца демократии перед человечеством, но поскольку, говорит, мы с президентом уверены, что "крупные государственные деятели, видные политики, известные ученые, деятели культуры максимально отразят (иначе какие же они крупные, видные, известные? — В. Б.) весомый вклад АНЯ в современную жизнь страны, мы считали бы возможным воздержаться от размещения (!) вступительного слова Президента в сборнике".

Вот так да! Словом, коли будут в сборнике "размещены" статьи таких крупных, видных да известных, то чего ж вам еще надоть? Хватит! Знайте меру... Выходит, следовало не только обратиться своевременно, но еще и не хвастаться своими знаменитыми авторами, а, наоборот, изо всех сил прибедняться. Дескать, дорогой и несравненный президент, задумали мы почтить корифея АНЯ сборником статей по случаю двадцатилетия его пенсионного возраста, но никто не желает писать. Так, может, вы черкнете пару строк? Ведь если бы не АНЯ, разве вы могли бы из подполковников КГБ сигануть в президенты. А мы вас хорошо отблагодарим. У вас, оказывается, как пишут в газетах, есть кобыла по кличке "Челси". Так мы подарим вам жеребца по кличке "Абрамович"... Вот, глядишь, и отозвался бы... Уметь, где нужно, прибедниться — высокое искусство. Им в совершенстве владеет

Солженицын. Однажды его пригласил секретарь ЦК по культуре П. Н. Демичев. И он явился — в валенках с разноцветными заплатками, в пиджаке с оторванным воротом, в косоворотке без единой пуговицы, небритый... Тогда в ЦК и решили: гений! Как же гения не печатать!

Секретарь Московский и Коломенский, как видно, не выдержал Кары и отвалился. Но Председатель Конгресса Интеллигенции решил и дальше выкручивать руки: 28 июля написал послание руководителю администрации президента А. С. Волошину. Начал довольно странно: "Я просил разговора с Вами". Этот Филатов, он русский? Дальше следовали опять великие похвалы великому Яковлеву: "Он один из первых внес в наше общество элементы демократии и нравственности".

Элементы! Ну, как он еще на рассвете всей заварушки вносил эти "элементы", мы видели хотя бы в цитированной выше его статье в "Литературке": "ничтожества"... "холуи"... "шпана"... "ведьмы"... А кто же внес в наше общество "элементы" безнравственности и бандитизма порнографию, проституцию, грабильную, убийства? АНЯ не имеет к этому никакого отношения?

Дальше еще круче: АНЯ — "человек, сделавший очень много для демократических и общечеловеческих преобразований в России". Ну, что такое демократические преобразования силами Яковлева и его подручных, это теперь знает каждый бомж, любой туберкулезник, всякий инвалид, выживший после теракта. Но что такое "общечеловеческие преобразования"? Не превращение ли это живых людей в покойников? В этом демократы преуспели больше всего.

Прокукарекав хвалу Яковлеву, Председатель Интеллигенции продолжал: "Я обращался к президенту В. В. Путину с просьбой, чтобы он своим вступлением открыл сборник, который мы назвали "Ученый. Политик. Гражданин", в котором будут собраны статьи для сборника...". Черт знает, что такое! Во-первых, почему "я обращался"? Ведь обращались вдвоем. Куда же дел Оскоцкого? Отшил! Украд его славу. Демокрад всегда демокрад. Во-вторых, кто же из потомственных интеллигентов так говорит: "сборник, в котором собраны статьи для сборника"? Да еще "который... в котором". Что бы сказал о таком косноязычии сыночка его папа, покойный поэт Александр Филатов?

Дальше в письме опять идет твердолобое перечисление тех же выдающихся политиков, известных писателей, видных деятелей культуры во главе в покойным Быковым. Но — странно! — из перечня исчез выдающийся писатель Коротич. Куда делся? Неужели сбежал, почуяв, что пахнет жареным? Ведь в первом письме говорилось, что статья от него уже получена. Что, схватил рукопись и скрылся, или ему отказано в звании выдающегося и он переведен в разряд "многих других"? Загадка...

Читаем: "Зная отношение В. В. Путина к АНЯ, о его высокой оценке деятельности АНЯ, мы считали логичным его выступление в этом сборнике". А какое у Путина отношение к АНЯ? Где и когда он высказал свою высокую оценку ему? Все знают, как он относится, допустим, к Ельцину: вывел его вместе со всей родней из конституционного поля, оградил на всю жизнь от Уголовного кодекса, дал роскошную резиденцию, снабдил бесчисленной охраной с локаторами и ракетами, выписал пожизненное содержание в 20 миллионов долларов ежегодно, наградил высшим орденом страны и до сих пор целуется с ним. Хорошо известна и его

высокая оценка Чубайса, которого никогда не посмеет прогнать с высокого поста. Все видят, как любы ему Грызлов, тайный Герой России Рушайло, Матвиенко и т. д. Ради последней 2 сентября, в день, когда подписал указ о выборах в Думу, пошел даже на грубое нарушение закона: еще и срок не настал для агитации, а он на глазах всей страны пожелал ей стать мэром Ленинграда. Тут все ясно, но как Путин относится к АНЯ, это, по-моему, большая государственная тайна.

Филатов недоумевает: "Однако мне передали..." Почему "передали" и кто, когда имеется ясный письменный ответ тов. Кара?"... Передали, что есть другое мнение и что якобы не было прецедента, чтобы президент это делал в отношении прижизненных изданий". Председатель Интеллигенции явно не читал карательный ответ: там нет ни слова о каких-то прецедентах. Видно, секретарь Московский и Коломенский, получив ответ, утаил его от Председателя Интеллигенции, предвидя, что тот в свою очередь лишит его соавторства в отношении первого исторического письма к президенту.

Председатель не может скрыть раздражения: "Я удивлен такой постановкой вопроса и считаю такой ответ неправомерным". Он считает! А кто ты есть? Двух слов складно сказать не можешь.

Председатель в гневе: "Меня интересует один вопрос соответствует ли действительности эта информация и если да, то знает ли об этом сам В. В. Путин". Да ведь тут не один, а два вопроса! Хотя бы на этом-то уровне соображать надо.

Председатель Интеллигенции переходит к прямым угрозам, к запугиванию Кремля: "В этом случае (т. е. если президент знает, что они с Оскоцким получили отлуп от Кары) при ближайшей возможности я вынужден буду (опять "я". А где Оскоцкий?) огласить это решение Кремля"... Возможность представилась, и они огласили. Боже мой, до чего крепка в этих демокрадах советская закваска! Он думает, что как в старые добрые времена можно угрозой своей огласки ("В "Правду" напишу!") припугнуть Кару, Волошина и даже самого президента, можно заставить их выполнить твое желание. Да плевали они на все конгрессы и их председателей, на всех секретарей Московских и Коломенских. Ему пишут открытое письмо пятьдесят лучших интеллигентов страны — академиков, генералов, адмиралов, Героев Советского Союза, лауреатов Государственной и Нобелевской премий — он и на них начхал. А тут какой-то Председатель Интеллигенции оскоцкого уровня, плохо владеющий русским языком... О, род людской, достойный слез и смеха!

Москва 2003

ПОЖАР В БАРДАКЕ ВО ВРЕМЯ НАВОДНЕНИЯ (Г. Бурбулис, М. Захаров, С. Сорокина и др.)

<bushn004.jpg>

Листовка со стадиона, написанная защитниками Белого дома, расстрелянными в октябре 1993 г.

НАВОДНЕНИЕ

Такого замечательного бардака нет нигде в мире. И не было — со времен вакханок, куртизанок и гетер Древнего Египта, Греции и Рима. И никогда не будет. Здесь (некоторые называют это общественно-политической жизнью России) на любой вкус — политические проститутки, экономические шлюхи, философские потаскухи, литературные лахудры, телевизионные курвы и т.п.

Впрочем, есть и такие, кому видится здесь не бардак, не "Наш дом с фонарем", а бандитско-воровская хаза. Так, Александр Солженицын, столь долго, вдохновенно способствовавший приходу эпохи этих кокоток, лореток да шлюшек, однажды вдруг возопил с телеэкрана: "Черная банда!" Прозрел милостивец.. Ну, натурально, на другой же день человек с ангельской фамилией Благоволин лишил писателя, которого обожают даже на острове Занзибар, возможности еженедельно поучать и наставлять с телеэкрана свой любимый народ, о чем он мечтал всю жизнь в России и двадцать лет в Америке. И пусть лишенец еще скажет спасибо Лужкову и Тяжлову, что за оскорбление лучезарной демократии у него не отключили в городской квартире свет, а на даче — канализацию. У них это просто! В России любой дом — это их дом, даже вся Россия — их дом с прихожей, кухней, клозетом. Где захотят, там и развалятся, там и зачавкают, там и в пляс пустятся...

Вот уже несколько лет вокруг бардака-хазы бушует наводнение народного гнева. Я вижу это не только на улицах или по телевидению, но и в письмах, которые получаю со всех концов страны.

Да, это грозное наводнение. И обитатели бардака-хазы все больше нервничают. А тут вдруг еще и пожар полыхнул — Дума признала недействительным Беловежский сговор одного алкаша с двумя язвенниками о ликвидации нашей великой Родины.

ПОЖАР

Ах, как при первых же признаках пожара засветились, заметались, заверещали они!.. Первой бросилась грудью навстречу огню, конечно же, всем известная Галина Васильевна Старовойтова, оренбургская казачка петербургского разлива. О, эта дивная женщина заслуживает большого внимания и сострадания. За последние годы ей столько пришлось пережить! Чего стоит хотя бы одна лишь неудачная попытка стать министром обороны. А ужасное коварство президента по отношению к милой политикессе! Когда-то, на заре своего правления, он привлек ее, обласкал и сделал советницей по важнейшим вопросам. За что вознес так высоко? За великий ум, редкое обаяние и левантийский профиль. А потом ни с того ни с сего бесцеремонно отринул, бросил в бездну без стыда, как бросил туда же, лишив кабинетов, машин и дружеских пошлепываний по разным местам телес, множество своих самых верных и свирепых прихлебателей — от Бурбулиса и Полторанина до Попцова и Чубайса (Ошибка. Прохиндей Чубайс процветает и ныне, в 2005-м. Президент Путин души в нем не чаёт. — В. Б.). А что пережила Галина Васильевна совсем недавно за своего друга Сергея Станкевича! Ведь он был знаменем всего демократического лагеря! Действительно, молодой, на лице — выражение святости, на языке чувствительнейшие речи о любви к народу, к прогрессу, к общечеловеческим ценностям, особенно — к высокой нравственности. Как вдохновенно говорил он обо всем этом хотя бы на похоронах академика Сахарова: "Мы никогда больше не допустим, чтобы в стране властвовала чиновничья рать. Мы никогда не допустим поругания нравственных и

демократических принципов. Мы никогда не позволим, чтобы бесценные достоинства нашего народа разворовывались. Мы обязательно, обязательно вернем нашей стране, нашему народу то величие, которого они заслуживают... Прощай, Андрей Дмитриевич!" Прекрасно! Великолепно! Ослепительно!...

И вот теперь этого бесстрашного борца за величие России, этого безупречного прохиндея первого призыва обвинили во взяточничестве! Ему грозит 15 лет на нарах. Когда выйдет на свободу, будет под шестьдесят, а Галине Васильевне — под восемьдесят, она уже не сможет резво броситься ему навстречу и пламенно прижать облысевшую голову страдальца к своей левой груди. Разве не горько сознавать это!

Тогда, на похоронах, она тоже произнесла незабываемую речь. В частности, сказала: "Сахаров демонстрировал всей своей жизнью, что русский человек, сознание русского человека может быть не шовинистическим". Может быть... Вот уж спасибо-то! Среди чуть ли не 150 миллионов нашла-таки одного нешовиниста. Как же было Ельцину не взять такую светлую голову в советники по национальным проблемам!... А закончила она так:

"Он был совестью русского народа. Ни один народ не может долго жить без совести". Возможно, Галина Васильевна имела здесь в виду, что после смерти Сахарова должность совести русского народа займет именно Сережа Станкевич, а он — ах! ах! ах! — протянул свою благородную длань за долларами. И вот его разыскивают, он забился в какую-то иностранную щель и вынужден там вести свою титаническую борьбу за величие России. Сердце Галины Васильевны разрывается от отчаяния, а тут еще пожар!... Вслед за ней кинулся тушить пламя беглый марксист Юшенков (можно ли было тогда, в 1996 году, предвидеть трагический конец Г. Старовойтовой и С. Юшенкова? Увы, "свобода без границ", сторонниками которой они были, обрекает на беззащитность всех. — В. Б.).

КТО ВСТАВИЛ БЕЛЯЕВУ?

Но вот на думскую трибуну взлетел лидер фракции "Наш дом" Сергей Беляев. Мне кажется, он очень похож, и внешне, и характером, и умом, на несчастного прокурора Ильюшенко, томящегося ныне в темнице сырой. В бардаке и прокурор взяточником оказался! Брал с клиентов, говорят. Беляев был в состоянии крайнего возбуждения. Губы трясутся, руки дергаются, живот ходит ходуном, речь затруднена...

- Тут есть люди, — воскликнул лидер правительственной партии, которые хотят мне вставить!...

Дума взорвалась хохотом. Вроде бы никто не имел столь криминального намерения.

— Не смейтесь! — продолжал бушевать Беляев, похожий на Ильюшенко. — Вам не удастся мне вставить! Вы смеетесь плохим нервным смехом! Потому что боитесь президентских выборов!

Зал снова засмеялся. Ну действительно, разве не смешно: человек, чья компашка, затратив миллиарды и не вылезая из телеэкранов, собрала на предыдущих

выборах с грехом пополам всего 10 процентов голосов, обвинял в боязни новых выборов тех, кто получил в два-три раза больше. Вот уж в самом деле, кого Бог обрекает на гибель, того он наделяет умом Ильюшенко.

Но несмотря на самоотверженные старания неукротимой Старовойтовой, унылого Юшенкова, пламенного Беляева и некоторых других депутатов, вопрос о непризнании Беловежского сговора все-таки включили в повестку дня и началось голосование. Его итог всем известен: за — 250, против — 98, то есть в два с половиной раза меньше. И стало совершенно очевидно, что Беляеву все-таки вставили. И не только ему лично, но и Старовойтовой, и Юшенкову, и остальным почитателям — непризнание и отмену Беловежской государственной мудрости. На всех с лихвой хватило.

Но этим дело не ограничилось. Еще более выразительную картину видим, всматриваясь в поведение депутатов разных фракций. Так, из 147 коммунистов по тем или иным причинам не участвовало в голосовании лишь трое, то есть менее 2 процентов. Какая уверенность в своей правоте, какая сплоченность! Из 37 аграриев не участвовали тоже трое, что составляет лишь 8 процентов. Также отменно! Во фракции ЛДПР из 51 депутата не голосовали 8, т. е. 15 процентов. Словом, из 270 с небольшим депутатов фракций и групп, поставивших вопрос о Беловежском сговоре и проголосовавших за его отмену, лишь 25 человек, менее 10 процентов, не приняли участия в голосовании, что вполне может иметь уважительную причину: болезнь и т. п. И трое голосовали против: А. Лебедь, С. Н. Федоров ("Народовластие") и аграрий М. П. Кошкин. Это никакого значения иметь не могло. Все остальные были решительны и единодушны.

Что же мы видим, обратившись к фракциям и группам почитателей сговора? О, нечто совсем иное!... Во фракции "Яблоко" из 46 депутатов не голосовали 9, т.е. почти 20 процентов. Сомнительно, чтобы все они вдруг занедужили, сомнительно. В черномырдинско-ельцинской фракции "Наш дом", возглавляемой самим Беляевым, из 66 депутатов не голосовали 30, т.е. почти половина. Ну тут уж никак невозможно поверить, что беспощадная хворь внезапно одолела столь могучих воинов демократии. Скорее всего, струхнули и смылись, бросив на съедение "красно-коричневым" своего упитанного вождя. И пусть еще он вместе с Ельциным и Черномырдиным благодарит небеса, что в их фракции никто не проголосовал вместе с этими монстрами реваншизма. В других-то группках нашлись такие переметчики, даже несколько.

А полюбуйтесь на группу "Российские регионы". Из 42 депутатов не голосовали 27. Это ж почти 65 процентов. Вот сколько драпанули! А ведь какие среди них закаленные бойцы прогресса! Чего стоит один лишь реанимированный Гдлян! А Лахова! Даже сам Шахрай улизнул!... Честь группы с равным пылом старались спасти две, казалось бы, столь не похожие депутатки - пышная, как бы кустодиевская красавица Памфилова, непревзойденный мастер дамских причесок и париков, и Хакамада — женщина, словно сошедшая в Охотный ряд с полотна Иеронима Босха "Сад наслаждений". Увы, их старания остались втуне... Из всего этого воочию видим, что Сергею Беляеву вставили даже не один раз, а два: как лихие супостаты — своим дружным голосованием, так и милые друзья — не менее дружным бегством от голосования. И он еще кого-то пугает победой на предстоящих президентских выборах!... Лучше бы передачку отнес невольнику

коррупционного промысла Ильющенко. Ну там полкилишка бананов, баночку простокваши, свеженький огурчик. Уж как бы порадовал узника...

Сразу после голосования в Думе на тушение пожара в бардаке были брошены все средства, в том числе самое мощное — телевидение. Оно срочно мобилизовало огромные силы — от рядовых пожарников, вроде Шараповой, до знаменитых брандмейстеров и брандмайоров, вроде вытщенных из нафталина Бурбулиса и Горбачева... Не так давно, ища виновных за позорный провал своего "Дома" на выборах в Думу, Ельцин обвинил теленачальника Попцова и его подручных в том, что они постоянно лгут. Тогда на экране появилась кто-то из рядовых пожарниц, кажется, Сорокина, и тоном предельного отчаяния захныкала: "Да, мы лгали, когда освещали события в Первомайском, опираясь на официальную информацию! Да, мы лгали, когда вслед за правительством говорили о стабилизации! Да, мы лгали..." Словом, попыталась все свалить на власть и улизнуть от ответственности. Ну, песенка-то известная:

Мы только мошки, Мы ждем кормежки.
Закройте, время, вашу пасть.

Мы обыватели.
Нас обувайте вы -
И мы уже за вашу власть.

Телемошка делала вид, что ей позволительно жить и работать, опираясь только на официальную информацию. Слово до сих пор неведомо, что эту информацию дают отпетые лжецы. Она прикидывалась, будто не понимает, что правительство — всего лишь отдельный кабинет высшего разряда во всероссийском бардаке.

Будто у нее нет глаз и ушей, чтобы самой лично видеть и слышать, как под бесстыжую болтовню Черномырдина о стабилизации горит и стонет ее Родина, хрипят умирающие от ран, рыдают их несчастные матери. Только сегодня, 21 марта, когда я пишу эту статью, в Чечне погибло 27 и ранено 86 наших ребят. Только наших!... А Сорокину, награжденную орденом за ежедневное спасительное для режима вранье, 8 марта пригласили на праздничный бал в кремлевские палаты, и она, млея от избытка нежных чувств, на глазах всей страны долго жала руку и сладостно улыбалась убийце этих 27-ми и многих тысяч других своих сограждан, соплеменников, земляков, может быть, даже родственников. Неужели после этого, мадам, ваша правая рука не стала багровой? Подождите, ещё станет. И, как от проказы, набрякнет ладонь, и кожа сойдет с запястья, и темные Пятна пойдут по телу.

Вы будто не понимаете, что, ежедневно сообщая о всё растущем числе голодающих и ограбленных, убитых и изнасилованных, неизвестно куда бегущих от родного разоренного очага и все это подслащивая, приукрашивая мармеладными словесами о стабилизации, о верном курсе, о рассвете над джунглями, вы тем самым ежедневно идете на профессиональное, т.е. особо тяжкое преступление, на предательство родного народа. Нет, мадам Сорокина, это не о вас или Сванидзе, не о Шараповой или Худобиной, не о прожженных лахудрах телеэкрана сказано: "Отче! Отпусти им, не ведя бо, что творят". Таких выроdkов история человечества просто не знала. Вы все ведаете, но лгали, лжете и будете лгать даже в день Страшного Суда. А пока — все силы на тушение пожара!

КАК В КАМЕРЕ КНЯЖНЫ ТАРАКАНОВОЙ

Но что же, однако, говорили Бурбулис и Горбачев? Господи, да все они талдычили одно и то же. И эти два гроба повапленные, и поднятые по тревоге взвод президентских советников, рота его помощников во всем диапазоне — от котенкоподобного Медведева до медведеобразного Котенкова все бесчисленные Сатаровы да Лившицы, рюриковы и Красновы, батурины да Халтурины... Явился и скучающий от безделья Чубайс. Странное дело! Президент выставил его со всех должностей, обвинил в том, что он оттолкнул от "Нашего дома", сожрал 10 процентов избирателей, а теперь ему поручают агитацию против Думы и коммунистов. Да он одним видом своим толкает 20 процентов избирателей в жаркие объятия коммунистов!... Примчался и председатель Центризбиркома Рябов. Уж этому-то что за дело? Ведь у него, в отличие от праздношатающегося Чубайса, сейчас своей работы невпроворот, ан нет, прискакал! Надо отметить... Тут же вылезли и самые грандиозные представители русской культуры — вездесущий Марк Захаров, всенепременнейшая Элина Быстрицкая, лучший артист быстрого реагирования Басилашвили. Представьте себе, все лауреаты, орденосцы, все народные артисты Советского Союза — и все — против воссоздания Союза! Интересно, что они ответили бы, если всемогущий Бог спросил бы их: "Чада мои, хотите я воскрешу любого из ваших предков, включая родителей?" Очень вероятно, что ответили бы вопросом из стихов Вознесенского: "А на фига?"

Вскоре подтянулась и тяжелая артиллерия — непотопляемые политбюрошники, а ныне "отцы народов" — Алиев, Назарбаев, Шеварднадзе в сообществе со Снегуром, Тер-Петросяном, Кучмой. Они так перепугались за свои президентские кресла, что ринулись против Думы, даже не прочитав ее решение. А Шушкевич ради десяти минут в передаче "Герой дня" не поленился прилететь из Минска. Ну, ему-то особенно печет...

Так вот, все они долдонили одно и то же. С одной стороны, горестное сожаление, покровительственные ухмылки, снисходительные усмешки: "Решение Думы не имеет никакой юридической силы"... "Предвыборная листовка"... "Не влечет никаких последствий"... "Юридическое значение ничтожно"... "Перл юридической словесности"... "Юридическая пустышка"... Казалось бы, самое разумное в этом случае — пройти мимо "пустышки" молча.

Но нет! С другой стороны тут же — визг, вопли, зубовой скрежет: "Провокация!"... "Диверсия!"... "Вызовет непредсказуемые последствия!"... "Смертельно для СНГ!"... "Прямая помощь НАТО в его стремлении на Восток!"... И в итоге впечатление такое, словно уже весь бардак охвачен пламенем, рушатся стропила, горящие балки бьют по головам, а воды уже — как в камере княжны Таракановой на картине Флавицкого. Если сейчас где-то на территории СНГ произошло бы землетрясение, в этом, конечно же, обвинили бы "предвыборную листовку" Думы. Если свалился бы огромный метеорит, вроде Тунгусского, да прямо угодил бы на Завидово, где дача Ельцина, то уверенно объявили бы: "Вот к чему привел перл юридической словесности!" Если весной, как предсказывают, будет грандиозный паводок, то наверняка возгласят: "Это прямое следствие думской юридической пустышки!" Голенькие.

Примечательно, что в самоотверженном сражении против "пустышки" с небывалой ранее ясностью раскрылась подлинная суть иных деятелей, словно в пожаре сгорели все их одеяния. Что знали мы раньше, допустим, о Сатарове, кроме его способности говорить во славу президента сколько угодно и по любому вопросу, перемежая свою слащавую речь циничными жирными ухмылками заросшей физиономии? Почти ничего. А тут тележурналист Лобков, от души признав, что через решение Думы он ощутил прикосновение к той эпохе, когда мы были гражданами великого Советского Союза, одной из двух супердержав мира, и это вызвало теплое чувство, спросил: "А у вас? Ну, по-человечески?" И кремлевский служака отвечает человеческим голосом, что да, конечно, прошлое и у него вызывает теплое чувство, ибо, во-первых, он был тогда моложе и, следовательно, весь организм функционировал гораздо эффективней без головных болей, перепадов давления и дискомфорта в области кишечно-желудочного тракта. Как не жалеть об этом! Во-вторых, советская культура достигла тогда таких сияющих вершин, как песни Окуджавы и Галича, - "прощаться с этим, конечно, тяжело!..." Весь он тут, как на ладони. И сверх этого — ничего не ищите.

А как обнажились "отцы народов"! Некоторые из них, признаться, казались мне людьми с каким-то весом, значением, самобытностью. Но вот все они принялись рвать на части "юридическую пустышку", и стало совершенно ясно: да это же люди масштаба Нуйкина! И повадка у них, и доводы, и пристрастия, и страхи — все нуйкинское! Как Нуйкину мерещится, что коммунисты, придя к власти, заставят его, парникового интеллектуала, работать каменотесом или сошлют на галеры, так и "отцам" блазнится, будто бы Дума силком тащит их республики во внезапно воскресший Советский Союз, на галеры. "Господа бывшие товарищи, — ответили им в эти дни, — во-первых, неужели вы до сих пор не поняли, кто на помянутых галерах больше всех работал веслами? Во-вторых, успокойтесь, охолоньте. Никто вас никуда не тащит. В новый Союз будут принимать только добровольно, только после всенародного волеизъявления по обе стороны границы. Вон 82 процента белорусов высказались за интеграцию, и русских будет не меньше, — как же теперь можно противиться их взаимному братскому тяготению? А вы можете похрапывать, но очередь на всякий случай займите. Дайте ладошки, мы вам номерки напишем чернильным карандашиком. Ну, кто первый-за Белоруссией?..

А как показал себя Горбачев! Он всегда был великим оптимистом. Помните, как только стал генеральным секретарем, поехал в Тольятти, собрал там митинг на автозаводе и говорит его работникам: "Почему бы вам не стать законодателями моды в мировом автостроении? Надо лишь захотеть. Попробуйте, и вас горячо поддержит весь лагерь социализма!" По своей оголтелой оптимистичности это сопоставимо разве только с тем, что мы слышали недавно от его собрата Ельцина при посещении им московского кафе "Русское бистро": "Почему бы вам не наладить производство обедов из трех блюд стоимостью в две тысячи рублей? Надо только захотеть. Попробуйте, и вся Россия поддержит ваш почин!"

Да, величайшие оптимисты. Но даже зная это, многие изумились и ахнули от неожиданности, когда увидели, что сразу, как только его рейтинг от 0,6 вырос до 1,0 — Горбачев тут же объявил о намерении баллотироваться в президенты и ринулся в избирательную кампанию, начав ее, как сказал, "в городе Петра Великого и Ленина". Такого жалкого и комического шага не одобрила даже Раиса Максимовна. На все увещевания и соблезнования Горбачев отвечает одно: "А Черчилль? А де Голль? Они тоже уходили, но возвращались!" Никакой разницы

между прошедшим огни и воды докой Черчиллем и парниковым огурцом, между бесстрашным воином де Голлем и капитулянтом, сдавшим страну и партию без боя, он не видит. Мало того! Твердит еще и о своем превосходстве над ними. Как же! Де Голль стал президентом в 68 лет, Черчилль третий раз был назначен премьером и вовсе в 77 лет, а ему, Михаилу Сергеевичу, пока только 65 — совсем зелененький политогурчик! Да ведь есть вдохновляющие образцы и в родной истории. Когда в 1914 году царь во второй раз назначил главой правительства Горемыкина, тому было 73 года. А как окрыляет, надо думать, Горбачева нынешний пример Роберта Доула, в возрасте Горемыкина успешно начавшего борьбу за кресло президента США. Правда, он участник Второй мировой войны, был ранен, а Михаил Сергеевич уж до того робок, что, будучи президентом и главнокомандующим, не решился отдать приказ арестовать в Беловежской пуще трех государственных преступников, покусившихся на целостность страны. А ведь Конституция требовала от него именно этого...

ЭТО СЛАДКОЕ СЛОВО "РЕВАНШ"

Но вот настал черед и прессы. Тут следует отметить прежде всего, конечно, "Московский комсомолец". В понедельник он украсил первую полосу трудами своих лучших асов, имена которых в совокупности образуют замечательный букет: Зверев, Рогожин, Меринов и Тетерин. Среди них выделяется эрудицией Зверев. Очень любит просветить читателей газеты байками о том, например, как Сталин любил ходить в Центральный дом литераторов покалякать за стаканчиком "Цинандали" с пишущей братией. Не читали? Уморительно!

На этот раз, уж не зная, как выслужиться перед властями, они поместили портреты Зюганова и Тулеева, а под ними статью, озаглавленную так: "Зюганов хочет в президенты. А тюрем у коммунистов хватит". Ну правильно, Зюганов хочет, как хочет Ельцин, Явлинский и еще, кажется, сорок человек. А вот тюрем, боюсь, не хватит, ибо если Зюганов назначит министром внутренних дел или Генеральным прокурором меня, то я непременно добьюсь соответствующего закона и пересажаю всех пишущих идиотов. А ведь их сколько расплодилось! И между прочим, это будет лишь развитием великой идеи Льва Толстого, который мечтал, как известно, о законе, по которому такую публику можно было бы публично сечь розгами. И начал бы я, конечно, с "Московского комсомольца", с Рогожина и Тетерина. А потом — как у классика:

Эй, вы, сонные тетери! Отпирайте брату двери!

И ввалились бы с котомками и подшивками "МК" Зверев с Мериновым. И обязал бы я их лет десять читать друг другу свои публикации. Думаю, что такой пытки ни один из них не вынес бы, совсем спятили бы.

Сбоку от портретов Зюганова и Тулеева аршинными буквами - "РЕВАНШИСТЫ". Будучи существами одномерными, плоскоумными, совершенно не способными держать в уме хотя бы две мысли, два оттенка слова, они уверены, что "реваншист" — это страшное оскорбление и ругательство. В их тощем мозгу это слово связано только со словом "фашист". А я впервые услышал это слово в далеком детстве, и оно было связано с одним из самых дивных впечатлений. Еще бы! Мой кумир Алехин вызвал на матч-реванш Макса Эйве и, блистательно победив его, вернул

себе звание чемпиона мира. То-то было радости русским людям от этого реваншиста!

Но что Алехин! Потом-то я узнал, что вся русская история кишмя кишит отъявленными реваншистами. Например, Дмитриий Донской взял у Мамаю блистательный реванш на Куликовом поле за разорение русской земли. А какой отменный реваншик учинил Петр Великий шведам сперва под Лесной, а потом под Полтавой! А разве не реваншистами были Кутузов и его сподвижники, заставившие французов есть конину и за сожжение Москвы взявшие Париж? Великий исторический реванш устроили трудящиеся России в 1917 году своим многовековым кровососам и душителям. А уж такого грандиозного реванша, как разгром фашистского нашествия и взятия Берлина в 1945 году, мир до той поры не знал. И свержение ельцинско-гусевского режима будет вполне в духе нашей истории. Бесспорно, тех, кто об этом ничего не слышал или не понимает, что тут уместно слово "реванш", надо сажать. Так что ждите, полупочтеннейшие, сушите сухари, переписывайте на подставных лиц свою недвижимость. Честно предупреждаем: начнем с "Московского комсомольца", со Зверева, Рогожина, Тетерина и Меринова.

Москва 1996

ПЕРЕПИСКА СКОРПИОНА С ТАРАНТУЛОМ (В. Костиков, А. Коржаков)

Совсем недавно, минувшим летом, тарантул ельцинской породы Вячеслав Костиков выпустил в столичном издательстве "Вагриус" тиражом в 10 тысяч экземпляров свои инъекционные воспоминания "Роман с президентом". Какой гонорар он получил, неизвестно. Скорпиону той же ельцинской породы Борису Немцову за побрехушки под названием "Провинциал" объемом в 150 страниц это издательство отвалило 100 тысяч долларов, что вызвало среди членистоногих массовый мор по всей стране от зависти. Костиков высидел аж 350 страниц, но ему едва ли заплатили и десятую часть немцовского куша. Дело в том, что Борис Ефимович — активно действующий и особо ядовитый скорпион, а сочинитель "Романа с президентом" — тарантул в отставке.

Буквально через несколько недель следом за книгой Костикова в издательстве "Интербук", разумеется, тоже столичном, выскочило сочинение скорпиона Александра Коржакова "Ельцин: с рассвета до заката", написанное в том же самом жанре инъекционных воспоминаний. Тут убойная сила гораздо больше — тираж 150 тысяч.

Членистоногий писатель Костиков почти три года был пресс-секретарем Верховного скорпиона державы, а паукообразный писатель Коржаков — его главным членохранителем. И поскольку имя Верховного вошло в заголовки обеих книг, то это многих ввело в заблуждение: решили, что тут он и есть главный герой. Глубочайшее заблуждение! В этом можно убедиться хотя бы по составу и характеру фотографий, вошедших в книги. У тарантула Костикова 31 черно-белая фотография, и лишь на 12 из них перед нами солнцеликий Верховный, а на 28 видим бесовскую мордашку отставного тарантула. В книге скорпиона Коржакова в три с лишним раза больше картиночек — 110 и почти все цветные, но Верховный лишь на 52, а на 69 сам паукообразный сочинитель. Какие же после этого могут быть сомнения? Главными героями книг и есть сами членистоногие авторы.

К сожалению, никто не заметил и того, что эти литературные инъекции, в сущности, представляют собой не что иное, как слегка закамуфлированную переписку между их творцами. Нам не составило большого труда извлечь ее из текстов обеих книг и придать ей надлежащую форму. Известно, что существованием вещь обязана форме. Плоды наших извлечений и предлагаем вниманию благосклонного читателя. В скобках мы указали страницы, откуда эти извлечения сделаны.

ТАРАНТУЛ — СКОРПИОНУ

21 февраля 1996 г. Ватикан

Любезный Александр!

Давненько мы с Вами не виделись, не обменивались дружескими инъекциями. Как дела? Что новенького на Семи Холмах? Как здоровье нашего Верховного Скорпиона?.. Вот уже немалый срок я пребываю в Вечном городе в качестве Чрезвычайного и Полномочного посла России при Святом Престоле. Это Вам известно. Но едва ли Вы знаете, что я послан сюда не только согласно Указу президента, но и с благословения Патриарха. Вот передо мной на столе его фотка с дарственной надписью: "Многоуважаемому Вячеславу Васильевичу Костикову с пожеланием благословенных успехов на новом дипломатическом поприще. С уважением. Патриарх Алексей П. 12. 05. 1995. День Св. Духа" (14-я стр. вкладки).

А рядом — не менее драгоценная фотка, на которой я запечатлен плечом к плечу с нашим Всенароднообожаемым. И опять же — трогательная дарственная надпись: "Вячеслав Васильевич — спасибо за все. Верховный Скорпион. 14. 03. 95 г." (1-я стр. вкладки). Да, вот так он написал мне незадолго до моего отъезда, взвесив все pro et contra, т.е. как Вы понимаете, все "за" и "против". Действительно, ему есть за что меня благодарить... Согласитесь, дорогой Александр, что такие подарочки дорого стоят. У кого еще из кремлевских членистоногих и паукообразных есть нечто подобное?..

И вот я оказался здесь, в Вечном городе. Папа Римский полюбил меня с первого взгляда. Да и как меня не полюбить! Конечно, я далеко не красавец, иные злопыхатели утверждают даже, что в моем облике есть что-то от орангутанга, но, в конце концов, не страшнее же я, допустим, сколопендры Сванидзе, который постоянно красуется перед всей Россией, или болотной кикиморы Бурбулиса, тоже постоянно рвущегося на телеэкран... Да и не в этом дело! Папа не мог не полюбить меня, поскольку я был ближайшим сподвижником Виталия Коротича по "Огоньку" в самую буйную пору антисоветского беснования журнала (с. 31). Я уж не говорю о том, что у меня за плечами три года каторжной работы в Кремле, который за это время мы при Вашем посильном участии, Александр, можно сказать, превратили в Новую Имперскую канцелярию. Наконец, как же меня не любить, если я известный писатель, чьи книги имели огромный, оглушительный резонанс в кабинете Людмилы Григорьевны Пихоя, главного спич-райтера президента и темпераментной женщины (с. 274). Надеюсь, Вы читали хотя бы мой "Диссонанс Сирина"? Когда Полторанин проталкивал меня на должность пресс-секретаря президента (с. 31), я пришел на первую беседу с первым помощником главы государства Илюшиным с этой книгой и, надеясь "показать товар лицом", подарил

ее всеильному царедворцу. Был уверен, что он тут же все бросит и кинется читать ее, но, увы, книга была отложена в сторону, и я не помню, чтобы перпом хоть раз упомянул о ней (с. 34). Потом я подарил ее и самому президенту, и его лечащему врачу А. М. Григорьеву, и личному повару Диме Самарину, и парикмахерше, и массажистке, даже мозолисту... Никто не прочитал! Да, не флорентийцы... И я понял, что литературные достоинства в Кремле не в цене, и больше не утруждал себя (с. 34). А ведь если президент хотя бы перелистал мой "Диссонанс", то министром иностранных дел был бы сейчас не Примаков, а Ваш покорный слуга, Александр! Это вне сомнений...

Так вот, Папа Римский Души во мне не чаёт. Как сказал поэт, "яичко испечет да сам и облупит". И его фотка тоже красуется у меня на столе, даже две. На одной из них он дружески жмет мою неутомимую руку, написавшую "Диссонанс" и много чего еще.

Дипломатическая служба в ранге Чрезвычайного и Полномочного посла мне чрезвычайно по душе. Еще бы! Во-первых, как Вы понимаете, совсем не тот харч, что был у меня, допустим, в "Огоньке" и даже в Новой Имперской. А кроме того. Вам известно, я же вовсе не роййса! ашпа! (230), т.е. не "политическое животное", как Вы понимаете, и мне совершенно чужда *libido dominandi* (307), т.е. "страсть власти", как Вы понимаете. По натуре своей я вольный художник, артист, питомец Аполлона. И как раз в Ватикане я нашел нишу и крышу для своей артистической природы.

В этой нише под этой крышей я и заканчиваю новую книгу. О, это будет вещь! На последней странице так и напишу: "Я старался сделать книгу максимально правдивой" (с. 349). Вероятно, Вас это не удивит, Александр. Ведь Вы знали, что я хочу написать такую книгу. На том прощальном мальчишнике, который я закатил в своем кремлевском кабинете, Вы с Барсуковым отозвали меня в сторону и, уставясь на меня взглядом Малюты Скуратова (с. 13), Вы, Александр, сказали мне:

"Мы знаем, что ты собрал четыре коробки материалов и уже пишешь книгу". Я, бросив на Вас взгляд Девы Марии, ответил: "Да, хочу написать книгу о работе с президентом, которая должна представлять интерес и через десять лет. Она не будет против президента" (с. 3). Надеюсь, Вы помните этот разговор.

Но почему я рассказываю все это Вам? Да как же, Александр Малютович! По многим причинам. Прежде всего, когда меня бросили в кремлевскую реку, не сказав, как грести (с. 36), Вы были одним из первых, если не самый первый, кто через пару дней после моего появления за кремлевской стеной по собственной инициативе позвонили мне, а затем и зашли в мой кабинет, где я еще только осваивался (с. 36). И я это оценил высоко. Ведь даже сам кабинет внушал мне мистический трепет. И это понятно! До меня здесь сидел выдающийся мыслитель XX века Александр Николаевич Яковлев. Он был душой "перестройки", ее идеологом, и потому с полным правом его можно назвать русским Дэн Сяопином (с. 270). И подумать только! Мои ягодицы теперь беззвучно млели в том же кресле, где совсем недавно потел высокоинтеллектуальный зад корифея "перестройки".

Во-вторых, Вы однажды подарили мне пистолет Макарова (с. 258), с которым я всегда ходил на пресс-конференции, чтобы в случае чего укокошить на месте журналиста из газеты "День", "Советская Россия" или "Правда". Не верите, что я

способен на это? Но ведь указ президента, в сентябре 1993 года, которым была предпринята попытка укокошить эти мерзкие газеты, составлял я лично! (с. 221-227). Наконец, разве можно забыть Ваш прощальный подарок на том мальчишнике с участием девочек — фигурку францисканского монаха, у которого, если чуть приподнять сутану, тотчас выскакивал огромный, ярко окрашенный, радостный penis (127), т.е. детородный член, как Вы понимаете (с. 15). Милая кремлевская шутка ельцинской эпохи.

Здесь, вблизи Святого Престола, когда мне становилось особенно грустно без верных друзей — Гайдара, Старовойтовой, Филатова, Памфиловой и других — я частенько беседовал с монахом: "Что, брат, тоже скучаешь вдали от Кремля?" Он безмолвствовал. Тогда я понуждал его сделать тот самый сакраментальный жест. Он делал. У меня светлело на душе, и всегда при этом приходил на память наш драгоценный шеф в дни борьбы против Горбачева — он был тогда таким же решительным, мощным и непоколебимым.

Что мне делать с монахом, когда придется уезжать? На таможне второй раз (когда ехал сюда, мне повезло) могут не пропустить, а бросить на чужбине того, кто так поднимал и укреплял мой дух, будил столь отрадные воспоминания, я не могу. Может, привести в подарок президенту, сказать, что это от Папы? Посоветуйте, Alexandr!

В надежде на Вашу помощь добрым советом, как в былую пору, посылаю второй экземпляр почти всей рукописи моей книги, а также фотографии, которые в ней будут помещены. Заранее благодарен.

Примите уверения в моем совершенном почтении.

Вяч. Костиков, Чрезвычайный и Полномочный тарантул при Святом Престоле.

СКОРПИОН — ТАРАНТУЛУ

Славик! Наше — вам с кисточкой!

Получил твое письмо. Смеялся и плакал, хохотал и рыдал. Чего смеялся? Да над тем хотя бы умирал со смеху, что ты в подарок прислал мне рукопись. Она же давно лежит у меня на столе. Или ты думаешь, что этот пентюх Бакатин действительно задушил КГБ? Ха! Остались у Нас свои людишки и около Святого Престола. А ты шлешь мне, генерал-лейтенанту этого бессмертного ведомства, свою писанину! Я уже и прочитал ее. Сейчас читает Берта, потом будет читать Фил, за ним занял очередь Красе. Ты думаешь, поди, что это клички наших агентов? Да нет, Берта — моя овчарка (с. 147), Фил — кобель известного тебе Валентина Юмашева (с. 148), сочинителя президентских мемуаров, а Красе — родной брат моей сучки Берты, которого я подарил тоже известному тебе Льву Суханову, помощнику Всенароднообожяемого. Мы же все живем в одном "Президентском доме" на Осенней улице (с. 134-150). Захочет ли читать твою писанину ещё какой кобель или сука, не уверен.

Еще я хохотал, что хвастаешься фотками, на которых ты рядом с президентом, патриархом и папой римским. Видал я тебя в гробу с этими фотками в белых тапочках. У меня их четыре чемодана. Я там именно с теми же самыми папами, да

еще и с мамами, которые тебе и не снились — с царицей Наиной, с королевой Елизаветой и даже с великой княгиней Леонидой, скалящей зубы на русский престол.

Что же касается дарственных надписей тебе, то они буквально рассыпаются в прах перед тем, что написал обо мне наш несравненный вождь и владыка, и не на фотке, а в изданной по всему миру книге "Записки президента". Он там заявил на весь Божий свет примерно так: "Коржаков Александр Васильевич никогда не расстается со мной, как блоха с дворовой собакой. Он очень порядочный, невероятно умный, необычайно сильный и потрясающе мужественный человек, хотя внешне кажется простым, как амeba, и даже тупоумным, как баран. Но за этой простотой — невероятно острый, острее, чем у Гайдара, ум, отличная от еринской голова, пронзительная, как у Берты, сообразительность". А?! То-то, Чрезвычайный.

Еще о фотках? С кем из звезд художественного мира тебе удалось сфотографироваться? Ах, вот — с разжиревшим Андреем Вознесенским и с его длинноносой женой, никому неведомой писательницей не то Зоей Богословской, не то Музой Богомильской. Да их же обоих повесить мало! Он всю жизнь сочинял стихи и поэмы о Ленине, а она, литературная вобла, таскала эти холуйские сочинения в редакции. Их дачу в Переделкине не так давно обокрали безвестные патриоты. Все унесли, кроме рукописей поэта. И поделом! Но и повесить не мешало бы.

Вижу еще фотку, на сей раз даже с дарственной: "Славе Костикову замечательному спикеру Президента от Славы Ростроповича — спикера виолончели". Не скромно, но думаю, что вы оба хороши!!! Слава, и тебе не стыдно эту убогую похвальбу тащить в книгу?

Ни вкуса у тебя, Костиков, ни такта. Помещаешь фотографию, на которой стоят рядом Галина Вишневская и Зоя Богуславская. На месте Вознесенского я вызвал бы тебя на дуэль. Вишневская-то хоть и змеюка, но действительно бабец хоть куда, а что такое Зочка эта? Ей семьдесят лет, но Вишневская и в восемьдесят пять будет выглядеть краше.

А есть у тебя фотки с зарубежными деятелями искусства? Ни одной! Действительно, разве мыслимо представить такую образину рядом с Джейн Фонда! Эта изысканная женщина упала бы в обморок от соседства с твоей будкой. А я с ней, пожалуйста, — чуть не в обнимочку, в руках у нас бокальчики с винцом не худшей марки, а с другой стороны от меня сам Тэд Тернер, о котором ты и не слышал, небось. А вот Мы с Майклом Джексонем ждем друг другу руки. Я ему саблю подарил. Правда, сейчас жалею. Прочитав твою книгу, понял, что сабля могла бы пригодиться при встрече с тобой, ущербный ты человек (с. 255). Да, подарил драгоценную саблю. А ты, недоносок, хоть кому-нибудь что-нибудь когда-нибудь дарил? Кроме своих тщедушных книг, конечно, которые только и читать моей Берте и ее брату.

У меня просто пруд пруди этими фотками, где я с артистами, художниками, режиссерами, спортсменами. Разумеется, все это прихвостни режима: Абдулов, Винокур, Волчек, примкнувший к ним Илья Глазунов и т. п. Я ведь, между прочим, тоже книгу пишу, и всех туда втисну. Будь спок!

Читатель увидит там, к слову сказать, как я целуюсь с народной артисткой Надеждой Бабкиной, как сижу в вальяжной позе один среди четырех баб, и подпись — "Наш Сашка-бабник". А ведь ты, пожалуй, и не знаешь или давно забыл, как это обнимать бабу. Ведь ты свою пресс-команду набирал в основном из гомосексуалистов. Разве не так? Я прямо пишу об этом в своей книге, глава о тебе так и названа будет — "Голубая команда" (с. 251-256), Ты же помнишь, как одного твоего сотрудника во время гомосексуальной оргии выбросили в экстазе из окна с третьего этажа (с. 253). Едва жив остался, и после все рассказал про эту оргию. Твою собственную голубую природу изобличает даже само название книги. Понятно, когда писательница Лилия Беляева свою статью в "Правде" озаглавила "Мой роман с Ельциным". Но когда ты, мужик, называешь книгу "Мой роман с президентом", то это понимается совсем иначе, особенно в свете твоей кадровой политики.

И вот ты поместил групповую фотографию всей своей пресс-команды. Боже, что за хари! Одна порочнее другой. На их фоне даже ты при всей своей ущербности выглядишь пристойней. И потом, чем объяснить, что из 12 человек тут 9 в очках? Интеллигентность выдаете? Ха! А вот у меня на поти фотках только один Ельцин будет в очках, и то — в солнцезащитных на пляже. Почему? Да потому, что герои моей книги — цвет нации, истинные представители народа, а не гомики, как у тебя, не интеллигушки.

Посмеялся я и над тем, что ты назвал Людмилу Григорьевну Пихоя "темпераментной женщиной". Ничтожество! Что ты в этом понимаешь! У тебя во всей книге на 350 страниц с десятков женщин, а у меня — больше полусотни, не считая Козырева. И какие дамы! В каких позах и ситуациях! Одна с рюмочкой (как Джейн Фонда), другая в умопомрачительном неглиже (как Наина), третья помирает со смеху (как жена Грачева и Ерина) и т. п. Вот она, новая возрождающаяся Россия во всей своей густопсовой красе!

Из десяти женских фоток две ты посвятил своей жене, на одной она даже с папой римским. Какая самореклама!... Кстати, кто она у тебя по национальности? Очень на Новодворскую смахивает.

Хочу еще сказать, Костиков, что я никогда не заблуждался относительно количества и качества твоих мозговых извилин, но когда прочитал, что ты Яковлева считаешь "русским Дэн Сяопином", я просто свалился со стула от смеха. Они, дескать, оба были идеологами реформ! На таком основании можно поставить в один ряд, например, моего тезку Александра Васильевича Суворова и Антона Ульриха Брауншвейгского, отца самого краткосрочного русского царя Ивана Шестого. Оба были генералиссимусами! Или — Иосифа Виссарионовича Сталина и Джохара Дудаева. Тоже оба генералиссимусы!... В твою чрезвычайную и полномочную голову и мысль не приходит сопоставить результат реформ Яковлева и Дэн Сяопина. Так я тебе напомним хотя бы то, что ты сам пишешь:

"Реформы разорили значительные слои населения" (с. 200)... "Когда чаша терпения переполнилась и А. Я. Лившиц рассказал президенту о безобразных злоупотреблениях, творившихся под прикрытием президентских указов, Ельцин сам был шокирован" (с. 216)...

"Общее нарастание житейских трудностей в стране" (с. 313)... "Нынешний общий политический пейзаж — это мятежные регионы и орды беженцев. Это миллионы русских, оказавшихся в ближнем зарубежье и рассчитывающих на защиту Москвы. Это вопиющий аморализм политиков и депутатов. Это развалины и овраги между соседями" (с. 348) и т. п. Вот твой Яковлев, с которым ты сидел задница в задницу. Вот его реформы. Это не только грязный карьерист, приспособленец, лжец и предатель, но еще и элементарно невежественный болван в прямом, безаллегорическом смысле этого слова. Но ведь ты не упомянул о множестве других страшных бедах его реформ. А что мы видим ныне в Китае? Там темпы экономического роста — почти 12 процентов в год. Это первое место в мире! Имея лишь 7 процентов мировых сельскохозяйственных земель, Китай вышел на первое место по производству зерновых, хлопка, мяса, яиц, масличных культур, и в итоге, нигде ни у кого не попрошайничая, кормит четверть населения планеты. Он вышел на второе место в мире по добыче угля, выплавке стали, производству цемента и химических удобрений, по выработке электроэнергии. Вот что такое Дэн Сяопин и его реформы! Это не только глубокий мыслитель, проникновенный знаток жизни, но и беспредельно честный и бескорыстный человек, а главное — великий патриот Китая. Он не лез, как эта бурая свинья из-под векового дуба, ни в Академию Наук, ни в Союз писателей, ни на теплое местечко начальника телевидения, не цапал все, что плывет в руки, в том числе ордена. Великого Дэна, как и великого Ленина, великого Сталина — надо же иметь мужество признавать историческое значение этих фигур! — выковала сама жизнь. Он знал скитания по Европе и Китаю, испытал горе, невзгоды, но остался человеком чести, беззаветно любящим свою родину. И вот ты вопишь на всю страну: "Яковлев — это русский Дэн!" Да ведь на это способен только тот, у кого на плечах не голова, а кочан капусты.

И ты со своим кочаном был правой рукой президента! Когда вам в начале этой катавасии говорили: "Посмотрите на Китай!" — вы косорылились. Твой дружок Гайдар, такой же безмозглый прохвост, однажды на это ответил: "Действительно, в Китае наличествуют кое-какие положительные тенденции, но мы же выбрали парадигму свободы! Следовательно, тоталитарный Китай ни в каком смысле не может служить для нас примером". Да, свободу вы подарили России. Свободу голодать, свободу нищенствовать, свободу подыхать в канаве. И это не мешает вам, что ни день, закатывать юбилеи, празднества, карнавалы, презентации...

Обвиняя противников в догматизме, вы сами и есть замшелые догматики, долдоны, тупицы. Это ж уму непостижимо! Весь мир изумляется китайскому чуду, а вы до сих пор уверены, что там ничего, кроме марширующих синих штанов, нет. И вот такая скудоумная бездарь, как ты, заполнила все коридоры власти. И ничего, кроме гибели страны, от вас ждать нельзя. Недавно в одной африканской республике президента отстранили от власти с такой формулировкой: "Не способен заниматься государственной деятельностью по причине слабоумия". Так прямо и сказали. Вот и вас всех надо убрать к чертовой матери с такой же формулировкой.

А ты не ограничиваешься идиотскими похвалами Яковлеву, ты всю полоумную шайку превозносишь.

Ельцин спросил меня, хорошо ли это, что Гайдар будет нашим соседом. Конечно, ничего хорошего не было в том, что этот жиртрест придется видеть каждый день, но я ответил: "Ну что ж, раз мы все в одной лодке гребем, давайте и жить вместе" (с. 143). Так вчерашний ответственный работник "Правды" и журнала "Коммунист", а

ныне страстный теоретик и беспощадный практик рыночных отношений получил бесплатно роскошную квартиру и был от этого в восторге! (с. 146). Всю жизнь эта личность паразитировала на имени знаменитого деда-писателя и на идее коммунизма, а теперь — на антикоммунизме. Между прочим, ему уже написана эпитафия:

Замри, прохожий! Ты перед Гайдаром.
При жизни был он родины кошмаром.
Никем не будет превзойден Егор, Как балаболка и ученый вор.

Вот и о тебе, Чрезвычайный и Полномочный, напишут что-нибудь подобное.

Я глазам своим не поверил, когда увидел, что ты еще и Бориса Федорова именуешь "экономистом с мировой репутацией" (с. 281). Еще и Бориску Федорова, давнего царского выкорышка, такого же, как Гайдар, самодовольного и жирного. Был же он министром финансов — и что? Укрепил рубль? Изгнал доллар? Нет, он довольно быстро сообразил, что финансами ведать — это не анекдоты травить в коридорах ЦК, и под благовидным предлогом недовольства президентом, прихватив под ручку пышнотелую Памфилочку, министра соц-обеспечения, сбежал из правительства. А потом со своей мировой репутацией, кажется, в президенты лез.

А уж вконец ты меня сразил, Костиков, своим заявлением, что Сергей Филатов "крупный государственный деятель" (с. 273). Господи! Да моя Берта гораздо крупнее, если мерить от носа до конца хвоста.

Но ты врешь еще даже и о живом трупe Бурбулисе. Когда, мол, Ельцину сказали, что от него надо избавиться, то Борис Николаевич ответил: "Почему его так не любят? Умный же человек. Геннадия Эдуардовича мне отдать трудно" (с. 138). До чего же ты бесстыж!

Ведь вот что, шельмец, пишешь: "Гайдар — это личность!... Он будет, как и в предыдущей своей деятельности, исходить из высших интересов служения России" (с. 280). Уж я — то доподлинно знаю, например, как эта личность, исходя из своих высших интересов солитера, паразитирующего в чреве государства, пролезал, извиваясь, в Президентский дом на Осенней улице. Сперва под видом курьеров с важными бумагами прислал своих шпионов все разнюхать. Потом на весьма важном совещании сам подошел ко мне и стал жалобным голосом, словно я генералиссимус, просить: "Александр Васильевич, голубчик, нельзя ли поговорить с Борисом Николаевичем насчет квартирки для меня в вашем уютном домике. А то я живу на первом этаже, мне так опасно!" (с. 143). Пули ему при таком слое жира не страшны, раны сразу затягиваются, но он опасался, что его могут выкрасть и потребовать у государства в виде выкупа шапку Мономаха, а то и собор Василия Блаженного. Ельцин же сам назвал его умнейшим среди всего кагала!

Я ему тогда ответил: "Ваше желание естественно, вы же исполняете обязанности премьер-министра" (с. 143). Действительно, как же не желать бандиту, ограбившему 43 миллиона вкладчиков сберкасс, а потом и весь народ, жить в бронированном доме под усиленной охраной!

Вот что сказал шеф, когда ему предложили на выборах взять Геннадия в вице-президенты: "Ну, как я возьму Бурбулиса? Если он появляется на телеэкране, то его

лицо, глаза, манера говорить отталкивают потенциальных избирателей!" (с. 121). Конечно, и Козырев отталкивал, и Филатов, и Грачев, и ты, — у всех у вас будки на подбор, — но крокодил Гена отталкивал всех больше. Сейчас могут с ним конкурировать только Чубайс, Немцов да сексот Евгений Киселев.

Кстати, о Чубайсе. Ты там, в Ватикане, поди, всю американскую прессу читаешь. Не пропустил в "Вашингтон пост" статью аж самого Питера Реддвее "Дела "молодых реформаторов" вызывают вопросы"? Ее перепечатала наша "Независимая газета". Американец прямо пишет, что самые выразительные качества Чубайса "авторитарность и нечистоплотность", т.е. это реформатор с большой дороги. И вот представьте себе, что некто Ульянов Керзонов на страницах той же "НГ" в статье, точно озаглавленной "Анатолий Чубайс стремится к полному контролю над Россией", вдруг обнаружил тот же склад ума, как у тебя, Чрезвычайный недотыка. Ты пишешь, что "Яковлев это русский Дэн Сяопин", а Керзонов уверяет, что Чубайс это Ленин сегодня: "Как и Ленин, Чубайс — беспощадный прагматик. Как и Ленин, он не "слюни о демократии пускает", а "дело делает". Как и Ленин, он понимает это дело просто: надо игнорировать болтовню о морали и, не брезгуя никакой грязью, строить экономическую основу нового общества".

Ведь это же, Костиков, совершенно на том же самом мыслительном уровне, что твой Яковлев-Дэн. И ведь кто-то подумает, что похоже на правду, ибо Ленин действительно был реалистом, если угодно, прагматиком. Отстоял целостность страны и советского строя от хищников Антанты, и реваншистов-белогвардейцев, и всех националистов. Ввел нэп, поднял народное хозяйство страны, укрепил новую власть. А чего добился прагматик Чубайс и вся эта чубайсятина? Великую Россию-СССР развалили, экономику довели до 60-процентного падения, с 1992 года, вот уже семь лет обещают курвецы стабилизацию и подъем, а их все нет и нет. Зато в сфере личного благоденствия Чубайс действительно доходит до "беспощадного прагматизма". Когда Ельцин назначил его первым вице-премьером, тележурналист спросил его, сразу ли он согласился на такую трудную и ответственную должность. И Толя ответил на всю страну спокойно, уверенно и беспощадно: "Да, сразу, потому что мне надоело жить в двухкомнатной квартире". Хочет из пяти комнат. Ты можешь себе представить, Славик, чтобы Ленин на вопрос, охотно ли он согласился стать главой правительства страны, лежавшей в развалинах, ответил бы: "Да, охотно, потому что мне надоело скитаться по меблированным квартирам в эмиграции, тем более — тайно жить в Разливе в одном шалаше с Гришкой Зиновьевым, который по ночам храпит, как паровоз, а вскоре вместе с Каменевым окажется еще и предателем. Надоело! Хочу в Смольный! Хочу в кремлевские палаты! Хочу в Горки!". Как видишь, Костиков, ты в своей дремучести не одинок, есть у тебя верные последователи и адепты в "Независимой".

Ну, а уж до самой-то сияющей вершины тупоумия ты, болезный, дошел там, где заявил, что "Сталину, позднее Горбачеву править было значительно легче, чем Ельцину" (с. 199). Когда я вслух прочитал это своей Берте, она хотела бежать в Ватикан, чтобы откусить у тебя самые чувствительные члены: язык и так далее. Это ж каким надо быть олухом и холуем, чтобы, с одной стороны, поставить в один ряд гениального строителя державы, его великого защитника и — безмозглого предателя, продавшего родину, а с другой — над этим строителем и защитником превознести другого скудоумного предателя и американского прихвостня!

"Сталину было легче"! Как известно, чванливое и бездарное польское правительство бежало из Варшавы на десятый день после германского нападения 1 сентября 1939 года, а 16 сентября оно уже удрало в Румынию. Но вся ваша кодла во главе с Верховным главнокомандующим уже на третий день оказалась бы в родном Свердловске, а на десятый — в Хабаровске... Впрочем, что ж, Сталину действительно было легче, ибо за ним стоял весь народ, готовый защищать родину, у него под рукой была первая в Европе и вторая в мире по мощности экономика, а сам он был гений. Понял, Славик? Гений! Рядом с которым умственные способности вашей банды грабителей просто невозможно разглядеть.

Наконец несколько слов о проказнике-монахе. Даже здесь ты обнаружил такое несравненное тупоумие, замешанное на трусости, что просто в голове не укладывается. На мальчишнике-девишнике я подарил тебе монаха от души. Душа у людей существует, понимаешь? Неужели не слышал? А что тебе померещилось в моем добродушном подарке? Вот: "Сначала я посмеялся вместе с дарителями. Но дома до меня дошел другой, весьма зловещий смысл этого сувенира. Мне давали понять, что если я буду в своей книге критиковать президента, то никаких приличий в отношении меня соблюдать не будет" (с.

15). Иначе говоря, тебе померещилась смертельная опасность. Господи, и такой зловещий дристуна ходит в ранге Чрезвычайного и Полномочного поела России!...

Советую привезти шутника-монаха в Москву и подарить его в свою очередь Верховному в день его рождения 1 февраля. Сей монах — достойный символ всех его реформ. От них народ только то и получил, что у монаха под сутаной.

Будь здоров, Славик, и постарайтесь хоть немного развить свои извилины.

Привет папе!

А. Коржаков, генерал-скорпион.

Москва 1997

ГРОБОКОПАТЕЛИ (Б. Ельцин, Ю. Корякин, Б. Немцов)

Вот уже который раз наши правители пичкают народ так называемым праздником так называемой "независимости". Какой независимости? От кого независимости? Почему независимости? Неизвестно... Просто они хотят, чтобы в нашей стране все было, как в Америке. Будучи беспросветными провинциалами местечкового закваса, они мечтают, чтобы у них все было, как в Вашингтоне. Там полосатый флаг — и они себе придумали полосатый флаг; там флаг натыкан в каждой забегаловке — и они суют в каждую забегаловку; там есть "День независимости" — и они изобрели себе "День независимости"... Но будучи людьми малограмотными и умом зело скорбными, они не знают даже, что в Америке это действительно праздник, наполненный конкретным историческим содержанием. Америка была колонией Англии, и в 1775 году 13 штатов под руководством Вашингтона восстали против английского колониального ига и свергли его, и провозгласили "Декларацию независимости", и учредили великий праздник "День независимости" — от Англии.

Такого праздника нет, например, в той же Англии, в Германии, во Франции, потому что иные из них, хотя и знали вражеское нашествие, но никогда не были

колониями. Ну при большом желании мы тоже могли бы учредить "День независимости", например, после изгнания поляков в 1612 году, или после выдворения французов в 1812 году, или после разгрома Третьего похода Антанты в 1920 году, но — не учредили. Видимо, именно из-за того соображения, что мы никогда не были колонией.

Однако поскольку наши правители уж так из кожи лезут, чтобы не отстать от своих американских наставников, то можно им помочь и наполнить этот праздник, который они так пышно отмечают, конкретным историческим содержанием. Например, один раз можно было объявить его "Днём независимости России от Крыма" — с его лучшими в мире курортами и важнейшими для обороны страны военными базами.

7 июня был я в Ленинграде. Сошел с поезда, иду по Невскому проспекту... Что такое? Дух какой-то тяжелый в городе, смердит чем-то. Я спрашиваю у товарища, который меня сопровождал: что случилось? Он говорит: да как же! Ведь вчера в Ленинграде был Ельцин, вот он и испортил атмосферу. Ну, атмосферу-то он испортил во всей стране, но в тот день это особенно чувствовалось в Ленинграде. И вот почему. Он взял туда свой Совет по культуре и искусству, хотя почти все его члены живут в Москве: Быстрицкая, Захаров, Хазанов, Рязанов... А ведь они, поди еще, и на самолете летели каким-нибудь спецрейсом, бесплатным для них, но не для государства, не для нашего с вами кармана. И надо было всех этих гавриков поместить в пятизвездочном отеле, поить пятизвездочным коньяком, кормить и так далее... Это в какую же копеечку влетело народной казне данное заседаньице высококультурного Совета? Однако главное не в этом. По расчетам Ельцина, удар по Ленину, который он решил нанести во исполнение объявленного им "Года согласия и примирения", будет особенно эффективен, если звездануть именно здесь, в городе, который носит имя Ленина. И звезданул! Этим-то, видно, и отравил атмосферу.

На совете Ельцин объявил, что Ленина надо похоронить, как он, мол, завещал, — в Ленинграде, на Волковом кладбище, там, где лежит и мать. Как всегда, врал всенародноизбранный, подобно нашкодившему гимназисту: никакого завещания о том, где его похоронить, Ленин не оставил, иначе бы ельцинисты уже тысячу раз его опубликовали. Не было такого завещания. Гаврики, разумеется, встретили заявление своего благодетеля бурей восторга.

Назавтра он повторил свою эксгумационную идею уже в Москве при раздаче в Георгиевском зале своим прислужникам очередных премий. Те же лица... И встретили они эту идею опять аплодисментами, хотя открыто никто, как и в Ленинграде, в поддержку не выступил.

Ленин причинил много бед России, сказал Ельцин. Тот самый Ельцин, который уж столько горя принес России, сколько не принесли ей Батый, Наполеон и Гитлер вместе взятые. Ленин спас Россию от распада. Бывали такие дни, месяцы, когда противник занимал три четверти территории России, однако те, кем руководил Ленин, сумели разгромить и Антанту, и белогвардейцев, отстоять целостность России. И вот теперь человек, который как был, так и остался прорабом домостроительного комбината, что-то несет о "бедах", причиненных Лениным...

На том же заседании Совета Ельцин предложил осенью провести референдум о судьбе Мавзолея... Президенту идет уже 67-й годок. Пора бы подумать о собственном упокоении. Что ж, давайте проведем референдум. Но я предлагаю вопрос о Мавзолее дополнить еще одним вопросом: "Где нам хоронить президента России — во дворе американского посольства или в Вострякове на Еврейском кладбище?"

Некоторые из вышеприведенных мыслей автор высказывал на митинге у памятника Юрию Долгорукому в Москве 12 июня сего года. Как раз в это время Ельцин выступал по телевидению с обращением к народу. В нем он, между прочим, сказал, что отныне праздник будет называться не "Днем независимости", а "Днем России". После семи лет напряженных раздумий доперло, наконец, что "День независимости" — полная нелепость! Но ведь и "День России" — такая же чушь. Как это: Россия будет отмечать "День России"? Не в такие уж давние времена на нашей прекрасной Всесоюзной выставке достижений народного хозяйства отмечали дни разных республик: "День Грузии", "День Молдавии", "День России" — это было закономерно и понятно. А тут? Словом, опять — хотели, как лучше, а получилось, как всегда. Никак не могут они найти приличное слово для того паскудства, которое натворили со страной. И не найдут — ибо нет таких слов.

И еще о бедах, которые Ленин, по Ельцину, "принес России". Кругом такие трусливые холуи, что никто не смеет сказать: "Батя, полно врать-то! Белены, что ль, объелся?" А между тем недавние дни сами собой приводят на ум одно весьма выразительное сопоставление. При Ленине советская власть во главе с коммунистами, и прежде всего ВЧК и ее руководитель Ф. Э. Дзержинский, в кратчайшие сроки резко снизили уровень преступности в стране, только что вышедшей из тяжелой войны, и полностью ликвидировали такие трагические последствия войны, как эпидемии и беспризорщина. А ныне, как поведал 13 июня на заседании президиума правительства министр внутренних дел А. Куликов, за пять лет преступность возросла на 95 процентов, то есть почти в два раза, в стране орудуют свыше 9 тысяч вооруженных преступных группировок, в которых до 100 тысяч человек (восемь-десять дивизий военного времени!), 750 убийств остались нераскрытыми. Все это, разумеется, лишь учтенные данные. А кто скажет, сколько преступлений осталось "за кадром"?.. Да еще и рядом с преступностью шагают туберкулез, сифилис, холера, СПИД, которых мы почти уже и не знали при советской власти.

И что же это за "пять лет", которые потрясли мир и превратили процветающую сверхдержаву в преступную и заразную клоаку? Это именно годы президентства Ельцина. И у него еще повернулся язык в недавней беседе с одним из своих бессловесных сатрапов заявить с улыбкой на задубевшем лице: "Обстановка в стране хорошая. Все спокойно..."

Я назвал наших правителей "беспросветными провинциалами местечкового закваса". Имелись в виду правители не только нынешние, но и совсем недавнего прошлого. Дело не в том, конечно, что, допустим, Горбачев - ставропольский колхозник, Яковлев — ярославский колхозник, Ельцин обитатель села Будки Свердловской области, Черномырдин — из оренбургской деревни, Чубайс, кажется, из Бердичева, Немцов вроде бы из Сочи, Ясин — из Одессы, Лившиц, говорят, из деревни Простоквашино Еврейской автономной области и т. д. Беда не в этом.

Провинциализм — понятие не географическое, а духовно-интеллектуальное.

Ленин тоже был из провинции, а Сталин вообще "иностранец" с окраины империи, но в них и намека не было на тот убогий провинциализм, что так и прет из каждого слова и жеста, поступка и шага не только названных провинциалов по рождению, но и такой, например, столичной штучки, как Гайдар.

Особенно крепко шибает в нос амбре провинциализма от всего плутоватого облика Немцова, смахивающего на бесенка из сказки того же Пушкина о Балде. Чего стоит хотя бы одна лишь его шуточка на юбилее Аллы Пугачевой: вы, дескать, Алла Борисовна, потому ложитесь в постель с Киркоровым, что он ужасно похож на меня... Это даже пересказывать-то неудобно, а он брякнул на всю страну. Первый вице-премьер! Все они, начиная с Ельцина, просто не понимают ни нашей страны, ни народа, ни должностей, на которые их взметнул всероссийский хаос. В любой другой стране — от США до Верхней Волги — политическая судьба Немцова после такой хохмочки была бы решена бесповоротно, а у нас смеялись ей залиvistым смехом козлов все гости юбилея, ибо дух пошлого провинциализма проник всюду и все подчинил себе.

И последнее. Ельцину, Яковлеву, Лужкову и всем, кто вместе с ними добивается уничтожения Мавзолея Ленина, полезно бы принять во внимание вот что.

Первым с этой идеей еще на I съезде народных депутатов СССР выступил известный профсоюзный деятель и менее известный литературовед Юрий Карякин. И что? Мавзолей стоит, а Карякина сразила тяжелая болезнь. Одновременно столь же яростно, с апоплексической натугой, ратовал за перезахоронение Ленина писатель Алесь Адамович. И что? Мавзолей стоит, а где Адамович?

Потом, став мэром Ленинграда, гробокопательскую эстафету подхватил всем известный пустопляс Анатолий Собчак. И что? Мавзолей стоит, а Собчака не только десница Немезиды вышибла из кресла мэра, но еще и Генеральная прокуратура, как сообщил 13 июня министр внутренних дел А. Куликов, занялась изучением образа жизни Анатолия Александровича и источниками его доходов (увы, Анатолий Александрович во цвете лет примкнул к Адамовичу. — Ред).

Лютую ненависть к Ленину разжег в себе неутомимый писака Волкогонов, тоже вопивший: "На Волково кладбище его!" И что? Мавзолей стоит, а Волкогонов коротает время в обществе Адамовича.

Одним из самых оголтелых хулителей Ленина, отказывавшим ему даже в праве на погребение, был популярный пародист Александр Иванов. И что? Мавзолей стоит, а Иванов уже никогда не напишет ни одной пародии: ТАМ газеты и журналы не выходят.

Можно продолжить трагический назидательный списочек, но ведь и этот должен бы заставить задуматься вас, Борис Николаевич, Александр Николаевич, Юрий Михайлович. А?

Москва 1997

ЛАМПАДНЫМ МАСЛИЦЕМ — ПО КОСТЕРКУ (Алексий Второй)

В нынешнюю пору сильно возросло внимание общества к жизни нашей церкви, в частности, к поступкам и заявлениям ее высших иерархов. Надо полагать, что это объясняется надеждой и упованием на то, что церковь сможет сыграть важную роль в вызволении народа из той зловонной пропасти, в которую загнали его невежественные и бесстыдные, злобные и прожорливые горе-реформаторы во главе с достойным их президентом по имени Минотавр-пожиратель. Однако до сих пор эти упования, увы, не сбываются...

Высшие иерархи напоказ предстают перед народом в облике больших друзей и великих почитателей да хвалебщиков разрушителя страны. Разве можно забыть, что ведь не где-нибудь, а находясь в патриаршьей обители, заявил на всю страну: "Только Бог может отстранить меня от власти!" Ну, разумеется, все под Богом ходим. Однако есть еще для всех смертных, в том числе и для властителей, законная Конституция, а для президента — процесс отрешения. Так вот, субъект на все это наплевал. И что сделал патриарх в ответ на такое наглое заявление отца-реформатора, сделанное с балкона его обители? Скромно опустил очи долу и промолчал.

Что ж, не будем строги. Может, долг гостеприимства обязывал Его Святейшество смиренно терпеть непотребство на государственном уровне? Но вот в день тезоименитства Минотавра Святой отец сам припожаловал к нему в гости. И не с пустыми руками. Преподнес отменный подарочек — статуэтку равноапостольного святого князя Владимира, похоже, что золотую. И при этом, сияя дружеской улыбкой, восхищением и умилением, изрек слова, которые даже перевешивали золотую статуэтку: "Вы, Борис Николаевич, поистине наш новый Владимир Святой". И это было уже после расстрела Дома Советов, после позорной чеченской бойни, после новых капитуляций перед США и НАТО... Святой правитель благоденствующей державы!... И все, разумеется, передавалось по телевидению. Как же тут было не подумать, с каким чувством слушали эти запредельные восторги и смотрели всю эту умильную сцену хотя бы те, трупы чьих сыновей и братьев, жертв чеченской бойни, числом до 270-ти, до сих пор хранятся неопознанными в холодильнике N24 города Ростова. Я уж не говорю о миллионах сырых и страждущих...

Вспоминается, что когда представители Чечни находились на переговорах в Москве и могли быть взяты в любой момент в заложники, Минотавр тайно и трусливо слетал на полчаса в Грозный, точнее, на грозненский аэродром. Там по какому-то поводу обратился к рядовому солдату с вопросом. Тот ответил: "Так точно, товарищ главнокомандующий!" Минотавр, проигравший войну, представьте себе, рассердился на солдата и злобно буркнул: "Не главнокомандующий, а верховный главнокомандующий!" Теперь мог бы сказать и так: "Верховный и святой!"

Трогательное единство было явлено и в вопросе об антисемитизме. Ельцин, постоянно окружая себя весьма недоброкачественного свойства евреями в роли то министров, то советников, помощников, частенько твердит о борьбе против антисемитизма как о важнейшей задаче времени, да уж не важнее ли, чем восстановление разрушенной экономики, укрепление обороны или борьба с туберкулезом и сифилисом, набирающими массовость. И вот в свое время из сообщений прессы мы узнали, что и наш Предстоятель, явившись в США вслед за Г.

Старовойтовой, предпринял там шаги в любезном Ельцину направлении: призвал американских раввинов к совместной борьбе против русского антисемитизма... И это в ту пору, когда включи один канал телевидения — и к тебе в квартиру с воплем "Евреи — самая талантливая в мире нация!" вламывается малограмотный хам Жириновский (в качестве яркого примера еврейской гениальности Жириновский назвал при этом академика А. Д. Сахарова, который, вопреки утверждению Н. В. Щаранского, евреем не был); включи другую — и вприпрыжку вбежит Познер с рассуждениями о том, что Россия ничем не отличается от Гватемалы: у нее такая же судьба, для нее обязательны те же законы истории; включи третью — бочком войдет Ноткин, ведя за руку какого-нибудь Льва Борисовича или Наума Ефимовича; включи четвертую — вползет нестерпимо слащавая Дубовицкая... Уж не говорю о прочих сванидзах...

Все помнят, что когда наши войска уходили из Германии, наш главнокомандующий ликовал так, словно это было не перенесение линии нашей обороны на сотни верст к Востоку, ближе к Родине, а наоборот, на сотни верст к Западу, чуть ли не к Рейну. Мало того, что он заставил наших солдат, маршировавших на Родину, спеть песню на немецком языке, еще и сам пустился в пляс да, к изумлению Европы, впервые в жизни стал дирижировать в припадке экстаза... Картину этого национального унижения и фарса опять же весьма согласно дополнил патриарх: прибыв в Германию, он принес немцам извинение... От чьего имени? Кто его уполномочил? За что извинение? За то, что наш народ, потеряв миллионы своих лучших сыновей, принес немцам освобождение от фашизма и сотни тысяч наших солдат полегли как раз на немецкой земле? Или за то, что после войны они пятьдесят лет жили отдельно в двух государствах? Да они веками жили до Бисмарка в бесчисленных крошечных княжествах!... А главное, кто из светских или церковных лидеров Германии принес извинение России за весь тот трехлетний кровавый кошмар и грабеж вплоть до вывоза трамвайных контактных проводов и платформ чернозема из Воронежской и других благодатных областей? Может, еще на Нюрнбергском процессе извинился Геринг? Или потом — Аденауэр? Или Брандт? Или хотя бы собирается извиниться Шредер?.. И это унижительное для всех нас, оскорбительное для памяти павших в Великой Отечественной войне извинение приносится в то самое время, когда со всех церковных и нецерковных амвонов льются речи о возрождении национального самосознания народа, о взлете духовности и т. п.

Но время идет и приносит все новые свидетельства дружбы и единения двух больших сердец. Ельцин вот уже много лет носит с идеей перезахоронения тела В. И. Ленина. Как вспоминает сейчас "Московский комсомолец", эту грандиозную мысль еще в 1989 году на I съезде народных депутатов СССР подбросил Минотавру известный страдалец советской эпохи Марк Захаров, за что, видимо, и стал вскоре членом президентского совета. Впрочем, по другим сведениям, первым сказал "Э!" другой страдалец и член - Юрий Карякин, автор афоризма "Россия, ты одурела!"

Последний раз Ельцин публично высказал свое заветное желание два года назад во время пребывания в Ленинграде. Но тогда его уже никто не поддержал, кроме певички Пугачевой, что было вполне объяснимо: большинство прихлебателей власти поняли, наконец, всю глупость и мерзость затеи, а Пугачева только что на престижном европейском конкурсе песни получила 17-е место и находилась в полном трансе, могла сказать что угодно.

На днях выскочил на телевидение, уже совсем с крышей на боку, Жириновский и предложил Ельцину назначить его председателем комиссии по перезахоронению В. И. Ленина. Видимо, рассуждал при этом так: если председателем по захоронению екатеринбургских останков был сын юриста Немцов, то почему в данном случае не стать председателем другому сыну юриста. Ну, болтовню Ельцина уже все забыли, Жириновского давно принимают за парламентского дурачка и, казалось бы, дело заглохло.

Но вот его решил оживить сам патриарх. В день святых Кирилла и Мефодия, во время крестного хода он под наставленной на него телекамерой вдруг предался размышлениям на давно заданную и любезную президенту тему: "Красная площадь — значит красивая. Она самая главная, центральная. А здесь устроили погост деятелей революции. Я надеюсь, со временем будет создан Пантеон. Потому что это аморально, когда здесь устраиваются рок-концерты. Это же пляски на костях..."

Мягко выражаясь, здесь много неточностей. Во-первых, не знаю, как в Эстонии, где Его Святейшество провел изрядную часть лучших дней своей жизни, а у нас на Руси погостом принято называть не любое кладбище, а сельское. Так, Пушкин писал: "Тело Татищева предано земле в погосте, состоящем в одной версте от его деревни". Сказывают, что Его Святейшество большой почитатель Лескова. У того в "Соборях" можно прочесть: "В углу этого погоста мостилась едва заметная хибара церковного сторожа, а в глубине уютился низенький трехконный домик просвирни..." Тоже речь идет о кладбище сельском. А на Красной площади — государственный мемориал выдающихся сынов Отечества. И слово "погост", где хоронят всех окрестных жителей деревни, звучит здесь уничижительно.

Во-вторых, на Красной площади похоронены вовсе не одни только "революционные деятели", Да и что такое "революционные деятели"? Они были ими в основном до октября 1917 года, а потом, за известным исключением, революционеров перманентных, кстати, конечно, на Красной площади и не нашедших места, они стали, государственниками, строителями державы, ее защитниками. Здесь похоронены великие ученые, знаменитые полководцы, пионеры космоса... Его Святейшеству не по душе, что здесь покоится прах И. В. Курчатова, С. П. Королева и Ю. А. Гагарина, маршалов Г. К. Жукова и К. К. Рокоссовского? Да уж не потому ли, что все они были членами Коммунистической партии Советского Союза? Или главная печаль Его Святейшества — могилы В. И. Ленина и И. В. Сталина?.. Тогда тут уместно сказать, что наша Родина остается пока независимой не благодаря его перманентно хмельному другу, сидящему в Кремле, а благодаря великому труду, неусыпной заботе как раз тех, чей прах в кремлевской стене и около нее. Названный друг только разорял страну, разрушал своей бездарностью и сумасбродством ее могущество и славу, а те возвели ее до уровня сверхдержавы, вручили атомное оружие, которое сейчас только и уберегает нас от судьбы Югославии, в чем сомневаться могут только такие олухи царя небесного, как Грызлов или Слиска.

Кроме того, полезно напомнить, что весь "погост" занимает лишь узкую полосу у стены, это малая часть огромной площади.

Заявление Патриарха не было образцом прямоты и ясности. С одной стороны, он явно выражал недовольство тем, что на красивейшей и самой главной площади

похоронены "деятели революции", а с другой — возмущался, что "на их костях", то есть на костях именно их, устраивают пляски. С одной стороны, не упоминал конкретно Ленина и Сталина, — а с другой, говорил о всех "деятелях", а значит и о них.

Сразу после смерти И. В. Сталина, 6 марта 1953 года, было принято решение ЦК КПСС и Совета министров СССР о строительстве Пантеона, куда предполагалось перенести прах всех похороненных на Красной площади. Но, думается, что в те траурные дни это решение было принято в спешке, во всяком случае, его широкого предварительного обсуждения не было. И не случайно в последующие лет тридцать пять советской власти никто о Пантеоне не вспоминал. И вот теперь вспомнили и поддержали решение коммунистов Марк Захаров, Ельцин, Пугачева, Жириновский и, увы, патриарх.

Что ж, пантеоны есть в некоторых саранах. Так, в Вестминстерском аббатстве покоится прах Ньютона, Диккенса, Дарвина... Почему в благоденствующей стране и не обсудить такую проблему в тихое благополучное время. Но ведь Его Святейшество не может не знать, что вопрос о Мавзолее превратился в нынешнее взрывоопасное время в предмет острейшей борьбы между силами патриотическими и антирусскими. И вот, проходя по Красной площади, Предстоятель взял и плеснул лампадным маслом на готовый вспыхнуть костерок, который может стать пожарищем... И ведь не скажешь: "Прости их, Отче, ибо не ведают, что творят..."

Москва 1998

СТАЯ ЕЛЬЦИНСКИХ ОВОДОВ (министр юстиции П. Крашенинников об антисемитизме)

4 октября в гневной, взволнованной речи на митинге у Дома правительства по случаю пятой годовщины расстрела кровавой ельцинской бандой сотен москвичей генерал А. Макашов употребил слово "жиды". На другой же день в программе новостей, министр юстиции П. Крашенинников пригрозил генералу санкциями по обвинению в разжигании межнациональной вражды.

Какая оперативность! Но где ж были вы или ваши коллеги, мусье, когда, скажем, московские евреи благодаря содействию тогдашнего министра иностранных дел А. Козырева, еврея по происхождению, широко справляли свой религиозный праздник в Кремле близ религиозных святынь русского народа, его древнейших соборов? А ведь это не слово, это оскорбление действием, что, как вы должны знать, гораздо более серьезно. А неужели вы не видели ту знаменитую телепередачу, в которой при участии евреев на глазах зрителей зарезали свинью, на которой было намалевано имя нашей Родины? Или вы считаете, что это всего лишь юмор, который способствует пищеварению и укрепляет дружбу народов? А не приходилось ли вам слышать о книге группы соавторов-евреев, озаглавленной ими "Распродажа Российской империи"? Или взять примеры совсем свежие. Еврей Сванидзе объявляет в своем "Зеркале": "Сегодня — день памяти жертв фашистского террора". А дальше идет телесюжет, в котором жертвами представлены только евреи, одни евреи, никто, кроме евреев. И никаких других сюжетов. Так Сванидзе почтил память многих миллионов людей разных национальностей. Вот вам тепленький еврейский националист, разжигающий

межнациональную вражду, ежедневно входя в каждый дом. И все это зная, все это видя, вы ловите на слове Макашова! И вы сидите в кресле министра юстиции?..

А. Макашов, конечно, не первый, кто публично употребил крамольное словцо. Известно, что Пушкин не на митинге, не вгорячах, а в своих гениальных произведениях, написанных не спеша и обдуманно, употребил слово "жид" 41 раз, да еще есть на его бессмертных страницах слова "жидовка", "жидёнок", "жидок". У Лермонтова "жид" встречается 30 раз, "жидовка" — 9, есть еще и "жидовин", "жидовский", "жи-домор"... Разумеется, все это не дает никаких оснований считать великих поэтов антисемитами. Чтобы убедиться в этом, достаточно прочитать две "Еврейские мелодии" Лермонтова или его конгениальный перевод "На севере диком" из Гейне.

К тому же эти слова часто употреблялись ими совсем не в национальном смысле. Так, Пушкин писал: "Читал стихи и прозу Кюхельбекера, - что за чудак. Только в его голову могла войти жидовская мысль воспевать Грецию, где все дышит мифологией и героизмом, — славянорусскими стихами". Как известно, Кюхельбекер вовсе не еврей. Здесь слово "жидовский" означает "идуший вразрез с общепринятыми взглядами, представлениями". Или вот:

Оставь Петрополь и заботы. Лети в счастливый городок. Зайди к жиду Золоторёву, В его всем общий уголок.

Едва ли человек по фамилии Золотарев — еврей. Пушкин знал четырех Золотаревых: Алексея Михайловича, Ивана Федоровича, Василия Васильевича и Матвея Алексеевича — все они русские. Здесь имеется в виду последний из них — помощник надзирателя по хозяйственной части Царскосельского лицея. И словом "жид" лицеист Пушкин, приглашая в гости друга, шутливо назвал человека, у которого, попросту говоря, можно пображничать, шинкарь, что ли:

Мы там, собравшись в кружок, Прольем вина струю багрову...

В советское время не только слово "жид", но и "еврей", и всякое негативное упоминание о евреях стали преследовать и решительно изгонять даже из произведений русских классиков.

В 1897 году Чехов записал в дневнике:

"Такие писатели, как Н. Лесков и С. В. Максимов, не могут иметь у нашей критики успеха (так как наши критики почти все евреи, не знающие, чуждые русской коренной жизни, её духа, её форм, её юмора, совершенно непонятного для них, и видящих в русском человеке ни больше, ни меньше, как скучного инородца). У петербургской публики, в большинстве руководимой этими критиками, никогда не имел успеха Островский, и Гоголь уже не смешит ее". (Собр. соч. в 30 т. М., Наука. 1980. Т. 17. С. 224). Можно спорить с таким взглядом классика, но наши литературоведы, те же критики и издатели на протяжении долгих лет просто выбрасывали строки, что взяты в скобки и подчеркнуты.

А что на протяжении десятилетий они вытворяли с Блоком! Например, в его известном синем восьмитомнике приводится такая дневниковая запись поэта, сделанная 27 июля 1917 года: "История идет, что-то творится; а... они

приспосабливаются, чтобы не творить..." Что за чушь? Кто приспосабливается? Опять вырван кусок! И сделал это литературовед Шапиро, проживший всю жизнь под красивым псевдонимом Владимир Орлов. На самом деле, у Блока так: "История идет, что-то творится (в смысле создается — В. Б.); а жидки — жидками: упористо и умело, неустанно нюхая воздух, они приспосабливаются, чтобы не творить (то есть, так как — сами лишены творчества; творчество — вот грех для еврея)". Да ведь это точно о недавнем окружении Ельцина на все буквы алфавита от Авена до Ясина! Уж мы нагляделись за эти годы, как они, нюхая воздух, упористо и умело болтая о возрождения России, приспосабливались к тому, чтобы не созидать, а разрушать экономику, нравственность, наш образ жизни.

И я хорошо понимаю людей, по образцу которых сам никогда не сумею и не захочу поступить и которые поступают так: слыша за спиной эти неотступные дробные шажки — обернуться, размахнуться и дать в зубы... Вот генерал Макашов и размахнулся, и дал. И великий Блок его хорошо понимает. Так что если вам, господин министр, вздумается посадить генерала на скамью подсудимых, то не забудьте посадить рядом Чехова, друга Левитана, и Блока, почитателя Гейне.

Да уж заодно не забудьте и Куприна, автора "Гамбринуса", который писал Ф. Д. Батюшкову еще в 1909 году, в пору "черты оседлости" и прочих кошмаров: "Все мы, лучшие люди России (себя я к ним причисляю в самом-самом хвосте), давно уж бежим под хлыстом еврейского галдежа, еврейской истеричности, еврейской повышенной чувствительности, еврейской страсти господствовать, еврейской многовековой спайки, которая делает этот избранный народ столь страшным и сильным, как стая оводов, способных убить в болоте лошадь. Ужасно то, что все мы осознаем это, но в сто раз ужасней, что мы об этом только шепчемся в самой интимной компании на ушко, а вслух сказать никогда не решимся. Можно печатно иносказательно обругать царя и даже Бога, но попробуй-ка еврея! Ого-го! Какой визг поднимется среди этих фармацевтов, зубных врачей, докторов и особенно громко среди русских писателей, — ибо... каждый еврей родился на свет Божий с предначертанной миссией быть русским писателем". Свидетелями именно такого очередного визга, но уже не фармацевтов, а депутатов Госдумы и тележурналистов, мы и оказались ныне, министр.

"Мы, русские, уж так созданы нашим Богом, — продолжал Куприн, что умеем болеть чужой болью, как своей... Тверже, чем в мой завтрашний день, верю в великое мировое загадочное предназначение моей страны, и в числе всех других ее милых, глупых, грубых, святых и цельных черт — горячо люблю ее за безграничную христианскую душу. Но я хочу, чтобы евреи были изъяты из ее материнских забот..." Думаю, что Куприн, конечно, имел в виду не всех, ну не таких же, хотя бы, как герой его "Гамбринуса", но по отношению к таким, как любимые ельцинские вице-премьеры да министры, советники да помощники, Чубайсы да Немцовы, — по отношению к этим оводам, загнавшим Россию в болото, мысль писателя изъять их из материнских забот Родины, представляется мне недостаточной.

Если бы вы, министр, были честным и смелым человеком, то давно бы увидели, поняли и объявили: никто столько не сделал для раздувания межнациональной вражды, как сам Ельцин. Это он постарался поссорить Россию и Украину, с кровью оторвав у русского народа Крым. Это он три года молча смотрел пьяными глазами, как чеченские националисты глумятся над русскими, а потом, не умея и не желая

найти мирное решение проблемы, бросил на Чечню неподготовленные русские полки во главе с кучкой малограмотных бездарных вояк: Грачева, Куликова, Степашина... Река крови на долгие десятилетия разделила русских и чеченцев... Это он не пошевелил пальцем, чтобы защитить и поддержать русских в бывших республиках Союза, где их превратили в людей второго сорта, и тем самым провоцировал дальнейшее глумление над ними и, естественно, взаимную вражду народов.

Особые заслуги у Ельцина в раздувании антисемитизма. Он окружил себя отбросами еврейской нации — людьми злобными и невежественными, бездарными и наглыми, хищными и беспощадными. Они и без того вызывали отвращение. Навязанный Западом "курс реформ" был чужд России и вел только в болото, а ельцинские выдвигенцы умели только болтать и разрушать, их руками Ельцин выполнял самые грязные и подлые дела — вроде приватизации. И народ возненавидел их люто. Этого русофоба и антисемита, проклинаемого всей страной, вы и обязаны, господин Крашенинников, привлечь к ответственности. Но вы этого не сделаете, ибо вы — трус и раб.

Москва 1998

ХАРЯОГРАФ (Е. Гайдар)

Вы обратили внимание? Гайдар разбушевался. Да как!... Недавно на каком-то демократическом симпозиуме, коллоквиуме, саммите или сходке забрался на трибуну или на ящик из-под пива и все ахнули: лицо бледно-зеленое, пудровые щеки трясутся, шесть волосиков на темечке — дыбом, стеклянный взгляд уперся в какую-то невидимую ненавистную точку, пальчики-сардельки нервно шевелятся, с носа капает... Ужас! Последний день Помпеи... И начал он речь. О том, конечно, что вот когда он возглавлял правительство и проводил свои мудрые реформы, Россия процветала, народ ликовал, мировая демократия не могла на нас налюбоваться и без конца слала свои бескорыстные транши, а вот теперь, когда Ельцин в страхе и отчаянии призвал в правительство одного бывшего, как сам он, кандидата в члены Политбюро и одного члена коммунистической фракции Думы, теперь великие труды Гайдара и гайдарьянцев идут прахом, мировая демократия скорбит, траншей не шлет, народ начал негодовать и скоро страна погибнет.

А закончил оратор так: "Из-под красных знамен КПРФ все чаще вылезает коричневая морда!" О, что тут началось!...

Вся сходка завизжала от восторга. Как обобщенно сказал классик:

Кричали женщины "ура!" И в воздух чепчики бросали.

Мелькнули чепчик Эллы Памфиловой, туфелька Екатерины Лаховой, очки Ирины Хакамады и бюстгальтер Валерии Новодворской. И понять это ликование можно. Ведь как емко сказано! Какая пронзительная образность! Сразу видно, что гены у оратора не какие-нибудь, а именно писательские: "коричневая морда"... Этому может позавидовать даже известный сын юриста.

Правда, когда бледно-зеленого оратора сняли с ящика из-под пива, утерли, дали таблетку валидола, причесали, а потом начали расходиться, кто-то сказал:

"Неужели Егор Тимурович, наша гордость и краса, никогда не смотрелся в зеркало?" И кто-то добавил: "Да, в доме повешенного не принято говорить о веревке, — об этом надо помнить всем, в том числе бывшим премьерам". Действительно, ведь на его "морду" любой может ответить: "От морды слышу". Но коммунисты деликатно промолчали.

Минул короткий срок, и вот вам, пожалуйста, — 30 января в Измайлове очередной долгожданный VII съезд "Демократического выбора России". Опять собрались лучшие умы страны вокруг ящика из-под пива. У некоторых умов, однако, торчала из кармана вобла. Причем это были не делегаты, избранные от местных организаций, а весь "Выбор" целиком. И набралось аж человек двести.

Доклад, разумеется, делал фундатор и вождь — Егор Гайдар. Вдохновленный успехом у дам своего недавнего афоризма насчет морды, он решил повысить градус своей ненависти к коммунистам и брякнул с ящика: "Из-под красных знамен КПРФ все чаще вылезает коричневая харя!" Чуете? Уже не морда, а... Дамы пришли в еще большее неистовство, чем первый раз, начали было стаскивать кто чепчик, кто лифчик, кто колготки, но не успели. В задних рядах вдруг вскочили человек двадцать "лимоновцев" и дружно принялись орать: "Сталин! — Берия! — ГУ-ЛАГ!" По-моему, тут было некоторое излишество. Я бы лично предпочел более краткую формулу: "Гай-дар! - ГУ-ЛАГ!"

Впрочем, это дело вкуса.

Но оставим в покое буйных "лимоновцев". Нас больше интересует фундатор и вождь. Чем объяснить, что он так беснуется? Доктор наук, видите ли, а на тебе — морда, харя... Тут русский язык богат, как никакой другой, и есть все основания ожидать, что мы услышим от фундатора: "Из-за красных знамен КПРФ вылезает коричневая рожа... коричневая ряшка... коричневое мурло... рыло... образина... коричневая мордуленция... физиомордия... моська... будка..." В чем причина такого словесного недержания? По-моему, чтобы разгадать загадку, надо бросить общий взгляд на всю жизнь этого человека...

Великую судьбу обещала ему наследственность: родился внук сразу двух замечательных писателей, и отец у него, хоть и не крупнокалиберный, но тоже писатель. Конечно, знатное происхождение — это не всегда полная гарантия жизненного успеха или хотя бы человеческой порядочности.

Такое происхождение имеет большое влияние на судьбу человека. Перед Егором Гайдаром оно, с одной стороны, открывало самые высокие и заманчивые двери, с другой — заботливо хранило от трудностей, опасностей, даже от неприятностей, кроме таких, конечно, как ожирение и облысение.

Вот, допустим, окончил он среднюю школу, малый здоровый, отменно упитанный, в классе не зря звали его Жиртрест. По закону полагалось идти в армию. Тем более, что оба деда служили в свое время. Дедушка Паша Бажов, хотя и окончил духовную семинарию, но как только в 1918 году началась гражданская война, трижды перекрестился и вступил добровольцем в Красную Армию, там и большевиком стал. А дедушка Аркаша Голиков был тогда еще молод для службы в армии, но он прибавил себе года и тоже пошел добровольцем. В шестнадцать лет, то есть моложе, чем его внук окончил школу, он, говорят, уже командовал полком на

фронте борьбы за советскую власть. И осенью 1941 года погиб в борьбе за нее же. А отец (разумеется, член партии с двадцати лет) вообще всю жизнь проходил в погонах и дослужился аж до адмирала. Казалось бы, все предки, мертвые и живые, взывали: "Егорушка, надень шинель, исполни гражданский долг!" Но тут началась великая суета, раздались возмущенные голоса: "Как, внук классика детской литературы Аркадия Гайдара будет ходить в кирзовых сапогах? Как, внук лауреата Сталинской премии Павла Бажова станет хлебать щи из общего котла? Как, сын адмирала будет проходить форму N20 (осмотр на вшивость)?" И неведомые, но могущественные силы спасли Жиртреста от армии.

Это, как сказано, с одной стороны.

А с другой, внук классиков легко поступил на экономический факультет МГУ, окончил его. Должны были по распределению направить в какой-нибудь Тайшет. Но как можно! Мальчик не вынесет тамошнего климата, не приспособлен он к общежитию, к коммунальному сортиру, к малым габаритам. Пусть Станислав Куняев едет в Тайшет. И Куняев поехал, а Егорушку направили в аспирантуру, где он начал читать антисоветские книги на английском языке.

Впрочем, эти книги не помешали ему написать кандидатскую диссертацию на тему "Экономика социализма — превыше всего". Защита прошла на "ура". Оппоненты даже плакали от умиления: "Ничего в жизни не видел, а как складно написал стервец!" Тут же сочинил и докторскую на еще более острую тему "Превыше всего — экономика социализма". Тут уж многие просто рыдали при виде такого грандиозного вклада в науку человека, который, казалось бы, умеет только чмокать. После этого перед ним с легким шелестом по очереди распахивали двери Всесоюзный НИИ системных исследований, Институт экономики и прогнозирования научно-технического прогресса Академии Наук, Институт экономической политики Академии народного хозяйства, редакция "Правды", редакция журнала "Коммунист". И везде, овеваемый именами и духом своих живых и почивших предков, Гайдар оказывался то ведущим, то ответственным сотрудником, то заведующим, а то и вовсе директором или президентом.

В этом триумфальном шествии примечателен переход Гайдара из "Правды" в "Коммунист". Казалось бы, какой смысл? Ведь то и другое были органами ЦК, условия и там и там отменные. Но нет!"Носом, хорошеньким, как построчный пяточок, обнюхал приятное газетное небо" и понял: есть существенная разница. "Правда" выходила ежедневно, тут надо было вкалывать. А "Коммунист" — один раз в три недели, объем — чуть побольше "Мурзилки", работников же там держали чертову пропасть. Словом, это была контора "Не Бей Лежачего". Туда доктор социалистических наук и подался. Приняли, как всюду, с распростертыми объятьями, с пением "Интернационала", хотя сам Жиртрест уже мурлыкал под нос чужой гимн "Боже, храни короля", причем на языке оригинала "God, save the king".

Там, в этой философской "Мурзилке" и разыскали Гайдара кадровые ищайки Ельцина с отрубленными хвостами. Они его схватили, оторвали от очередной антисоветской книжки на английском и приволокли к президенту. Тот, как сам потом поведал, страшно обрадовался, когда ему сказали, что это внук Бажова и Гайдара одновременно. Вот кто спасет Россию! И сразу: "Хочешь кресло премьера?" Тот мгновенно: "Еще как! Я для этого кресла и рожден. Посмотрите, ваше высокопревосходительство!" И повернулся к президенту задом. Тот похлопал и

остался очень доволен. "Хорошо! — говорит. — Вот тебе вся Россия, оставь мне только Барвиху, ну еще десяточек резиденций, и крути, как знаешь". "Умнее меня вы никого на найдете, — радостно ответил Жиртрест, — я шесть книг на английском прочитал. И теперь твердо знаю: экономика капитализма — превыше всего! Отпущу цены, и через полгода Россия будет полная чаша!"

И начал крутить с командой таких же докторов-белобилетников да заморских прощелыг. Ну, чем это кончилось, все знают. Вскоре дедушка Павел голосом Хозяйки Медной горы из его "Малахитовой шкатулки" спросил с того света: "Что, Данила-мастер, не выходит твоя чаша?" — "Заткнись, дед!" — огрызнулся реформатор-эксгуматор. Но тут подал голос и другой дедуля: "Заслужил ты, позорник, чтобы тебя, как Тарас Бульба — предателя-сына: "Я породил, я и убью..." "

А тут и Ельцин допер, наконец, что за мыслителя ему подсунили из "Мурзилки". "Пошел вон! — заорал. — Цены отпустить я и без тебя мог. В крайнем случае Грачеву поручил бы. Чтоб глаза мои больше тебя не видели!" Говорят, при этом даже Пушкина процитировал, которого, как известно, знает отменно:

Твоя торжественная рожа
На бабье гузно так похожа, Что только просит киселей...

По-нынешнему — просит пинков. Что ж, и цитатка, и вышибон вполне в духе всенароднообожяемого... Эта "рожа" из пушкинских стихов показалась Гайдару едва ли не обиднее самого вышибона.

А дело тут вот в чем. Ясно понимая, что приведенные выше строки Пушкина имеют к нему некоторое, не совсем косвенное, отношение, Гайдар, услышав или прочитав любой из синонимов слова "рожа" неположительного характера, всегда вздрагивает и впадает в депрессию, а то — в неистовство. Вот такая повышенная чувствительность.

Это сделало его жизнь ужасной. Бедняга, например, ни разу не смотрел спектакля по пьесе Лермонтова "Маскарад" и даже не мог дочитать пьесу, хотя великий поэт, как то и дело твердит об этом реформатор, еще один его знаменитый предок. Почему не смотрел? Да потому, что там в самом начале Арбенин говорит своему приятелю Казарину о таинственном Адаме Петровиче Шприхе:

Он мне не нравится...
Видал я много рож, А этакой не выдумать нарочно; Улыбка злобная, глаза...
стеклярус точно.

Уже тут, при слове "рож", у Гайдара начинается нервный тик. Но слушайте дальше:

Взглянуть — не человек, а с чертом не похож.

С чертом Гайдар тоже не похож фигурой, поскольку черти, как правило, бывают либо вовсе тощие, либо, в крайнем случае, средней упитанности. Но улыбка, глаза, вся рожа, — когда он говорит о коммунистах, о патриотах, — точно, как у Адама Петровича!...

Казарин отвечает:

Эх, братец мой — что вид наружный; Пусть будет хоть сам черт!... да человек он нужный.

Лишь адресуйся — одолжит.

Какой он нации, сказать не знаю смело:

На всех языках говорит.

Верней всего, что...

Точно о Гайдаре! Сколько он одолжил разным отечественным и зарубежным прохвостам — еще предстоит выяснить. И говорит почти на всех языках — на русском, английском, на языке злобы, на языке наглости, на языке лжи, на языке высокомерия...

Со всеми он знаком, везде ему есть дело, Все помнит, знает все, в заботе целый век...

Скажите, с кем Гайдар не знаком? Даже с тещей Сысуева! Где ему нет дела? Включите любую программу телевидения. Он всегда там и весь в заботе, в хлопотах, как бы вас научить жить по его рецептам. А не помнит он только одно: в доме повешенного не говорят о веревке.

Был бит не раз, с безбожником — безбожник, С святошей — езуит, меж нами злой картежник...

Был бит? Гайдара били, так били по всей России, что он не смог даже доползти до Думы в Охотном Ряду, как и весь его "Демократический выбор", который ныне при последнем издыхании. А уж в оборотливости Егор явно превосходит Шприха: с коммунистами он был певцом коммунизма, с антикоммунистами стал антикоммунистом, с патриотом он хочет быть патриотом, с идиотом — полным идиотом.

Помимо лермонтовского "Маскарада" немало у Гайдара и других огорчений с русской литературой, плотью от плоти которой он, казалось бы, является. Вот, допустим, пошел он в Малый театр на спектакль по пьесе Островского "Свои люди — сочтемся". А там один персонаж говорит: "Еще рылом не вышли-с в собольих-то салопах ходить". Рылом? И у реформатора сразу мысль: "Это не обо мне ли, когда я сидел в кресле премьера?"

Вот захотел он полистать кое-что из литературы прошлого века, решил начать аж с "Юрия Милославского" Загоскина и вдруг читает: " — Эй, боярин! Посмотри хорошенько на эту рожу. Ну можно ли с такой образиной не быть разбойником?" Тотчас бросает книгу, бежит к зеркалу и с ужасом думает: "Неужели и обо мне так говорят?.." Берет "Капитанскую дочку" Пушкина. И что же? "Пугачев, не посмотрев, сказал: "Много перевешал я вашей братии, но такой гнусной образины, признаюсь, не видывал". Б-р-р... И дальше:

"За столом Пугачев и человек десять казацких старшин сидели в шапках и цветных рубашках с красными рожами". Ну если рожи красные, то, можно предположить, это были члены КПРФ. Но даже такое спасительное допущение не успокоило Гайдара, он решил, что тут намек на заседание политсовета "Демократического выбора".

В надежде на утешение кинулся бедняга к Гоголю, взял "Повесть о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем", читает: "Ступайте! да глядите не попадайтесь мне: а не то я вам, Иван Иванович, всю морду набью". Боже! Да ведь это совсем, как ныне красно-коричневые орут на своих митингах о Гайдаре!... А что еще у Гоголя? Вот "Вечер накануне Ивана Купалы". И нате вам: "Петро оглянулся: Басаврюк! У! Какая образина! Волосы - щетина, очи — как у вола". Это Гайдара не задело: во-первых, у него на голове не щетина, а мох, во-вторых, очи не как у вола, а как у барана, так все говорят. А тут еще в "Мертвых душах" некоторое утешение попало на глаза: "Чичиков слегка трепнул себя подбородку, сказавши: "Ах ты, мордашка эдакой!" Да еще оказался под рукой "Хлеб" Мамина-Сибиряка, где один персонаж говорит другому: " — Посмотри, какая у него умненькая мордашка". К тому же, благодарение небесам, подвернулся рассказ Алексея Толстого "Мечтатель", где в разговоре персонажей есть такая замечательная фраза: — Ваша физиомордия мне понравилась". Понравилась. Мало того, в "Энергии" Гладкова лидер демократии обнаружил вот что: " — Говоришь ты красноречиво, товарищок. А физиономию мою назвал мордой. Оно верно, морда у меня неискusstная. Но морду свою я уважаю, друг". Гайдар понимал, что и у него тоже неискusstная до слез, но он тоже хотел ее уважать. Он опять побежал к зеркалу и, похлопывая себя по мордасам, пританцовывая, ласково залепетал: "Ах ты, мордашка демократическая!... Ах ты, физиомордия реформаторская!... Ах ты, моська либеральная!... Ты мне нравишься!"...

Но — недолго музыка играла, недолго фраер танцевал. Вскоре попали фраеру в руки "Губернские очерки" Щедрина: " — А харя-то какая! Словно антихрист с сотворения мира престол на ней имел". С сотворения мира или с начала реформ? За ним — "Очарованный странник" Лескова: "Одна рожа твоя богопротивная чего стоит!" Потом — "Суходол" Бунина: "Ты вот мурло какое наел, тебе хорошо брехать!" И ведь все здесь, как говорится, ни убавить, ни прибавить. А "Детство" Соколова-Микитова? " — Отвяжись, черт косой, вон ряжку какую наел, скоро в дверь не пролезешь! — огрызалась Кулинка". О, как возненавидел Гайдар эту Кулинку. Хоть он и не косой, но ведь ему тоже говорят: "Скоро с такой ряжкой в телеэкран не влезешь!"

Недавно, когда приезжала в Москву мадам Олбрайт, особенно задело Гайдара вот это место из "Вертела" Мамина-Сибиряка: " — Ты рыло-то вымой, — наказывал он Прощке еще с вечера. — Понимаешь? А то придешь к барыне черт чертом". На всякий случай вымыл рыло, но барыня его не вызвала, перед ней предстали только мордovorот Лебедь да моська Явлинский.

И ведь надо же было так случиться, что когда на свой съезд в Измайлово съехались демороссы, в руках у Гайдара оказалось письмо Белинского Бакунину: "Что за лица, что за рожи съехались в Пятигорск!" А потом — Писемский: "Этакий здесь народец... Какие у всех рожи-то нечеловеческие: образина на образине". Где — здесь? Да в Измайлове, конечно. И тут же — горьковский Егор Булычев: "Как с такой рожей перед господом нашим стоять будете!" Ну в самом деле, представьте себе перед ликом Божьим хотя бы Немцова или Грызлова. Отвернется Господь и плюнет...

А когда Гайдар вскарабкался на ящик и начал говорить, то пришли ему на память строки из гончаровского "Обломова": "Еще разговаривает, образина! — сказал Терентьев и поднял ногу, чтобы сзади ударить Захара". И тут же — из "Горькой судьбины" Писемского: " — Ты у меня, рожа твоя подлая, сегодня последний день

не в кандалах, и одно твое спасение, если станешь говорить правду". Но говорить правду эта подлая рожа ни при каких обстоятельствах не способна, и потому не удивительно, если завтра она и впрямь окажется в кандалах.

Впрочем, возможны варианты и покруче, например, тот, о котором мечтал один из героев "Братьев Карамазовых" Достоевского: " — Хоть и запрещены мордасы (то есть битье по морде), а сделал бы я из твоей хари кашу". Или вот чеховский вариант: " — Еще немного, и я не только бить по мордасам, но и стрелять буду!" Наконец, прекрасен и горьковский вариант: "Исчезни, морда! — приказал слуге Лютов" — из "Жизни Клима Самгина".

Поняли вы теперь, в чем причина беснования Гайдара?.. Да очень просто! Видя, что вся русская литература изобличает "жирную морду", "подлую рожу", "сытую харю" и т. п., понимая, что завтра его закуют в кандалы или сделают из него кашу, или сам он грохнетя, как статуя, с высоченной колонны в страшной картине Брюллова "Последний день Помпеи", он пытается к нему лично относящимися кличками забросать своих противников, чтобы все запутать, перемешать, сбить с толку и в конце концов в этом хаосе улизнуть. Но нетушки!... Иван Андреевич Крылов в бессмертной басне "Свинья и Дуб" сказал о первом из этих персонажей:

Когда бы вверх могла поднять ты рыло...

Но бледно-зеленое рыло, вылезшее на свет Божий из-под эмблемы "Демократического выбора России", не в силах сделать это, оно может только хрюкать да чмокать.

Москва 1999

ОСАНКА БЛАГОРОДСТВА (С. Степашин, Г. Явлинский)

Поэт однажды воскликнул:

Льстецы! Льстецы! Старайтесь сохранить И в подлости осанку благородства...

Но разве этот совет полезен только льстецам?.. За последние годы на политической сцене перед нами прошла длинная вереница персонажей, чрезвычайно озабоченных осанкой благородства. Вспомните, допустим, Сергея Станкевича. Ведь сам лик его излучал святость. И кто бы мог подумать — его обвинили в мелких взятках!... А Собчак? Сама принципиальность, сама справедливость, сама боль за народ. И вдруг при первом намеке прокуратуры на то, что он не всегда чистит по утрам зубы, он то ли наклеивает бороду, то ли наряжается в изящные одежды своей супруги и на спортивном самолете "Сессна", на котором в 1986 году Руст приземлился на Васильевском спуске, летит в Париж, приземляется чуть ли не на крыше Елисейского дворца и долго-долго сидит там голодный... А Березовский? Всегда прав, во всем прав, ни в чем не виноват, как ангел, чист, а его почему-то никто не любит, даже Сорос, распространяют сплетни о каких-то его счетах в каких-то банках какой-то Швейцарии... Я уж не говорю о таких поистине корифеях благородства, как Горбачев и Яковлев. И все-таки даже на таком фоне Григорий Явлинский выделяется своей постоянной озабоченностью осанкой благородства. Это можно было видеть совсем недавно.

Накануне рассмотрения в Думе кандидатуры В. Путина как главы правительства, на РТР состоялся примерно такой, как я его запомнил, разговор Г. Явлинского с Н. Сванидзе: "Многие члены нашей фракции "Яблоко" будут голосовать против". — "Вы говорите об этом с пониманием и даже сочувствием. Но почему против?" — "Да ведь подполковник Путин — дитя спецслужб. Он оттрубил там пятнадцать лет". — "Хорошо. Но ведь это наша, а не иностранная спецслужба, она стоит на страже интересов России, а не США". — "Все равно — низзя! Только при лишённых малейшего понятия о благородстве коммунистах во главе правящей партии мог быть поставлен председатель КГБ Андропов. Низзя!" — "Позвольте, но в США, которые для нас, демократов, остаются немеркнущим маяком, президентом был Буш, такой же кагебешник". - "США очень далеко. И потом это особый случай". — "Допустим. Но вот же совсем недавно вы сами выдвинули на тот пост, что сейчас предложен Путину, Примакова, который еще вчера возглавлял разведку и, кажется, был прямым начальником Путина". — "Примаков? Это особый случай. Он консолидировал общество". — "Консолидировал, т.е. делал доброе дело? Тогда, во-первых, зачем же вы так рьяно выступали против его правительства, а самого изображали слепцом, не видящим у себя под носом взяточников и ворюг? Во-вторых, почему не допустить, что и Путин сделает что-то путное? Ведь сама фамилия внушает надежду". — "Низзя!" — "А до этого аж в самом Совете безопасности у нас сидел человек с двойным гражданством. И вы, Григорий Алексеевич, помнится, не шумели по этому поводу". — "С двойным? Это особый случай..."

Каков же итог беседы? Да, видимо, Явлинский уверен, что осанку благородства удалось сохранить...

В последовавшей затем истории со Степашиным осанка была еще благородней... Вскоре после своей трагикомической отставки тот предпринял попытку войти в "Яблоко", но она не удалась. Вполне возможно, по той причине, что Степашин хотел возглавить избирательный список, что было бы вполне естественно: ведь все собратья по отставному премьерству возглавили - и Гайдар, и Черномырдин, и Кириенко, и Примаков. А что Степашин — рыжий? Мало того, ведь он самый свеженький из премьер-отставников, и если те, кроме Примакова, даже не входят уже ни в какие рейтинги, то у него, наоборот, что-то там зашевелилось между 5-ю и 10-ю. И потом, он не был главой и ФСБ, и министерства юстиции, и МВД, и даже самого правительства, в нашей истории тут может, соперничать только Керенский! Но не так прост и Явлинский! Он первое место в списке и самому господу Богу не уступит. Так и повелит начертать в списке: 1. Явлинский Г. А. 2. Саваоф; 3. Иваненко... и т. д. Осанка благородства! Но он объяснил размолвку совсем не так и, разумеется опять весьма благородно. Видите ли, говорит, как обнаружилось, Степашин — генерал, и верховный главнокомандующий всегда имеет возможность оказать на него какое-то давление, и может случиться так, что ему придется выйти из первой тройки, а тогда Избирком вправе все объединение снять с выборов. Вот и пришлось расстаться...

Очень убедительно! Но все же есть вопросы. Во-первых, что, разве Степашин в политике и во власти единственный генерал? Да их там ныне как сельдей в бочке: Руцкой, Лебедь, Николаев, Семенов. И никого из них главоверх не терзает. Во-вторых, разве главоверх вправе вторгнуться в совершенно не военную сферу и зычным голосом приказать: "Генерал Степашин, из списка "Яблока" бегом марш!"

Очень сомнительно. В свое время даже патриарх не смог запретить Глебу Якунину стать депутатом.

В-третьих, ведь Степашин такой же кагэбэшник, как Андропов и Примаков, Буш и Путин. Опять особый случай? В чем его суть? И наконец, если Степашин так дорог "Яблоку", то почему нельзя поставить его имя в списке четвертым? Ведь тогда зычная команда главковерха, буде она прогремит, не имела бы для объединения трагических последствий.

А дальше события развивались уж совсем красиво. Вдруг объявляют: пакт Явлинский — Степашин заключен! Отставник идет вторым номером!... Как так — разве он уже не генерал? За что разжаловали? Неужто, как бедолагу Ковалева, засекли в бане с наядами? А кагебешное прошлое, то есть служба в ФСБ? Или выяснилось, наконец, что это ФСК — Федеральная служба кролиководства? А бездарное участие на высокой должности в бездарной чеченской войне? Ведь именно по этому единственному пункту Явлинский голосовал за отставку Ельцина при попытке импичмента! Что ж, забыто? Отринуто? Предано?.. И наконец, как это голосование за отставку Ельцина, возмущение "безумным стилем" работы и руководства страной, уподобление им кремлевской Семьи — Семье свергнутого индонезийского президента Сухарто, в страхе ждущего возмездия народа, — как все это совместить с неизменными клятвами Степашина в верности Ельцину с заверениями "идти с им до конца"? Как негодование Явлинского по поводу того, что Ельцин "всех нас считает за мусор", увязать с нежными благодарностями ему Степашина "за все", в том числе и за то, что "он ввел меня, мальчишку, в большую политику"?

Нет, оказалось, что в бане с наядами никто Степашина не заставал, он остается генералом, и от пламенной любви к Ельцину не отрекся, наоборот, живет трогательными воспоминаниями их последнего, как признается, "просто замечательного для меня разговора с Борисом Николаевичем (мы давно так не говорили и давно так не понимали друг друга)". Но теперь Степашин почему-то вдруг перестал опасаться команды "Бегом арш!" и не ожидает ее. А Явлинский столь же неожиданно почему-то вдруг перестал замечать пылкую любовь генерала и брезговать его прошлым, даже тем зафиксированным в его биографии фактом, что на посту директора ФСК он без ведома армейских командиров позволил своим подручным вербовать добровольцев в Чечню. "А когда те попали в плен, он отрекся от них". "Что же касается вообще войны в Чечне, то здесь пошли на компромисс, объявили: "Степашин признал ее ошибкой". Десятки тысяч погибших, сотни тысяч беженцев, разорение цветущей республики — и даже спустя три года это не признается кровавым государственным преступлением огромного масштаба, в котором принимал самое активное участие, а названо всего лишь ошибкой, оказывается, и раскаяния не заслуживающей, поскольку оно не последовало. Ну а уж если только ошибка, то чья? Неизвестно... Осанка благородства не позволяет назвать имена... Вот на такой сговор с такой фигурой, не скупясь и не привередничая, пошел Явлинский в расчете на большую выгоду...

Впрочем, ничего нового в этом лицедействе нет, и гораздо примечательней другое — восторг и ликование, эйфория и экстаз, охватившие души участников пакта. Явлинский радостно возопил: "Настало наше время!" И тут же придался мечтаниям в духе известной героини Островского: "Вот если бы к степенности Серапиона Мордарьевича прибавить развязность Балтазара Балтазаровича... — "Вот если бы к

моему рейтингу прибавить рейтинг Степашина!..." И что? "Получилось бы 15". А сам генерал и вовсе оборзел. В разговоре со Сванидзе он решительно заявил, что начинает "бег на дистанцию в 800 метров", — т.е. борьбу за президентское кресло. И добавил: "Я! Мы! Готовы взять ответственность за страну!"

Боже мой, и это говорит человек, который, как упоминалось, отрекся от попавших в плен солдат, незаконно завербованных его ведомством! 13 августа в интервью "Комсомольской правде" он допытывался у своего собеседника Александра Гамова: "Для кого я ненадежный, Саш? Для власти? Для страны? Для президента? Для губернаторов? Для зарубежных партнеров?.." Остановись, генерал соломенный! Ты ненадежен и проклят хотя бы уж теми солдатами, если они живы, от которых отрекся.

И тут есть одна жутковатая подробность:

"Я не стал обслуживать интересы определенной группы, которая и посчитала, что в этой ситуации я ненадежен". Так что лично для президента генерал, может быть, и надежен и мил, но есть "определенная группа", которой он не по нраву, и она столь могущественна, столь вездесуща, что в силах по своей прихоти заставить президента, невзирая на вселенское позорище для него, выставить главу правительства, не проработавшего даже трех месяцев. И храбрый генерал, то и дело толкующий о своей офицерской чести ("Я ответил: "Борис Николаевич, я ни в какой другой команде не состою, а с вами я остаюсь, это факт". И сказал, как положено офицеру: "Честь имею!"), сей храбрый генерал не только трусит назвать хоть одно имя из таинственной "определенной группы", но даже намекнуть, что это такое, откуда она. А ведь ясно же, что это противозаконная антигосударственная сила, которая делает все, что хочет. Степашин обязан был знать о ней еще на своих прежних должностях директора ФСК, министра юстиции и МВД. И не только знать, но и объявить о ней народу и вести с ней борьбу. А он и теперь трусит.

Степашин продолжает упоённо нахваливать себя: "Я никого обслуживать никогда не хотел, меня никто никогда не покупал. Не все же продаются и не все же покупаются в нашей стране". Да, вполне возможно, что тебя и не купили, генерал. Но ведь есть более эффективный способ заставить молчать — угроза. Вот тебя и запугали, и не смеешь открыть рот, и есть основания полагать, что генеральские штаны с лампасами несколько отяжелели... Таков мир, что создан демократами и их отцом избранником: президент действует по указанию какой-то темной силы, министры, отвечающие за безопасность страны, глава правительства знают эту силу, но не смеют ее даже назвать, а тихо и послушно уходят в отставку и по ее требованию рассыпаются в благодарностях тому, чьими руками та сила вышибла его вон. И после этого он еще уверяет, что придет первым в беге на дистанцию 800 метров и готов взять ответственность за страну. Да ведь если та группа помыкает спесивым матерым политбюрошником, то что ей помешает еще бесцеремонней помыкать скороспелым генералом в тяжелых штанах?

Среди похвал Степашина своей неподкупности и принципиальности, честности и "если угодно, порядочности" одна похвала, пожалуй, превосходит все: "Меня просто нельзя переделать!" Просто!... Он, что, нас за дураков держит или у самого крыша поехала? Да кто же не знает, что в двадцать лет он вступил в партию, в двадцать два года окончил Высшее политическое училище МВД, в двадцать четыре закончил Военно-политическую академию им. Ленина. Аспирантуру там же. В тридцать

защитил кандидатскую диссертацию "Партийное руководство противопожарными формированиями"... Это был путь самого завязтого партийно-политического функционера, и дальше все шло бы в этом духе, но вдруг выскочил из преисподней Ельцин со своими демократами, и - просто! — вдруг поворот на 180 градусов: сделался врагом коммунизма, разоблачителем социализма, верным слугой ельцинизма... И тем не менее - "Меня не сломать! На этом и стою, и стоять буду, сколько смогу".

Ведь и озаглавлено интервью в этом величественном духе: "Меня убрали, потому что я не продаюсь!" И не соображает, в каком свете таким заголовочком представил своего друга-преемника Путина.

Значит, искали на пост премьера такого, который продается, и нашли: Путин Владимир Владимирович. Ура!... Вот, Явлинский, какого интеллектуального Голиафа вы имеете у себя за спиной. Ведь при случае он и вас может осветить не менее ярко, чем Путина. Так что свои рейтинги вы хоть складывайте, хоть умножайте, хоть возведите в куб, а ничего хорошего вас не ждет. На вопрос, с кем бы он хотел работать, Степашин ответил: "Прежде всего с людьми, которые понимают, что происходит в нашей стране..." Есть известные основания полагать, хотя бы по его неколебимо страстной любви к президенту, что сам он ничего не понимает, а коллега по пакту, при всей неприязни к президенту, едва ли имеет возможность поделиться знаниями.

Москва 1999

ДВА ОПЛЕУШНИКА (В. Черномырдин, А. Руцкой)

Недавно и почти одновременно два самых тертых политических калача державы — А. В. Руцкой и В. С. Черномырдин — получили по крепкой оплеухе, звон от которых не утих до сих пор. Первый схлопотал свою от избирателей Курской области. К нежным ланитам второго длань дотянулась аж из-за океана: Джордж Буш-младший обвинил Виктора Степановича в игривом обращении с субсидиями Международного валютного фонда нашему правительству. Оба оплеушника страшно оскорбились, заверещали и пригрозили судом. За что? Разберемся по очереди.

ВИТЯ ИЗ СТАНИЦЫ ЧЁРНЫЙ ОСТРОГ

Первым заверещал Виктор Степанович:

— Кто — я? Украл?.. Уворовал?.. Прикарманил?.. Слямзил?.. Буш меня оскорбил, а я не привык. Правда, в 1990 году на выборах в народные депутаты РСФСР меня оскорбил генерал Волкогонов, не дав возможности прорваться в депутаты. Но где теперь этот книжный генерал, я Вас спрашиваю?.. Потом однажды Борис Николаевич оскорбил. Указал пальцем на дверь и рявкнул: "Пшёл вон, дубина!" И что? Посадил на мое место Кириенко, а тот быстренько спроворил ему дефолт. Так он сам прибежал ко мне в спальню, упал на колени: "Витюша, спасай Отечество! Только на тебя, понимаешь, надежда!" Я встал и спас. Как Кутузов... И опять же: где сейчас Борис Николаевич? Укатали сивку крутые горки... Потом меня тут же оскорбила Дума, не утвердив в должности Кутузова. Словом, как видите, были отдельные досадные случаи, но я все равно не привык... И вдруг слышу из-за

океана: "Стянул!... Увел!... Стибрил!... Сбондил!... " А главное, да кто он такой, этот Буш? Я так ему влеплю, так врежу, так вмажу, что долго он будет помнить Витю из станицы Черный Острог Оренбургской области. Я, если угодно, казак. У меня над кроватью шашка висит, а в чулане — пика. У нас не заржавеет! Это ж подумать только: Витя слимонил у МВФ! Что, у нас больше нигде? Слава Богу, страна простерлась от Курил до Калининграда. Семнадцать миллионов квадратных километров. И на любом километре воруй — не хочу. Если с каждого украсть по рублю — уже семнадцать миллионов рублей. Состояние! А если по доллару?.. Нет, я ему долбану, я звездорезну... Ему Белый дом зеленым покажется... Он, что, хорошо меня знает, что говорит такие вещи? Нет, уж я дербулызну..."

И Виктор Степаныч полетел в США, чтобы там взять Буша за грудки. Но Буш был ужасно занят выборной свистопляской, и его грудки оказались труднодоступны. Однако, по слухам, Витюше удалось прорваться в его избирательный штаб с воплем: "Он что, хорошо меня знает?!" Но его тут же вышибли из прихожей. Он помчался за поддержкой и защитой в штаб Гора. Как раньше не сообразил!... Но Гор, чтобы отвлечься от мрачной перспективы провала на выборах, играл с тещей в футбол и не принял. Однако удалось где-то ухватить за лапсердак Либермана, напарника Гора в претензиях на Белый дом. В эти дни в Москву прилетел с целью просветить нас по телевидению о положении в мире вообще, а в палестино-израильском конфликте и на выборах в США особенно, израильский министр Натан Щаранский (бывший советский энтузиаст свободы и арестант Дубровлага). Раньше о таких вещах нас просвещали свои, а не импортные мыслители: Генрих Боровик, Валентин Зорин, Александр Бовин и другие. Так вот, Щаранский-то, между прочим, сказал, что Либерман — ума палата, гордость конгресса США, все конгрессмены бегают к нему таблицу умножения узнавать. И впрямь, на вопли Черномырдина "Он меня знает?", мудрый Либерман ответил очень основательно, примерно так: "Витю-ша, кто ж тебя не знает! Любознательные люди взяли тебя на заметку сразу, как только ты вышел в лаптях из деревни Черный Острог в большой мир. Ведь такая личность! А уж как в двадцать два года вступил ты в партию, потом стал инструктором ЦК, допер до министра — тут уж тебя любознательные люди из Лэнгли то лупу, то в телескоп рассматривали. Ты шумишь: "Что Буш обо мне знает!" Да он, милок, все о тебе знает. Откуда? Да очень просто! Когда ты работал в ЦК, Буш-старший был директором ЦРУ. Уже тогда как перспективный кадр ты был "взят в разработку" — так они выражаются. И вот бывало приходит Буш-старший домой, а младший к нему с расспросами: как, мол, там наш будущий кадр Витюша?"

Ну и старший рассказывал: Витя стал замминистра... Витя уже министр... Витя где-то что-то слямзил... Витя обожает неярких блондинок... Витя на охоте в Костромской области убил двух медвежат-сосунков, мерзавец, и так далее... Виктор Степанович вспылал:

— Не убивал я сосунков в Костромской области! Не убивал!

— Извини, друг мой, — мудро улыбнулся Либерман, — ошибся, не в Костромской, а в Ярославской. Или лучше сказать, в той области, где губернатором Лисицын. Так?.. Ну вот. Да, оба Буша знают о тебе многое. Но уж лучше-то всего знают тебя твои соотечественники. Еще бы! Ведь как только в 1992 году Ельцин поставил тебя во главе правительства, так в России началась катастрофическая убыль населения. В 1994 году, как пишет профессор МГУ Борис Хорев, демограф, превышение умерших над родившимися уже составило по стране 893 тысячи человек. Это в том самом

году, когда ты, прохвост, медвежат стрелял. Сейчас уже и президент ваш признает, что население страны убывает на 750 тысяч человек в год. И так было все шесть лет твоего премьерства. А взять рост в стране заболеваний, например, сифилисом. К 1990 году он был у вас практически ликвидирован, если сказать точно, насчитывалось лишь 8 тысяч больных. А в 1997-м, на пятый год твоего премьерства, их было уже 405 тысяч. Это какой же получается рост? В 50 с лишним раз! А?.. Тебе самому-то удалось избежать?.. Вы с Ельциным сознательно вымаривали русский народ. Если бы не сознательно, то, видя к чему приводит ваша безмозглая политика, вы на другой же год либо изменили бы ее коренным образом, либо ушли в отставку. Нет! Не смея и намекнуть об истинном положении дел, вы руками и зубами держались за свои кресла, чтобы успеть побольше отправить русских на тот свет. Попробовал бы такой выродок в Америк или в Израиле пробраться к власти! Да его через полгода в лучшем случае кастрировали бы... А ты, мудрила, вздумал еще царские долги французам отдавать. Весь мир со смеху помирал!... Да за одно это тебе и Ельцину, кабаны шунтированные, без суда и следствия можно одну осину выделить... Вот есть у нас штат Флорида, тот самый, где сейчас то бушуют, то горюют избиратели Буша и Гора. Ведь эта благодатная земелька когда-то принадлежала Испании.

Но мы, американцы, всегда любили делать приобретения то с помощью долларов, как Шейлок, то без помощи долларов, как Эрнан Кортес. У французов хапнули по дешевке Западную Луизиану, у одного русского пентюха — Аляску с ее несметными сокровищами и славные Алеутские островочки, у мексиканцев безо всяких долларов отхватили половину их земли, что теперь именуется Техасом. А испанскому королю мы в 1819 году сказали по поводу Флориды: "Ваше величество, отдай, а то потеряешь!" Тот не захотел терять. Так вот, можно ли себе вообразить, Витюша, чтобы Клинтон или кто из его предшественников, или из его преемников сказал бы американцам: "Соотечественники, а ведь мы в свое время объегорили Францию, облапошили Испанию, околпачили Россию, взяли на пушку Мексику. Но мы же теперь, как уверяют весь мир наши друзья Явлинский и Киселев, Новодворская и Сванидзе, самые великие и бескорыстные гуманисты в мире. Так давайте доплатим Франции 50 миллиардов долларов, Испании — 75, России — 200, а Мексике вернем половину Техаса. Лады?.. " Как ты думаешь, Витя, какова была бы судьба такого гуманиста? В лучшем случае... Ты думаешь, у нас нет Канатчиковой дачи? Еще какая! Еще сколько! И он быстренько оказался бы именно на Канатчиковой... А ты грозишь судом Бушу! Да видал он тебя в гробу в белых тапочках и с уголовным кодексом в руках. Ты благодари небеса, что до сих пор тебя самого твои соотечественники почему-то еще не приговорили к достойной каре... Но, как у вас говорят, еще не вечер. Успеют... Слышал я, будто бы ты, Витя, отмусолил денюжат на издание Пушкина и даже собственноручно предисловие написал. А еще вроде бы даешь на издание рукописи Тихого Дона"?.. Пушкин и Черномырдин!"Тихий Дон" и Газпром! Сюжеты, достойные кисти Айвазовского... Надеешься, учтут, смягчат? Напрасно! Все же в России понимают, что это за деньги. И какие это крохи по сравнению с хапнутым у народа!... И напишут на твоей могиле: "Он хотел, как лучше, а получилось, как всегда..."

Мудрый человек Либерман, истинно патриотический ум!...

КТО Ж ТОГДА АНТИСЕМИТ?

Теперь вернемся ко второму оплеушнику, к Руцкому. В биографическом справочнике "Кто есть кто в России", вышедшем в издательстве "Олимп", о нем сказано немало правильного: "Отсутствие важнейших для политика качеств. Чрезмерно амбициозен, конфликтен, ухитряется рассориться со всеми, кто его окружает... Быстрота изменения его политических взглядов уникальна, груб на язык, а главное — крайне ненадежен. То он клянется в верности Ельцину, то предаёт его. Опять клянется и опять предаёт. Так же поступает с соратниками по различным партиям и движениям, которые без конца создает... Называет себя верующим, православным. Держит мюстерлендскую легавую собаку по кличке Арон, пять попугаев, экзотических кур и рыбок. Почти не пьет. В любую погоду бегаёт босиком в сопровождении Арона. Среди журналистов получил прозвание Сапог с усами..." (с. 558-559).

Этот справочник был издан в 1997 году, когда Руцкой незадолго до этого стал курским губернатором. За минувшие три-четыре года жизнь во многом подтвердила правильность данной ему характеристики, а некоторые черты, указанные в ней, получили не только подтверждение, но и дальнейшее развитие. Так, поскольку долги Курской области выросли за это время в 58 раз, то у нас есть основание говорить, что и амбициозность, то бишь зазнайство Руцкого, выросла тоже в 58 раз. В самом деле, все ему мало было! Греб и греб. А кто отдавать будет? Конфликтность, то есть занудство и склочность Руцкого, возросли до того, что из 28 глав администраций городов и районов области он сменил 26. Переменчивость политических взглядов получила развитие в переменчивости матримониальной: обретя сан губернатора, Руцкой женился третий раз. При этом попутно дважды угодил в книгу рекордов Гиннеса: во-первых, как до того пылкий жених, что распорядился хижину своей возлюбленной в день свадьбы завалить с вертолета розами; во-вторых, как зять, который старше своего предпенсионного тестя. Правда, по второй номинации Руцкой стоит в книге рекордов строчкой ниже знаменитого писателя-демократа Леонида Жуховицкого, который недавно так изловчился жениться в какой-то раз, что не только теща, но и тещина мать, то есть бабушка жены, моложе его. Вот что такое истинная демократия!... Отмеченная в книге "Кто есть кто" любовь Руцкого к экзотическим птицам, в частности, к попугаям, тоже развилась дальше. Как помним, их у него пять. Он по-прежнему не чаёт души в милых друзьях, целые дни проводит в беседах с ними о смысле жизни. Научил их встречать себя дружными возгласами. Один кричит: "Сава Ирою Советского Союза!" Второй пищит: "Да здравствует ут-ший губернатор Кукской кубернии!" Третий надрывается: "Хай живе генерал Куцкой и его кусская матушка Зоя Иосифовна!" Четвертый вопит: "Куряне! Туже ремни, но не падайте духом! Производство мяса в области упало в два раза, но страусы нас спасут!" Пятый заливается: "Привет, страусу — лучшему другу курянина!..."

Тут многие удивятся, но вот в чем дело: страсть Александра Владимировича к экзотическим птицам доросла до любви к страусам. Он одержим идеей завезти их из Африки, чтобы летом бегали они по всем курским лесам, полям и буеракам. Три страуса, говорит, равны в мясном отношении быку, а одно страусиное яйцо больше, чем сто куриных. Вот и решение продовольственной проблемы! Со временем, говорят злые языки, мечтает вывести морозоустойчивую породу страуса путем скрещивания его с медведем, волком или в крайнем случае хотя бы со своей собакой по кличке Арон. Эти медведаусы или страуруны будут на четырех лапах, с короткой шеей и покрыты не перьями, а густой шерстью, одни из них обретут способность лаять, другие - на зиму впадать в спячку. Пока же такая порода не

выведена, он планировал с наступлением осени угонять страусов обратно в Африку, а в апреле — опять на курские просторы. Для этого требуется много погонщиков. Прекрасно! Новые рабочие места. Таким образом, здесь на страусиной основе как бы мимоходом решается и проблема занятости населения. Никакой безработицы!... Вот от каких грандиозных планов вы оторвали новатора Руцкого.

Что сказать еще? Руцкой по-прежнему в любую погоду бегаёт босиком, по-прежнему называет себя верующим. Правда, после того, как он, имея квартиры в Курске и в Москве общей площадью в 600 с лишним квадратных метров, во время выборов больше половины площади — 350 метров — скрыл, многие усомнились в его религиозности и поверили газетам, которые писали, что у него есть еще и два дома — в подмосковных Раздорах и в Испании. Как не поверить! Тем более, что даже в семье этот человек установил рыночные отношения: одну из своих машин продал родной жене. Когда это водилось на святой Руси? Жене!... Да ведь даже если бы и не скрыл квартиры, зачем семье из двух или трех человек — верующих! — такая прорва хоромов? Если даже только 600 метров, это же 30 комнат по 20 метров... Говорят, когда один приятель выложил ему однажды эту арифметику, Александр Владимирович согласился, что да, площадь аэродромная, однако тут же присовокупил: "Но учтите, как у истинно верующего человека у меня в каждой комнате висит икона: в одной — Божья Матерь, в другой — Спас Нерукотворный, в третьей - Всех скорбящих радость и другие. А кое-где целый иконостас. К тому же все мои обиталища орошены святой водичкой, чтобы не заводились домовые..."

После выборов, от которых суд его отшил, Руцкой обрушился по телевидению сперва на генерала Суржикова, занявшего второе место: "Он подкупал избирателей! Откуда у него деньги?" Я надеюсь, что все, как и я, слышали раздавшийся в сей момент за экраном голос архангела Гавриила: "А у тебя, шельмец, откуда деньги на все эти дома-квартиры, на джип "лендровер", на "линкольн навигатор", на мюстерлендских легавых, на заморских попугаев и страусов, — из губернаторской зарплаты?" Руцкой стыдливо промолчал...

А знаете ли вы, какова была участь мюстерлендского кобеля Арона? Бедный Арончик!... Он, говорят, не вынес унижения и утопился после того, как его насильно принудили оплодотворить страусиху. Но генерал на этом не успокоился. Купил за пять тысяч долларов ньюфаундлендскую сучку, назвал ее Сарой и теперь пытается заставить страуса оплодотворить ее... Был когда-то у нас фильм "Ко мне, Мухтар!" Фильм неплохой, но я помню, как однажды на пленуме Союза кинематографистов товарищи из наших среднеазиатских республик возмущались его названием: ведь Мухтар — священное у мусульман имя!... А что мы видим тут?

Человек дает своим собакам популярнейшие еврейские имена да еще принуждает их к противоестественным отношениям... На это способен только лютый антисемит! А чтобы прикрыть свой пещерный антисемитизм, он то обвиняет в нем других, то зачисляет в евреи таких великих людей, как Энгельс и Ленин, которые даже до крещения евреями не были...

Генерал Варенников, чего вы смотрите? Возглавляя Ассоциацию Героев Советского Союза и России, вы обязаны поставить вопрос перед президентом о лишении Руцкого звания Героя. И пусть это будет только началом возмездия. Ему еще предстоит ответить за свои дела 3 и 4 октября 1993 года. Объявив себя президентом вместо преступника Ельцина, он возглавил народное восстание. Ему

поверили: ведь он был в Афганистане, стал там Героем, потом окончил академию Генерального штаба, значит, соображает, что к чему, будет умело руководить. А он показал полную бездарность, безответственность и трусость. Не зная обстановки, не имея никакой поддержки армии, он вопил с балкона Дома Советов: "Вперед на Кремль! Возьмем мэрию! Даешь Останкино!!!" И послал тысячи безоружных людей на смерть... А после того, как они полегли под пулями и снарядами евневичей, он показывал всей стране свой автомат: "Я не стрелял! Смотрите, на автомате еще заводская смазка..."

А пока я бы назначил его директором первой в стране фермы по выведению морозостойчивой породы страусов. Уж это-то он заслужил!

Москва 2000

РАЗГРОМ НТВ ПОД МОСКВОЙ (Е. Киселев, С. Сорокина, М. Ардов и др.)

На страстной неделе некий литературный недоносок по имени Пьецух заявил по телевидению: "Русские — аморальная нация!" Если бы писака сказал то же самое о евреях, то это была бы его последняя речь не только по телевидению. А тут никто из русских участников передачи не подошел и не врезал мерзавцу по вывеске. Наши писатели-патриоты порой бьют по физиономии своих противников, но всегда, увы, — лишь за личные оскорбления в свой адрес. Так в свое время поступил однажды Владимир Солоухин, Станислав Куняев и даже, говорят, Петр Палиевский. Но никто не поступил так же с негодяями, оскорбляющими Родину.

"Я помню, что ты возмущался, — писал в свое время Куприн Батюшкову, — когда я, дразнясь, звал евреев жидами. Я знаю также, что ты самый корректный, нежный, правдивый и щедрый человек во всем мире — ты всегда далек от мотивов боязни, или рекламы, или сделки. И уж если ты рассердился на эту банду литературной сволочи — стало быть, они охамели от наглости. И так же, как ты и я, думают — но не смеют сказать — сотни людей. Я говорил с очень многими из тех, кто распинается за еврейские интересы, ставя их куда выше народных, мужичьих. И они говорили мне, пугливо озираясь по сторонам, шепотом: "Ей-богу, как надоело возиться с их болячками!"

Конечно, все это не ново. Сей трудной темы так или иначе касались многие русские писатели: от Пушкина, Тургенева, Чехова и Блока до Валентина Катаева, Ярослава Смелякова и Бориса Слуцкого. Даже Юнны Мориц, которая горько тоскует:

Как мало в России евреев осталось.
Как много жида развелось...

О нем именно и идет здесь речь.

Куприн пишет: "Целое племя из десяти тысяч человек где-то на крайнем севере перерезали себе глотки, потому что у них пали олени. Стоит ли о таком пустяке думать, когда у Хайки Мильман в Луцке выпустили пух из перины? (А ведь что-нибудь да стоит та последовательность, с которой их били и бьют во все времена, начиная со времен египетских фараонов!) Где-нибудь в плодородной Самарской губернии жрут глину или лебеду — и ведь из года в год! — но мы испускаем вопли о том, что ограничен прием учеников зубоучебных школ. У башкир украли

миллион десятин земли, прелестный Крым обратился в один сплошной лупанал, разорили хищнически древнюю земельную культуру Кавказа и Туркестана, устроили бойню на Дальнем Востоке — и вот, ей-богу, по поводу всего этого океана зла, несправедливости, насилия и скорби было выпущено гораздо меньше воплей, чем при "инциденте Чириков - Шолом Аш", выражаясь жидовским газетным языком. Отчего? Оттого, что и слону и клопу одинаково больна боль, но раздавленный клоп громче воняет".

Воистину, верхушка НТВ, раздавленная и изгнанная Газпромом, так воняла и вопила на всю страну, что заглушала треск автоматных очередей, сразивших в эти дни в Грозном трех русских женщин, а потом заместителя прокурора Чечни Владимира Мороза, хлопок снайперского выстрела и предсмертный крик русского солдата Михаила Шуйцына в Косово, шум пожара в Марьиной Роще, речь президента в Федеральном собрании и все остальное, что происходило в стране.

Можно ли забыть вопли и рыдания раздавленного клопа, его махинации и сенсации! Еще 3 апреля в передаче "Глас народа" Евгений Киселев возопил, рыдая: "С антисемитизмом вынуждены бороться только сами евреи". Иначе говоря, с одной стороны, требование Газпрома к еврею Гусинскому вернуть долг преподнес как чисто антисемитскую акцию. С другой, это был призыв к жидовствующим во Христе русским поддержать бедных евреев, встать на их защиту. И мы видели, что те встали стеной.

Бесы гласности, ведьмы свободы слова и чертенята общечеловеческих ценностей несколько дней подряд утром, днем и вечером слетались вместе и на глазах всей страны устраивали шабаш то в эфире, то на площадях Москвы и Ленинграда. О, то было почище, чем ночь на Лысой горе или пиршество на Брокене... Как много удивительного, поучительного и такого, что будит мысль, увидели и услышали мы на этих игрищах. Прежде всего поражало разнообразие участников — от безымянной двадцатилетней студентки до 107-летнего Ясена Засурского, который был (и остается!) деканом факультета журналистики МГУ еще со времен моего студенчества, от упитанной дамы с нестандартной психикой Новодворской, известной в Москве любой дворняжке, до никому неведомого чернокожего студента из Камеруна, Заскорузлый Засурский мурлыкал: "НТВ — прекрасный канал!". И, видимо, уже плохо владея собой, вспомнил 70-летней давности "шесть условий Сталина". К чему? Ведь ни одно из этих условий не предусматривало существования в советской столице вражеского пропагандистского центра.

Примчался с погоста даже махинатор Горбачев: "Закрывать НТВ? Я поражен! Это вызов всему обществу! Унижение всего народа!..." Наплевать на всенародный референдум, отдать националистам Прибалтику, Украину, даже Крым, это для прохвоста было не унижением всего народа, а торжеством демократии, но раздавить вонючего американского клопа — унижение!

Примечательно, что как только бесам прищемили хвост, они тотчас вспомнили язык времен Отечественной войны и прибегли к возвышенной патриотической лексике. Корреспондент Хабаров голосом Молотова уверенно бросил в эфир: "Наше дело правое! Победа будет за нами!" Григорий Явлинский со сталинской твердостью заявил: "Мы сорвали блицкриг! Блицкриг у них не получился! Мы не позволим глумиться над нами! Мы защищаем то, что нам дорого!" И тут же пустил в оборот любимый лозунг Виктора Анпилова: "Нас много. Вместе — победим!"

Шендерович уточнил: "Мы, русские патриоты..." Юрий Соломонов посредством махинации с известными словами Андрея Платонова развил мысль друга: "Без меня и без Шендеровича русский народ не полный!..." Тотчас выскочила помянутая дама с нестандартной психикой и стала читать стихи военных лет Анны Ахматовой:

Мы знаем, что ныне лежит на весах
И что совершается ныне.
Час мужества пробил на наших часах -
И мужество нас не покинет...

Интересно, если положить на весы, на сколько она потянет... Лет двенадцать тому назад на таком же примерно шабаше эти стихи читало известное лицо греческой национальности по имени Гавриил. Где теперь его карманные часы? Где теперь его захребетное мужество?.. Где сам Гавриил?.. А дама тут же возгласила: "Путин вводит в стране сталинизм! Путин вводит в стране крепостничество. Сегодня он продает целый коллектив журналистов НТВ американцу Иордану, а завтра обменяет меня на борзую суку в коммунистическую Молдавию, где уже построили мыловаренный завод для переработки демократов".

Вот уже несколько лет куда-то задвинутый журналист Александр Шашков вдруг вспомнил патриотический клич, сотрясавший в советские времена весь мир, и рявкнул: "Иордан, гоу хоум!" Сенсация! И он тут же ласково промяукал: "Я знаю Киселева пятнадцать лет, и ни разу мне за него не было стыдно". О, святая простота! Ведь все поняли, что сей факт характеризует моральный уровень не Киселева, а твой собственный... О верности вождю решительно заявила и беленькая парламентская мышка Мацкявичус: "У нас хотят отнять нашего капитана. Мы его не сдадим. Костями ляжем!". Признаться, у меня такое впечатление, что капитана хотят не отнять для дальнейшего использования, а просто выбросить за борт, как старую ненужную калошу... "У Киселева масса недостатков, — продолжал о том же коллега Кондулуков, — но последний год он не гнется. В Кремле существует проблема несгибаемого Киселева". Ну, во-первых, за эти годы Киселев уж так наизгибался перед бандитским режимом русофоба Ельцина, окруженного хайками, что если еще раз согнется, то уже не разогнется. Во-вторых, проблема Киселева существует не только в Кремле, но, по некоторым данным, и в Бутырках тоже. А как показало дорожно-транспортное происшествие с коллегой Доренко, возможны и другие варианты. Впрочем, н о Киселеве ли в том числе напевал свою милую рекламную песенку генерал Чарнота, торгуя на стамбульском рынке самодельными куклами: "Не гнется, не ломается, а только кувыркается..."

Подхваченная вихрем энтэвэшного патриотизма выскочила изготовительница сенсаций, уже седенькая, но способная, пожалуй, на все Политковская, которую теперь, после ее поездки в Чечню и наглого выступления в "Гласе народа", русские офицеры зовут Хавроньей из "Новой газеты". Казалось, и она вот-вот разрыдается: "Я — женщина, а не газетная свинья! Меня зовут Анна, а не Хавронья!... Я — женщина. Можете проверить. Я боюсь закомплексованных мужчин. У меня никаких комплексов. Пусть мужчины меня боятся. Наше поголовье огромно. Победа будет за нами!"

А ведущий передачи "О, счастличик!" так зашелся в патриотическом экстазе, что брякнул: "Я говорю от имени Льва Толстого!" И вот, мол, Толстой требует, чтобы Киселев остался генеральным директором НТВ. Ну вы только подумайте... Нет для

этой публики никаких препон!... Да это же все равно, как если бы от имени Толстого заговорил князь Ипполит из салона Анны Павловны Шерер. Его главная особенность состояла в том, что "он так же, как другие, не понимал того, что значили сказанные им слова". Это все равно, как если бы сам Евгений Киселев объявил, что Лермонтов именно в его защиту написал:

Вы, жадною толпой стоящие у трона, Свобод, Евгения и славы палачи...

Тут внезапно возникла активнейшая Ирина Петровская из прогрессивнейших "Известий" и возгласила здравицу: "Хай живе НТВ!" Прекрасно! Но я уточнил бы:

Хай живе НТВ! -

Только лучше не в Москве, Не на нашей русской ниве, А в любимом Тель-Авиве.

Вскоре на Лысой горе объявилась и сама Хайка Сорокина с такими словами на устах: "Есть что-то, черт возьми, что отличает нас от других, чувство локтя, товарищества!" Конечно! Вот, допустим, Киселев к радости Альфреда Коха малограмотно и упоенно лжет в своем фильме о Ленине. И вы, мадам, стоя локоть к локтю с ним, из чувства товарищества и к восторгу того же Коха малограмотно и упоенно лжете в своем фильме о Великой Отечественной войне. А рядом с вами, локоть к локтю, стоит Татьяна Миткова и тоже из чувства товарищества и к ликованию Коха малограмотно и упоенно лжет по любому поводу, включая праздники, юбилеи и даже похороны. Умер, например, академик Лихачев, и она вещает: "На долю этого великого ученого выпало двадцать лет страшных сталинских лагерей..." А на самом деле он отбыл в Соловках около трех лет. И порядок в этом страшном сталинском лагере был такой, что когда у молодого ученого возникала потребность поработать в библиотеке, он писал прошение начальству, и его на нужный срок отпускали в Ленинград. Об этом он рассказывал по телевидению сам, но, конечно, в советское время, а не в пору благоухания демократии.

Шабаш не мог, конечно, обойтись без еврейской красавицы Евгении Альбац, именующей себя независимой журналисткой, но носящей в себе ту же заразу, что все НТВ. Она, как Явлинский, взрывалась, словно атомная бомба, несколько раз: "Отнимают не НТВ — отнимают свободу, дыхание, будущее наших детей, внуков, правнуков и родственников в Израиле. Но они нас боятся!..." Действительно, не бояться ее, даже на экране, невозможно...

Появился вездесущий perpetuum-пустопляс Борис Немцов. Как известно, в прошлом году он провозгласил: "В XXI век — без коммунистов и СПИДа!" Русские коммунисты ответили: "Вперед — без Немцова и сифилиса!" Так вот, он изрек: "Россия без НТВ жить не может!" Его клич тотчас подхватил, наращивая общий галдеж, Игорь Яковенко из Союза журналистов: "Россия без НТВ — это другая Россия. Не надо россиян считать быдлом". Святая правда, если только после слов "не надо" вставить "Киселеву и его кагалу". Это вдохновило на очень решительное признание телезрительницу Татьяну Тарасову: "Я верю НТВ на сто процентов. Если НТВ не будет, мы здесь жить не будем!" Интересно, где она со своими процентами сейчас? Не в Оклахоме ли? А может быть, имелось в виду самосожжение? Не она ли потом под именем Юлии Григорович устроила в парламенте Украины замедленную инсценировку самосожжения? Неизвестно...

Венедиктов с "Эха Москвы", алча наших долгих рыданий по поводу его страданий, взвизгнул: "Это бандитский передел собственности!..." А ты, милоч, чего ожидал, на что надеялся, всеми силами способствуя созданию бандитского строя?.. Протоиерей Михаил Ардов, сын натужного юмориста Виктора Ефимовича Ардова, тоже решил ударить по бандитизму: "Мы никогда не признаем бандитский красный флаг! Мы всегда будем сидеть при звуках александровского гимна!" Академик Сахаров, если кто помнит, тоже не вставал при исполнении гимна на съезде народных депутатов. Не за это ли Бог вскоре прибрал его?

Вдруг перед глазами мелькнул в руках какого-то энтузиаста свободы плакат: "Россия! Разве Альфред Кох лучше ящюра?" Замечательно! Разумеется, Кох ничуть не лучше. Но как уместны были бы еще и такие плакатики: "Россия! Разве Сорокина лучше, чем коровье бешенство?" "Разве Шендерович полезней холеры?" "Разве Миткова приятней хронической диарей?.." В их отношении к Альфреду Коху особенно ярко обнаружилось нутро киселевских журналистов. Евгений Кириченко теперь вдруг вспомнил, что Кох — гнусный русофоб. "Он ненавидит Россию! — надрывался оратор. — Он сказал, что наша родина сырьевой придаток". Правильно, сказал, и не как-нибудь, а похахатывая. И не кому-нибудь, а корреспонденту радио Израиля, тень которого ежедневно и ежечасно витает над вашим экраном, с которого даже прогноз погоды объявляет родич Хайки Мильман. Разве вы не помните, Кириченко, беседу Киселева с Ясиром Арафатом? Ваш с потрохами запроданный шеф так яростно защищал интересы Израиля, что Арафат остолбенел: "Где я нахожусь? Это Москва или Тель-Авив? С кем я беседую? Кто вы по национальности? Кому вы служите?" И Киселев ответил: "Я служу своей фирме". Не родной стране, а фирме, которую содержит обворовавший вашу родину кровосос Гусинский, гражданин Израиля, заместитель председателя Всемирного еврейского конгресса. Для вас это все новость?..

А сказал Кох не только, что Россия — сырьевой придаток, как сдержанно заметил Кириченко. Прошло уже два с половиной года с того интервью, а русские люди забывчивы на зло, так что есть смысл кое-что напомнить из высказываний этого фашистского недобитка: "Народ не был ограблен приватизацией... Россия получила... э... э... э... порядка 20 миллиардов долларов, и этого достаточно... Будущее России — сырьевой придаток. Далее — развал, превращение в десяток маленьких государств... В мировом хозяйстве нет для нее места... Россия только мешает. Участь ее безусловна печальна... Россия никому не нужна (смеется), не нужна Россия никому (смеется), как вы не поймете!..." Дальше он слово в слово повторял упоминавшегося Пьецуха: "Я не понимаю, чего такого особого в этой России?.. Никаких перспектив у нее нет (смеется). Ну, Примаков, если видит, пускай работает (смеется)... Как ни верти, это обанкротившаяся страна. Любые методы хозяйствования здесь бесполезны... Русские до сих пор восхищаются своим балетом и своей классической литературой XIX века, они уже не в состоянии ничего нового сделать... Да, безрадостная картина. А почему она должна быть радостной? (смеется)... Этот народ по заслугам пожинаяет то, что он плодил..."

И ведь все это разнес по миру не какой-нибудь курвец с нестабильной психикой, а совсем недавний — девяти месяцев тогда не прошло! — вице-премьер ельцинского правительства. Если он так думал, считал, был уверен, то и безо всяких документов, без следствия и суда можно понять, как, в чьих интересах он орудовал на своем высоком посту. И за такую работенку предатель Ельцин, естественно, выразил ему благодарность.

Наглой выходкой Коха были тогда возмущены не только коммунистические и оппозиционные газеты. Так, Александр Минкин писал в "Новой газете": "Вот единомышленник Чубайса и Гайдара. Вот кого Ельцин назначил заведовать Госимуществом, точнее, распродавать все имущество России... С высокомерным презрением Кох говорит: "они", "русские". Н говорит "русише швайн", но он так думает. Не может думать иначе... Если любишь или хоть уважаешь, обворовать совестно. Но если презираешь, если не считаешь за людей... Человек с таким образом мыслей не может не воровать..." А хайкин внук Чубайс, конечно, всегда был в восторге от негодяя: "Я знаю Коха десять лет. Честнее Коха в мире нет. Не один год был на одном из самых тяжелых и неблагодарных постов. Спасибо ему вместе с нами сегодня должны сказать тысячи и тысячи людей..." Вы подумайте, мы должны еще и спасибо сказать хаму и ворюге! Это какое-то невиданное в истории состязание прохвостов...

А как же к подлой выходке Коха отнеслось тогда НТВ, которое ныне вдруг проснулось? Забыл, мусье Кириченко? Так я напомним. Вы, как обычно, с жадностью подхватили русофобское дерьмо, как подхватываете всегда и юдофильское. Стоило одному известному еврейскому полудурку возгласить с трибуны Госдумы, что евреи — самая талантливая нация в мире, как ваша Сорокина, такого же градуса интеллектуалка, тотчас затащила олуха на свою передачу "Герой дня" и предоставила ему полную возможность повторить и обосновать то, что он брякнул в Думе. И этот свистун в доказательство еврейской суперталантливости назвал академика Сахарова: смотрите, мол, Цукерман и трижды Герой. Сорокина должна бы сказать ему: "Чучело огородное, очнись! Никакой он не Цукерман, у него жена — и то лишь наполовину еврейка, но у нее никакие таланты, кроме пустозвонства, до сих пор не проклюнулись. А сам академик не был евреем даже под одним одеялом с супругой, а разве что только в ее снах". Нет, она промолчала, боясь, что тогда немедленно 206 тысяч долларов вырвут из-под локотка... Так проделала и с Кохом. Едва он успел навалить свою кучу, как она, разумеется, по согласованию с Киселевым и Гусинским, немедленно дала ему возможность порусофобствовать еще раз, теперь уже не для Израиля, а на всю Россию, на весь мир огласить свои измышления о русском народе, в которых превзошел и Геббельса и Розенберга. И русская мадам ни словечком не возразила... А что же вы тогда промолчали, патриот Кириченко? Ведь в таких случаях порядочные люди или бьют мерзавцев по физиономии, или уходят с работы. Но вы ничего не сделали, и потому вам та же цена...

Но представьте себе, когда проснувшиеся патриоты НТВ стали потешаться над фамилией Коха, выискался на склоне Лысой горы и такой энтузиаст свободы, который возвысил голос в его защиту: "Не забывайте, Роберт Кох был великим ученым, Нобелевским лауреатом, он открыл возбудителя туберкулеза — "палочку Коха"! И не один участник шабаша не сказал ему, что был еще один Кох — Эрих, в 1941-1944 годы рейхскомиссар Украины. И Альфред, похоже, ведет свой род именно от Эриха. Ибо тот именно так и говорил: "Россия никому не нужна... Россия только мешает... Что в ней такого особенного?.. Никаких перспектив у нее нет... Обанкротившаяся страна... Советский человек работать не хочет, а рот у него все время раскрывается... Надо увеличить количество и пропускную способность душегубок..."

Так он говорил и посмеивался голосом то Адольфа, то Альфреда... И совершенно справедливо подчеркнул Дибров: "У нас с Кохом общий враг большевики". Но для полноты картины следовало бы сказать "У нас с Адольфом, Эрихом и Альфредом..."

Однако ради справедливости надо заметить, что 8 апреля в ночной передаче Владимира Познера фашистский недобиток сказал одно словцо правды. Он, будучи сам членом русофобской агитбригады, назвал и НТВ агитбригадой. Познер, конечно, вознегодовал: как это так? что это такое? они журналисты и только!... А на другой день в "Известиях" появилось письмо Олега Добродеева своему в прошлом коллеге по НТВ Киселеву. Суть письма такова: "Любезный друг, перестань изображать себя девственницей из Орлеана. Все же давно знают, что ты и вся твоя команда были долгие годы наложницами Кремля и помогали Ельцину грабить и душить Родину в соответствии с замыслом Вашингтона".

Говоря о характере работы НТВ, Добродеев употребил точный образ - "информационная заточка". Да, именно так. Оружием уголовников пользуется киселевская агитбригада. Это нечаянно признал сейчас и он, Киселев, когда сказал во время шаша: "Наша профессия — делать новости". Не сообщать, не передавать, не тиражировать, а именно делать, изготавливать, фабриковать, как изготавливают и запасают заточку уголовники, готовясь к бунту в тюрьме, к побегу или к захвату заложников.

Вот, например, как злобно бьет острой информационной заточкой сам пахан Киселев: "Дума приняла музыку старого советского гимна. Но что было хорошего в советское время, если до сих пор идут споры даже об авторстве "Тихого Дона". Спрашивается, какое его щенячье дело до Тихого Дона, тем более после того, как найдена рукопись. Никакого. Но ему хозяин приказал из Испании: "Ударь, Женя, по русской душе и в это место заточкой!" И он, стервец, бьет. В свою очередь сам приказывает Сорокиной: "Хаечка, вдарь! За красивые глаза тебе можно заплатить тридцать долларов, а ведь ты получила 206 тысяч! Надо отрабатывать". И Хайка варганит несколько серий малограмотного и подлого фильма "Победа. Одна на всех". Он сам по себе заточка. Но для показа надо выбрать денек, чтобы удар получился особенно хлестким и болезненным. И они выбирают: первый раз показывают так, что последняя серия идет 8 мая, в канун Дня Победы; второй раз приурочили к дате начала войны.

Честь открыть фильм предоставила героическим евреям — Даниилу Гранину, Александру Володину, Владимиру Этушу. Позже приходит на помощь журналист Виктор Фридман. Гранин начинает так: "По всем данным, мы войну должны были проиграть". Ничего себе старт! Однако же по каким это данным? По данным освобождения от татаро-монгольского ига? Или разгрома польской агрессии XVII века? Или изгнания двенадцати языков во главе с Наполеоном? Или вышибона войск Антанты?.. Гранин обо всем этом словно и не слышал. Ему дали заточку и он бьет еще раз: "Войну выиграла не армия, а народ". Видно, старичок просто спятил. Что, народ с вилами, топорами, гаечными ключами поднялся и прогнал немцев и взял Берлин? Да был ли этот Гранин на войне? Говорит, был. А что делал? Заточку...

Немец Курт Винер цитирует на экране приказ по 6-й немецкой армии: "Я приказываю не обращать внимания ни на школы, ни на больницы, ни на музеи, ни на театры, — все разрушать". Хайка в штанах тут как тут: "Но не все военачальники соглашались брать на себя карательные функции, даже когда получали

соответствующие приказы. Так было с новым командующим 6-й армии генерал-лейтенантом Паулюсом". Вот ее забота! Выискать что-то такое, что обеляло бы фашистское нашествие. Но вы, мадам, должны все-таки соображать, что исключения могут быть всегда и не они определяют общую картину. Даже у вас на НТВ, где всего лишь сотни три сотрудников, есть честные люди. Тем более возможны исключения в многомиллионной армии. К тому же, во-первых, когда в январе 1942 года Паулюс стал командующим 6-й армии, он был уже генерал-полковником, а не генерал-лейтенантом. А главное, ведь он был одним из основных разработчиков плана "Барбаросса", — плана не просто войны против России, а уничтожения ее вместе со всеми школами и музеями, больницами и театрами, русскими и евреями.

Вдруг из Финляндии, что ли, на помощь Сорокиной кидается Василь Быков: "На Украине в 42-м году Паулюс получил приказ Верховного командования уничтожить всех евреев и коммунистов. Паулюс этот приказ из Берлина в своей армии отменил своим приказом". Неужели в немецкой армии это было так просто — отменить приказ Гитлера? Это только у нас Ельцин мог провозгласить верховенство своих полоумных указов над идиотскими указами Горбачева. А кроме того, сударь, говоря о таких невероятных вещах, надо указывать номера приказов, дату и т. д. Словом, заточка ваша такая же тупая, как у агитаторши Сорокиной. Старый человек, а ведет себя, как Пьецух...

А тут раздались стенания Познера: "Где президент, почему он молчит? Убивают свободу слова, это главное завоевание реформ, а он — ни гу-гу! Ждем его заявления!" И действительно, молчание президента выглядело странно. Уж он ли не рассыпался мелким бесом перед ними!... И школу еврейскую еще в Ленинграде по указанию Собчака открывал, и на торжестве по случаю открытия Еврейского общественного центра в Марьиной Роще трогательную речь произнес, и в гости к Хазанову ходил, и Райкина-младшего с юбилеем поздравлял, и мелкокалиберных писателей-евреев приветствовал, и министром культуры хайкина внука держит, и прохвосту Чубайсу глубочайшее уважение принародно выразил, и перед Жириновским за то, что тот в списке удостоенных звания "заслуженный юрист республики" оказался последним, нижайше извинился, и по первому требованию Сорокиной, отклонив просьбу Нобелевских лауреатов о встрече по вопросу судьбы космической станции "Мир", принял Хайку вместе со всем энтэвэшным кагалом и три часа с ними лясы точил, и побрехушки Радзинского он может слушать по телевидению без конца... Ну что еще можно придумать? И вдруг — молчание... Неужто что-то понимать начал?

Сомнительно. Слаба надежда на человека, который, будучи офицером, издевается над "Интернационалом" — песней, что почти тридцать лет была гимном его Родины; который, едва ли понимая значение этих слов, клянет "имперское сознание", требует "деидеологизации" наших международных отношений, объявляет "демилитаризацию" страны, как видно, погрязшую в милитаризме; человек, в президентство которого враги потопили "Курск" и который сам по требованию врагов потопил "Мир"... Но как бы то ни было, а Путин на сей раз отмолчался. Он надеется перехитрить время, провести народ, облапошить историю. Это еще никому не удавалось. Неутомимый крот знает свое дело...

Вдруг объявилась сухопарая мадам Шевцова, постоянная участница энтэвэшных камланий. Всегда такая аккуратненькая да разумненькая, тут она тоже ударилась в

истерический пафос: "Борцы за свободу, вы посмотрите на свои лица! Они прекрасны! Они великолепны! Это лица победителей!"

Я вгляделся: Шендерович... Максимовская... Дибров... Очень однообразные лица у этих звездных людей, каждый день маячащих на экране, хотя сами они, как Максимовская, твердят: "Мы — команда индивидуальностей!". А вот когда на другой день дали передачу из внутренних помещений студии, показали технических работников — координатора съемок, диспетчера транспорта, организатора связи и т. п. — то это были совсем-совсем другие лица: Виктория Новикова, Филипп Трофимов, Елизавета Листова, Вячеслав Кураш... И тут со всей ясностью предстала картина устройства жизни, о которой мечтают Мильманы и какую на НТВ уже устроили: "Наше призвание — звездить, ваш удел — побегушки". И сотни русских людей работали на НТВ, судя по всему, даже не замечая, в какое положение их определили. Интернационализм!... Русская всечеловечность...

Мое созерцание прервал вопль Киселева к собравшимся на площади в Останкине: "Свободу Антону Титову, узнику совести!..." Кто такой Титов? Оказалось, главбух НТВ, которого уже упекли в кутузку. Первая ласточка подлинной демократии...

Но вот и финал. Киселевскую зондеркоманду вышибли с НТВ. Группенфюрер полетел в Испанию к своему хозяину: "Что делать, ваше гусиное благородие?" У хозяина, как известно, такая вражда с Березовским, что кто-то из них планировал убить другого, но, как у Диброва с Кохом, как у Киселева с Иорданом, как у Сванидзе с Осокиным, враг у них общий. И договорились перебросить зондеркоманду Киселева с гусинского НТВ на березовское ТВ-6, оккупировать его. Сказано — сделано. Большинство прежних сотрудников ТВ-6, естественно, не пожелали жить и работать в оккупации. Теперь беженцев и безработных в России стало на пятьдесят человек больше.

И вот тогда-то произошло самое знаменательное. Ни Союз журналистов со своими правдолюбями Яковенко и Симоновым, ни думские фракции "Яблоко" и СПС в лице неутомимого Явлинского и вездесущего Немцова, ни "известинские" журналисты Петровская и Янов, ни адвокаты Резник и Любарская, ни утомленное солнце русской поэзии Евтушенко, ни писатели Борис Васильев и Александр Володин, ни кинорежиссер Смирнов, ни актер Кваша, ни милашка Новодворская с негром из Камеруна, ни Лацис и Черкизов, которые в характеристиках не нуждаются, ни даже 107-летний Засурский и воинствующий протоиерей Ардов, — никто из них, дравших глотки, строчивших письма и слагавших гневные стихи в защиту свободы слова, демократии и равенства всех перед законом, теперь не молвили ни единого словечка против оккупации ТВ-6 и разгрома его творческого коллектива звездной зондеркомандой Киселева. Так почему же? Да все очень просто: там, на ТВ-6, совсем другие имена: Александр Пономарев, Анна Павлова, Михаил Пономарев... Ни одного Мильман'а!...

А НТВ Гусинский думает продать собрату Вадиму Рабиновичу, председателю Всеукраинского еврейского конгресса. И не думайте, будто на НТВ что-то изменилось. Что там может измениться, если Миткова, прибежавшая обратно, получила повышение, стала главным редактором последних известий. К тому же Гусинский и Киселев слишком долго и старательно воспитывали холуев, натаскивая их на антисоветчине. Так что и после вышибона главарей на НТВ по-прежнему в полном ходу все те же заточки. Вот 21 апреля в Москве прошел

субботник по уборке города. Уж как целых пятнадцать лет вся эта безмозглая банда издевалась над прекрасным народным делом. Но ведь ничего другого придумать не смогли, а горы мусора растут, убирать надо. И вот возродили субботник, дав ему какое-то длинное несуразное наименование, что-то вроде "Дня добровольной уборки города во имя санитарного торжества демократии". Казалось бы, ну и радуйся, и работай молча граблями да лопатой. Нет! Фирменная умница Наталья Ильина продолжает потешаться и орудовать заточкой: "Раньше это было идеологическое мероприятие в честь вождя мирового пролетариата, теперь — торжество свободного труда. Раньше было стыдно выходить на субботник, теперь — радостно!" Ну разве может такой человек выздороветь? Никогда! Так и умрет гусинско-киселевской подпевалой...

А вот образец работы энтэвэшника Зимина на новом месте, на ТВ-6. 22 апреля он передавал из Тулы новости о губернаторских выборах. И не мог, верный прислужник, обойтись без гадостей по адресу коммуниста В. Стародубцева: его, дескать, здешняя темнота считает героем не за то, что честный человек и прекрасный хозяйственник, а за то, что сидел в "Матросской тишине". Ах, бесстыжий! Ведь еще молодой мужик, а какой безнадежный лжец. Как дальше жить-то будет? 70 процентов голосов, полученных Стародубцевым, отменно хлестнули этого бездарного лжеца по физии вместе с его студией.

И еще об НТВ. Накануне дня рождения Ленина новый губернатор Ульяновской области генерал Владимир Шаманов устроил благотворительный бал, билет на который стоил 10 тысяч рублей. Что ж, прекрасно. Думаю, и Ленин одобрил бы это: хоть так содрать деньжат с богачей на добрые дела. Врод бы придраться не к чему. Как тут найти заточку для удара по прошлому? Представьте себе, сыскали! Не впустую прошла гусинско-киселевская выучка. И вот мы слышим: "Губернатор возродил балы с прекрасной музыкой и танцами, а прежний губернатор предпочитал сельскую самодеятельность". Вот! Высмеять в гусинском духе сельскую самодеятельность. И не понимают полудурки, в какое положение себя ставят, какое убожество показывают. Ведь графиня Наташа Ростова и ее создатель граф Толстой тоже отдавали предпочтение "сельской самодеятельности" даже перед оперой в Большом театре. Вот смотрит молодая графиня на сцену... "После деревни и в том серьезном настроении, в котором находилась Наташа, все это было дико и удивительно ей... Все это было так вычурно-фальшиво и ненатурально, что ей становилось то совестно за актеров, то смешно на них. Она оглядывалась вокруг себя на лица зрителей, отыскивая в них то же чувство насмешки и недоумения, которое было в ней; но все лица были внимательны к тому, что происходило на сцене, и выражали притворное, как казалось Наташе, восхищение". Дело в том, что вокруг сидели сплошь сотрудники НТВ...

Русской пляской Наташи Ростовской, описанной Толстым, вот уже почти сто пятьдесят лет любитесь весь мир. На НТВ тоже без конца танцуют и пляшут. И если бы они, являя свой дух и свои приемы, танцевали "семь сорок", многие были бы довольны. Но они исполняют на экране уныло-однообразный агитационно-пропагандистский "танец с заточками". И он так же далек от пляски Наташи Ростовской и враждебен ей, как НТВ, новое ТВ-6, да и все российское телевидение далеко от народа России и враждебно ему.

Москва 2001

В США ИЛИ В САМАРУ, К ТЕЩЕ СЫСУЕВА... (Б. Березовский и др.)

События развивались с ошеломительной быстротой и крайне драматично. Вездесущий и еще вчера всемогущий магнат Березовский по кличке Вурдалак, видя, что в правительстве из 37 его членов не осталось почти ни одного преданного человека и нет надежды на внедрение таких в структуру, возглавляемую чекистом; узнав, что Дума единогласно проголосовала за вышибон его лучезарной личности с поста исполнительного секретаря СНГ; сообразив, наконец, что никто, кроме, как пишут газеты, "преступной группировки Березовского", не желает превращения России в Абрамию; словом, почувствовав, что почва под ногами горит и уже сильно пахнет жареным, бывший всемогущий пришел в неистовство.

Супруга Галина Алексеевна пыталась образумить его:

— Боря, ты занимаешь в жизни нашего любимого народа больше места и времени, чем когда-то Горбачев, а теперь — Моника Левински в Америке. Но ведь эта сексуальная террористка — сдобная милашка. На нее можно посмотреть. А ты? Сухопарый, лысый, долгоносый да еще заикаешься, двух слов не можешь сказать плавно, все "э-э-э" да "мэ". А какой у тебя взгляд! Взор Медузы, все обращавший в камень, был дружелюбней. У тебя взгляд Эллы Памфиловой, когда она смотрит на Макашова.

Боря! Твои блестящие, как унитаз, речи, решительные, как веревка удавленника, заявления, чистосердечные, как понос, признания всем обрыдли. А твои бесконечные скандалы! Тебя подозревают в грязных махинациях, экономическом прохиндействе и даже в убийствах. Где Влад Листьев? Бесстрастный справочник "Кто есть кто в России", и тот пишет: "Березовский сумел ловко воспользоваться лазейкой в законе и нажил большие деньги. Затея создания "народного автомобиля" с треском провалилась, но Борис Абрамович в убыток не остался". А ведь ты, Боря, отец четырех детей! И они все это слышат, видят — не только Сема и Софа здесь, в Москве, но и Катенька с Лизонькой, которых ты отправил учиться в Кембридж... Ты, как Горбачев, остоефенил людям... Утихомирься, займись чем-нибудь тихим, душеспасительным. Начни разводить кактусы, поезжай в Самару проведать тещу Сысуева, отвези ей баранок и халвы. Она поставит тебе пиявки, они отсосут испорченную прохиндейством кровь, и тебе станет легче... А еще перестал бы ты, мой ангел, трезвонить всюду о своем иудействе, принял бы, как Старовойтова, православие. Единоверца сердобольные русские пожалуй могут в суровый час...

— Нет! — взвился Абрамыч. — Не хочу к теще Сысуева. И не нужны пиявки тому, кто сам из их породы. И от иудейства своего никогда не откажусь!... Ты лучше скажи мне, почему эти большевики не желают преобразовать свою несуразную Россию в благоденствующую Абрамию или, если угодно, в Абрамцево. Есть же такое местечко под Москвой. Когда-то Абрамцевом владели Аксаковы, потом — Мамонтовы. А теперь Абрамией стал бы владеть Абрамыч. Это же так логично!

- Повторяю, Боря: ты, родной мой кровосос, всем остоефенил. Я не ручаюсь даже за себя и наших милых деток...

БЕРЕНОВСКИЙ И ЖИРИЗОВСКИЙ РАЗМЕЧТАЛИСЬ...

Несмотря на все уговоры и мольбы жены, Борис Абрамыч решил предпринять еще один, последний отчаянный штурм правительственной крепости. Для начала на всю страну заявил:

— У меня с коммунистами идеологические противоречия. Они не понимают великие либеральные ценности и не могут их понимать. А я всегда понимал и понимаю. Поэтому коммунистическую партию надо запретить. И немедленно! Тем более что в этой партии состоит генерал Макашов, употребляющий по праздникам слово "жид". В русском языке давно уже нет этого слова. Да, в словаре Даля, который так ценил коммунистический вождь Ленин, оно было. И примерчики нему давались: "Родом дворянин, а делами жидовин", "За компанию и жид удавился" — и тому подобные мерзости. Но в советское время умные и образованные люди из Одессы, Жмеринки и Бердичева решили, что это очень обижает евреев. Ведь мы такие чувствительные, деликатные, тонкокожие! И нехорошее слово убрали. А вот слова "кацап", "москаль", "хохол" из уважения к Далю оставили. Они и сейчас там. И примерчики к ним: "С москалем дружи, а камень за пазухой-держи", "Хохол глупее вороны, но хитрее черта" и т. п. Это вполне допустимо: ведь русские и украинцы совсем не такие чувствительные, как мы. Вот и КПРФ по своей чувствительности мы не переносим. Значит, ее надо запретить. И Макашова тоже запретить!

Первым на помощь Березовскому выскочил из-за угла Жириновский, лидер могучей партии 2-процентной поддержки населения. Он завизжал на всю страну, что надо запретить и компартию, и даже слово "коммунистический", как запретили слово "жид". Кроме того, потребовал расстрелять всю коммунистическую фракцию в Думе, показав тем самым, что его настоящее отчество не Вольфович, а Адольфович. Хотя Владимира Адольфовича давно уже считают не лидером партии, пусть и двухпроцентной, а пресс-секретарем Новодворской, но все равно Борис Абрамович слушал его с искренним сочувствием: действительно, вот оно, "окончательное решение" проблемы коммунизма!

Тут же выскочила и "Банда Четырех" — Гайдар, Чубайс, Немцов, Явлинский, — а также примкнувший к ним Черномырдин. У меня такое впечатление, что все члены "БЧ" давно переведены на казарменное положение и находятся где-то поблизости от Останкине в бункере. По первому сигналу тревоги они мчатся на любой канал, в любую студию телевидения и мощно сотрясают эфир своими воплями о том, какие они сами умные, честные и патриотичные, и какие безмозглые губители России — члены правительства Примакова. По другой версии, они живут не в бункере, а прямо под письменными столами у Швыдкого, Шабдурасулова, Сванидзе и Киселева.

Тем в нужный момент стоит лишь пнуть их ногой и дать команду: "Фас!" И они, щелкая зубами, мчатся к камере: "Гав! Гав! Гав!"

Конечно, вся "БЧ" тоже давно остоефенила и телезрителям, и избирателям, и — подозреваю — маме родной. Действительно, от этого свихнуться можно: в любое время суток какой канал ни включит бедная мама кого угодно из них, обязательно там маячит Егорушка или Толик, Боренька или Гришенька, а то и все вместе во главе с Витюшей. И не просто маячат, а поучают, пророчествуют, разоблачают... Недавно одного известного человека спросили, что он думает о Егорушке и Толике. Тот ответил: "Гайдар — это особый случай, это патология. Чубайс пришел в

руководство страной из финансово-экономического института, имея за плечами небольшой преподавательский опыт. Гайдар, Чубайс и другие "реформаторы" — это люди, которые до начала своих головокружительных карьер ничего в жизни не сделали". Не один Гайдар, а все они — именно патология. Экономическая, политическая и человеческая патология, и притом страшная. В самом деле, всякий сколько-нибудь нормальный человек, в чем-то опозорившись, провалившись, старается уйти в тень, затеряться в толпе, как сделали это, например, Силаев, Грачев, Ерин и другие. А эти! Их выгнали в дверь, а они, как навозные мухи, летят в окно; их выгнали в окно, а они, как крысы, лезут из подпола; их загоняют обратно, а они, как черти, проникают в телестудии и в другие важные места через дымоход...

Но кто же этот человек, который так точно назвал Гайдара, - Анпилов, Зюганов, Илюхин, Макашов? Нет, это вице-президент Академии наук, ученый с мировым именем, лауреат Ленинской и Государственной премий, член научного совета при Совете безопасности Жорес Иванович Алферов, ленинградец. А другой ленинградец — Алексей Юрьевич Кошмаров, известный политолог, добавил: "Гайдара и Чубайса очень жалко. Они стали заложниками ситуации, которую сами создали. Сейчас у них нет ни правительственных должностей, ни запроса в обществе. Их забудут через три-четыре недели и даже не вспомнят... 80 миллионов избирателей сейчас голодают и связывают такое положение с Чубайсом и Гайдаром". А где это напечатано — в "Советской России", в "Завтра", в анпиловской "Молнии"? Нет, в претендующей на респектабельность "Независимой газете", которой не все же поносить новое правительство, надо порой и объективность выказать по отношению хотя бы к живым трупам.

Вот сейчас Совет Федерации принял решение перекрыть для чертей и дымоход — обратился к президенту, правительству, к органам власти на местах с просьбой лишить права занимать ответственные должности лиц, подготовивших и принявших решение от 17 августа 1998 года, которое обошлось стране потерей 300 миллиардов рублей, — Гайдара, Чубайса, Немцова, Кириенко, Дубинина, его заместителя Алексашенко и Задорнова. Казалось бы, после этого, например, Чубайс непременно рванет, допустим, в Данию, где, как сообщила газета "Иформашон", еще в 1996 году положил в банк 728 тысяч долларов неизвестного происхождения. А с тех пор минуло уже три года, да и кроме Дании, есть еще Швейцария, Франция, Англия, США... Казалось бы, и другие грабители Родины должны последовать примеру Чубайса: рвануть и в Копенгагене, Берне, Париже открыть свои шинки, парикмахерские, подпольные абортарии. Но нет, никуда они не рванут, ибо Россия еще жива, еще не совсем ограблена, и они еще попьют ее кровушки, поскольку бояться абсолютно нечего - всякая попытка власти защитить народ от грабителей тотчас пресекается абorigеном ЦКБ.

Как бы то ни было, а шорох, произведенный в эфире Жириновским и "Бандой Четырех", несколько приободрил Бориса Абрамовича, и несколько дней он провел в блаженном состоянии духа. Но вот однажды за окном своего роскошного кабинета в роскошном офисе на Новокузнецкой улице, 40 он услышал громкий шум. Подошел к окну. Перед домом буйствовала толпа молодежи. У нее в руках были плакаты: "Вор должен сидеть в тюрьме!", "Всех кровососов в одну банку со спиртом!", "Абрамыч, скинь штаны на ночь, а как день, так опять надень!" Березовскому стало не по себе. Своей таинственностью особенно встревожил последний плакат. "При чем здес штаны? — недоумевал магнат. — Неужели они считают меня таким идиотом, который спит в штанах? Зачем напоминают, что

утром надо надевать штаны? Разве кто-нибудь видел меня днем без штанов?" Словом, Борису Абрамовичу стало очень неудобно в Москве, на Новокузнецкой, 40.

ОТ ЭДУАРДА К РОБЕРТУ

А тем временем в южных республиках СНГ начиналась весна, и Борис Абрамович, натянув штаны, решил отправиться туда. Хотел отдохнуть душой и успокоиться под веткой зацветающей глицинии. Тем паче что в Москве намечалась в ближайшие дни некая сокрушительная газетная акция, во время которой всем кровососам разумнее быть подальше, в тени, чтобы не говорили об их причастности к ней.

И вот он у Шеварднадзе, которого зовут Эдуард, у президента благоухающей независимой Грузии. Между прочим, как много у этого президента в истории знаменитых тезок. От английского короля XI века Эдуарда Исповедника до нашего телебарона Эдварда Радзинского, так и рвущегося прямо с экрана в XXI век. К слову сказать, редкий правитель, носивший это имя, был удачлив и счастлив, во всяком случае в Англии, не чуждой Шеварднадзе: там его наградили премией "Факел Бирмингема". В самом деле, помянутый Эдуард Исповедник в 1053 году, за тринадцать лет до смерти, был отстранен от власти. Эдуарда Второго в 1327 году не только низложили, но еще и уколошили. Эдуарда Пятого в 1483 году — то же самое. Эдуард Восьмой, не просидев на троне и года, в 1936 году отрекся от престола ради брака с незнатной женщиной. И тут нельзя не заметить, что этот последний Эдуард прожил на белом свете 78 лет — гораздо больше, чем все предыдущие Эдуарды. Вот сколь благодетельна любовь!... Герою Социалистического Труда Шеварднадзе сейчас семьдесят. Надо полагать, он не против того, чтобы побить рекорд долголетия среди Эдуардов. Конечно, для этого следовало бы подать в отставку еще с поста первого секретаря ЦК комсомола Грузии или хотя бы министра внутренних дел республики. Но, может быть, еще не поздно и сейчас, если не водить дружбу с кровососами? Ведь одно покушение уже было. Зачем ждать второго? Не исключено, что именно о таких интересных вещах беседовали за бутылкой легкого цинандали тбилисский владыка и московский гость. Не удивлюсь, если узнаю, что гость делился своим планом преобразования отсталой России в благоухающую Абрамию и просил содействия в этом: повлияйте, мол, на нашего президента, чтобы вернул он в правительство Чубайса, Немцова, Лившица, Ясина, Кириенко — ведь какие светлые головы, какие титаны духа! Хоть святых выноси!... Вволю побалакав, исполнительный секретарь СНГ полетел от Эдуарда к Роберту, который Кочарян, президент благоухающей независимостью Армении.

Москва 2002

C'EST PLUS GU'INFAME, C'EST RIDICULE (В. Лукин, В. Похмелкин и др.)

По каналу НТВ известный Савик Шустер дал в программе "Свобода слова" большую телепередачу на тему "Роль спецслужб после 11 сентября сего года". Разве это не тот случай, когда и мне можно вставить словцо?

Передача была увлекательной. Главных действующих лиц по сценарию в ней было четыре, но я начну не с первого, не с Геннадия Зюганова, а с появившегося позже персонажа по фамилии — не уловил по тугоухости — то ли Похмелкин, то ли

Похлебкин, а звать его Виктором. Он молод, статен, уверенно держится, но говорит убогим языком всех демократов. Будучи депутатом Госдумы, до недавних пор состоял во фракции СПС и вдруг сбежал оттуда в какую-то новую партию Либеральная Россия. С чего — ума не приложу. СПС возглавляет Немцов, а этой будет руководить Березовский. Так в чем разница? По-моему, это почти то же самое, что в годы гражданский войны от батьки Махно перебежать к генералу Шкуро. Впрочем, не совсем точно: ведь Махно иногда выступал на стороне Красной Армии. Пожалуй, точнее сказать как от Зиновьева к Троцкому. Тем более, что Зиновьев, подобно Немцову, руководил своими единомышленниками здесь, в России, и порой открыто, а Троцкий в 30-е годы тайно дирижировал российскими троцкистами из-за моря, как будет делать это и объявленный в розыск Березовский. Сам Похмелкин в ответ на упреки ему как перебежчику сказал: "Я не понимаю, почему быть в одной партии с Березовским хуже, чем в партии с Немцовым". Конечно. Хрен редьки не слаще.

Отмеченное различие в характере дирижирования не столь существенно — гораздо более важное, определяющее значение имеет общая для Немцова, Березовского и Похмелкина ненависть к недавнему прошлому своей страны, ненависть к Советской власти, к коммунизму, как и полное невежество во всем этом, что не мешает им то и дело с важны видим толковать о профессионализме. На самом деле настоящий профессионал в законе только один из них.

Для исчерпывающей морально-политической характеристики В. Похмелкина вполне достаточно того, что в этой передаче он заявил: "Фашистская Германия и Советский Союз унесли миллионы жизней". Попытался поставить на одну доску гитлеровский расистский рейх, стремившийся поработить весь мир и в первую очередь истреблявший коммунистов, и его, Похмелкина, соплеменников, и — свою Родину, разгромившую фашизм, спасшую мир от порабощения, а миллионы его, Похмелкина, соплеменников — от уничтожения.

Разного рода, даже частного характера, похмелкинские сопоставления и параллели между фашизмом и коммунизмом, нацистской Германией и Советским Союзом, Гитлером и Сталиным подлы и омерзительны в устах любого человека, а особенно — еврея, которому веки вечные полагается молиться на Советскую власть и Красную Армию. Увы... А вот, например, некий А. Н. Гордиенко в своей плюгавой книжонке "Иосиф Сталин" (Минск. 1996) пишет: "В отличие от Гитлера, добровольцем ушедшего на фронт, провоевавшего на передовой всю войну и заработавшего два Железных креста, Джугашвили никогда не служил в армии и, несмотря на упорное самообразование, имел о ней весьма смутное и дилетантское представление". Как превознесен Гитлер и как оплеван Джугашвили! Но когда началась Первая мировая война, Гитлеру было 25 лет — самый солдатский возраст! И был он свободный гражданин. А Сталин на десять лет старше, и был он в далекой Туруханской ссылке как осужденный по политической статье противник царского режима. Такого направить на фронт не могли, как во время Великой Отечественной и у нас не посылали на фронт политических. По российским законам Сталина не должны взять в армию и как единственного сына, единственного кормильца старой матери. Не могли взять еще и потому, что левая рука была у него с детства покалечена. Однако в декабре 1916 года, после отбытия ссылки, когда ему было уже 37 лет, Сталина все-таки мобилизовали и по этапу направили в Красноярск, затем в Ачинск. Но тут грянула Февральская революция. Армия развалилась, как развалилась и германская армия после революции в ноябре 1918 года. А сказать, что

Гитлер "всю войну провоевал на передовой", может только воспитанник гитлерюгенда, ибо, с одной стороны, он воевал далеко не всю войну, с другой — вся его та война — это работа сперва в качестве санитаря, а потом — связного, доставлявшего приказы из штаба полка.

Конечно, это важно и сопряжено с риском, но разве не ясно, что связной должен постоянно находиться не на передовой, а при штабе полка, лишь время от времени отправляясь в штабы батальонов, где в свою очередь тоже имелись связные, которых посылали в роты. За время гражданской войны Сталин побывал на многих фронтах и на ответственных должностях, где при его уме и способностях, конечно же, набрался богатого военного опыта. И когда этот почитатель Гитлера, да еще и Троцкого, пишет, что "в годы Гражданской войны неудачи Сталина исправлял Троцкий", то ведь ни единого примера гениальности Троцкого привести не может — их нет. Но, к слову сказать, Сталин не отрицал способностей Троцкого в противоположность тому, что тот писал и говорил о Сталине. После Гражданской войны в качестве Генерального секретаря ЦК партии Сталин постоянно и дотошно занимался делами армии и ее вооружения. А уж насколько он в этом разбирался и какую роль как военный руководитель сыграл он в Великой Отечественной войне, на сей счет есть достойные и высокие высказывания лучших полководцев Второй мировой войны - Г. К. Жукова, А. М. Василевского, К. К. Рокоссовского, Д. Эйзенхауэра и других. Есть несколько большее основание доверять им, а не пламенному певцу Гитлера. А первый Железный крест Гитлер получил как санитар. Что ж, ничего удивительного. На фронте получают награды и работники банно-прачечных отрядов. "Провоевав всю войну на передовой", Гитлер дослужился только до ефрейтора, а Джугашвили стал генералиссимусом. Говорят, между этими званиями есть некоторая дистанция. И вот в 1941 году оба возглавили свои армии в качестве Верховных главнокомандующих.

Так кто же лучше командовал — ефрейтор или генералиссимус, если армия первого, разорвав договор, темной ночью обрушилась на армию второго и, пользуясь великим преимуществом внезапности, уже накопленным опытом двух лет войны и поддержкой, ресурсами всей Европы, доперла до Москвы, до Волги, до Кавказа — но армия второго выстояла, вышвырнула армию ефрейтора со своей земли, загнала ее в Берлин и там заставила подписать Акт о безоговорочной капитуляции. Так кто же, говорю, лучше командовал армией и руководил страной, чья армия оказалась сильнее — ефрейтора с двумя Железными крестами или генералиссимуса с двумя орденами Победы?.. Этот Гордиенко, предав даже смысл, заложенный в его собственной фамилии, так самозабвенно ползает на брюхе перед тенью Гитлера, что забыл, чем все это кончилось-то: не нашим поражением, а разгромом Германии и персональной порцией крысиного яда для нутра ефрейтора в сочетании с персональной пулей для его же собственного лба.

Здесь к месту будет заметить, что кокетливое заигрывание с тенью Гитлера становится модным среди иных демократов. Недавно в программе "Итоги" ведущий Е. Киселев предложил четверем своим собеседникам высказать новогоднее пожелание президенту. И вот до чего додумался известный столп демократии Сатаров. Не пожелание, говорит, скажу, а задам загадку. Кто сказал: "Я не знаю, что такое свобода слова, но мне известно, что олигархи пользуются ею для обделывания своих делишек". Если трудно, говорит, могу подсказать дату: 1941 год. У Киселева от любопытства аж волосы бороды зашевелились: кто же? кто же?

И Сатаров ответил: Гитлер. Вот, мол, какие мы, демократы, широкие люди, и Гитлера знаем и цитировать его на всю страну можем.

Отменно. Начало положено. А не пойти ли вам дальше, полупочтеннейший? Задайте, например, своим друзьям Немцову, Явлинскому, Хакамаде да и тому же Похлебкину такую загадочку. Угадайте, кто сказал: "Евреи всегда сами разжигали антисемитизм. На протяжении тысячелетий все народы мира реагировали на них одинаково. Неизбежно наступает время, когда люди начинают осознавать, что они подвергаются безжалостной эксплуатации со стороны еврейства. Народы пробуждаются и встряхиваются подобно животному, которое пытается отделаться от паразитов". Если друзья ваши затруднятся с ответом, то подскажите: это слова из завещания, написанного в апреле 1945 года в Берлине...

Был на той передаче у Шустера и председатель Совета ветеранов КГБ В. Величко, который в целом, по-моему, достойно держал удары и парировал их. Его не смутил, например, вопрос какого-то вдумчивого эколога о нескольких одновременно идущих процессах по обвинению в шпионаже и предательстве Родины. Два во Владивостоке, три в Воронеже! Как, дескать, это возможно? Это пахнет 37-м годом! — страшал граждан эколог-патриот. Величко объяснил, что в результате предательства таких глубинных олухов демократии, как председатель КГБ Бакатин, с согласия Горбачева и Ельцина выдавшего в свое время за здорово живешь американцам наши государственные секреты и до сих пор, вот уже двенадцатый год, ждущего, что те перестанут, наконец, хохотать и ответят адекватно полоумным жестом, наши органы госбезопасности оказались страшно ослаблены, а натиск иностранных разведок многократно возрос. И в обстановке, когда враг народа N1 и получает Нобелевскую премию, а столь же известному губителю Родины и врагу народа N2 сам нынешний президент на глазах всего народа навешивает на шею высший орден державы, а не заслуженную пеньковую петлю, — как в такие подлые времена не заподозрить в предательстве, если есть к этому какие-то основания, безвестного морячка Григория Пасько, которому вдруг взбрело на ум кое в чем просветить японцев нашими секретными документами? Вдумчивый эколог и его собратья на телевидении подняли шум: "Нарушают права человека! Лишают свободы слова! Опять преследуют журналиста!" Генерал Зданович ответил им: "Пасько судили не как журналиста, а как офицера, принявшего присягу, которая обязывала его хранить государственную тайну". Мозгами шевелить надо, вдумчивый эколог!...

На сей раз не ударил лицом в грязь и Геннадий Зюганов. Против него сразу вылезла такого рода личность, судя по всему, весьма близкая к известному А. Н. Яковлеву, которому, между прочим, Наталья Морозова недавно в "Правде" дала наконец замечательно точное определение: *alte Maedchen fuer alles*. Я бы уточнил только одно: *alte Maedchen* — старая политдевушка, б/у политдевушка... Возникшая личность заявила, что я, мол, не только бывший коммунист, но и работник Отдел пропаганды ЦК, мне, дескать, все доподлинно известно. Сей Отдел в свое время та самая *alte Maedchen fuer alles* и возглавляла. Очень похоже, что он, б/у девушка, и подослал помянутую личность на эту передачу, распорядившись, чтобы ее посадили в первый ряд: скажи, мол, правду-матку, известную тебе изнутри коммунизма. И тот со свирепым видом даже, кажется, щелкая зубами, понес такую ахинею... Когда он наконец замолчал (не потому, что понял свою несуразность, а просто иссяк), Зюганов резонно ответил под аплодисменты участников передачи и всей страны: "Из-за таких работников ЦК, увы, КПСС и потерпела поражение". Я

думаю, что в сей момент у Яковлева, конечно, смотревшего передачу и возлагавшего убойную надежду на своего агента, случился заворот кишок. А сама гоголевская личность в течение всей передачи больше и словечка не вякнула и в кадре не появлялась.

Потом на трибуне возник телевизионноизвестный Владимир Лукин, депутат фракции "Яблоко" и, кажется, даже в компании с Жириновским и мадам Слисской. Лукин напрямую связан с темой КГБ. Его родители были репрессированы, но за что и как именно — нам неизвестно. Для простоты рассуждения будем считать, что были они честными гражданами и строителями социализма, а пострадали ни за нюх табака. Что ж, случалось. Мой дед Федор Григорьевич Бушин — царство ему небесное! — тоже отсидел некоторый срок в товарковской тюрьме, а когда мой отец (к слову сказать, бывший царский офицер) добился его освобождения, деда избрали председателем колхоза в деревне Рыльское Куркинского района Тульской области, что на Непрядве, недалеко от Куликова поля.

Но дело не только в родителях. Оказывается, Владимир Петрович, как пишет его биограф, "поддерживал дружбу с известными диссидентами. Ясно, что имея таких друзей, он находился в поле зрения КГБ". Ну, в поле зрения КГБ находилась и должна была находиться вся страна — он же ее оберегал. И весь мир должен был находиться, как находится он и ныне в поле зрения ЦРУ. Этого, к сожалению, не понимал тов. Крючков, сделав исключение для таких высокопоставленных личностей, как Горбачев. Ведь подумать только, он к нему, как раз к предателю, являлся с оперативными материалами о другом предателе Яковлеве, но получил указание "Не трогать девушку! Она невинна". — "Так точно! Будет исполнено". И не тронул, и справку о невинности не потребовал...

Странно, что в такой передаче Лукин не последовал недавнему примеру И. Хакамады, закатившей истерический припадок по поводу будто бы 65 лет тому назад репрессированного дедушки, — он ни слова не сказал как о своих, может быть, действительно пострадавших родителях, так и о том, что вроде бы сам был "под колпаком" КГБ. Несмотря на собственный "колпак" и на родителей, "тем не менее", как элегически замечает биограф, никто не помешал Лукину проделать головокружительную карьеру: нормально окончил школу, где был принят в комсомол; из далекого Омска прикатил в Москву и стал студентом столичного вуза; вступил в партию, а в армию, как Новодворская, почему-то не вступил; после вуза несколько лет работал в Музее революции, изучал и популяризировал великие блага для страны и человечества, принесенные Октябрьской социалистической революцией. Вдруг аспирантура и работа в элитном Институте мировой экономики и международных отношений Академии Наук. Как из скромных музейных работников Лукин на четыре года попал в этот главный антисоветский серпентарий страны, который позже возглавлял все тот же Maedchen fuer alles, — загадка. После этого - Прага, журнал "Проблемы мира и социализма" (выходил с 1958 года), блатная должность старшего референта, то есть младшего бездельника, а старшими-то бездельниками там были известный Арбатов, Бовин, могли быть и Явлинский, и Юшенков... Читаем в биографии: "В 1968 году вместе со всем коллективом редакции Лукин подписал письмо с протестом против ввода советских войск в Чехословакию". Кому письмо? Кто его видел? Где оно напечатано? И что же дальше? А вот: "Всю редакцию срочно погрузили в военный самолет и вывезли в Москву". И тотчас всех бунтарей тут же на московском аэродроме расстреляли? Конечно! В живых остались только Лукин да Арбатов.

Владимир Петрович прямо с аэродрома попадает в Институт США и Канады, второй главный серпентарий страны социализма, где уже сидел директором, обогнав Лукина, недорасстрелянный Гоша Арбатов. Уж этот карьерный путь нашего омича ослепителен. А дальше и того пуще.

Дальше происходит просто чудо. Читаем: "В 1985 году в самом начале перестройки Лукину неожиданно поручают сделать доклад о реформах в Китае на Политбюро ЦК КПСС". Кто поручает? Почему? Какое отношение сотрудник института США и Канады имеет к Китаю? Ведь это все равно, что египтологу поручить доклад о работе газеты "Завтра". Гораздо резоннее, логичнее, если доклад о реформах в Китае сделал да хотя бы я. Во-первых, пусть и давно, еще во время войны, но я был в Китае. Во-вторых, я уже начал писать, обращаясь в перестройщикам: смотрите, что происходит в Китае, берите с него пример, а не с ФРГ или Швеции, о которых нам тогда все уши прожужжали, — ведь мы соседи, и у нас много общего в географических условиях, мы сравнимы по территории, по людским ресурсам, у нас много общего в системах, есть похожее в историческом прошлом... Так нет же, поручают доклад пражскому бунтарю Лукину, который отродясь ни одного живого китайца не видел. Каков же результат? Сногшибательный: "Доклад понравился. И это определило мидовскую карьеру Лукина. Он становится заведомым МИДа". Вот его Тулон! Один доклад — и рядовой безвестный кандидат наук становится заведомым МИДа. Кому же понравился его доклад? Прежде всего, конечно, директору ЦРУ и генеральному секретарю Горбачеву. И Лукина двигают дальше, вот он уже и руководитель блатной "группы анализа и прогнозирования при Секретариате Верховного Совета СССР". А вскоре — председатель Комитета по иностранным делам Верховного Совета России. И в этом качестве он делает незабываемый подарок Родине: рекомендует на пост министра иностранных дел уроженца Брюсселя Андрея Козырева, небольшого чиновника МИДа, но ближайшего советника сбежавшего к тому времени министра Шеварднадзе. Козырева все знают лучше, чем Лукина, писать о нем скучно. Но этот подарочек (Козырев министр иностранных дел) Россия никогда Лукину не забудет...

Не забыл этого и сам Козырев: в феврале 1992 года Лукин становится послом в США, в земле обетованной всех антисоветчиков и коммунофобов. Мог ли мечтать об этом очкарик из Омска, бедный отпрыск репрессированных родителей!... Пробыл он там недолго, меньше двух лет, но и за это время сильно укрепился в своем, может быть, генетическом антикоммунизме.

Из деятельности Лукина в должности посла достоин внимания такой эпизод. Александр Солженицын, находившийся тогда в США, обратился к нему с каким-то вопросом. И в своем ответе писателю тот, между прочим, жаловался: я-то думал, что должность посла — это лишь приемы, парадные завтраки, файв-о-клоки, брифинги, посещение театров да художественных выставок, а оказывается, надо работать!... И это говорил 45-летний человек, воспитанник трех институтов, все-таки поработавший в МИДе, один из столпов российской демократии... А ведь после двадцати пяти лет люди не умнеют. Что же можно от него ждать теперь, когда ему под 60, хотя бы в этой телепередаче! Как можно было верить тому, что он упрямо, но жалко лепетал: "Путин правильно выбрал союзников — США, Запад... Правильно выбрал Путин союзников — Запад, США... Выбрал Путин союзников правильно — США, Запад..."

В тот же день в программе "Постскриптум" была передана беседа с министром иностранных дел Игорем Ивановым, преемником Козырева. Сразу замечу, что он употреблял очень странные выражения, например, "афганский эпизод" — это о погроме, устроенном на афганской земле американцами в поисках бен Ладена. Это совершенно в духе НТВ, которое назвало "неприятным инцидентом" убийство в тот день американцами с воздуха 65 старейшин разных родов, ехавших в автобусах на торжество в Кабул по случаю прихода к власти нового правительства. В духе и самих американских псов войны, как они сами себя нарекли, назвавших это же массовое убийство почтенных старцев, спешивших на государственный праздник, "сопутствующими потерями" — не своими, а чужими потерями. Министру иностранных дел надлежит говорить все-таки иным языком, чем псам.

Корреспондент спросил: "Американские войска уже получили базы в республиках Средней Азии, на недавней советской территории, в близости от границы России. Это как?"

"А все предельно ясно, — с резвой готовностью ответил министр. - Наш президент с самого начала четко и внятно заявил, что среднеазиатские республики — самостоятельные государства и сами решают все вопросы".

Интересно! Вот оно, горбачевско-ельцинское "новое мышление". Не умерло, а живет и побеждает в черепных коробках наших новых отцов Отечества. Но ведь если так, то чего же тогда рыпаться против продвижения НАТО на Восток и возможного вступления в него Прибалтики или Украины — они ведь тоже самостоятельные государства! Создается впечатление, что министр, говорящий языком псов войны, просто и не слышал никогда, что у стран существуют сферы интересов. Так взял бы консультацию у американского коллеги.

А как ликовал Иванов по поводу того, что мы при нашей на ладан дышащей армии готовы сократить число боеголовок до 1200, а душки-янки сулят сократить аж до 1700-2200. Разве можно сомневаться, что если они пойдут на сокращение, то, конечно же, оставят 2200, то есть почти в два раза больше, чем у нас. Чего ж ты ликуешь, дядя?

В общем и целом министр Иванов твердил то же самое, что Лукин: "Мы должны дорожить тем единством, что сложилось в сообществе на базе борьбы против терроризма... На Кубе, в Камрани — всюду мы руководствовались только национальными интересами России, нигде мы не действовали под давлением США или Запада..."

В этот момент я заметил слева от министра что-то темное. Пригляделся... Это была, видимо, отлитая из чугуна небольших размеров копия знаменитой скульптурной группы, изображающей гибель Лаокоона. Ее изваяли родосские скульпторы I века до нашей эры.

Беседа с Ивановым проходила, судя по всему, в его рабочем кабинете в министерстве. Что ж, это было принято всегда — украшать столь важный государственный чертог произведениями или хотя бы достойными копиями высокого искусства. Министерство иностранных дел России хорошо бы, правда, украсить произведениями прежде всего русского искусства. И если бы министр Иванов работал, допустим, в присутствии и под взорами "Трех богатырей"

Васнецова, то эт ему наворачьяка помогало бы. Ведь Илья Муромец, Добрыня Никитич и Алеша Попович стояли на страже национальных интересов и сфер влияния Руси, как обязан к этому же и должностью, и национальностью, и фамилией министр Иванов. Каким бы глубоким и прекрасным символом была эта великая картина в его державном кабинете! Вот явилась бы к нему, скажем, старушка Олбрайт, с которой он так любит целоваться взасос. Она, конечно, поинтересовалась бы: "Что это за русские мужички на коняшках и зачем-то с оружием? И чего высматривает вдали из-под ладони тот, что в середине, на черной коняшке?" И министр Иванов, прежде чем кидаться взасос, ответил бы: "А это, матушка Мадлен, художественное выражение доктрины внешней политики России. Мужичка этого, что в середине на вороном коне, зовут Илюша, высматривает он врагов Отечества, чтобы огреть их семипудовой палицей, а также — все ли в порядке на наших далеких военных базах, в частности, на Кубе. А этот, что с луком на игреневой лошадке, заметьте, косит глазом в сторону нашей вьетнамской базы в Камрани. И встали эти русские мужички на свой пост лет за пятьсот до открытия вашей Америки, и никак иначе они не могут". Ну а после таких слов и взаимного созерцания картины можно и взасос со старушкой Мадлен, если у нее не пропал бы интерес.

Впрочем, никто не против и того, чтобы в министерстве наряду в произведениями русского искусства были шедевры мастеров не только, естественно, других народов России, но, конечно, и иностранных, в том числе древних. Как отрадно смотрелась бы над письменным столом министра, допустим, картина английского художника Джошуа Рейнолдса "Младенец Геракл, удушающий змей, подосланных Герой". Эта картина была написана по заказу Екатерины II. Пользуясь правом выбора сюжета, предоставленного императрицей, Рейнолдс так объяснял свой выбор: "Я избрал темою сверхъестественную силу Геракла еще в младенчестве, ибо сюжет этот допускает аналогию (по крайней мере, отдаленную) с недетской, но столь же известной мощью русской империи". Даже и отдаленную аналогию русская императрица оценила высоко. В ленинградском Эрмитаже есть и мраморные скульптуры младенца Геракла, удушающего змей, подосланных Герой.

Так с какой же стати у Иванова едва ли не на письменном столе - Лаокоон? Да уж и не мадам ли Олбрайт и подарила эту скульптуру разлюбезному коллеге? Может быть, министр не знает легенду о Лаокооне и думает, что он, как младенец Геракл, задушил змей, которых тоже было две? Тогда напомним...

Десять лет безуспешно осаждали греки Трои. И взяли ее на десятый год не силой, как, скажем, немцы пытались завоевать Россию, а хитростью, как поступили США, Запад и наши демократы. Греки-данайцы по совету хитроумного Одиссея, прародителя Аллена Даллеса, разработали ловкую программу взятия Трои изнутри: на берегу моря недалеко от города построили огромного деревянного коня, разместили в нем много своих беспощадных воинов вроде Ельцина и Чубайса, а сами удалились на ближайшие острова. Добродушные троянцы не разгадали коварного замысла противника, решили, что он полюбил общечеловеческие ценности, прекратил войну и снял осаду. А коня приняли за подарок себе, на который боги надоумили греков перед их отбытием, и втащили его в город, для чего потребовалось разрушить часть крепостной стены. Ночью древнегреческие ельцинисты вылезли из коня, перебили лучших троянцев, и город был взят.

Что ж, история, увы, прекрасно нам знакомая. И мы слышали голоса: Америка стала другой! Запад совершенно переродился! У нас нет врагов! Кругом одни друзья, желающие нам только добра! Вот французы, например, они нас так любят. Давайте вернем им с процентами царские долги столетней давности, это будет красивым жестом в духе нового мышления... Демократия, верещали, это дар Божий, давайте затащим кобылу демократии в наш дом!... И стали тащить. Дряхлая кобыла не влезала. Тогда принялись разрушать крепостную стену — все, что мешало ей пройти: компартию, госконтроль, КГБ, монополию торговли... Тащили задом наперед, удалось втащить только круп, и из него полезли всегда гнездившиеся там бурбулисы, Гайдары, Немцовы, сванидзы, Явлинские, хакамады, Киселевы, Новодворские... И город был взят.

А Лаокоон был троянским жрецом, он своевременно пытался остановить сограждан, предсказывал, что деревянный конь принесет им горе. Но поскольку заоблачная олимпийска закулиса уже предопределила судьбу Трои, то бог моря Посейдон послал двух чудовищных морских змеюк, которые, несмотря на отчаянную борьбу жреца и его сыновей, задушили всех троих. И у нас был Лаокоон, даже не один, и тоже были удушены министр Пуго, маршал Ахромеев, генерал Рохлин... И как за Лаокооном встает вся Троя, так за упомянутыми жертвами — вся Россия. Но змей в нашем случае тоже было не две, а две вышеназванных главных да еще целый выводок помельче... Если министр Иванов, украшая свой кабинет скульптурой Лаокоона, не понимает столь явной аналогии, то, Боже милосердный, как же деградировали отцы нашего Отечества со времен Екатерины. Если не понимает таких простых вещей, то где ж ему решать проблемы глобального масштаба...

А Лукин, если к нему еще раз вернуться, человек ужасно образованный — воспитанник трех институтов — и очень любит это показать. То стишок Ахматовой ввернет наизусть, то философскую цитатку сунет нам под нос, то просто изобразит мину большо-о-го эрудита. Видно, очень нравится ему известный афоризмик, принадлежащий не то Талейрану, не то Фуше, не то Булэ, а, может, и самому Наполеону: "Это хуже, чем преступление, это ошибка". Афоризмик предельно циничный, безмерным цинизмом и отличались все названные выше его возможные авторы. В самом деле, ведь преступления и ошибки могут быть совершенно разные и никак несопоставимые. Чубайс морозит города, из-за отключения им электроэнергии на операционном столе умирают люди — это преступление. А я ушел из гостей в чужой шапке — это ошибка. Так чем же моя ошибка "хуже" преступления Чубайса? Зубрила Лукин не соображает этого. Видимо, не знает он и того афоризма, который я сделал заголовком этой статьи. Он переводится с французского так: "Это хуже, чем подло, это смешно". Именно так хотелось мне сказать, когда я слушал в этой телепередаче Похлебкина, Лукина, гоголевского героя из яковлевского отдела ЦК, вдумчивого эколога и кого-то еще.

Москва 2002

"В ЭТОЙ РЕЧКЕ УТРОМ РАНО..." (В. Познер, С. Шустер)

Агрессия зажавшихся англо-американцев против нищего Ирака показала миру прежде всего бездарность, малоумие и лживость агрессора, не говоря уж о его зверской жестокости. Малоумным было само изначальное его представление об Ираке: паркетные военно-политические мудрецы Вашингтона и Лондона были

уверены, что стоит им только подтянуть к границам Ирака огромные силы, дать своему бандитскому налету, с одной стороны, устрашающее название "Шок и трепет", а с другой, — объявить его "битвой за свободу Ирака", нанести первый удар, и тут же в стране начнется антиправительственное восстание, армия будет сдаваться и переходить на сторону оккупантов, режим рухнет, и освобожденные иракцы кинутся с цветами и помидорами обнимать и целовать толстопузых освободителей. Именно такой уверенностью объясняется поведение Буша: как сообщалось, он отдал приказ о начале вторжения и пошел спать. Посол Ирака в Москве Аббас Халаф сказал об этом; "Буш был убежден, что когда проснется, то ему подадут в постель кофе и доложат, что Багдад взят". Но после этого Буш ложился и просыпался пять раз, десять, пятнадцать, но военный министр Рамсфелд не доложил ему о взятии ни одного иракского города.

Все агрессоры мировой истории во многом схожи. Вот так и немецкие фашисты были уверены, что после первых же ударов народы нашей многонациональной страны передерутся и Советская власть рухнет. Уже заготовили и пригласительные билеты на парад своей победы в Москве. Генерал-фельдмаршал Клейст, выступавший на Нюрнбергском процессе в качестве свидетеля, показал: "Надежды на победу основывались главным образом на том, что вторжение произведет политический взрыв в России и что Сталин, если последуют тяжелые поражения, будет свергнут своим собственным народом". Тяжелые поражения были, но всем известно, чем дело кончилось. Ведь точно так же, как Гитлер, буквально один к одному думали Буш и окружающие его бездари. Даже видя в течение первой недели интервенции крах своих блиц-надежд, Рамсфелд, все еще пребывая в состоянии глубокого малоумия, заявил: "Мы можем поручить свержение Хусейна жителям Багдада". Гитлер признался в конце войны: "Мы распахнули дверь, но не знали, что за ней находится". Стеснительно, робко, но все же следует Буш примеру Гитлера. Проснувшись после первой ночи и не получив сообщения о взятии Багдада, он не признался, что распахнул дверь в неведомый ему мир, но сказал, однако: "Война продлится четыре дня". А когда миновали и четыре дня, изрек: "Война продлится столько, сколько потребуется для победы". Ну наконец-то! Теперь еще узнать бы, чья будет победа. Это большой вопрос, особенно когда видишь, как спали с лица еще недавно такие веселенькие министр обороны Рамсфелд, министр иностранных дел Пауэлл и сам президент Буш.

Нельзя не заметить, что сильно погрузтели мордашки и у некоторых наших телевизионных угодников прогресса — Т. Митковой, В. Суханова, В. Кондратьева и др. Вообще-то это первостатейное свинство — показывать войну по телевидению. Но кое-кому нравится. Какой-то безвестный английский военный обозреватель Хастингс поведал миру, что для него бомбежки и пожары такое же увлекательное зрелище, как футбольный матч. Этому обозревателю надо бы поставить в Лондоне памятник, подобно тому, как Путин уже поставил памятник нашему доморощенному гуманисту Окуджаве, признавшемуся, что он смотрел расстрел Дома Советов как финал увлекательного детектива — с наслаждением.

Т. Миткова, с резвостью знаменитой Трындычихи таратора о кровавой трагедии как о веселой ярмарке или о том же футбольном матче, вдруг переходит на печальный полушепот. Что такое? А это настала пора сказать о потерях интервентов. Но вдруг опять затараторила. В чем дело? А это рассказывает, будто американцы выливают на землю вино, привезенное из ненавистой Франции, посмевающей возразить Америке. И добавляет, как опытная провокаторша: "Сведений

о том, что американские патриоты выливают и русскую водку, пока не поступало". Пока! Как ловко они жонглируют этим словцом...

А третий калач Кондратьев, который сейчас в Вашингтоне? В первый день он уверенно заявил, что война продлится два-три дня, т.е. в жизнерадостно-оголтелом американском патриотизме превзошел самого Буша. И присовокупил: "Американцы дают более правдивые сведения о событиях на фронте, чем иракцы". Это почему же? Сколько раз они пламенно уверяли весь мир, что у Ирака есть оружие массового поражения. Послали туда многочисленную международную инспекцию, но она ничего не нашла. Когда уже вторглись, радостно прокукарекали, что случайно набрали на завод, изготавливающий ядовитые вещества. Но этим кукареканием все и кончилось.

А сколь гневно они клялись, что Ирак угрожает существованию Америки! Как? Каким образом? Эта небольшая, истощенная блокадой страна ведь на другой стороне земного шара. А мы помним, что американцы и раньше клялись, что им угрожают со всех сторон, со всех углов планеты — и Северная Корея, и Вьетнам, и Иран, и Сомали, и даже Панама. После вторжения вранье получило особый размах.

В первый же день интервенции, после первой же бомбежки объявили, что Саддам если не убит, то уж точно ранен. Через несколько часов весь мир увидел бодрого покойника на телеэкранах.

Во второй день американские Геббельсы сотрясли эфир заявлением о том, что вице-премьер Тарик Азиз в страхе бежал из Багдада на север страны к туркам, потом добавили, что при этом он был убит. Через несколько часов улыбающийся покойник тоже появился на экранах. Тогда Геббельсы с Потомака заверещали: "О, вы не знаете этот преступный режим! Там у каждого руководителя по три двойника. Вот они и красуются на телеэкранах. А Саддам Хусейн умер от рака еще в 1999 году". Поверил этому, пожалуй, один только во всем мире Юрий Мухин. Он обожает такие басни и твердо уверен, что и Ельцин давным-давно умер, а фигурирует до сих пор его двойник.

На третий день с восторгом огласили на весь белый свет: "Нам сдались в плен 10 тысяч иракских солдат". И стали показывать группы каких-то мужчин в гражданской одежде, спокойно сидящих на земле и о чем-то мирно беседующих. Журналисты, конечно, стали спрашивать: "А почему они все в гражданском?" В ответ слышали: "О, вы не знаете этот преступный режим! Там каждый солдат всегда имеет за пазухой гражданскую одежду и может в любой момент переодеться". Хорошо, но ведь тут не десять тысяч, а несколько меньше, человек 20-30. Как же так? Вместо ответа на такое недоумение американцы объявили, что им в плен сдались еще две тысячи иракцев.

Сделав небольшую паузу, принялись за Басру, крупнейший город страны, в которой в 1943 году предполагалась встреча "большой тройки", но Сталин настоял на Тегеране. Объявили, что Басра взята доблестными войсками прихвостней-англичан. Но быстро выяснилось: ничего подобного. Вскоре опять ликовали: "Над Басрой водружен флаг Британии!" Русские журналисты опровергли и эту лажу. И так о взятии Басры объявлялось девять раз. Интересно: какому по счету из этих объявлений поверил наш мыслитель Кондратьев? Тогда, видя, что со взятием города ничего не выходит, соперники Геббельса стали уверять мир, что в городе

наконец-то началось восстание против Саддама: мусульмане-шииты жутким образом потрошат мусульман-суннитов. Однако никто не обнаружил и восстания. Затем мы услышали, что Хусейн бежал в Иорданию. И такое вранье каждый день, каждый час.

А тут еще обнаружилось, что американские и английские бомбы и ракеты, которые посылают на голову иракцев, почему-то частенько попадают то в Турцию, то в Иорданию, то в Саудовскую Аравию, а то и вовсе по своим войскам. К тому же в небе сталкиваются и гибнут вместе с экипажами свои самолеты и вертолеты. Вот так организация, вот так оружие, вот так вояки! Помните, как в 1980 году во время десанта на землю Ирана с целью освобождения своих дипломатов, блокированных в посольстве, американские самолеты и вертолеты передавили друг друга? Прошло столько лет, и они за это время ничему не научились! Бестолочью были, бестолочью и остались. Мало того, не смогли наладить даже нормальное питание своих солдат, кормят их, как собак, один раз в сутки. Это при таком-то обилии техники, средств связи и т. п.

Примечательно, что по поводу гибели своих самолетов и вертолетов оккупанты обычно говорят: "Они не сбиты противником, а стали жертвами технических неполадок". Не соображают, что погибнуть в бою — это достойная смерть, а если вы губите солдат "по техническим причинам", то вы вообще дерьмо, такое же пахучее, как наш Ельцин с его знаменитыми 38-ю снайперами... Гитлер после провала немецкого наступления на Москву отправил в отставку 35 генералов, в том числе командующего сухопутными войсками Браухича, командующего группой армий "Центр" Бока, командующего Второй танковой армии Гудериана и др. В США пока отставили одного только разработчика операции "Шок и трепет". Получил он обратно свой шок, получит и трепет.

Когда я читаю или слышу: "Столыпин сказал: "Вам нужны великие потрясения"... или: "Сталин говорил: "Нет пленных, есть предатели"... или: "Черчилль однажды заметил"... или: "Это хуже, чем преступление, это ошибка"... или: "Политика дело безнравственное, грязное", — когда мне встречается нечто подобное, я тотчас напяливаю противогаз, ибо понимаю, что передо мной или думский Лукин, или телевизионный Познер-Шустер, или какой-то еще такого же пошиба вояка из спецназа демократии. А от них можно ожидать всего, вплоть до газовой атаки.

Вот 22 марта этот шустрый Савик и начал передачу "Свобода слова" именно так: "Черчилль однажды сказал: "У Британии нет друзей, у Британии есть союзники". Своим шустерским умом Шустер, увы, не понимает, что ныне на телевидении имя Черчилля, ссылка на него стали верным клеймом невежества и плоскоумия. И приведенные слова — нелепость. Ведь у Англии много друзей: живущие там Березовский, Резун-сочинитель, тутошние Ходорковский, тот же Познер, сам Шустер и т. д. А США уж такой друг Англии, что они готовы вместе хоть в пекло, хоть в лужу, как мы это и видим сейчас Ираке. И сказано-то было, славный Савик, совсем не так, а вот как: "У Англии нет друзей, у нее есть интересы". И сказал это, милоч, вовсе не Черчилль, кроме которого вы с Познером едва ли знаете еще хоть одного западного политика, а Пальмерстон (1784-1865). Слышал о таком? Последние десять лет жизни он был английским премьером. А интересы Англии, как ныне американцы, находил всюду, нашел даже в нашем Крыму и стал одним из главных организаторов Крымской войны против России, Маркс о нем писал: "Принадлежа по происхождению к тори, он все же сумел ввести в управление

иностранными делами весь тот клубок лжи, который составляет квинтэссенцию политики виггов". Вот кого хоть и неграмотно, однако весьма почтительно цитирует бедный Савик, плохо учившийся в школе.

Но у Савика есть одно бесспорное качество — безмыслапролезаемость. И среди спецназовцев демократии Шустер один из самых неутомимых. Он и "Свобода слова", он и "Влияние", он и о спорте вас просветит... Но сейчас, в дни англо-американской агрессии против Ирака, у дивного Савика неожиданно прорезалось еще одно замечательное свойство — высокое уважение к нравственности, страстная любовь к морали. В его передаче "СС" 22 марта Виктор Илюхин сказал, что хорошо бы помочь оружием небольшой слаборазвитой стране, подвергшейся бандитскому нападению мирового жандарма и его карманного прихвостня с хвостом льва. Нежный Савик вскинулся: "Как можно! О чем вы говорите! Как на вас не обрушилось небо! Во всем мире Саддама Хусейна считают диктатором, а вы хотели бы ему помогать. Это не этично, это аморально, это безнравственно!"

Ах какая трогательная замшелость! Ведь еще в начале всей нынешней катавасии, еще при Советской власти, но уже при Горбачеве савиковы предшественники иступленно тыкали нам в нос: "Советский Союз торговал оружием. Стыд! Ведь оно попадало в руки кого угодно. Позор! Для вас деньги выше морали. Империя зла!" Мы долго терпели их скулеж, но в конце концов не выдержали и привели факты: на первом месте в мире по размаху торговли оружием стоят разлюбезные им США, на второй — не чуждый им Израиль. Только после этого они заткнулись, скулеж на данную тему прекратился. И вот Савик вдруг опять заскулил.

А предложение В. Илюхина, конечно же, очень гуманное. Если бы в свое время наша страна помогла Югославии оружием, которое позволило бы дать надлежащий отпор заокеанским наглецам, то нынешней агрессии могло не быть. Но российское руководство трусило, выражаясь по-французски, обкакалось. Оно по своему историческому невежеству и отсутствию всякого государственного опыта было уверено, что наша помощь приведет к войне против нас. Откуда им, воспитанникам Собчака, знать, что еще до Второй мировой войны и оружием, и советниками, и специалистами мы помогали Китаю, Монголии, республиканской Испании, а после Второй мировой — Северной Корее, Вьетнаму, — и ни к какой войне это не привело. Да о чем толковать! Оглянулись бы американцы на свое прошлое.

Когда в 1775 году 13 североамериканских колоний Англии поднялись на войну за независимость от нее, Франция заключила с ними, еще никем в мире не признанными, военный союз и прислала в помощь целую эскадру, а Россия объявила "вооруженный нейтралитет", который был направлен против Англии. Надо знать и уважать свою историю... С другой стороны, кто во время нашей Гражданской войны помогал Деникину, Врангелю, Колчаку и другим врагам молодого государства не только деньгами, оружием, техникой, амуницией, но и прямым вторжением на нашу землю? Помогали многие, но больше всех беспорочные американцы во главе со своим президентом Вудро Вильсоном и белокрылые англичане, вдохновленные военным министром Черчиллем. Это тоже надо помнить. А что касается "диктатора Хусейна", то ведь Сталина многие важные лица на Западе тоже считали диктатором, однако это опять же не помешало им после нападения на нас фашистской Германии оказывать нам помощь.

Но вот что любопытно. Я, признаться, считал, что Шустер и Познер - это "близнецы-братья". Порой я говорил себе, как сказал бы великий поэт:

Мы говорим "Шустер" — подразумеваем "Познер".
Мы говорим "Познер" — подразумеваем "Шустер".

Мысленно я даже называл их обоих одним именем — то Шузнер, то Постер. И как я ошибся! Представьте себе, в эти драматические дни между ними обнаружилось расхождение. И какое глубокое! И по какому важному вопросу! Подумайте только: если Шустер обожает мораль и требует, чтобы политика была на высочайшей нравственной высоте, то Познер буквально в один день с Шустером заявил, что политика и нравственность абсолютно несовместимы, что политика всегда аморальна и предъявлять к ней тут какие-то требования совершенно бессмысленно и безнадежно. Ну, разумеется, мы это много раз уже слышали от Е. Киселева и других титанов философской мысли в штатском, но в данной ситуации при столкновении буквально лоб в лоб двух телевизионных баранов дело обретает особую выразительность и требует внимания. Помните детский стишок о незавидной участи двух баранов, столкнувшихся на узком мостике?

В этой речке утром рано
Утонули два барана.

А тут ни один баран не утонул, оба продолжают функционировать и учить нас, как надо жить (я ошибся: один баран, что помоложе, все-таки вскоре утонул. — В. Б.). Поэтому приходится напомнить, что почти любое действие или бездействие, суждение или позиция, взгляд или оценка могут быть нравственными или безнравственными. И политика тут не исключение, тов. Познер.

Взять, допустим, политику западных демократий в тридцатые годы минувшего века. Она была не просто безнравственной, а подлой, предательской. Лидеры Франции и Англии, все эти Чемберлены и Галифаксы, Рейно и Даладьё, надеясь, что Гитлер не тронет их, а со временем ринется против СССР, спокойно смотрели, как фашистская Германия поглотила Австрию, растерзала Чехословакию, задушила Польшу. А ведь существовали международные договоры, согласно которым они обязаны были выступить в защиту жертв агрессии. Но вместо этого господа демократы в иных случаях даже помогали Гитлеру, как это было с Чехословакией.

А какую политику проводила в это время наша Родина? Она многократно, настойчиво и неустанно призывала к созданию системы коллективной безопасности против агрессора, она готова была прийти на помощь Чехословакии и уже выдвинула к границе войска, но, во-первых, по договору мы должны были выступить одновременно с Францией, а она струсила и отказалась; во-вторых, Польша и Румыния не разрешили проход наших войск через свою территорию, наконец, сама Чехословакия испугалась принять нашу помощь и предпочла сдачу без единого выстрела.

Так вот, сударь, политика ваших любимых западных демократий была не чем иным как политическим подонством, а наша Родина проявила ответственность, показала верность своим международным обязательствам, и не ее вина, что фашизм не получил тогда своевременный и дружный отпор. Иначе говоря, наша политика была в высшей степени нравственной.

А возня с открытием Второго фронта! Твердо обещали в 1942 году надули, решительно гарантировали в 43-м — надули, категорически сулили в начале 44-го... Открыли только в июне 44-го, когда уже всему миру было ясно, что мы можем добить фашизм и без союзничков. Только из боязни остаться на бобах они и открыли...

В исторических работах о Великой Отечественной войне нередко приводят сделанное в самом начале ее заявление сенатора Г. Трумэна, будущего президента США: "Если мы увидим, что выигрывает Германия, то нам следует помогать России, а если выигрывать будет Россия, то нам следует помогать Германии, и, таким образом, пусть они убивают как можно больше друг друга, хотя я не хочу победы Гитлера ни при каких обстоятельствах". Конечно, победы Гитлера американские и английские политики не хотели и помогали нам. Но главным в заявлении Трумэна было желание, чтобы обе стороны убивали как можно больше друг друга. И это не только личная позиция будущего президента США. Ведь мы тогда не знали, что 6 октября того же 43-го года Черчилль сказал своему министру иностранных дел Идену: "Мы не должны ослаблять Германию до крайней степени — она может потребоваться нам против России". Уж надо ли повторять общеизвестное: весной 1945 года, когда немецкие дивизии на Западном фронте оптом сдавались союзникам, а на Восточном продолжали яростное сопротивление Красной Армии, Черчилль распорядился складировать и держать наготове трофейное оружие, дабы в случае необходимости вновь раздать его немцам для борьбы против русских. Таковы были наши драгоценные союзнички — с ножом за голенищем.

А теперь вспомним, как наша страна смотрела на свои отношения с ними. Напомню только два факта. В декабре 1944 года немцы нанесли страшный удар по войскам союзников в Арденнах, и те бросились наутек. Положение критическое. И Черчилль взывает к Сталину: "Маршал, погибаем. Выручай!" Тот мог бы ответить: "Ты, гад ползучий, водил меня за нос со Вторым фронтом три года. Вот теперь и спасайся, как можешь". Но товарищ Сталин не пожелал так отвечать: союзники ведь! И приказал ускорить начало Висло-Одерской наступательной операции. И она началась на восемь дней раньше первоначально намеченного срока. Восемь дней для такой масштабной операции — это огромно. И союзники были спасены.

Второй факт. На Ялтинской конференции мы обещали выступить против Японии через три месяца после окончания войны против Германии. Ведь можно было выдвинуть множество очень веских отговорок: войска устали, измотаны, против Японии их надо перебросить за тысячи верст, техника изнасилась и т. д. Но мы, своевременно денонсировав договор с Японией о ненападении, вступили в войну против нее день в день через три месяца, как обещали, — 8 августа 1945 года. Я предоставляю возможность тов. Познеру своим умом дойти, какую нравственную оценку заслуживают намеченные здесь пунктирно две политические линии.

Впрочем, оставим историю и, чтобы далеко не ходить, подумаем, каков нравственный уровень самого тов. Познера. Не будем здесь повторять всем хорошо известное, но уже несколько отдаленное: когда-то тов. Познер беспощадно разоблачал капитализм, в особенности американский, и оголтело восхвалял социализм, в особенности советский, а потом, когда власть захватил кровавый прохиндей Ельцин, стал столь же беспощадно разоблачать социализм и восхвалять капитализм. Нет, не будем в этом копать. Обратимся к его новейшим

высказываниям, рекомендациям, оценкам, обнародованным на всю страну в связи с англо-американской агрессией против Ирака.

Так вот, любезный, каждая ваша тирада, реплика и даже слово, сказанные по телевидению в эти дни, беспощадно обнажали перед страной облик абсолютно аморального американского прихвостня.

Чего стоит хотя бы ваш вопрос, обращенный 23 марта в самом начале передачи "Времена" к Андрею Кончаловскому: как же, мол, будет теперь с церемонией вручения киношного "Оскара", намеченной в Голливуде на этот день, не сорвется ли? В этом вопросе вся ваша человеческая суть. Идет война, под американскими бомбами, под английскими ракетами рушатся дома, полыхают пожары, льется кровь, гибнут люди, стонут раненые, стирается с земли одна из древнейших культур мира, а вы в тревоге за "Оскара", за эту цапку для честолюбцев... Вы были уверены, что раз перед вами кинорежиссер, к тому же работавший в Голливуде, то он непременно разделит с вами вашу подлую тревогу и, может быть, всю передачу удастся свести к обсуждению проблемы не американской агрессии, а американского "Оскара". Но это было так дико слышать и видеть, что Кончаловский весьма непарламентским образом тотчас послал вас куда подальше.

Но вам это как слону — дробинка, как носорогу — щелчок по носу, как бегемоту — Нагорная проповедь, как крокодилу — Кодекс строителя коммунизма. Вы тут же пустились похвалы бандитским бомбам и ракетам: подумать только, была грандиозная бомбежка Багдада, и только один убитый! какая точность! какое совершенство! какой гуманизм!

Вашего восторга, естественно, никто не разделил, ибо в лучшем случае это был восторг идиота. Не можете ж вы не знать о таких образцах американской точности и гуманности, как в том же Багдаде во время войны из-за Кувейта попадание американской бомбы в убежище, где погибло около 400 женщин и детей; или — разрушение в Югославии здания китайского посольства и гибель нескольких журналистов; или — уничтожение ракетой в Афганистане людей, съехавшихся со всей округи на свадьбу; или... Да ведь этому конца нет!

Надо заметить, что поначалу среди наших телевизионных угодников прогресса словно началось соревнование за наиболее деликатное словцо о разбое. В. Кондратьев, находясь в эти дни там, в США, и Т. Миткова, пока остающаяся здесь, в России, твердили о "точечных ударах"; В. Сухой, гуляя в Вашингтоне вокруг Белого дома, измыслил "хирургические"; а Е. Андреева, у которой буквально все и даже кое-что сверх того написано на лице, видимо, по аналогии с адресной материальной помощью, о которой у нас ныне много говорят, пустила в оборот даже "адресные удары" ракет и бомб. Интересно, по какому адресу живет она сама. Если узнаю, непременно сообщу американскому министру Рамсфелду и его генералам...

Однако дня через два, когда все увидели, что заморские вояки сбивают свои вертолеты и порой не могут попасть не только в Багдад, но даже в Ирак и шлют свои ракеты и бомбы в соседние страны, тогда упомянутые спецназовцы прекратили наконец свою хирургически-терапевтическую болтовню.

Но нет никакой уверенности, что прекратит и обвиняемый Познер, ибо его полная аморальность самым достослезным образом усугубляется еще и просто

неспособностью соображать. Судите сами. Он сказал: вот в свое время отрекся от престола царь Николай, ушел со сцены Горбачев. Так почему бы не уйти и Саддаму Хусейну? Первое, что тут хочется сказать: "А почему бы вам, обвиняемый Познер, не показать пример Хусейну? Ведь его, как мы теперь воочию видим, многие глубоко уважают. А кто уважает вас? Назовите хоть кого-нибудь". Не соображает, что ведь названные им события происходили совершенно в иной обстановке.

Николай двадцать лет вел страну дорогой позора: довел до двух войн, бездарно проигранных, до двух революций, а половину его царствования составили голодные года. Его отречения требовали даже ближайшие родственники. Что же ему оставалось, как не уйти?! После этого и английские родственники отказались его принять. А Горбачев? Да если бы он не сгинул, Ельцин назначил бы его директором "уголка Дурова" и заставил бы выступать перед школьниками вместе с учеными петухами и дрессированными морскими свинками.

Нет, товарищ Познер, все убеждает в том, что вам вслед за Шустером пора в отставку. Да не забудьте взять с собой Сванидзе, а он подхватит Миткову.

Москва 2003

ЗУБЫ ДРАКОНА (А. Чубайс, Б. Немцов, В. Новодворская и др.)

11 декабря прошлого года (накануне Дня ельцинской конституции) в телепередаче, где принимали участие в числе других Г. Зюганов и Л. Слиска, эта думская дама сказала: "Сейчас, при Путине, простому народу живется куда лучше, чем при любом Генеральном секретаре ЦК КПСС во времена Советской власти". Почему тотчас после этих слов не появилась в студии тень хотя бы Константина Устиновича Черненко и на глазах всего народа не задушила думскую даму, остается загадкой. Как непонятно и то, почему после признания этой же Слиски "Буш нравится мне как мужчина", сделанного с трибуны Думы в разгар бандитской расправы англо-американцев над Ираком, в зал заседаний не ворвался Аяцков и на почве ревности не задушил эту политикессу вторично. Как видите, в жизни немало загадок.

Гораздо больше, чем ситуация вокруг Ирака и Слиски, меня удивили участники имевшей место 13 мая телепередачи "Основной инстинкт", посвященной терроризму. Не самый борзый из них, Александр Асмолов, призывавший и законопослушных граждан, и убийц к толерантности, то бишь к взаимной терпимости и просвещению. И не Александр Змеевский, убеждавший нас начать "битву за умы" террористов, то есть опять же просвещать их в духе гуманизма. И не Олег Миронов, считающий, что терроризм — это результат некоторых явных упущений воспитательной работы, в частности, весенней посевной кампании, когда следовало гуще сеять разумное, доброе, вечное. И не Арон Гамбург, прискакавший из Тель-Авива, умильно и назидательно просвещавший нас, что в Израиле отменена смертная казнь для террористов. Ну с ним-то я бы поспорил, но за меня это сделал генерал МВД Аркадий Баскаев. Он сказал примерно так: "Какая смертная казнь, какая отмена ее, если, во-первых, палестинские террористы сами взрывают себя, т.е. сами вершат над собой смертную казнь; во-вторых, на другой же день или даже через несколько часов после теракта, как это было вчера в ответ на ранение трех израильтян, вы обрушиваете против палестинцев самолеты, танки, бульдозеры, и они "точечными ударами" крушат все — и виновных, и невинных, и

их жилища. И это неизмеримо больше человеческого и материального урона, который нанесен вам". Арон не был, естественно, смущен разоблачением своего лицемерия, но возразить ему было нечего. Ему оставалось только в конце передачи отрадно провозгласить: "За мир во всем мире!"

Конечно, достойны великого изумления эти уже весьма пожилые, местами и облысевшие люди — бывшие министры, депутаты Думы, директора каких-то важных учреждений, просто профессиональные мудрецы первой гильдии, считающие, что терроризм — результат плохого воспитания и непросвещенности, что террористы — это люди, не прочитавшие в свое время "Аленький цветочек" Аксакова. Хоть бы помозговали: разве плохо был воспитан и образован, допустим, сын действительного статского советника и кавалера Станислава Первой степени Александр Ульянов, принимавший участие в подготовке покушения на Александра Третьего? Мыслители! Терроризм — это политическое явление, его организаторы ставят перед собой политические цели. Тот же Ульянов в последнем слове на суде сказал: "В России всегда найдутся люди, для которых не составляет задачи пожертвовать своей жизнью ради блага народа". А вы изображаете какой-то абстрактный, неизвестно как, почему, откуда и зачем возникший "мировой терроризм"! Вернее, вам навязали, что совсем не трудно при вашей умственной слабосильности, такое представление о нем американцы, которые сами "всю дорогу" занимались не чем иным, как политическим террором во всем мире. Достаточно одного факта, о котором на митинге 1 Мая в Гаване напомнил великий борец Фидель Кастро: нападение США на Вьетнам, где они "убили четыре миллиона вьетнамцев, не считая раненых... Предлог: Вьетнам — бедная, отстала страна в 10 тысячах километров от США, она представляла-де угрозу для безопасности этой страны". Миру был явлен классический и грандиозный, хотя и позорно провалившийся, пример государственного терроризма, который мог бы навсегда излечить от США любия души Слиски, Явлинского, Чубайса, Немцова, Новодворской и Федулова, если бы души у них были.

Вот такой гостерроризм США и вызвал ответный терроризм против них во всем мире. А в России терроризм породили государственный переворот 1993 года и Ельцин — своей малограмотной, шкурной, злобной политикой против всего советского народа и, в частности, против чеченского, за что и получил от Пугина пожизненное обитание в раю в окружении ангелов с "Калашниковым" за плечами и высшую государственную награду.

Итак, злой дух выпущен из бутылки и умножился в огромных размерах, распространился на неоглядных просторах — пропорционально наглости, бесстыдству и невежеству правителей США и России. Вот почему гораздо больше, чем сюсюканье лысеньких умников о толерантности, меня изумило, что на вопрос "Бойтесь ли вы оказаться жертвой террора?" 36 процентов участников передачи бодро ответили: "Нет!" Чем это объяснить? Ведь совсем недавно, можно сказать, на их глазах погибло в театральном центре на Дубровке 129 человек — не политиков, не чиновников или дельцов, ворочающих деньжищами, не солдат, не милиционеров, а просто любителей эстрады. Чуть позже, год назад, на демонстрации в День Победы в Каспийске - 47 человек. Потом разбились несколько вертолетов — и никто не доказал, что тут виновата техника. Уже после в якутском приюте и в Махачкале в школе живьем сгорели 52 ребенка — и никто не доказал, что это были случайные пожары. Накануне передачи в чеченском селе Знаменское в результате теракта погибло 59 соотечественников, а в самый день передачи в Эр-

Рияде, столице Саудовской Аравии, по одним сведениям, погибло от взрыва 34 человека, по другим — 90... Неужели эти 36 процентов оптимистов не способны представить себя в доме на Каширке, в захваченном террористами театре, в сбитом самолете или даже заложником в обычном рейсовом автобусе?.. Да, не понимают, не осознают они, какая туча, насыщенная грозой, нависла над Родиной.

Как только телевидение сообщило об убийстве депутата Госдумы Сергея Юшенкова — царство ему небесное! — на экраны ворвались его собраты, единомышленники и заголосили: "Политическое убийство!... Какой яркий был политик!... Ярче красавицы Новодворской!... Ни финансов, ни балансов... Святой был человек. Как мать Тереза. И до чего был страшен для реакционеров!... Страшнее Федулова!... Политическое убийство!... Политическое!..." И тут же следовали горестные аналогии: великая Галина Старовойтова... бесподобный Владимир Головлев... несравненный Александр Яковлев... Правда, последнего во время презентации его очередного нетленного сочинения одна милая девушка всего лишь отхлестала по физиономии букетом цветов, предназначавшимся как бы для подношения, но все равно жертва террора.

Ах, как избирательна у них память! Только своих и помнят. А ведь первыми-то жертвами террора пали коммунисты. Еще в советское время в кабинет главного редактора Калужской областной коммунистической газеты Фомина ворвался мерзавец и выстрелом из обрезка убил честного человека. А из депутатов Госдумы одним из первых убили незабвенного Валентина Семеновича Мартемьянова, тоже коммуниста.

Эти убийства имеют свое гнусное, но вполне логичное объяснение. Демократы во главе с "лучшим немцем", а потом — с "лучшим американцем" развернули во всех захваченных ими СМИ такую яростную и злобную травлю коммунистов, валили на них столь тяжкие преступления, что иные простодушные люди, по советскому обыкновению привыкшие верить любому слову из громкоговорителя, с телеэкрана или в газете, приходили в неистовство, теряли разум и самообладание от посеянной и возвращенной в их душах ненависти к коммунистам. Вспомните хотя бы Е. Альбац. Она истошно и неумоимо верещала: "Большевики уничтожили 66 миллионов! Почитайте Солженицына, этого святого пророка"... Но сам пророк в это время добрался уже до 110 миллионов. А неужели забыли вы передачку по радио, в которой ведущая спрашивает девочку: "Сонечка, ты могла бы выбить табуретку из-под ног коммуниста с петлей на шее?" И Сонечка, наслышанная, что коммунисты уничтожили 110 миллионов ни в чем не повинных людей, отвечала: "Конечно, тетя. И с большой радостью". Можно понять и калужского убийцу с обрезом: отомщу, мол, я за десятки миллионов любимых соотечественников!...

Альбац куда-то исчезла с экранов телевидения, по слову поэта, "скрылась, смердя впустую", но дело ее живет. Совсем недавно, в середине апреля, депутат Госдумы Райков, примечательный только тем, что вместо "родина" говорит "лодина", а вместо "Россия" — "лоссия", на всю страну опять брякнул: "Коммунисты уничтожили столько народа, что еще удивительно, как сохранился генофонд". Еще удивительней, как в генофонде сохранился такой экземпляр, как Райков. Ах, нет Райкина на этого Райкова! Героя Социалистического Труда Аркадия Райкина. Этот, с присущим ему изяществом, показал бы все умственное величие думского мудреца. Может быть, Райкин спросил бы Райкова: "Когда коммунисты пришли к власти, население страны составляло примерно 150 миллионов человек, что

зафиксировано, кстати, знаменитой поэмой Маяковского, которая так и называлась — "150 миллионов". А через семьдесят лет было уже около 300 миллионов, т.е. за это время население увеличилось в два раза. Как вы это объясните, если коммунисты уничтожили 110 миллионов?

Так вот, когда убивали коммунистов, когда в Кишиневе убили русского школьника Диму только за то, что он говорил на родном языке, когда лилась кровь в Сумгаите, в Нагорном Карабахе, вы молчали, иные из вас потирали ручки, ибо уверены были, что вас, таких кудрявых, интеллигентных и прогрессивных, это никогда не коснется. Вы раскололи общество на нищих и кровососов с мощной за рубежом, вы перессорили народы, создали в стране хаос, ваши президенты, министры и губернаторы, ваши касьяновы и грызловы оказались бездарны и беспомощны, невежественны и тупоумны, трусливы и бесстыдны, но вы, возведя трехметровые заборы вокруг своих особняков, наняв охрану, устроив сигнализацию по последнему слову шкурной техники, продолжали думать, что вас кошмар не затронет. И даже убийство Листьева, Старовойтовой, Маневича — это ведь ваши — не образумило вас, не заставило прекратить бесчисленные юбилеи, презентации, "юморины" и начать работать на благо страны. Вот ваш любимец Задорнов, сын достойных и уважаемых родителей, которых я близко знал по Коктебелю, хохмит и потешается по поводу того, что по каким-то его данным в какой-то срок в стране снизилось-де число изнасилований: "В чем дело? Неужто сдают позиции русские мужики?" Ах, слышала бы эту шуточку его матушка, если память не изменяет, Фаина Львовна... А вы хохотали, слушая его, опять-таки уверенные в своей неприкасаемости. Но что-то перестал Задорнов шутковать на тему изнасилований. Неужто попали в лапы насильников его жена или дочь и он наконец что-то понял? Ведь только так вы и способны соображать.

Теперь этот юморист вслед за покойным Амлинским и здравствующим в Америке Альперовичем (Дружников) принялся с улыбочкой поносить Павлика Морозова. Опять не соображает, что зверюги, зарезавшие в лесу отрока и его младшего брата за то лишь, что Павлик встал на защиту родной матери, над которой глумился негодяй-отец, что той же самой породы зверюги могут хоть сегодня зарезать, пристрелить или взорвать и задорновских детей, и его самого, причем не в темном лесу, не в подворотне, а на сияющей огнями улице Горького или в "Президент-отеле". Разве ничего не слышал о 129 убитых в театре на Дубровке? В театре!

Плохо соображая, что творится в стране, вы лишь давали обещания да клятвы по случаю убийств. Плюшевый Степашин клялся, давал слово офицера освободить похищенного генерала Шпигуна, Чубайс торжественно обещал над гробом Маневича найти его убийц, Новодворская божилась, что сохранит и себя, и демократию в нетронутости. Никто не сдержал слово: Шпигун погиб, убийцы Маневича не найдены, и Новодворская, говорят, уже утратила то единственное, что сближало ее с Жанной д'Арк...

Вы бросили в лагерь Эдуарда Лимонова, схваченного по обвинению в организации заговора с целью воссоединить братские народы России и Казахстана. Но я скажу вам прямо: если бы мог, я организовал бы такой заговор с такой именно целью.

Кто такие Кох, Чубайс, Немцов? Однажды в телевизионном споре со Светланой Горячевой этот Чубайс заявил, что французская "линия Мажино", немецкая "линия Зигфрида", финская "линия Маннергейма", естественно, были обращены вовне, т.е.

в сторону предполагаемого противника, а вот, мол, "линия Сталина" — не вовне, а внутрь страны. Что такое? Почему? Зачем? А затем, говорит, чтобы население не убежало за границу. И гневно воскликнул: "Что ж это была за страна!" Ну ведь полный Митрофан! И что ж это за власть, при которой такие делают карьеру И какую! Не соображает даже того, что позорит и выставляет на посмешище своего восьмидесятипятилетнего папашу, Бориса Матвеевича. Тот служил в армии, был политруком, участвовал в войне, дослужился до полковника. Ведь люди могут подумать, что именно он втемяшил сыночку мысль о "линии Сталина", обращенной внутрь страны. Горячева должна была срочно вызвать "скорую" и отправить Чубайса в психушку, а она оторопела от его наглости, и только.

А совсем недавно, 10 апреля, Чубайс выступал на одном совещании в Красноярске и между прочим сказал: "Десять лет назад мы выглядели полными идиотами". Кто оспорит? Он сам тут же дал и веские доказательства этого. Вот расхвастался: "За эти 12 лет мне не раз приходилось начинать делать то, о чем все в один голос говорили: "В России это невозможно. Частная собственность в России? Нет, нет, нет. Приватизация? Нет, нет. Энергетика? Да вы что! Это же святая святых. Да никогда в жизни... Я начинал. Я делал".

Конечно, это человек уникальный в своей наглости. О разбое, об ограблении народа, о разрушении экономики, о глумлении над страной говорит как о великих победах гуманизма. Ну создали вы с дружкой Гайдаром частную собственность с помощью жульнической приватизации — и в чьих она руках оказалась? Березовского да Ходорковского, Гусинского да Свинского, Абрамовича да Шулеровича... За бесценку они расхватили колоссальные богатства державы, как данные на Богом, так и созданные народом почти уже целиком за годы Советской власти. Чем же ты хвастаешься?

Дальше: "Прилетел я в Красноярск. Встречают меня в аэропорту два десятка трудящихся с плакатом "ЧУБАЙС — ПАЛАЧ РОССИИ!" Все правильно, все на месте, все как надо. Однако это уже не массы. Ведь я помню десятки и сотни тысяч протестующих. До 400 тысяч! Полные площади!... Россия сейчас другая страна"...

Все видит, все помнит — и ничего не соображает. Да, выходили по 400 тысяч. Почему? Да потому, что верили правителям, надеялись, что они обратят внимание на такие массовые манифестации, помогут, защитят, призовут кого надо к ответу. Не могли и подумать, что у власти — ничтожества, предатели страны, враги народа. Теперь наконец поняли это. Потому и выродились многотысячные митинги в пикеты из двадцати человек. В самом деле, чего шуметь в 400 тысяч глоток: "Чубайс — убийца!", если сам президент публично заявляет о своем "глубоком уважении" к прохвосту. Значит, убирать надо обоих. Как? Об этом народ и размышляет ныне...

А Немцов? В декабре 2000 года он на всю страну прокукарекал по телевидению: "В XXI век — без СПИДа и коммунистов!" Это не факт наглого экстремизма? Это как же он мечтает освободиться от коммунистов? Куда их деть — выслать, расстрелять, перевешать, уморить голодом? Президент или прокурор, или кто-то из министров обязаны были привлечь к ответу провокатора за оскорбление миллионов граждан страны, за призыв ликвидировать их. А что они, отцы Отечества? Они точили лясы об экстремизме, о законодательной базе для борьбы с ним и, как всегда, хлопали ушами, делали вид, что ничего не произошло, что никакого Немцова они не знают и

о подлой выходке его они не слышали. Не дождавшись, пока они проснутся, я от имени коммунистов ответил: "В XXI век — без Немцова и сифилиса!" Мой призыв несопоставим с немцовским по гуманности: я имел в виду лишь одного красавца Борю, а он призывал к ликвидации тысяч и миллионов сограждан. Так вот, я, твердокаменный коммунист, чтущий устав партии, сумел обуздать свои чувства, дать, как говорится, адекватный ответ - и этим ограничился, но ведь могут найтись люди, которые не сумеют совладать с охватившей их ненавистью к оскорбителю. И что тогда с красавчиком может случиться? А очень опасных людей из-за хаоса жизни, личного неустройства, непрекращающегося издевательства над народом с каждым днем все больше, и они все решительней, все безрассудней, все отчаянней. "Демократы" посеяли зубы свиньи, а взошли зубы дракона.

За их грязную клевету на наш народ, за ограбление Родины я с удовольствием и Коха, и Немцова, и Чубайса отдал бы в День Победы на съедение крокодилам Московского зоопарка. Пусть в этот день порадуются и они. Ах, каким наслаждением было бы видеть, как уже почти проглоченный Чубайс еще дрыгает ногами в пасти уроженца Лимпопо!... Но, увы, это могли бы расценить как индивидуальный террор, а мы, коммунисты, не признаем такую тактику борьбы. Будем искать что-то другое...

Недавно в одной газете я прочитал:

"У телевизионного кривляки Андрея Малахова — оклад 5 тысяч долларов". Это раз в сорок больше, чем получаю я — фронтовик, инвалид, имеющий шестьдесят лет трудового стажа. Какие чувства я могу испытывать к этому пустозвону и к его начальству? Для большого, для подлинного таланта, для таких, допустим, людей, как Шолохов и Шостакович, Курчатов и Королев, Павел Корин и Уланова, Жуков и Рокоссовский, Райкин и Евгений Леонов, Ботвинник и Карпов, — для таких людей ничего было не жалко. Но Малахов? Что за фигура? Какой у него рост? Какой вес? Да и не только в его мизерности дело, главное-то — все наше телевидение прислуживает людоедскому режиму.

И ведь этот Малахов — самый низкооплачиваемый — получает всего пять тысяч долларов. А вот сколько тысяч долларов получают другие телекровососы: Галкин, Максимовская, Миткова и Осокин — 10-12, Михаил Ширвиндт и Якубович, которого президент сделал народным артистом, поставив его в один ряд с Шаляпиным и Качаловым, — 15-20, Шустер — 25, Сванидзе около 30, Сорокина — 30, Познер — 35, Киселев — 50-55... Я бы их всех собрал в одну кучу и под угрозой расстрела на месте загнал в Останкинскую башню, а там, постепенно поднимаясь на лифте, стал бы поштучно сбрасывать с высоты, соответствующей их окладу. Но, увы, коммунистическая идеология запрещает мне такую жестокость.

Однако вернемся к Сергею Юшенкову. 23 апреля по телевидению радостно объявили: "Пойман предполагаемый убийца! У него имелась мотивация. Его отец судился с Юшенковым и получил полгода срока. Вот сынок и отомстил". Что-то уж очень быстро поймали, подозрительно. Даже сын убитого — Алексей высмеял грызловских молодцов: "Им надо было поставить галочку к заседанию Думы, посвященному борьбе с преступностью. Вот и поставили". И потом, что за мотивация? Какое низкое представление о человеческой природе! Подумаешь, полгода посидел. И за это убить можно?... Меня, например, Валентин Оскоцкий, ныне лютый "демократ", а тогда — парторг журнала "Дружба народов",

выпер с работы. Я оказался буквально на улице без копейки. А у меня жена беременная, за кооперативную квартиру платить надо... Так что ж, имелась мотивация укокошить Оскоцкого?.. Недавно встретил его у нашего дачного родника, за водичкой приперся ангел подколотный. И что же? Следуя коммунистической идеологии, я сказал ему дружелюбно: "Добрый день, Лев Давидович!"

Нет, торопыга Грызлов, ваша версия с самого начала шибала в нос липой. Моя гораздо правдоподобней. Дело в том, что не так давно, но раньше, чем Слиска, Юшенков решительно заявил по телевидению: "Люди стали жить лучше, чем при Советской власти". В год вымирает по миллиону, в стране тьмы и тьмы нищих, бомжей, беспризорников, ежегодно 14 тысяч убийств, возродились туберкулез, сифилис, холера, бушуют пожары, неистовствуют наводнения, рушатся жилища... А он уверяет: лучше! Представьте себе, что это слышит больной или безработный, или несколько месяцев не получающий зарплату, или человек, потерявший в наводнение все имущество, да еще у него только что отравился на Дубровке газом или сгорел в Махачкале ребенок... Что этот человек може испытывать, когда ему депутат Думы с телеэкрана говорит: "Жизнь стала лучше, господа!" Прокурор Москвы Михаил Авдюков заявил, что убийцей Юшенкова мог быть просто "неуравновешенный человек". Что же вывело человека из равновесия? А вот это самое все, о чем шла речь...

Бывший председатель Совета Федерации, а ныне губернатор Орловской области Егор Строев недавно сказал: "Если мы пойдем (точнее, по-прежнему будем шагать. — В. Б.) по пути, предложенному правительством, завтра нас крестьяне топорами порубят". Конечно, советник президента Глеб Иванович Павловский может сказать: "А-а, Строев! Подумаешь, мудрец из орловской деревни".

Хорошо, отвечу я, но вот что, Глеб Иванович, тоже недавно сказал несомненно ценимый вами мыслитель Борис Немцов, человек совсем иной породы и ориентации: "Россия беременна революцией!" А?.. Павловский и от этого может отмахнуться:

"Борис Ефимович — человек слишком эмоциональный, чтобы заниматься пророчествами". Я опять соглашусь: допустим, что так, хотя дельфийская Пифия тоже, помнится, не отличалась кротостью нрава. Но вот вам третий пример, уж совсем отличный от двух первых: не политик, не губернатор, не думский балабон, а женщина, поэтесса, жрица Афродиты и Аполлона, дитя добра и света Людмила Щипахина. И вот что мы услышали от нее опять же совсем недавно, 13 мая: "Недалеко до взрыва. Жду всенародного возмущения. Надеюсь, оно близко:

И верю: в вихре алом
От Пресни до Тверской
С Интернационалом
Воспрянет род людской.

Это сказано, конечно, условно-поэтически: "От Пресни до Тверской". А если деловой прозой, то — "от Владивостока до Калининграда". Вот, Глеб Иванович, перестаньте-ка фиглярствовать на телеэкране, это в передаче 17 мая покорило даже Ирину Хакамаду, а лучше немедленно сообщите президенту: уже взошли зубы дракона, и их видят, и об этом предупреждают самые разные люди, обитающие и в губернской

глубинке, и в Государственной думе, и на московском олимпе. А то ведь, знаете, как случается порой среди рода людского на исторических перекрестках...

... Утром 14 июля 1789 года, увидев из окна перед своим дворцом толпу, Людовик XIV, позевывая, удивленно воскликнул: "Что за толпа? Это бунт?!" Министр двора ответил ему: "Ваше величество, это революция". Лимит на нее во Франции не исчерпан... Через три года голова Людовика, а за ней и голова Марии-Антуанетты покатались в корзину... А ведь и Людовик и супруга его были не глупей нынешних обитателей Кремля, хотя он не служил в КГБ, а она не работала стюардессой...

Москва 2003

ПРИ СЛОВЕ "РУССКИЙ" ОН ХВАТАЕТСЯ ЗА ПИСТОЛЕТ

21 января, выступая на заседании Думы, депутат от КПРФ Виктор Тюлькин обозвал президента трусом. Нет, нет, если точно, то не обозвал, а выразился достаточно деликатно: "президент играет роль труса". Играет! Должны же депутаты соображать, что это иносказание, аллегория...

Но все-таки Грызлов, Слиска, Жириновский и другие пламенные путинисты вздумали наказать депутата Тюлькина, невзирая в данном случае даже на то, что он ленинградец, земляк их обожаемого босса. Сперва предложили отправить Тюлькина в наручниках и с кляпом во рту на две недели в вытрезвитель. Наручники у Слиски в ридикюле нашлись, народный заботник Исаев из газет с текстом закона N122 — навук! школа! — изготовил отличный кляп. Но тут кто-то сказал, что вытрезвители в процессе демократических реформ ликвидированы как пережиток, как символ сталинизма и переоборудованы под квартиры для депутатов фракции ЛДПР. И тогда Тюлькина на месяц лишили слова в Думе. Вот уж и не знаю точно, то ли на трибуну запрещено ему подниматься с речами, то ли даже и в буфете обязан он молчать, а имеет право, допустим, после яичницы со стаканом пива только блаженно крякнуть.

Но я бы лично и в Думе надел на него смирительную рубашку, наручники, вставил бы кляп и запретил крякать. В самом деле, да неужто государственный муж не понимает, что сомнительные аллегории в отношении президента недопустимы, что даже слова "президент" и "трус" в любой их комбинации непозволительно ставить в одной фразе, даже на одной странице. Ах, Виктор Аркадьевич, как же не учитывать подобные вещи! Только слепой может не видеть, только тупой не понимать, что президент наш герой, рыцарь, богатырь. Это можно было уразуметь с первых дней его правления.

Вспомните, подумайте... На его месте какой-нибудь мямля, став президентом, под напором темных сил ограбленного народа первым делом в страхе перед гневом соотечественников отдал бы под суд кровавую образину из Свердловска. А он? И не дрогнул. Смело пошел против народа, и не только грудью своей закрыл образину, но еще и Указом N1 обеспечил ему и его родственникам, включая внуков, пожизненную неподсудность, неприкасаемость и обеспечил их резиденциями, дачами, машинами, охраной, если бы мог, даровал бы всему их кагалу даже бессмертие. И на все это он ежегодно и аккуратно выкладывает полтора миллиона долларов. (Правда, по рассеянности не из своего кармана, а из нашего).

Разве вы, Виктор Аркадьевич, способны были бы на такой безоглядно отчаянный и бескорыстный жест? Да ни за что! Вы послушно выполнили бы волю серых народных масс. Вы упекли бы образину в каталажку, а родичей выслали бы на Мадагаскар.

А как Путин поступил с Черномырдиным, которого даже нынешний американский президент всесветно объявил взяточником, над которым хохотала вся Европа, Америка и Африка, когда он вернул французским гобсекам 400 миллионов долларов царских долгов позапрошлого века? Этого балаганного шута, которому как раз заведовать бы вытрезвителем (конечно, после отбытия срока с конфискацией всего наворованного имущества), он, ничего не боясь, упрятал, скрыл от народа: направил Чрезвычайным и Полномочным послом на Украину, в республику, отношения с которой для нас важнее, чем с Америкой. Незаменяемый, видите ли, дипломат выискался. Разглядеть в вороватом хмыре нового Чичерина, а то и князя Горчакова наших дней, — разве это не прозорливость ума, разве не душевная отвага? Такое назначение по смелости можно сопоставить разве что только с поступком патриарха Алексия II, в свое время назвавшего Ельцина не как-нибудь, а Владимиром Святым, Владимиром Красное Солнышко новой России. Или с откровением Марка Захарова, уподобившего писания этого "солнышка" романам Льва Толстого. Путин — из этой плеяды храбрецов.

Столь же бесстрашно укрыл президент и Павла Бородина, на которого в США в виде прикидки разок уже надевали наручники и приковывали к тюремной койке. Его Путин отправил на кормление и для сохранности в Белоруссию. Помните, как он лез в мэры Москвы? "Да я! Да мы!..." Но оказался в спасительном Минске.

Перед поездкой в Китай беседовал Путин с журналистами. Они спросили: "Что вы считаете основным, главным, определяющим в деятельности политика?" Он, не моргнув глазом, ответил: "Главное, основополагающее — не врать!" Так и сказал: не следовать правде, не признавать ошибки, а именно не врать. Ах, как красиво! Но Боже милостивый, какая нужна еще и безумная отвага, чтобы на весь мир объявить это! Ведь все годы, что мы его видим и слышим (кажется, уже лет восемь), он только и делает, что напропалую врет как прямо, так и путем умолчаний, — и в мелочах, и в частностях, и в большом.

Вспомните хотя бы, что он сказал, когда чеченцы вторглись в Дагестан? "Они там бегают, как зайцы, но мы их быстро загоним куда надо". И куда загнал? В старинный Московский манеж и там всех зайцев до единого живьем зажарил. Правда, после этого зайцам удалось растерзать президента Кадырова, а позже кто-то устроил кровавое побоище в Беслане. Конечно, тут больше хвастовства и незнания дела, чем чистого вранья, но бесспорно то, что слабый духом человек не назвал бы чеченцев зайцами, не посмел бы.

А заметили вы, что Путин очень любит побалакать о прозрачности. Власть, политика, принимаемые решения — все, говорит, должно быть абсолютно прозрачно. Ну, как детская слеза, как речь того самого Черномырдина. И однажды, когда посадили в кутузку Гусинского, а президент был в Испании, его журналисты спрашивают, как, мол, и что. Он мог послать их ко всем чертям, не президентское, мол, это дело — сажать в тюрьму, но перед лицом цивилизованного сообщества опять не дрогнул и ответил так: "Я не могу связаться с генеральным прокурором". Ну, на кого это было рассчитано? Если уж прокурор, допустим, наклюкался до

положения риз и лыка не вяжет, то ведь у него, как во всем мире, поди, полдюжины осведомлённых замов, и это все знают. Где же прозрачность? Ее нет, но президента это не испугало, он смелый.

Нельзя забыть и такое: перед упомянутой поездкой в Китай взял и подарил китайцам 302 квадратных километра на Амуре. А с кем посоветовался? Кого хотя бы заранее известил? Думу? правительство? органы власти края? местное население? Три адмирала шлют ему открытое письмо: "Кто вам дал право? Как вы смеете? Это нарушение Конституции! Это предательство!" А он? Наплевал он самым героическим образом с Ивана Великого на всех, включая трех адмиралов, и поступил так, словно это не земля, оставленная нам предками, политая их потом и кровью, а его родовое поместье. Вот это прозрачность! Перед ней бледнеет мрак, под покровом которого Хрущев, потом Горбачев и Ельцин отдали Украине жемчужину Российской короны — Крым, опять же неоднократно омытый кровью наших дедов и отцов, а позже опять Горбачев, Ельцин и приبلудный шельмец Шеварднадзе подарили Америке кусок шельфа Берингова моря размером с Францию, богатейший ископаемыми и рыбой? Хруща-мазницу и кацо иностранных дел понять еще можно, но ведь эти-то все трое — русские. И теперь жители Хабаровского края, у которых оттяпали указанные 302 кв. километра, негодуют, пишут гневные письма, выходят на митинги: у них там угожья, покосы, грибные и рыбные места, но демократское телевидение не смеет сообщать об этом: запрет! Да, телевидение у нас трусливое, но президент — храбрец!

А ведь эту территорию, между прочим, можно было бы в крайнем случае использовать для захоронения останков российских демократов во главе с их президентами, гайдарами-чубайсами и вдохновителями солженицынского образца. Какой роскошный погост мог бы получиться на берегу Амура! Там можно было бы и групповой памятник соорудить в виде хоровода. Вот взялись за ручки Хрущев, Горбачев, Ельцин, Шеварднадзе, Чубайс, Швыдкой, Путин, Солженицын и пляшут на русских косточках, и пляшут...

Как известно, от прямых открытых встреч с оппонентами Путин решительно увильивает, храбро плюет на вызовы. З пять лет президентства ни одного поединка даже во время выборной кампании! В Америке такого обмочили бы и заморозили. Но зато он обожает отеческие "беседы с народом", подстроенные прохиндеями телевидения, знающими, что надо отсеять и отобрать из множества тысяч вопросов. И вот во время последней душевной беседушки с виртуальными ходоками какой-то безымянный дагестанец сказал ему, что в ходе думской предвыборной кампании кто-то по телевидению провозгласил: "Россия для русских!" Президент тут же вскинулся: "Безобразие! Как посмели? Я укажу прокуратуре!" Сказано было очень решительно, однако странно. Он же разведчик, да и любой руководитель, если считает такой лозунг недопустимым, должен бы спросить: "А кто так говорил? Представитель какой партии? По какому каналу телевидения?" Ведь, может быть, его просто шантажируют перед лицом всего народа. Но президент-разведчик не спросил даже имени этого дагестанца, а сразу, как известный титулярный советник Макар Деушкин, чиновник 9-го класса, известный своим простодушием, все принял за чистую монету, всему поверил. И хотя признался, что сам не слышал злокозненный лозунг (я, кстати, тоже), но уже смело и сурово грозит прокуратурой. Какая быстрая и нервная реакция при слове "русский". В США таких называют *minuteman*, т.е. человек ежеминутной готовности к подвигу отпора.

А между прочим в тех же разлюбленных США не какой-то безвестный телеоратор, а президент Джеймс Монро (1758-1831) в 1823 году не в пивной в Оклахоме, не в письме к возлюбленной, а в послании конгрессу провозгласил вот какую доктрину своей внешней политики: "Америка для американцев!" Видимо, в тогдашней конкретно-исторической ситуации это было разумно.

А какова ситуация ныне у нас? Фабрики, заводы, в том числе военные, целые отрасли хозяйства захватывают иностранцы, евреи и русские, потерявшие все русское и советское, как бывший космонавт, а ныне банкир Леонов или бывший хоккейный вратарь Третьяк, проголосовавший, пащенок, в Думе за отмену 7 ноября, праздника наших отцов и дедов!

Более четырехсот жителей деревни Давыдове Орехово-Зуевского района Московской области (Московской! Столичной!) криком кричат со страниц "Советской России": "На территории обанкроченного завода сельхозмашин появилось несколько новых иностранных предприятий (ООО "Мишлен", "Реквис", "Акватон", "Тегола Руфинг" и др.), но устроиться на работу там смогли только пятьсот человек местных, остальные — иностранцы". Вот в чем дело-то, Макарушка: родину закабаляют и грабят чужеземцы. А ты протестующим против этого храбро грозишь прокуратурой. Значит, ты подручный этих пришельцев-захватчиков, проводник закабаления родины. И обрати внимание, что уже довел русских людей до того, что многие, как упомянутые жители деревни Давыдове, смирились с закабалением и возмущаются только тем, что нет рабской работы.

Кстати, в отмене праздника великого Октября уж особенно ясно обнаружилось невежество, тупоумие и холуйство всех этих думских "слизков". Призывают к единству народа, а сами же раскалывают его по самым болезненным линиям вплоть до оплаты за проезд в городском транспорте: москвич-фронтвик может не платить, а приезжий туляк-фронтвик плати. И отец народа с теми, кто это устроил! Ведь даже русское православие не запретило в свое время языческую масленицу, даже французы чтят свою Великую революцию, хотя она была гораздо более кровава, чем наша, даже Гитлер не запретил Первое мая, а объявил его Праздником труда. Но где им до Гитлера! Они соревнуются с ним только в одном: в истреблении народа России.

Ко всему этому не так давно показали по телевидению беседу президента с группой полярников. В ней участвовал Герой Советского Союза заместитель председателя Думы А. Н. Чилингаров. Рассказывая об одном мужественном эпизоде на Северном полюсе, он заметил: "Это только мы, русские, могли выдержать, выстоять и одолеть". И как опять взвился, как вскинулся Путин: "Почему русские? Кто вам сказал, что только они могут?" Прочитал Герою нотацию и чуть ли не обвинил в национализме. Видно по всему, что он всегда настороже по этому вопросу и в любой момент готов его задушить. При слове "русский", как Геббельс при слове "культура", тотчас хватается за пистолет.

Дорогой Артур Николаевич, неужели вам, Герою, выслушав эту нотацию, не захотелось послать учителя куда Макар телят не гонял? А еще лучше — прочитать бы ему наставление в таком духе: "Да, сударь, представьте себе, история свидетельствует, что именно только русские оказались способны устоять против иных вихрей и бурь ее, совершить то, что другим было не по силам. Неужели не

слышали, что именно русский народ спас Европу от орд потомков Чингисхана и полчищ Наполеона. В последнем случае великий поэт сказал Европе:

Мы не признали наглой воли
Того, под кем дрожали вы.

И как дрожали-то во главе с папой Римским! А русские-то топ-топ и до Парижа дошагали. Неужели не слышал?

А советский народ, стержнем которого, извините за грубость, был русский народ, разгромил Гитлера, под которым опять распростерлась та же прогрессивная Европа со всею музыкой своей? А посмотрите в другую сторону. Только советские русские в 30-е годы прошлого века, ошарашив весь мир, сумели сигануть из Москвы через Северный полюс в Америку.

А уж дальше на вашей памяти было, могли бы хоть это знать... Русский парень на космическом корабле, построенном советскими учеными и инженерами, первым вырвался в космос. И советские люди первыми в мире смастачили водородную бомбу, а потом первыми построили атомоходы "Ленин" (1959), "Арктика" (1975), "Сибирь" (1977), "Россия" (1986). Хватит? А то можно напомнить еще о многом. И все это было результатом того, что русский народ первый в мире совершил социалистическую революцию и в союзе со всеми народами страны мы построили социализм, в удушении коего вы со шкурником Собчаком и полоумным Ельциным приняли посильное участие.

В прошлом году на моем юбилейном вечере в ЦДЛ (между прочим я посылал Путину пригласительный билет и два лица в третьем ряду — не снизошел, ему важнее сбежать на могилу того же Собчака или нагрянуть в гости к Хазанову) меня спросили: "Вы уверены, что Путин русский?" Я ответил, что уверен: у Бога всего много. Уверен, хотя он за все время не сказал ни одного доброго слова о русском народе и советском времени с его великими свершениями. Наоборот, то и дело поносит. И не может сообразить, что ведь до сих пор и дышит свободно вместе с супругой, дочками да собачками только благодаря атомному оружию, созданному советской властью, коммунистами.

Не только, говорю, не соображает это, но недавно еще и заявил, например, что хватит, мол, болтать о нашей тысячелетней истории (которую он знает на уровне Хакамады), а надо добиваться конкурентоспособности каждого города, каждого предприятия, каждого отдельного человека, т.е. призвал нас стремиться не к содружеству, не к единению, не к взаимопомощи, а только к конкуренции, к тому, как обогнать, а то и задушить другого. Иначе говоря, русский по духу коммунистический девиз "человек человеку друг, товарищ и брат" Путин смело хочет заменить и решительно заменяет девизом капиталистических джунглей: "человек человеку — волк".

А раньше он вырвал из контекста статьи и контекста истории слова Ленина "русский человек плохой работник" и сунул народу под нос. Понюхай, мол. А это все равно, что взять слова Пушкина "черт догадал меня родиться в России" и на этом основании великого национального поэта объявить русофобом. У Ленина речь о том, что в развитых странах работают лучше, т. е. эффективней, ибо там высокая

техника, которой не было в царской России. Хоть почитал бы воспоминания Горького о Ленине, узнал бы, как он действительно думал о русском человеке.

Но где там читать Горького, он Грызлова слушает, а это думское чучело вслед за Троцким долдонит: "Ленин был за поражение России в Первой мировой войне". В августе 1915 года, когда война уже разразилась, Ленин специально для Троцкого и Грызлова писал: "Во всех империалистических странах пролетариат должен теперь желать поражения своему правительству". Не в России только, а ВО ВСЕХ! Такое решение было принято социал-демократическими партиями воюющих стран. В конкретных исторических условиях того времени это было формой борьбы против мировой войны. И Ленин настаивал на последовательном выполнении всеми этого решения, но, увы, в Европе нашлись отступники и ренегаты.

А в другой раз, выйдя на международную орбиту, Путин заявил, послушно повторяя антисоветский вздор Буша, что после войны Советский Союз так напугал своей мощью бедненький Запад, что тот вынужден был создать военный блок НАТО. Это не просто глупость и невежество, а злобная клевета обезумевшего от храбрости президента на свою страну. У Запада во главе с Америкой было тогда огромное военное преимущество. Достаточно сказать, что США уже имели атомную бомбу и показали ее страшную разрушительную мощь в Хиросиме и Нагасаки, а их военные базы, как и сейчас, окружали нашу страну, и был у них разработан план атомной бомбардировки ста советских городов. И несмотря на все это они создали в 1949 году блок НАТО, еще больше усиливавший Запад. А мы ответили на это Варшавским Договором лишь в 1955 году. Причем только после того, как Запад нарушил имевшуюся договоренность о ФРГ и принял ее в НАТО.

Конечно, есть вещи, которые Путин хотел бы сделать, но не может; и есть вещи, которые он не хотел бы делать, однако вынужден. Но зачем клеветать-то на свою родину? И не думаю, что Буш заставил его отменить праздник 7 ноября. Нет, такие вещи он делает по зову собственной души.

Вот еще пример такого же следования зову души. Недавно на встрече с президентами республик СНГ Путин сурово и смело отчитал одного русского министра, заикнувшегося было о лидерстве России на постсоветском пространстве. И думать, дескать, не смейте!... Можно ли найти в мире еще хоть одного президента, который и сам не желал бы лидерства своей страны в том или ином регионе, в той или иной области, но еще и осмелился бы запретить своим министрам думать об этом? Такое впечатление, что в припадке храбрости просто не соображает, что лепечет при всем народе. Но хочет того Макар Девушкин или нет, а с нашими 17 миллионами квадратных километров территории и их недрами, с населением под 150 миллионов человек, с нашим духовным потенциалом, с нашей культурой и наукой Россия была в СССР и осталась в СНГ ли-де-ром. Хоть ты лопни, Макар!

Путин не знает ни прошлого страны, ни настоящего. Потому и речи его всегда пусты, в них ничего конкретного, одни поучения, прописные истины, призывы да обещания. Сравните их с речами Лукашенко. У того всегда упоминаются конкретные предприятия, заводы, колхозы, учреждения, имена руководителей. Это речи хозяина и работника, а тут — ходока по ковровым дорожкам.

Был еще и такой умопомрачительный факт. Когда в 2001 году после воздушных атак в Нью-Йорке и Вашингтоне американцы вздумали устроить военные базы в

бывших среднеазиатских республиках СССР, то туда поехал Путин. Естественно, все нормальные граждане России были уверены, что их любимый президент хочет поддержать эти республики в их сопротивлении американской наглости. Оказалось, совсем наоборот! Об этом, будучи позже в США, заявил сам министр обороны Иванов, такой же тертый смельчак. По одному вопросу у него тогда зашел спор с американцами, и он брякнул прямо в телевизионную камеру: "Эх, вы! А ведь наш президент уговаривал и уговорил президентов Узбекистана, Киргизии и Таджикистана предоставить вам базы!" Значит, те сопротивлялись и ждали поддержки от Путина, а тот... Да ведь это же прямое предательство своей страны, интересы которой он клялся защищать.

Но каков уровень и министра! Он и не понял, что сморозил, что проболтался о предательском лакействе своего президента, которое от граждан родной страны да и от всего мира лучше бы скрыть.

Вообще министр Иванов и его генералы поражают воображение. В середине февраля Иванов объявил, что у нас создано какое-то чудо-оружие, которое полностью обеспечивает безопасность нашей страны. Раньше разным видам оружия давали русские имена: "катюша", "ишачок", "кукурузник", а теперь вдруг — "Искандер". С какой стати? А главное, если, оружие создано, то зачем об этом шуметь на весь белый свет? Тем более, что оно, оказывается, еще даже не прошло испытание? Знает ли военный министр, что существуют военная тайна, военная хитрость, что есть оружие дезинформации и т. д.? Ты прежде изготовь оружие, поставь его в войска, обучи управлять им, а уж потом звони. Но Иванов или, как Путин, считает, что во всем с самого начала должна быть прозрачность, или как Новодворская, думает, что главное в жизни — гласность? Известно ли ему, когда Трумэн сообщил Сталину об атомной бомбе и как тот принял эту угрожающую новость? Запишите, Иванов: это произошло на Берлинской конференции 2 августа 1945 года за четыре дня до бомбежки Хиросимы.

Сталин же так встретил новость, что олух Трумэн остался в уверенности, будто Иосиф Виссарионович ничего не понял. А у нас в это время полным ходом шла работа над созданием бомбы, и через четыре года мы ее получили. Вот что такое военная тайна и политика, министр Иванов. Или вы рассчитывали своим сообщением подкрепить Путина на предстоящих переговорах с Бушем в Братиславе? Лучше приказали бы с помощью "Искандера" разбомбить Коха за то, что этот подонок призывал Запад послать несколько дивизий и захватить наше атомное оружие. А заодно — и дом телевизионной стервы Сорокиной, которая тут же предоставила этому фашистскому недобитку эфир, и он повторил свои русофобские бредни на весь белый свет.

У такого храброго министра и генералы храбрые. 21 февраля генерал Шабалкин известил по телевидению, что в Дагестане идет преследование нескольких групп чеченских боевиков, сообщил, их численность, их путь, и что бандитов ждут засады. Гласность превыше всего! Президент поздравил генерала. А на другой день в схватке с чеченцами погибло девять наших солдат, они же потеряли одного.

10 февраля при вручении фронтовикам Великой Отечественной войны советских наград, по разным причинам неполученных своевременно, Путин сказал: "Мы будем давать отпор любым попыткам исказить правду о войне, оболгать ее героев". Очередное храброе вранье. То же самое он говорил еще 22 июня 2001 года. Прошло

почти четыре года, поток лжи об Отечественной войне, клеветы на ее участников все нарастал и нарастал в виде бесчисленных публикаций и целой орды таких фильмов, как "Штрафбат", "Диверсант", "Враг у ворот", "Московская сага", "Дети Арбата" и т. д. И что же президент или члены его правительства, что военный министр Иванов или начальник Генштаба Балуевский? Все они мужественно молчат, словно, как граждане какой-то другой страны, словно это их и не касается. А ведь время от времени и все чаще что-то лепечут о патриотическом воспитании. Если верховный главнокомандующий, военный министр и начальник Генштаба не смеют вступить даже в словесное сражение для защиты армии и истории, чего от них ждать в случае настоящей войны! Обдрищутся — и все!

Мало того, президент сам принимает участие в кампании клеветы на Великую Отечественную войну, как и в защите иностранных захватчиков нашей экономики. Это же он, храбрец, назвал великую Сталинградскую битву "эпизодом Второй мировой войны". Это же он, бесстрашный, заявил, что в Великую Отечественную солдаты шли в бой и на подвиг только под дулами заградотрядов. То же самое мы видим в малограмотном и лживом фильме "Штрафбат". Так вот, разве не требуется смелость, чтобы на глазах всего народа выступить подпевалой клеветника?

Но Путину и этого показалось мало. Он, как рассказал недавно Валентин Распутин, бесстрашно добрался и до Куликовской битвы. Заявил, что там "не все так просто", что, оказывается, решающую роль в нашей победе сыграла татарская конница, а вовсе не воины Дмитрия Донского. Почти семьсот лет никто, включая Татищева, Карамзина, Соловьева, не мог это установить, и вот только Путин со своими советниками, вроде Павловского и Радзинского, докопались до истины. И потому перестаньте, мол, вы, русские пентюхи, гордиться этой победой. Дайте срок, он храбро доберется и до Ледового побоища 1242 года и объяснит нам, что этой победой над немецкими захватчиками мы обязаны не нашим предкам, воинам Александра Невского, а чуди белоглазой. Ничего удивительного! Упразднили же они орден Александра Невского, как и ордена Суворова, Ушакова, Кутузова, Нахимова...

Президент Путин не только не знает и не понимает роли русского народа в стране и в мире, он не понимает, не знает и того, какой была страна, в которой он прожил большую часть жизни. Это уж так наглядно показал закон №122 о монетизации льгот. Путин заявил, что в советское время льготами пользовались лишь 10% народа, остальные не имели никаких льгот, и вот, дескать, мы, народные радители, восстанавливаем справедливость. Академик Д. С. Львов крикнул ему со страниц "Литературной газеты": "Это неверно! 100 процентов населения России и СССР были льготниками. Льготы имели все. Для всех было бесплатным медицинское обслуживание, все бесплатно получали образование. К тому же на Западе всегда удивлялись нашему крайне низкому уровню оплаты жилья, проезда в общественном транспорте и т. д.". Сама система социализма благодаря своим великим созидательным возможностям — это система льготной жизни для всей страны, для всего народа.

Путин теперь уже немало поездил по белу свету. Пусть бы указал нам хоть одну страну, где бесплатно лечат и бесплатно учат. Пусть назвал бы хоть один город, где плата за жилье составляет 3-5 процентов дохода семьи, как было в стране социализма. У нас за пять копеек можно было весь день кататься в метро и сделать сколько угодно пересадок. Может быть, в Нью-Йорке или Лондоне тоже так?

Пошлите туда директора ФСБ Патрушева, пусть разведает. Но и без разведчиков известно, например, что там при каждой пересадке взимается новая плата — и не пять копеек.

Академик Львов говорит: "Оставлена советская зарплата, а на все товары и услуги цены отпустили, и они тут же устремились к мировым. А это означает разорение большей части народа (Не забудьте первограбителя: малограмотный прохвост Гайдар. — В. Б.). В этих условиях проводить монетизацию льгот — преступление. В нашей экономической политике все вверх ногами. Люди, принимающие решения, ничего не читают и не желают ничего знать".

Да, именно такие люди окружают президента и проводят преступную политику, но он этого не видит. Почему? Да потому, что сам такой.

22 февраля перед отъездом в Братиславу в беседе с журналистами Путин гордо и смело заявил: "Четырнадцать лет тому назад мы выбрали демократию и никуда с этого пути не свернем". Сударь, вы не демократию выбрали, а пучину говна. Фигурально выражаясь, перед вами был величайший в мире, но в последние годы несколько засоренный водоем, допустим, некий Байкал. Надо было заняться очисткой, чтобы вернуть воде кристальную чистоту. Работа предстояла трудная, хлопотная, долгая. Но вы к ней неспособны, не умеете, не знаете ее. Но вам во что бы то ни стало хотелось чего-то нового, притом тотчас. И вот вместо очистки с помощью своих реформ вы принялись гадить в Байкал. Теперь он уже полный. И в своем говне вы пытаетесь утопить великий советский народ, прежде всего — русских. Спросил бы в Братиславе у Буша об этом. Он подтвердил бы.

Но это Путина не беспокоит, дни и ночи барахтаясь в загаженном Байкале, он думает о другом. Об этом "векам, истории и мирозданию" он поведал на недавних международных церемониях в Освенциме: "Мы обязаны в один голос заявить нынешним и будущим поколениям: никто не может и не имеет права быть равнодушным к антисемитизму, национализму, ксенофобии расовой и религиозной нетерпимости" (ЛГ N4'05). Антисемитизм у него на первом месте, как главная опасность в родной стране, где евреи за спинами русских олухов сыграли важнейшую роль в невиданном ограблении народа. Антисемитизм главная забота Путина, он ему спать не дает, а для русофобии и места в речи не нашлось.

Валерий Бурт, из статьи которого я взял приведенную цитату, в ужасе: "По данным социологов, 15-16% опрошенных считают погромы необходимыми, а 45% верят в антисемитские мифы и сочувственно относятся к националистическим лозунгам".

Во-первых, что это за социологи? Ведь принято указывать: ВЦИОМ и т. п. Почему же здесь не названы? Во-вторых, кто эти опрошенные? Может, палестинцы? В-третьих, сколько их было и когда проводился опрос? В четвертых, неужели так и было сформулировано: "Считаете ли вы погромы необходимыми?" Наконец, что такое националистические лозунги? Если я скажу "Убрать бы из телевидения Познера, Сванидзе, Миткову, Якубовича, Ноткина, Дубовицкую, Осокина, Толстую, Соловьева, Суханова!" — это национализм?

Но Бурт продолжает нагнетать кошмар: "День ото дня множится число гонителей евреев". Но назвал бы хоть одного гонителя? И откуда таинственные гонители

выгнали евреев — с того же телевидения и радио? из кино и театров? из газет и журналов?

Так вот, не сложилось ли у президента мнение по еврейскому вопросу по статьям В. Бурта? Похоже...

Впрочем, всего этого можно было и не говорить. Для исчерпывающей в этом вопросе характеристики Путина достаточно назвать лишь одно имя из его правительственного окружения: Швыдкой. Этого невежественного наглеца, постоянно оскорбляющего русский народ и разжигающего антисемитизм, Путин много лет держал на посту министра культуры, да и теперь вместо того, чтобы посадить прохвоста на скамью подсудимых вместе с Кохом, как во Франции собираются посадить за антисемитизм Жан-Мари Ле Пена, Швыдкому предоставили еженедельную часовую программу на телевидении, где он продолжает свое подлое русофобское дело.

Нет, Виктор Аркадьевич, Путин не трус, он — бесстрашный швыдковский прихвостень. Так и останется в истории.

Москва 2004

ТИТАНИК МЫСЛИ (Л. Млечин)

Знаете ли вы, кто такой Леонид Млечин? Уверен, что вы ответите: еще бы! Он же постоянно фигурирует на наших телеэкранах и проникновенным голосом объясняет нам, сколь ужасна и омерзительна была Советская эпоха и ее деятели.

А известно ли вам, что ведь он не всегда был таким? Когда-то состоял в номенклатуре ЦК КПСС и работал заместителем главного редактора популярнейшего журнала "Новое время", еще более популярной газеты "Известия"? Какие издания! Какие должности!

И на страницах этих изданий коммунист Млечин восхищался своей родиной, Китаем, КНДР, всеми странами лагеря социализма, их политикой и беспощадно клеймил американскую политику, тогдашних и прежних руководителей США — президентов Трумэна и Картера, государственного секретаря Шульца, генерала Макартура и других супостатов нашего отечества.

Вот, например, его статья "Штурм изнутри" в "Новом времени" N26 за 1987 год. В ней он припомнил сказанные Трумэном еще в 1949 году слова о том, что Корея стала полем битвы "в идеологическом конфликте между коммунизмом и демократией". И не было ни малейших сомнений, что он, Млечин Леонид Михайлович, конечно же, со всеми своими номенклатурными потрохами на стороне коммунизма против американской демократии. Генерал Макартур, командовавший американскими войсками в Южной Корее, вызывал особенно сильный и благородный гнев журналиста-коммуниста своим подлым призывом нанести атомный удар по китайским городам, поскольку-де китайские добровольцы помогали КНДР в войне 1950-1953 годов разгромить и вышвырнуть американцев, чем безмерно восхищали большевика Млечина.

В этой статье, как и во всех других, он горячо одобрял и даже прославлял мудрую внешнюю политику своей социалистической родины, и его просто коробило то, например, что "правительство США, несмотря на протесты Советского Союза, сделало все, чтобы не допустить создание на Корейском полуострове единого и подлинно демократического государства". С какой болью и сарказмом Млечин писал: "Раскол Кореи был оформлен юридически. В те годы США и их союзники, обладая большинством голосов в ООН, могли протащить любую резолюцию". Казалось бы, свой богатый бойцовский опыт коммунист Млечин мог бы использовать для блага народа и сейчас, когда в Госдуме похабное грызловско-путинское большинство единороссов протаскивает любые законы. Но старый боец молчит...

Тогда, в 1987 году, крепко досталось от бесстрашного марксиста и американскому "Фонду свободы". В годы правления сидевшего на американских штыках кровавого южнокорейского президента Ли Сын Мана в стране процветала коррупция, народ бедствовал, а этот "Фонд" наградил кровавую куклу медалью "За руководство свободой". Опять на ловца и зверь бежит: обкомовский выродок Ельцин привел в страну грабителей народа, нищету масс, бесконечные катастрофы и терроризм, болезни, смертность, а Путин, не умолкая щебечущий о порядочности и нравственном возрождении, перекрестясь три раза, награждает кровавого идиота высшим орденом, объявляет его и всю родню евонную неприкасаемыми персонами, выделяет им многомиллионное пожизненное содержание да еще и охрану с вертолетом и крейсером (при отдыхе на Черном море). Можно было ожидать, что Млечин, закаленный борец за справедливость, и тут если уж не кинется в бой, то хотя бы скажет свое веское номенклатурное словцо. Тем более, что Ли Сын Ман бежал от народного гнева на Гавайи, где в 1965 году в девяностолетнем возрасте и преставился, а наш образина жуирует в роскошных резиденциях, мурлычет "Я счастлив...", и до 90 ему еще далековато. Но нет, бесстрашный боец промолчал и тут.

В чем дело? А в том, что наступили уже другие времена, и твердокаменный большевик моментально преобразился в антисоветчика. Ну, это нам знакомо: Горбачев, Яковлев, это Ельцин, Черномырдин... Евтушенко, Михаил Ульянов, Марк Захаров... Млечин кинулся вдогонку.

И примчался на телевидение. А еще принялся сочинять книги. Впрочем, нет, этим он промышлял и раньше. Еще в 1980 году, когда Леня только окончил Московский университет, вышло его криминальное сочинение под влекущим заглавием "Хризантема пока не расцвела"... Как тут не вспомнить давний киношедевр "Отцвели уж давно хризантемы в саду"... Потом его криминального жанра книги выходили одна за другой и все с такими же загадочными и ненавязчиво пленительными заглавиями: "Поздний ужин с тайным агентом", "Старик в черном кимоно", "Обстоятельства смерти господина N", "Знаменитые самоубийства", "Алиби для великой актрисы" "Картина города при вечернем освещении"... Тут, конечно, заметно влияние сочинений классика Радзинского: "Пейзаж с рекой и крепостными стенами", "Приятная женщина с цветком и окнами на север", "Я стою у ресторана" и т.д.

Но теперь Млечин совершил бросок от криминальщины к истории и политике. И тут уже накатали столько! И какие книги! О чем только в них ни поведал нам, и с каким проворством... Ельцин еще только отвалился, Путин еще только появился, а у

Млечина уже готова радостная книженция почти в 600 страниц "От Ельцина к Путину" (М., 2000). Еще не улеглась пыль от рухнувшего торгового центра в Нью-Йорке, а книжные магазины уже ломались от его ученого исследования "Кто взорвал Америку?" Отменные книжечки высказывали из-под млечинского пера и после! Вот, допустим, фолиантик "МИД. Министры иностранных дел". Всех описал от Троцкого до Игоря Иванова. А их было, поди, десятка полтора, если считать и трехнедельного министра Бориса Панкина. И тут же — "Председатели КГБ". Тоже всех 23-х от Дзержинского и Менжинского до Путина и Патрушева изобразил суровой рембрандтовской кистью. Еще — "Русская армия от Троцкого до Сталина", "Моссад. Тайная война", "Евгений Примаков. История одной карьеры", "Смерть Сталина"... А совсем недавно, в этом году — "Сталин и его маршалы". И на этот раз начал ab ovo с Ворошилова и Буденного... А какие у него объемы! 450 — 500 — 650 — 700 страниц. Последняя из названных — аж 800 и весит фунта четыре. Трудно и страшно в руки взять... Все человек охватил своим крупногабаритным умом, во все проник пронзительным взглядом асмодея. Закажи ему книгу "МУР.

1918-2004. Начальники" — напишет. Предложи тему с предоплатой "Сандуны.

1893-2004. Директора" — сочинит. Намекни, что хорошо бы издать книжечку "Ваганьковское кладбище. XVIII-XXI века. Обитатели и посетители" — через три недели предъявит рукопись. Все может! Все!...

Я думаю, что нет никакой нужды читать и разбирать хотя бы несколько сочинений Л. Млечина, чтобы стало ясно, какого пошиба сей творец. По-моему достаточно приглядеться к какому-то одному его сочинению. Вот и полистаем что полегче — то, в котором хотя бы не 800 страниц, а лишь 400, - "Смерть Сталина" (М., Центрполиграф, 2003).

В аннотации сказано, что особенность этой книги — в сочетании "оригинального замысла" и "пугающей правдивости". И это можно сказать о всех его книгах с одним уточнением: они оригинальны не только по замыслу, но и по выполнению, причем — порой оригинальны до полоумия. И, конечно, все они действительно пугают читателя, жутко пугают.

И книга "Смерть" поражает воображение, прежде всего густейшей концентрацией оригинальности, нередко граничащей с припадками эпилепсии, причем — в богатейшем ассортименте.

Предваряя одно из своих сочинений, Млечин сердечно поблагодарил тех, кто помогал ему: профессоров В. Наумова и В. Некрасова (как обладателей "уникальных познаний"), историков А. Кокурина и Н. Петрова (надо думать, тоже уникальных эрудитов), коллег по телевидению, которые, говорит, "вдохновляли и поддерживали меня и мою маму — Млечину Ирину Владимировну", литературоведа, переводчика, доктора филологических наук, члена Союза писателей, "взявшую на себя труд стать моим первым читателем..." Бедная мама! Ведь ей уже семьдесят... Какая у нее пенсия? Я бы на ее месте потребовал надбавки за вредность.

Упоминаю об этой сердечной благодарности из того соображения, что, возможно, какая-то доля оригинальности, коей перенасыщены сочинения Млечина, принадлежит не ему лично, а этим уникальным профессорам, замечательным коллегам-вдохновителям и родной матушке автора.

Так вот, говорю, оригинальность замысла и исполнения на страницах книги "Смерть" представлена в роскошнейшем ассортименте — географическая, биографическая и хронологическая, историческая и политическая, литературная и амурная... Не знаешь, с чего и начать. Что ж, с географического и начнем.

Из книги в книгу Млечин твердит, например, что город Саров находится в Мордовии. Оригинально. Однако же с чего взял? Уникальный профессор Наумов сообщил по секрету? Может, и Серафим Саровский был мордвином? Видимо, профессор путает Саров со столицей Мордовской республики Саранском. В другой раз сочинитель уверяет, что в 1939 году после разгрома Польши немецкие войска с нашего постыдного разрешения направились к своей западной границе через советскую территорию. Еще более оригинально! Это профессор Некрасов подсказал? Но — как это? Объяснил бы, где такая территория? Может, немцы через Владивосток топали? В третий раз... Стоп! Так мы можем в географии и завязнуть. Интересней теперь пойти по другой тропке, допустим, по биографической.

Вот читаем: "У Светланы Сталиной весной 1944 года появился новый муж, Григорий Мороз, который не нравился вождю, потому что еврей". Тут наверняка надоумила мама. И это опять — из книги в книгу. Ну, не мое дело считать мужей известной дамы, но все же могу сообщить крутолобому исследователю, его советникам и родственникам: еврей Мороз был не новым, а первым мужем дочери Сталина. И союзу их отец не препятствовал, более того, как пишет она в книге "Двадцать писем к другу", "он дал мне согласие на этот брак" (с. 174). А не нравился ловкий зятек тестю главным образом вот почему: "Слишком он расчетлив, твой молодой человек, — говорил Сталин дочери. — На фронте ведь страшно, там стреляют, а он в тылу окопался..." (с. 175). Да, Сталин не пожелал встретиться с зяtkом-тыловичком. И тут не трудно понять Сталина не только как Верховного Главнокомандующего, но и просто как старого человека, один сын которого с первых дней бы на фронте и попал в плен, где его ждала только смерть, а второй сын и приемный воевали и сейчас. И вот ему созерцать рожу этого шкурника, сделавшегося его родственником?.. Но при всем этом к родившемуся внуку дед "относился с нежностью" (с. 177). Как, впрочем, и к другому внуку, сыну Якова и его жены, тоже еврейки.

Млечин пытается вызвать наше сочувствие к полюбившемуся ему персонажу, улизувшему от армии: "Когда Светлана и Григорий разошлись, ему запретили видаться с сыном. Он зарабатывал на жизнь, публикуя статьи под чужими фамилиями. Когда Светлана в восьмидесятых годах вернулась в Советский Союз, Мороз помогал ей. Евгений Примаков, друживший с Морозом, полагает, что Светлана рассчитывала на возобновление отношений". На седьмом десятке! Оригинально... Однако все эти биографические сведения еще более сомнительны, чем уже известные нам географические, и, как говорится, проверке не поддаются.

Гораздо больше беспокойств Сталину причинил в 42-м году другой еврей, киносценарист Алексей Каплер. Этому, по выражению Э. Радзинского, тертому бабнику тоже надлежало по возрасту быть на фронте, а он завел шашни с дочерью вождя, которая была еще школьницей в белом фартучке, годилась и ему в дочери. Многоопытный потаскун так вскружил голову комсомолке, что настал момент, когда, по ее словам, "нас потянуло друг к другу неудержимо".

Но тут некая сила потянула Каплера совсем в другую сторону — в Магадан, где он весьма плодотворно работал в театре. Ничего удивительного! Помните, читатель, за что из великой блистательной Италии вытянули в заштатную Молдавию поэта Овидия? А это вам не сценарист "Мосфильма", соавтор "Ленина в Октябре" да "Котовского". Это — "Метаморфозы", "Скорбные элегии", "Наука любви". Столп мировой культуры. А вот, поди ж ты, по словам Пушкина:

Страдальцем кончил он
Свой век блестящий и мятежный
В Молдавии, в глуши степей, Вдали Италии своей...

За что же? Да ведь за то же самое: потянуло друг к другу неудержимо его, пятидесятилетнего ветерана мировой поэзии, и Юлию, дочь императора Августа, комсомолку в белом фартучке. А уж Август-то Божественный такой демократ был... Положа руку на сердце, я как отец дочери прекрасно понимаю в этой ситуации как римского императора, так и нашего Генсека. Может быть, второго даже больше, ибо Овидий так и умер в глухой ссылке лет шестидесяти, а Каплер вернулся из ссылки в столицу, был восстановлен во всех правах, в том числе — в Союзе кинематографистов и Союзе писателей, имел прекрасную квартиру, дачу, разъезжал по домам творчества, стал, как Млечин, звездой телеэкрана, в очередной раз женился на известной поэтессе, которая опять же, как Светлана, была на двадцать с лишним лет моложе, и пережил Овидия лет на пятнадцать. Какие ж могут быть сравнения!

Если и дальше пойдем по биографической стежке, то увидим, как легко автор учинил еще и такую оригинальную проделку: "В начале 1944 года генерал-полковник Матвей Ильич Казаков командовал 10-й гвардейской армией, которая входила в состав 2-го Прибалтийского (бывшего Калининского) фронта". Тут уж такая концентрация оригинальности... Во-первых, 2-й Прибалтийский фронт сформирован 20 октября 1943 года не из Калининского, а из Прибалтийского. Во-вторых, Казаков был тогда не генерал-полковником, а генерал-лейтенантом. В-третьих, звали Казакова не Матвей, а Михаил. Вот это да! Что хочет, то и вытворяет. А если и самим так? Если дать на ту же букву, но другие имена, допустим, — вместо Леонид Михайлович назвать Лазарь Моисеевич. Нравится?

Но посмотрите, что дальше: такого знаменитого человека, как Маршал Советского Союза Б. М. Шапошников наш аналитик объявил умершим в 1940 году. А кто же во время Великой Отечественной был начальником Генштаба неужели однофамилец? А кого в марте 1945 года со всеми почестями похоронили на Красной площади — неужто двойника?.. Сюжет, достойный пера Юрия Мухина. Вы только подумайте, какое оригинальное зверство: взбрело в голову и он на пять лет сократил жизнь прославленному военачальнику! И опять: а если самому так?

А что читаем о еще более, уж всемирно известном человеке — о В. М. Молотове!"Молотов никогда не пользовался популярностью как оратор". Убил! Да народ просто не знал его как оратора, ибо он не ораторствовал, а работал всю жизнь в поте лица своего. На поприще ораторства сильно преуспевал Троцкий, Леонид Михайлович.

Еще: "Молотова отправили послом в Монголию. Другие страны уклонились от чести принять у себя опального сталинского соратника". Это какие же страны,

оригинал? Спроси у историка Кокурина. Но — молчание, тайна! Всем, видимо, предлагали, как на рынке: "Эй, господа! Не хотите ли Молотова!" А они все отказались. Как от Николая Второго отказались же его благородные королевские родственники в Англии. Но там лишь одна страна, ее конкретные августейшие шкурники, а Молотова не пожелало принять, видите ли, все человечество. Спасибо за открытие, историк Кокурин.

Еще: "Молотов прожил восемьдесят шесть лет в стране, где мужчины не доживают и до шестидесяти". Вот, мол, как ухитрился сберечь себя, прохвост! Но, во-первых, Вячеслав Михайлович прожил не 86, а почти 97 лет. Что ж получается: человек окончил университет, а не умеет считать до ста? Во-вторых, Млечин или его советники да вдохновители произвели сверхоригинальную рокировку эпох: Молотов умер 8 ноября 1986 года, мы с Феликсом Чуевым были на его похоронах. Т. е. жил он в советское время и умер в советской стране, где средняя продолжительность жизни была 73 года. Это теперь, при людоедском режиме политических прохвостов, который воспевают вот такие холуи экрана и вшивые профессора, мужчины не доживают до 60-ти. Так что это персонально вам, полупочтеннейший Лазарь Моисеевич, светит перспектива окочуриться в 58 лет. Сколько осталось? Кажется, не много. Спешите еще хоть разок своей оригинальностью порадовать мамочку. Между прочим, тут он мог бы с удовольствием пригвоздить к позорному столбу, допустим, и Леонида Леонова, Игоря Моисеева, Сергея Михалкова, которые последовали примеру Молотова. Но всех превзошел Лев Толстой, доживший до 82-х лет, когда средняя продолжительность жизни стране, которую мы потеряли, была всего 32 года, о чем известный Говорухин до сих пор слезы льет.

И тут невольно приходит на ум: если Молотова все-таки согласилась принять Монголия, то кто согласился бы хоть временно, хоть за большие деньги приютить в своей стране мудреца Млечина хотя бы сторожем на телевидении? Думаю, что даже Израиль не согласился бы.

После Молотова естественно поинтересоваться, что Млечин пишет в хронологическо-биографическом смысле о Сталине. Читаем: "Есть документы, из которых следует, что он родился не в 1879 году, а в 1878". Вслед за Радзинским, поднявшим сию грандиозную тему еще в 97 году, об этом писали не меньше полусотни олухов царя небесного. Допустим, да, в 78-м. И что? Вон даже о дате рождения Христа нет единого мнения, о ней спорят ученые и богословы, причем спорят о разнице не в один год, а в шесть-семь. Но не так прост Млечин и его наставники. Он дает слово своему любимому проф. Наумову: "Похоже (!), за этим стояло желание скрыть следы общения с жандармским управлением во время пребывания в тюрьме..." Похоже, полупочтеннейший, что вы из числа именно тех, кто с помощью таких вот предположений и орудовал в 37 году. Это подтверждает и дальнейшее его рассуждение: "Особых отношений, скорее всего, не было, но (!) какие-то колебания (!) могли быть. И Сталин не хотел, чтобы кто-то об этом узнал". О колебаниях. Да, да этот профессор именно из той породы и тех времен, когда на допросах спрашивали: "Были колебания в проведении генеральной линии?" Профессор уверен: колебания могли быть! А я думаю, что у профессора никогда не было колебаний: соврать или нет? Он еще в 88-м году вылез в "Московской правде" с давно разоблаченной фальшивкой об агентурной работе Сталина на царскую охранку. Потом газета вынуждена была извиниться за публикацию этой давно протухшей клеветы. В разоблачении грязных измышлений Наумова тогда, в 88-м,

на страницах "Нашего современника" принял участие и я. В 95-м этот профессор фигурировал в моей книге "Победители и лжецы".

Что дальше? От Сталина, конечно, к Ленину. Что о нем в смысле ронологии? Тут вершина, дальше которой уже некуда: "Однажды 21 января на ружеской вечеринке по случаю очередного дня рождения Ленина..." Вы только посмотрите, как прёт из него оригинальность! Чудотворец! День смерти превратил в день рождения...

Достойным завершением хронологического сюжета может быть заявление Млечина о том, что одно прискорбное событие произошло у нас в стране "29 февраля 1939 года"... Но ведь не было такого дня в том году. Тут уж и не знаешь, что это. То ли подвиг покруче подвига Иисуса Навина, остановившего солнце и продлившего на несколько часов день, то ли подражание гоголевскому психу Поприщину, который записывал в дневнике: "Сегодня, 43-го мартабря..."

Издательство строго предупреждает всех: "Воспроизведение любой (!) части книги воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые (!) попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке". О-го-го... Судя по всему, такое суровое и, кажется, небывалое в нашей издательской практике предупреждение продиктовано твердой уверенностью в том, что как только замечательная книга выйдет, так на нее и набросятся орды книжных пиратов, так и растащат по углам все ее сокровища. Но что-то не слышно...

А между тем в вопросе воспроизведения чужого текста у автора и у самого рыльце в пушку. У него то и дело встречается пересказ "своими словами" того, что мы уже давным-давно встречали то в фантастических сочинениях Эдварда Радзинского, то в залихватских воспоминаниях Давида Ортенберга, то у Владимира Карпова, то еще где.

Да что там пересказ! Вот, например, читаем у Млечина об обсуждении в Ставке весной 1944 года одного оперативного вопроса: "Жуков развернул карту и начал докладывать.

Сталин нервничал: то к карте подойдет, то отойдет, то опять подойдет, пристально всматриваясь своим колючим взглядом то в Жукова, то в карту, то в Рокоссовского. Даже трубку отложил в сторону, что бывало всегда, когда он начинал терять хладнокровие и терял контроль над собой". Довольно живописно. Однако это не что иное, как не заковыченная цитата из воспоминаний Жукова (первое издание, с. 558).

Все творчество Млечина состояло здесь в том, что вместо "пристально поглядывая" он написал "пристально всматриваясь" да еще присобачил "колючий взгляд", а в самом конце у Жукова написано "когда был чем-либо неудовлетворен", а Млечин эту простую неудовлетворенность превратил в постыдную утрату контроля над собой. Смысл сих маленьких и несколько зловонных отсебятинок и переделок ясен: сочинителю уж очень хотелось создать отталкивающий образ Сталина.

В таком форсированном духе идет творческая работа и дальше: "Жуков и Рокоссовский упорно стояли на своем, поэтому Сталин неожиданно прервал Жукова:

— Идите и еще раз подумайте, а мы здесь посоветуемся. Через пятнадцать минут к ним в комнату вошли Берия, Молотов и Маленков.

— Ну, что надумали? — поинтересовался Маленков.

— Мы ничего нового не придумали; Будем отстаивать свое мнение, ответил Жуков.

— Правильно, — неожиданно сказал Маленков. — Мы вас поддержим.

Это означало, что Сталин передумал", — подводит итог сочинитель.

Это пересказ, но переиначен так, чтобы убедить читателя: вот, мол, какие попки были Молотов, Маленков и Берия, только и могли, что поддакивать. А на самом деле в этом эпизоде в воспоминаниях Жукова двое последних и не упоминаются, их нет. И вовсе не заходят они в комнату к маршалам, а сами маршалы возвратились в кабинет Верховного, и он сказал им: "Мы тут посоветовались (с начальником Генштаба А. И. Антоновым и В. М. Молотовым) и решили согласиться (с вами) на переход к обороне" (с. 559).

Наша маленькая прогулка в творческую лабораторию писателя Млечина очень полезна, ибо примеров столь оригинального обращения с чужими текстами, как уже было отмечено, у него можно привести немало. В сущности говоря, его книги — это жвачка давно пережеванного другими или даже им самим. В этом и состоит неоднократно упоминавшаяся выше оригинальность книги "Смерть Сталина", как и других. Так что еще неизвестно, кто будет преследоваться в судебном порядке.

Но что же все-таки сказано в книге о ее заглавной теме — о смерти Сталина? О, на сей счет у сочинителя Млечина столько версий, достойных Поприщина, что мы поговорим об этом как-нибудь специально в другой раз.

А пока отметим вот что по вопросу о Сталине. В этой книге Млечин пишет, что только "серые и малограмотные партийные чиновники слушали Сталина, как оракула..." Только "партийные секретари и аппаратчики стояли за него горой". Эта мысль так дорога автору, что в разных вариантах он повторяет ее и в других книгах, например: "Для многих военных возможность увидеть вождя была счастьем, о котором они вспоминали всю свою жизнь".

Итак, только партчиновники да военные. Но вот два писателя, причем не певцов комсомола вроде Безыменского, а уже далеко не молодых, одному идет пятый десяток, другому уже перевалило за пятьдесят, — Пастернак и Чуковский. Их пригласили на съезд комсомола. И вот что записал 22 апреля 1932 года в дневнике старший из них: "Я оглянулся: у всех были влюбленные, нежные, одухотворенные лица. Видеть его — просто видеть — для всех нас было счастьем... Домой мы шли вместе с Пастернаком, и оба упивались нашей радостью". Ни тот, ни другой в армии никогда не служили. А кто из них партчиновник?

Но прошли годы. Чуковский совершил естественный для его круга кульбит. Вернувшись в 43-м году из эвакуации, на даче, построенной в Переделкине для него, как и для многих других писателей, по указанию Сталина, он обнаружил неизвестно как оказавшиеся тут 60 экземпляров книги Сталина "Вопросы ленинизма". В усадьбе какое-то время стояла воинская часть, и старец полоумно

решил, что эта книга "во время войны, кроме ружья и шинели выдавалась каждому солдату". И что же? "Я ночью засыпал этими бездарными книгами небольшой ров в лесочке и засыпал их глиной. Там они мирно гниют 24 года". То есть 24 года он об этом молчал. Думаю, что скрывал и от Марии Борисовны, родной жены, и его секретарь Бухштаб Б. Я. не знал это. А тогда же, 24 года тому назад, Корней Иванович написал разлюбленное письмо товарищу Сталину, где предлагал школьных озорников отправлять для перевоспитания в специальные военизированные колонии. Сталин не ответил знаменитому детскому писателю, выдающемуся гуманисту.

А Пастернак? Он после XX съезда написал гневное стихотворение "Культ личности забрызган грязью..."

Прочитав в дневнике Чуковского о его тайной ночной антисталинской вылазке, я тоже собрал все его книги, что нашел, и при свете дня закопал на берегу Истры. Рядом уже готов котлован для сочинений Млечина.

Продолжаю читать недавно вышедшую книгу Леонида Млечина "Сталин, его маршалы и генералы" (М., 2004). Читаю и плачу, читаю и слезы лью... Ну, как же ты, болезненный, дошел до жизни такой?.. Ведь мама долго работала в "Литературной газете", автор глубочайших исследований зарубежной литературы, ныне — доктор филологии, член Союза писателей; папа, вернее отчим, окончил элитный МГИМО, был главным редактором "Вечерней Москвы", "Недели", пятнадцать лет работал в той же "Литгазете" заместителем самого товарища Чаковского, члена ЦК, потом — заместителем главного редактора "Известий" и даже был помощником Первого секретаря МК КПСС; и оба они лет по 30-40 состояли в коммунистической партии... Какие высокие посты! Какие блестящие карьеры! Было сыночку у кого и ума и знаний набраться... Да и сам окончил лучший в стране Московский университет, был замом в "Новом времени", потом сидел в том же как бы наследственном кресле зама главного в "Известиях", издал около двух десятков бестселлеров криминальной тематики, из коих что-то к восторгу японского императора переведено на японский язык, стал членом какого-то Союза писателей да еще — редсовета газеты "Черная кошка"... И вот листаю последнюю книгу "Сталин и его маршалы" и не могу сдержаться, листаю и заливаюсь слезами...

В кратком предисловии автор пишет: "Эта книга о судьбе нашей армии. О военачальниках и полководцах". Сам в армии не служил, но писать и рассуждать о ней страшно любит, просто не может без этого. Как Радзинский, как Немцов, как Гавриил Попов...

Разумеется, мы в надежде, что все, относящееся к жизни армии, Л. Млечин изучил до тонкости. Что — все? Да именно все, начиная с воинских званий и знаков различия. Что ж, посмотрим?

О довоенных званиях и знаках различия он пишет: "На рукаве гимнастерки и шинели геометрические фигуры — треугольники для младшего командного состава, квадраты для старшего и ромбы для высшего. Квадраты в армейском обиходе стали именовать "кубарями", ромбы — "шпалами" (с. 69). Право, как с луны свалился! Не ушиб темечко?.. Ведь даже в кино или на телевидении, где он так неутомимо трудится в "Особой папке" и "Верстах", мог бы видеть, что, во-первых, указанные знаки различия были не на рукавах, а на воротниках. Собачья старость,

что ли, постигла, — не отличает рукав от воротника... Во-вторых, кроме младшего, старшего и высшего комсостава существовал еще средний, и он именно (младший лейтенант, лейтенант, старший лейтенант), а вовсе не старший комсостав носил "кубари" — от одного до трех. В-третьих, ромбы, разумеется, никто, кроме полоумных, не называл "шпалами". Если не знаешь, что такое шпала, сходи в метро или на Казанский вокзал и посмотри. Среди шпал ни одного ромба не найдешь. Старший комсостав (капитан, майор, подполковник, полковник) как раз и носил "шпалы" (продолговатые прямоугольники) — от одной до четырех.

А о погонах исследователь пишет, что они были введены не в 43-м году, а на пять лет раньше, еще до Халхин-Гола. И еще: министры, в том числе военный министр, появились у нас не в 46 году, а уже в 25-м (с. 11).

Ну как же тут мне, старому солдату, не расплакаться!...

А в аннотации сказано, что автор широко использовал в книге "недавно рассекреченные документы". Интересно, когда же это рассекретили хотя бы то, что ромбы это "шпалы"? И кто посмел?

А вот как выглядит эрудиция Млечина в области воинских званий, когда он не вообще рассуждает на эту тему, а пишет о конкретном лице: "В июле 1939 года на Халхин-Гол прибыл комкор Г. Жуков" (238). На самом деле он прибыл туда в конце мая, и уже 30-го они вместе с комбригом Денисовым и полковым комиссаром Чернышевым отправили наркому обороны Ворошилову донесение об обстановке в районе боев (В. Краснов. Неизвестный Жуков. М., 2000. С. 100). Кроме того, Георгий Константинович прибыл не комкором, а комдивом, что на один ромб меньше. Комкора ему присвоили только в конце августа, после ликвидации под его командованием японской группировки, тогда же — звание Героя Советского Союза. Читателю все это знать совершенно не обязательно, но ты же взялся писать о "судьбе армии", а не историю русского балета...

Но Млечин с ученым видом знатока просвещает нас и дальше: "Воинские звания в Красной Армии присваивались не в соответствии с военными знаниями и успехами. Значение имело социальное происхождение и политическая преданность" (с. 769). Тут справедливо только последнее: да, политическая преданность власти всегда имела и имеет значение во всех армиях мира, политических противников не только не продвигают по службе, но даже избавляются от них. Зачем далеко ходить, — припомните, мыслитель, холуйски воспетого вами Ельцина: сколько уволил он офицеров и генералов, понявших, что их главнокомандующий — предатель родины и американский холуй. А насчет социального происхождения поцелуйтесь с Юрием Мухиным, который тоже полоумно убежден, что Сталин поручал Жукову самые ответственные дела, продвигал его и щедро награждал лишь потому, что полководец имел рабоче-крестьянское происхождение.

Млечин пишет-пляшет дальше: "Сталин обласкал полководца, который привез ему (!) победу, Комкор Жуков получил звание сразу генерала армии, минуя звания командарма 1-го и 2-го ранга (две высших ступени!). В "Красной звезде" сообщение о присвоении новых званий начиналось с фамилии Жукова" (с. 238).

Я и тут плачу... Во-первых, наш мудрец думает, как следует из контекста, что командарм 2-го ранга выше, чем 1-го. Его же учили в МГУ, что 2 больше, чем 1. Но в

действительности дело обстояло совсем наоборот: командарм 1-го ранг был выше. Во-вторых, 7 мая 1940 года звание командармов было упразднено, а Жукову дали генерала армии 4 июня этого года. Так что тут не какая-то особая "сталинская ласка", а закономерное восхождение на следующую ступень.

А слово "командарм" хотя сохранилось в обиходе, но означало не звание, как раньше, а должность командующего армией. У Млечина же есть и "командир армии", и "командир фронта" (с. 9). Не ведает историк армии и того, что "генерал-адъютантов", вопреки его уверению (с. 687), в Советской армии не было никогда.

А в истории с Жуковым он видит "сталинскую ласку" даже в том, что его фамилия, знать, по особому указанию Сталина была напечатана в газете первой. О Господи!... Да просто в постановлении правительства о присвоении этого звания было тогда лишь три фамилии и они, естественно, располагались по алфавиту: Г. К. Жуков, К. А. Мерецков и И. В. Тюленев. По ал-фа-ви-ту! Вот и вся глубина млечинской проницательности. А ведь такое обличительное крохоборство у него во всем.

Здесь удивительно еще и то, что постановление правительства автор называет "сообщением в газете", а в другом месте именуется даже "газетной заметкой" постановление ЦК ВКП(б), Президиума Верховного Совета и правительства о создании Государственного Комитета Оборона (с. 564).

Если уж мы затронули вопрос о документах, об актах органов власти, то приходится признать, что картина здесь в книге крайне загадочная. Например, читаем: "4 мая 1941 года Политбюро утвердило секретное постановление..." (с. 380). Секретное!" О решении Политбюро знали только посвященные" (с. 381). Еще бы! Но это о чем же? Оказывается, об освобождении Молотова от обязанностей главы правительства и о назначении на этот пост Сталина. И вот теперь это постановление, наконец, рассекречено, и автор радуется нас его публикацией.

Но особого внимания заслуживают приведенные выше слова о том, что Жуков "привез победу ему" — Сталину лично. Это не оговорка. Ведь и книга-то названа "Сталин и его (!) маршалы". Она вся, как и другие книги этого автора, пронизана шкурной мыслью о том, что Сталин ничего не знал, кроме личных интересов, и Великая Отечественная была не войной советского народа против фашистского нашествия, а схваткой двух тиранов: "Два вождя думали только о том, как уничтожить друг друга" (с. 644). Как сам, знать, враждует с соседом по лестнице из-за его собаки, которая иногда мочится у млечинской двери, так оказались врагами и фашистская Германия с Советским Союзом, выше подобного соображения этот сердцевед подняться не может.

Иные страницы книги читаешь и не только слезы льешь, но, право, и кондрашка хватить может. Судите сами, вот рассказывает автор, что в конце 30-х годов Наркомат вооружения предложил оснастить Красную Армию автоматами, но Ворошилов будто бы был против и при этом будто бы сказал: "Где нам набрать столько пуль для автоматов?!" (с. 306).

Поняли? Набрать! Пуль! Как орехов или желудей в лесу... И после этого крутолобый сочинитель гвоздит Ворошилова как бесталанного наркома обороны. Правильно! Какой же это нарком, если вместе с Млечиным не знает, что такое патроны, что такое пули и в каком лесу их можно набрать.

Мне могут заметить: "Ну, хорошо. Звания, знаки различия, оружие, патроны, — все это, конечно, имеет прямое отношение к армии, к войне, но все-таки еще не сами боевые действия, не война. Так, может, в суждениях о войне Млечин не столь малограмотен и туп?"

Ах, добрый читатель!... Сей летописец судьбы нашей армии не знает, когда появились важнейшие документы, имеющие отношение к войне, — приказы, директивы, когда произошли крупнейшие события на фронтах, дает им совершенно безграмотную и лживую оценку и т. д. И это касается не только Великой Отечественной. Он лжет повсеместно и до нее.

Однажды Григорий Явлинский очень точно сказал Чубайсу: "Анатолий Борисович, вы лжете всегда, во всем и по любому поводу". Правда, порой трудно различить, где у него оголтелая ложь, а где элементарное тупоумие. Так вот, Млечин — сочинитель чубайсовской породы.

Взгляните хотя бы на то, что он пишет о столкновении летом 1938 года у озера Хасан. Всю вину за них валит на Красную Армию, которая, дескать, обидела миролюбивых самураев, почему-то оказавшихся за тысячи километров от своей родины у советско-китайской границы. Ссылаясь на каких-то безымянных историков заявляет, что с военной точки зрения бои у озера Хасан были позорным для нас провалом (с. 228). Таким же "позором на весь мир" оказались и бои на Халхин-Голе летом 1939-го. Да, в ходе этих сражений были ошибки, неудачи, срывы, но, во-первых, раз в сто меньше, чем вздора и в этой и в других книгах Млечина. А главное, кончилось-то дело полным разгромом врага, который за четыре месяца боев на Халхин-Голе не выиграл ни один из них и, наконец, запросил пощады.

Как всегда и во всем, Млечин пытается принизить наш успех и хоть отчасти оправдать или обелить наших врагов: "Японские войска не были готовы к боевым действиям. 23-я японская дивизия, с которой сражалась Красная Армия, была сформирована в Маньчжурии из необученных и необстрелянных новобранцев" (с. 238). Так чего ж, говорю, 38 тысяч этих необученных занесло через весь Китай и Маньчжурию за тысячи верст от любимой родины на землю Монголии, нашего союзника? Да еще прихватили с собой 225 самолетов, 135 танков и 310 орудий (ВЭС, с. 791). И разве эта 23-я дивизия была одна-одинешенька, как изображает Млечин? Нет, сударь, в августе тут развернулась 6-я армия генерала О. Риппо. Целая армия! Это уже 75 тысяч штыков, 300 самолетов, 182 танка и 500 орудий. А им противостояла 1-я армейская группа под командованием комдива Жукова, в которой насчитывалось 57 тысяч солдат и офицеров, 515 самолетов, 498 танков, 385 бронемашин и 542 орудия (там же). Да, уступая по численности живой силы, мы превосходили японцев по вооружению и технике. Так кто ж их просил лезть на рожон? И хотя, как пишет Жуков, "японские части дрались до последнего солдата" (это "новобранцы" — то необученные), но, увы, 30 августа 1939 года "6-я японская армия, вторгшаяся в пределы Монгольской Народной Республики, была полностью уничтожена" (Воспоминания, с. 161, 163). Вот такой "позор на весь мир"...

А 17 сентября того же года, после того, как бездарное польское правительство, бросив свой народ, бежало в Румынию, Красная Армия вступила на территорию рухнувшей под немецкими ударами Польши. Зачем? Да чтобы не дать фашистской

Германии захватить целиком соседнюю страну, чтобы взять под защиту единокровных братьев — украинцев и белорусов и таким образом отодвинуть свой пограничный рубеж на несколько сот километров к западу.

Ллойд Джордж, английский премьер в 1916-1922 годы, говорил в те дни о нашем вступлении в Польшу: "СССР занял территории, которые не являются польскими и были захвачены ею после Первой мировой войны... Было бы безумием поставить русское продвижение на одну доску с продвижением Германии". Выступая 1 октября 1939 года по радио, Черчилль, будущий премьер Англии, развил мысль своего предшественника: "Для защиты России от нацистской угрозы явно необходимо было, чтобы русские армии стояли на этой линии". А ведь оба знаменитые эти премьеры были уж очень, очень, очень небольшими друзьями коммунистической России.

Млечин вместе с дружкой Яковлевым, конечно же, объясняет наше вступление циничной агрессией, очередным позорным разделом Польши и клянется, что поляки, а затем прибалты встретили Красную Армию неприязненно, враждебно, а "командиры и политработники старались оградить бойцов от общения с населением" (397).

Но соображает ли наш мыслитель, что случится, если на одну чашу исторических весов бросить его и, допустим, Яковлева, двух беглых коммунистов, а на другую — Ллойд Джорджа и Черчилля? Я думаю, что при этом наши скорбные умом и совестью соотечественники взлетят туда, откуда они свалились, — на Луну.

А вот что писал еще и В. Бережков, переводчик Сталина, позже доктор исторических наук, тоже не этим беглецам чета: "Мне, как свидетелю событий осени 1939 года, не забыть атмосферы тех дней в Западной Украине и Западной Белоруссии. Нас встречали цветами, хлебом-солью, угощали фруктами, молоком. То были неподдельные чувства. В Красной Армии видели защиту от гитлеровского террора. Нечто похожее происходило и в Прибалтике". Это можно видеть и в кинохронике тех дней, которая иногда проскакивает на наши телеэкраны, когда зазевается какой-нибудь Эрнст или Добродеев, что ли.

А у Млечина все вверх ногами: "Поляки возненавидели русских... Когда 22 июня 1941 года появились немецкие войска, поляки радовались и встречали их как освободителей, встречали части вермахта хлебом-солью" (с. 271). И это после беспощадного разгрома Польши и почти двух лет фашистской оккупации ее? Советские поляки радовались, вдыхая доносившуюся с захваченной немцами польской земли гарь печей Освенцима?

Полякам (как и соплеменникам Млечина) молиться надо на русских и прежде всего на Сталина. Во Второй мировой польские правители установили абсолютный рекорд подлости и тупоумия, перекрытый только теперь Горбачевым да Ельциным. Тогда в короткий срок они показали себя сперва, по выражению Черчилля, гиеной, а потом — бараном. Гиеной — в 1938 году, когда вместе с фашистской Германией растерзали Чехословакию и получили от Гитлера за усердное участие в разбое богатую Тишинскую область. А бараном — в 1939 году, когда своей безмозгой и спесивой политикой ухитрились остаться со своими кавалерийскими дивизиями один на один против танковых армий вермахта.

Молиться надо полякам на русских уже за одно то, что 600 тысяч наших солдат и офицеров полегли в их землю, освобождая ее от фашистов, истребивших 6 миллионов поляков.

Молиться им надо на Сталина... Беглые правители Польши, совершив еще в 1939 году сверхмарафон по маршруту Варшава — Люблин — Бухарест — Париж — Лондон, отъевшись на чужих хлебах, стали давить через английский МИД на премьера Черчилля, чтобы он добился у Сталина согласия на их возвращение к власти в Варшаве. Премьер долго сносил домогательства дезертиров и своего МИДа, но, в конце концов, не выдержал и 7 января 1944, когда русские полки под командованием великого русского поляка Рокоссовского, давя немцев, уже рвались вперед, Черчилль направил в МИД записку для сведения шантажистов-марафонцев. Он писал: "Без русских армий Польша была бы уничтожена или низведена до уровня рабского положения, а сама польская нация стерта с лица земли. Но доблестные русские армии освобождают Польшу, и никакие другие силы в мире не смогли бы этого сделать... Поляки, должно быть, очень глупы, воображая, что мы собираемся начать новую войну с Россией ради польского восточного фронта. Нации, которые оказались не в состоянии себя защитить, должны принимать к руководству указания тех, кто их спас и кто предоставляет им перспективу истинной свободы и независимости".

В конце ноября 1939 года началась финская война. Млечин клеймит нашу армию: "неудача"... "плачевные итоги"... "позор на весь мир!" Он, видите ли, уверен, как уверен тот же лысенький умник Радзинский, что мы хотели завоевать всю Финляндию, "присоединить ее к Советскому Союзу" (с. 258, 410), и потому "советские войска получили приказ выйти на границу со Швецией и Норвегией" (с. 296). Где этот приказ? Неужели до сих пор не рассекречен?

А вот, говорит, когда война уже шла, на одной "вечеринке" Сталин произнес людоедский тост: "Пока мы убили в Финляндии шестьдесят тысяч человек. Надо убить остальных, и дело будет сделано" (с. 296). Это что ж была за "вечеринка"? А та самая, о которой мне уже приходилось упоминать: "дружеская вечеринка 21 января 1940 года по случаю дня рождения Ленина" (там же). Можно ли вообразить себе большее тупоумие или лживость, чем превращение даты смерти в дату рождения? Вот именно так Млечин извратил и нашу цель в Финской войне: хотели, мол, захватить, присоединить, "но финны не пожелали отказаться от независимости и отстаивали свою страну" (283, 292).

Да если бы мы хотели завоевать Финляндию, то могли бы сделать это если уж не в марте 1940 года, когда дорога на Хельсинки была открыта и финны запросили мира, то очень просто — в 1944 году, в пору высшего могущества и славы нашей Родины, когда битые финны расплевались с немцами и вторично капитулировали перед Красной Армией.

... Наша цель была — отодвинуть границу от Ленинграда, за что мы до начала войны предлагали финнам вдвое большую территорию, а также получить военные базы. И мы всего добились. Где же тут "неудача", "плачевный итог", "мировой позор"? А он все пыжится: "Сталин повелел считать Финскую кампанию победоносной" (с. 317). Повелел!... Она и была такой, ибо армия выполнила поставленную задачу, все цели были достигнуты, все задачи решены, все выгоды получены.

Прежде чем обратиться к писаниям Млечина о Великой Отечественной войне, следует раскрыть одну его тайну. О начальной поре войны он пишет: "Линия фронта быстро отодвигалась на Восток" (с. 562). Вдумайтесь: отодвигалась от чего? Конечно же, от Германии, от Берлина, от новой имперской канцелярии Гитлера, от министерства пропаганды Геббельса. Вот из Берлина, скорей всего, из окна министерства пропаганды Млечин и смотрит в подзорную трубу на свою родину, на Великую Отечественную войну и в меру своего плоскоумия старается все охаить, извратить, оболгать, а оккупантов обелить: он и слов таких, как "фашист", "гитлеровец", "захватчик" не употребляет. И фашисты у него не захватывают наши города, а только берут.

Подзорную трубу направляет, прежде всего, на Ворошилова: " В двенадцать лет он пошел в земскую школу, где проучился два года. На этом его образование завершилось. Больше никогда и ничему не учился. И не подозревал, что нуждается в продолжении образования" (с. 6). Какой прозорливец! Знает даже, что подозревал или не подозревал человек сто с лишним лет тому назад. Но в то же время, какое душевное простофильство: он уверен, что учиться можно только в МГУ, как сам учился, или в МГИМО, как отчим. Будто и не слышал, допустим, о Горьком или Шолохове с их трех-четырёхклассным образованием.

Но если Ворошилов больше никогда и ничему не учился, то вызывают изумление его письма в книге: они не только интересны, умны, но и совершенно грамотно написаны. А вот письмо Буденного действительно ужасно: "Кроме того прошу зделат мне палто" (с. 752) и т. д. Но это вызывает сомнение, ибо такое письмо лишь одно, а другие его письма тоже очень интересны, содержательны и написаны вполне грамотно. Так не фальшивка ли первое письмо? К слову сказать, из этих писем я с приятным удивлением узнал, что Ворошилов и Буденный в отличие, допустим, от Путина и Шредера, или Черномырдина и Примакова, были "на вы" (с. 70). А ведь Буденный, поди, и два года в школу не ходил. Эпоха!... Тогда млечины тоже писали, но их не печатали.

Автор сообщает, что в пятнадцать лет Ворошилов пошел работать на завод, но "не столько трудился у станка, сколько занимался пропагандой". Ах, как вольготно жилось при царизме! Можно было не работать, а антиправительственной пропагандой заниматься. Как Солженицын в лагере: работу не делал, а писал свои деревянные поэмы.

Дальше: "Революционная работа у него ладилась, и в 1905 году он организовал на заводе забастовку". Гляди-ка, а ведь всего два класса за плечами. Значит, большой талант!

Не буду пересказывать всего, что автор вывалил на маршала Ворошилова, отмечу только, что факты, которые сам же приводит, опровергают презрительную характеристику: "бездарность", "серость, посредственность" (с. 5) и т. п. В двадцать пять лет организовать забастовку на заводе — это серость? Пять арестов и пять побегов — это посредственность? Возглавить вооруженные силы страны — это бездарность? Да, говорит, Млечин, но его же после Финской войны сняли. Правильно! Пора пришла. Ведь пятнадцать лет был наркомом обороны. Сколько можно! Вон и папочку Млечина после тех же пятнадцати лет сидения в "Литгазете" попросили очистить помещение.

Млечин не сдаётся: "Глубокое недоверие к царским офицерам осталось в нём на всю жизнь" (с. 9). А где факты? При его же наркомстве на вторую в армии должность начальника Генштаба и заместителя наркома обороны последовательно были назначены Тухачевский, Шапошников, Егоров — все царские офицеры, двое последних даже полковники. Заместителем был и С. С. Каменев, тоже царский полковник.

Млечин мечет свою козырную карту: "Троцкий считал Ворошилова бездарным в военном отношении" (с. 9). Что удивительного? Лев Давидович, к радости Млечина, божился, что и Сталин — воплощённая серость.

Раз уж помянули Троцкого, то уместно будет рассмотреть такой пассаж: Млечин уверяет, что тот однажды спас от расстрела командующего Второй Конной армией Ф. К. Миронова, "но потом его все равно уничтожили" (с. 751). Кто уничтожил? Молчание... Да ведь именно по приказу Троцкого и убили.

И вот будто бы "убийство Миронова открыло Буденному дорогу к славе и успеху" (там же). Какую дорогу? К какой славе? Во-первых, ещё с Германской войны Буденный пришёл полным Георгиевским кавалером. Это ли не слава! А главное, знаменитую Первую Конную армию он создал на базе 1-го конного корпуса ещё в ноябре 1919 года, и все время, во всех сражениях Гражданской войны командовал ею до расформирования в октябре 1923-го. А Вторая Конная была сформирована только в июле 1920 года, когда слава Первой и её командарма уже гремела на всю страну. Просуществовала Вторая только пять месяцев — до начала декабря того же года и была переформирована во 2-й конный корпус, т.е. свернута. Командовали ею сперва О. И. Городовиков, а потом Миронов.

Млечин, естественно, из кожи лезет, чтобы опорочить Первую Конную и её командарма, уверяя, что "у неё была весьма сомнительная репутация. Конники отличались по части мародерства и грабежей" (с. 750). Нет, сударь, они отличались прежде всего "по части" разгрома врагов молодой советской России. Об этом в книге — ни слова. Более того, вот ещё что: "Выходцы из Первой Конной были абсолютно необразованны, не представляли себе, что такое современная война, и начисто были лишены военных талантов. Выше своего унтер-офицерского погона они так и не поднялись" (с. 769). Скажите, какая беспощадность! Можно подумать, что сам-то давным-давно поднялся выше своего журфаковского потолка, а ведь, как мы видели, не поднялся и до четырехклассного уровня земской школы. И вот вам тут же пример: "Из Первой Конной вышли восемь маршалов Советского Союза, девять маршалов родов войск и генералов армии" (с. 759). 17 высших военачальников с унтер-офицерским потолком! Тут фак ужасно прискорбный: у автора одно полушарие не соображает, что делает другое.

Из маршалов, прославившихся в Великую Отечественную, Млечин отметил Рокоссовского: "Он попал в армию не по партийному набору..." (с. 782). А кто из маршалов и генералов — по партийному набору? Разве что начальники ГлавПУРа Гусев (Драбкин), Гамарник да Мехлис? И о каком партнаборе тут речь, если большинство наших маршалов, в частности, Рокоссовский и Жуков, и многие генералы, например, Тюленев и Павлов, начали службу ещё в царское время? "Рокоссовский рос в званиях заслуженно, потому что учился, а не потому, что принадлежал к влиятельной группировке выходцев из Первой Конной" (там

же). Не дают ему покоя те 17 выходцев. А Рокоссовский-то ни МГУ, ни МГИМО, ни даже военных Академий, как и Жуков, не кончал, и в званиях они росли не потому, что получали пятерки на экзаменах, а потому, что умело воевали.

Как именно? А вот: "Сражаясь с немцами, Рокоссовский нисколько не ощущал их превосходства. Он был не менее образован и не менее талантлив в военном деле, чем его противники" (с. 782). Не менее чем битые фрицы! Это высшая похвала для советского полководца, на которую может решиться Млечин. Я думаю, что 24 генерала, взятые в плен Рокоссовским в Сталинграде, и 17, взятых в Белоруссии, прочитав такое, сказали бы о Млечине: "Этот малый не менее талантлив в деле брехни, чем наш Геббельс".

А еще вот что он рассекретил о прославленном маршале: "В сорок четвертом году Рокоссовский хотел взять Киев, и его 60-я армия под командованием генерала Черняховского была уже на подступах к столице Украины, но во второй половине сентября его фронт перенацелили на черниговское направление. Киев отдали (!) Воронежскому... Сталин лишил Рокоссовского возможности нанести удар на главном направлении" (с. 784). Вот, мол, какая жуткая несправедливость к замечательному полководцу. И не соображает, что поставил в идиотское положение не только себя, но и Рокоссовского: у него маршал, как сонная тетеря, в сорок четвертом мечтает освободить город, который был освобожден еще в прошлом году. И сделали это войска не Воронежского фронта, а 1-го Украинского под командованием Н. Ф. Ватутина, а Рокоссовский никогда 1-м Украинским не командовал.

Этот пассаж чрезвычайно характерен: голова аналитика забита ворохами всякой чепухи: у кого какая зарплата, кто чем болел, кто любит играть в карты, а кто в домино, что подавали на приеме в Кремле, у кого жена еврейка, а у кого — полуеврейка и т. п. А вот когда и кто освободил Киев, мать городов русских, он не знает. Почему? Да его это просто не интересует, у него другие задачи: как бы смастачить новую книженцию, да чтобы клевета в ней была покруче, позабористей и шире по охвату советской жизни.

В биографии Рокоссовского его заинтересовал и такой факт. Когда после войны маршал был министром обороны Польши, то жаловался, что ему, "как "человеку Москвы", создают трудности в работе, что в Политуправлении Войска Польского слишком много евреев" (с. 792). Интересно, что сказал бы маршал сейчас о нашем правительстве во главе с Фрадковым, о наших кровососах во главе с Ходорковским или о нашем телевидении, где трудится Млечин. А что касается Политуправления польской армии, то, казалось бы, некоторые излишества там не должны бы удивлять Рокоссовского, ведь в нашем при его жизни было то же самое: уже упоминавшиеся Яков Давидович, Ян Борисович, Лев Захарович... И не просто сотрудники, а высшие начальники, руководители...

А примером широкоохватной подлости писаний Млечина могут служить слова кинорежиссера Льва Арнштама, будто бы сказанные когда-то критику Лазарю Шинделю (Лазареву) и подхваченные, как великая драгоценность, и растиражированные в этой книге. В 1944 году Арнштам снял фильм о Зое Космодемьянской, за что, как и Маргарита Алигер за поэму "Зоя", получил Сталинскую премию. И вот Шиндель уверяет: "С негодованием говорил Арнштам о матери Зои. Она снимала пенки с гибели дочери. Славы ради вытолкнула в

добровольцы младшего брата Зои. Он по возрасту еще не должен был призываться, и мальчишка погиб" (с. 667). Какое зверство!

Арнштам в 1979 году умер, а Лазарь Шиндель, с которым я когда-то работал в "Литгазете", благополучно здравствует, как и Млечин. Я не знал Арнштама, но мне трудно поверить, чтобы он сказал такое о матери, потерявшей дочь и сына. Неужели нет предела низости? Но что взять с покойника! А ведь эти двое говорят не о матери Зои, а о себе, о своей способности "снимать пенки" с чего угодно, где угодно, когда угодно: сидя в креслах "Литгазеты" да "Известий", снимали пенки советские, теперь снимают антисоветские, русофобские...

И не могут допустить мысли, что тысячи и тысячи советских людей шли на фронт добровольно, не в состоянии поверить, что и Александр Космодемьянский пошел добровольно. Он родился в 1925 году. В сорок втором ему еще не было восемнадцати призывных лет и его направили в Ульяновское танковое училище, которое он окончил в 1943-м. Ему уже исполнилось восемнадцать, и как командир батареи САУ он участвовал в боях за освобождение Белоруссии и Прибалтики. Стал старшим лейтенантом, за отличие в боях был награжден орденом Ленина и Отечественной войны обеих степеней. Погиб 13 апреля 1945 года двадцати лет в Восточной Пруссии. Там довелось тогда в составе 50 армии быть и мне. Несчастливая мать потеряла на войне, отдала Родине двух детей, а Шиндель отдал Родине два пальца правой руки...

Книга Леонида Млечина "Председатели КГБ", как многие его сочинения, обнародована знаменитым издательством "Центрполиграф" (директор проф. Усанов Д. Е.). Это событие произошло еще в 1999 году, но за прошедшее время книга ничуть не устарела. Она и ныне остается великолепным учебным пособием для всех, кто мечтает повысить уровень своего невежества и освежить свое тупоумие. Замечательные, часто даже непревзойденные образцы того и другого представлены здесь со всей щедростью млечинского ума.

Ослепительный урок дан в первых же абзацах авторского предисловия: "Нам со стороны кажется, что председатели ВЧК-КГБ, наделенные огромной властью, наслаждались жизнью". Жуировали, мол, купались в шампанском и больше ничего знать не знали, ведать не ведали...

Как взрослому человеку могла втемяшиться столь несуразная мысль? Да очень просто: такой взгляд весьма характерен для людей, которые на любую должность, на всякую власть смотрят прежде всего с точки зрения "а что я буду с этого иметь?"

Как мы уже отмечали, диапазон невежества и тупоумия в книгах Млечина необычайно широк, охватывает почивших и живых, простирается от глубокой древности до XXI века. Уверяет, например, что "подсадных уток" придумал Дзержинский. Господи! Они существовали еще во времена Хаммурапи, может быть, даже раньше изобретения колеса. Да не явились ли "подсадными утками" и "агентами влияния" своего времени еще прославленные библейские героини — Далила и Эсфирь, Суламифь и Юдифь? Прельстив красотой и ласками чужих властителей или врагов своего народа, они добивались их смерти, — кто из высоких побуждений, кто по наущению, кто просто за мзду.

С какой настойчивостью, скажем, Данила по заданию филистимлян выпытывала у влюбленного в нее богатыря Самсона "государственную тайну" — в чем его сила? А когда выпытали, "пришли к ней владельцы Филистимские и принесли серебро в руках своих. И усыпила она Самсона на коленях своих, и призвала человека, и велела ему остричь семь кос головы его. И отступила от него сила его". Кончилось это, как известно, весьма печально. Тут перед нами в одном лице и "подсадная утка" и "агент влияния".

Другие избрали только вторую из этих ролей, давшую однако столь же эффектный результат: скромной и робкой красавице Эсфири без телевидения и "Московского комсомольца" удалось так настропалить персидского царя Артаксеркса против его же сатрапа Амана, что, в конце концов, "сказал царь: повесьте его. И повесили Амана. И гнев царя утих". А каково Аману?

Примерно таким же опосредствованным путем и Суламифь ухитрилась получить голову Иоанна Крестителя. А Юдифь предпочла собственноручный вариант в отношении влюбленного врага: "подойдя к столбику постели, стоявшем в головах у Олоферна, она сняла меч и сказала: "Господи Боже Израиля! укрепи меня в этот день". И изо всей силы дважды ударила по шее Олоферна и сняла с него голову... Она вышла (из шатра) и отдала служанке голову Олоферна, а та положила ее в мешок со съестными припасами, и обе вместе пошли по обычаю своему на молитву".

Все это давным-давно известно. Но беглый коммунист Млечин, которому на роду написано знать это лучше, чем хотя бы мне, вопиет: "Дзержинский! Большевики!..." Ждите, завтра объявит, что они придумали и смертную казнь...

Но оставим библейских "уток" и "агентов", обратимся ко временам поближе. Вот XIX-XX века. Что тут новенького для олуха? Твердо уверенный, что все во всем следуют только сугубо личным интересам, историк пишет: "Ленин испытывал к эсерам симпатию". Это почему же? Эсерка Каплан стреляла в него отравленными пулями, а у него — симпатия? А потому, говорит, что эсером был брат Александр, "повешенный за покушение на Александра Третьего" в 1887 году. Отменно. Однако, во-первых его казнили не за покушение, а за подготовку покушения, которого не было. Тут большая разница. Это все равно, как если бы Млечина депортировали, допустим, в Израиль не за распространение малограмотных клеветнических книг о нашей армии и Великой Отечественной войне, а лишь за подготовку их рукописей. Во-вторых, партия эсеров была создана в 1901 году. Как же человек сумел стать эсером почти за пятнадцать лет до создания этой партии? В-третьих, если Александр не мог быть эсером, мог Владимир симпатизировать им? Тайна, покрытая мраком...

А что касается помянутого покушения, то Млечин пишет: "Возможно (!), Фанни, Каплан и в самом деле стреляла в Ленина", но это "вызывает большие сомнения. Полуслепая женщина, по мнению экспертов, никак не могла попасть в Ленина". Эта "полуслепая" сумела-таки добраться до завода Михельсона на окраине города, спрятаться в толпе, пробраться к Ленину на несколько шагов, а после стрельбы бросилась бежать. С такого расстояния даже слепой человек может попасть в свою жертву по голосу. Ведь Ленин-то беседовал с рабочим завода. Давайте, сударь, произведем следственный эксперимент. Достаньте мне пистолет, завяжите глаза, а шагах в пяти поставьте в качестве эксперта, допустим, директора издательства

"Центрполиграф" тов. Усанова (парбилет N86935325), и пусть он читает вслух такой, например, текст с четвертой страницы вашего сочинения: "За сведения и факты, изложенные в книге издательство ответственности не несет". А я пальну по голосу из пистолета, как Фанни Каплан, три разочка. Вот интересно, попаду или нет?

Как все столбовые долдоны, Млечин любит блеснуть звонким афоризмом, мудрым изречением и т. п. Впрочем, а почему бы и нет? Я и сам не гнушаюсь такими красотами. Но вот что получается у Млечина: "Человек — это стиль", — говорят французы". Покажи хоть одного, кто говорил бы такую чушь. А знакомый мне француз Бюффон изрек однажды нечто совсем иное: "Стиль это человек". Едва ли наш сочинитель поймет, в чем здесь разница.

Тут опять-таки весьма характерная черта людей этого пошиба: услышат где-то что-то вполуха, увидят вполглаза и волокут в свои книги, речи и манифесты. Взять того же Лукина. Он то и дело твердит по разным поводам: "Это хуже, чем преступление, это ошибка". Да, да, когда-то кто-то так сказал: не то Талейран, не то Фуше, не то Булэ. И как это ни цинично, а в каких-то конкретных обстоятельствах могло иметь смысл. Но Лукин-то сует это куда ни попадя, не соображая, что проповедует бесстыдство. Ведь ошибки и преступления бывают разные, даже несоизмеримые. В самом деле, вот Лукина избрали в Думу. Это, конечно, ошибка, но не столь уж страшная: ведь туда набились еще и не такие губошлепы. А вот назначение его когда-то послом в США по воле Ельцина и Козырева или недавно решением Путина — уполномоченным по правам человека, это уже тяжкое преступление всех участников злодеяний: ну, каким послом великой державы и каким защитником человека может быть заурядный губошлеп! Где он был, кого защищал в дни бесланского кошмара?

Кроме афоризмов, освященных веками, Млечин очень любит живые беседы с живыми мудрецами, и самый любимый из них — профессор Наумов В. П., "чьи уникальные познания, — говорит — помогли мне разобраться во многих хитросплетениях жизни". Да, этот все знает.

Вот одна из крупниц его уникальных познаний: "Сталин пытался закрыть историю войны". Как это? Приказал считать, что войны не было? Да с какой же стати, если под его руководством страна добилась всемирно-исторической победы над фашизмом? Да неужто Сталин был дурнее ученого профессора?

"Ему многое хотелось забыть из того, — продолжает мыслитель, что было". Забыть? Да разве не сам Сталин сразу после войны в своей знаменитой речи сказал: "У нашего правительства было немало ошибок, были у нас моменты отчаянного положения в 1941-1942 годах, когда наша армия отступала, покидала родные нам села и города... Иной народ мог бы сказать правительству: вы не оправдали наших ожиданий, уходите прочь, мы поставим другое правительство, которое заключит мир с Германией и обеспечит нам покой".

Если бы народ наш состоял из профессоров Наумовых и строчкогонов млечиных, то он именно так и поступил бы. "Но русский народ не пошел на это, ибо он верил в правильность политики своего Правительства и пошел на жертвы, чтобы обеспечить разгром Германии. И это доверие русского народа Советскому

правительству оказалось той решающей силой, которая обеспечила историческую победу над врагом человечества, — над фашизмом".

А профессор все свое: "Сталин потому и пленных загнал в Сибирь, чтобы они не рассказывали, как все было". Во-первых, вранье, что "пленных загнал в Сибирь". Там оказались лишь те, кто это заслужил своим поведением в плену. Но я могу даже только из числа знакомых мне литераторов назвать немало тех, кто после войны оказались вовсе не в Сибири, а в Москве, где благополучно прожили всю оставшуюся жизнь. Например, в элитном, как ныне говорят, а тогда — в идеологическом столичном Литинституте после войны со мной учились побывавшие в плену Николай Войткевич, Борис Бедный, Юрий Пиляр. Николай после института много лет до самой пенсии работал на нашем радио для заграницы (ГУРВ).

Опять "идеологический фронт"!), где был восстановлен в партии. А Борис и Юра написали немало рассказов, повестей, романов, стали членами Союза писателей, имели даже "Избранное", по повести Бедного был поставлен хороший фильм "Девчата". А Степан Злобин и Ярослав Смеляков, тоже бывшие пленные, вернувшиеся после войны в Москву, которых я знал, были восстановлены в Союзе писателей, широко печатались, издали 3-4-томники, получали награды, премии: первый — еще Сталинскую, второй - Государственную. Не выходя за пределы литературного круга, могу назвать и другие имена. А кого можете назвать вы, говорящая профессорская голова? Может, загнали в Сибирь вашего папочку или отчима Млечина?

Во-вторых, разве в Сибири некому было рассказать, "как все было", и неужели не соображаете, что не одни пленные могли рассказывать, а все фронтовики, коих вернулось с войны миллионы. Так что додуматься "загнать пленных в Сибирь" с целью "закрыть историю войны" мог разве что вот такой профессор кислых щей.

Дальше: "Сталин запретил генералам и маршалам писать мемуары". Вот брехло, а! Кому запретил? Назови хоть одно имя!... Другое дело, что наши генералы и маршалы, будучи после войны еще достаточно молоды, в большинстве своем продолжали службу в армии, им некогда было мемуарствовать. А немецкие генералы все оказались не у дел, им, безработным, нечем было заняться, тем более, сгорали от нетерпения оправдать свой разгром, свалить его на Гитлера, на мороз, на плохие дороги, — вот они, как по команде, и засели за письменные столы. И пошло: тр... тр... тр...

И опять: "Сталин сделал так, что ветераны войны перестали носить ордена". О господи! Да как же это он сделал? Не Сталин, а Эренбург написал стихи: "Носить нескромно стало ордена..." И это верно. Было время, когда ордена носили даже на шинелях, на полушубках, на пальто, но годы шли и появились орденские планки, а позже мы и вовсе стали надевать награды раз в году — в День Победы.

"Сталин сказал: пора гордиться орденами, полученными за восстановление страны". Во-первых, тут нет призыва перестать гордиться военными орденами. Как и в известных строках поэта:

Из одного металла льют
Медаль за бой, медаль за труд.

Во-вторых, когда, где, кому Сталин это сказал? Очередное профессорское вранье! А ведь старый уже, поди, человек...

Млечин душевно беседует не только с процветающими профессорами, но и с покойными академиками. Например, уверяет: "В 1947 году Ландау так определил положение советской науки... У нас наука окончательно проституирована... Науку у нас не понимают и не любят, что и не удивительно, так как ею руководят слесари, плотники, столяры". Автор не соображает, каким идиотом и мерзавцем представил здесь известного ученого... Главный штаб по руководству наукой, естественно, Академия Наук. С 1917 года по 1925 ее президентом был выдающийся ученый А. П. Карпинский, ставший академиком еще за двадцать лет до революции. Это он не любил науку? Это его Ландау считал слесарем? Затем последовала плеяда блистательных имен: В. Л. Комаров, С. И. Вавилов, А. Н. Несмеянов, М. В. Келдыш, А. П. Александров... Это они не понимали науку? Эти их Ландау поносил как плотников? А академики Королев, Курчатов, — над ними он глумился как над столярами?

Это с одной стороны. А с другой, как же при столь злобной вражде к Советской власти, Ландау мог радостно принимать ее щедрые дары: став академиком в 38 лет, уже после приведенного заявления получил три Сталинских премии, звание Героя социалистического труда, Ленинскую премию и кучу орденов? И потом ни от чего не отказался. На месте родственников покойного Л. Д. Ландау за такой его портрет я подал бы в суд на Млечина.

От дурости этого свистуна нет спасения даже людям трагической судьбы. Смотрите: "Михоэлс сам понимал, что о ширма. Когда западные корреспонденты говорили, что в Советском Союзе процветает антисемитизм, партийные руководители отвечали: а Михоэлс?" Тут представлены полными идиотами не только ненавистные автору руководители, но и обожаемый им артист, ибо он прекрасно знал, что на вопрос об антисемитизме руководители могли кое-что еще и добавить: а Эренбург? а Пастернак? а Светлов? а Плисецкая? а Самосуд и Рейзен? а Дунаевский и Бондаревский? а Ромм и Роом? а Раневская и Райкин? а Драгунский и Крейзер? а Михаил Млечин и его блистательный сын Леонид?.. И так могли бы они акать до второго пришествия. Но и тогда не успели бы перечислить всех еврейского происхождения писателей, ученых, артистов, военных, обильно взысканных щедротами Советской власти...

Как ни увлекательны прогулки по оранжереям млечинской эрудиции, но меня и в этой его книге все-таки больше интересует тема армии и Великой Отечественной войны.

Вот она началась... Жуков писал в "Воспоминаниях", что вечером 21 июня начальник штаба Киевского военного округа генерал-лейтенант М. А. Пуркаев доложил ему о немецком перебежчике, который говорил о готовности немецкой армии утром начать вторжение. Млечин уверяет, что Пуркаев звонил не 21-го, а "в десять минут четвертого утра 22 июня", т.е. когда немцы уже бомбили наши города. И вот, мол, в этот же день "без десяти девять вечера руководители Наркомата обороны вошли в кабинет Сталина". Как видим, проволынили и все это время уже полыхала война, а они неизвестно чем занимались и только теперь явились. И что

же? "Сталин, нахмурившись (Млечин сам это видел), сказал: "Ну что, за разрешением на подпись пришли, что ли?" Какая подпись? Чья? Зачем?

И тут, говорит, "в половине двенадцатого ночи", естественно, того же 22 июня была составлена директива N1...

Все это лютое невежество или сознательное вранье: известие о перебежчике Жуков получил, конечно же, 21-го, а не 22 июня, директива N1 была составлена в ночь на 22-е, и ее "передача в округа была закончена в 00. 30 минут 22 июня" (Жуков, с. 234).

В 12 часов дня по радио выступил заместитель главы правительства и нарком иностранных дел В. М. Молотов. Млечин пишет: "Речь Молотову написал Вышинский". Откуда взял? А знать, мама сказала, она же доктор наук. "Речь была полна ненужных и неуместных оправданий и упреков (!) в адрес нацистской Германии. Люди в этот страшный час рассчитывали услышать другие слова". Какие другие? Молотов твердо и мужественно сказал именно то, что надо было сказать: "Наше дело правое. Враг будет разбит, победа будет за нами!" Народ и армия прошли всю войну именно с этими словами-клятвой... И вот так врет наш историк обо всей войне с первого дня до последнего.

Но если из речи Молотова он все-таки привел три абзаца, то из речи Сталина 3 июля — всего девять слов, которые назвал "чистой воды пропагандой". На самом деле никакой пропаганды не было, а был призыв к борьбе. Но почему вождь народа в трудный час не мог прибегнуть и к пропаганде, и к агитации? Ведь это оружие, притом сильнейшее. А разве не пропагандой в оправдание агрессии была лживая декларация Гитлера 22 июня? Целиком! А разве вся необъятная писанина Млечина это не пропаганда? Разумеется, только не чистой воды, а в интересах врагов. Пишет: "Я всегда с изумлением читаю рассказы об агентах влияния". Будучи сам именно таким агентом, он еще изумляется!

На вопрос, что значит действовать по-советски, этот бездельник и невежда отвечает: "Действовать из рук вон плохо". Плохо Советская власть в кратчайший срок ликвидировала неграмотность в стране, где были неграмотны три четверти населения. Очень плохо за 15-20 лет Советская власть под руководством коммунистов вывела отсталую страну на второе место в мире по промышленному развитию. Отвратительно в мае 1945-го Красная Армия водрузила знамя Победы над Берлином. Безобразно за пять лет советские люди ликвидировали военную разруху. Позорно первыми в мире послали в космос человека. Бездарно создали лучшую в мире систему образования... Кто так может думать? Агент вражеского влияния, антисоветчик и русофоб.

"Все пропагандистские ведомства Германии, — пишет агент, трудились над созданием отвратительного образа России и русских". Эти ведомства в сорок пятом году были ликвидированы, а их агенты работают до сих пор.

И не надо удивляться тому, что если покойный "Гиммлер называл генерала Власова "свиньей и изменником", то здравствующий Млечин признается: "соблазн поменять оценку на противоположную: вместо Власова-предателя появился Власов-патриот, борец против сталинского режима. А и действительно — чем

Сталин лучше Гитлера?" Словом, не свинья и предатель, а сущий ангел и патриот. Кто же тут выглядит приличней — фашист Гиммлер или демократ Млечин?

Война идет. И вот какую картину рисует летописец дальше: "Катастрофа Красной Армии летом сорок первого года"... "Разгром Красной Армии летом сорок первого"... "полный разгром Красной Армии"... "сопротивляться было некому" и т. п. То же самое — какой трогательный консенсус! — тем летом говорили в Берлине. Уже 30 июня многоумный начальник Генштаба генерал-полковник Гальдер заявил на официальном праздновании дня своего рождения в присутствии Гитлера: "Русские потерпели поражение в течение первых же восьми дней". А 3 июля, не поумнев, записал в дневнике: "Можно уверенно сказать, что кампания против России выиграна в две недели". На другой день, 4 июля, сам Гитлер сказал: "Я все время стараюсь поставить себя в положение противника. Практически он войну уже проиграл". В те дни ликовал и бесновался Геббельс... Что ж, а ведь их можно и понять, даже пожалеть. Они не знали, что крупные поражения терпят лишь войска приграничных военных округов, а не Красная Армия в целом, они не могли предвидеть, чем обернутся их победы и чем все кончится через четыре года в Берлине. В конце войны Гитлер признался: "Распахнув дверь, мы не знали, что за порогом". Но наш-то историк знает это и все-таки неумоимо строчит о разгроме всей Красной Армии: "Танковые колонны катились по дорогам России и Украины. Немецкие генералы прикидывали, сколько им осталось до Москвы".

А что в Москве? В Москве, говорит, "ждали прихода немцев". Что значит ждали, как ждали? С цветами, что ли? Ту автор ссылается на "Мемуары" Эммы Герштейн (М., 1998), получившие премию "Антибукер". Еще бы!... Та уверяла, что тогда в женских парикмахерских не хватало мест для клиенток: "Немцы идут — надо прически делать" (с. 303). Ждали...

Я знал Эмму Григорьевну, она жила со мной в одном подъезде этажом ниже. Была очень стара и последние годы уже не вставала с постели. Огромная, тяжелая, она иногда сваливалась на пол. Тогда за мной прибегала ее молодая наперсница, и нам приходилось в четыре руки втаскивать старушку обратно.

Когда вышли "Мемуары", ей было уже 95 лет. Видимо, именно возрастом объясняется тот печальный факт, что в книге много сомнительного, недостоверного и просто несуразного. Так, злоупотребляя своим долголетием, автор явно сводила какие-то счеты с несчастной Надеждой Мандельштам, уже давно умершей. Сколько совершенно недоступных проверке гадостей наговорила о ней: и бисексуалка, и развратница, и лгунья... Уверяет даже, что Мандельштамы пытались вовлечь ее в свои безумные сексуальные забавы. Поди проверь! Все современники умерли. Поэтому приведу образчик того, когда мемуаристка сама не понимала, что пишет.

На 14 странице она гвоздит сталинскую эпоху за понижение в должности ее отца: был главным врачом больницы, а в 1929 году стал только заведующим отделения. Почему? А лишь потому, говорит, что беспартийный. Мы, конечно, сочувствуем, хотя и помним, что тогда же, в 1928 году беспартийного царского полковника Б. М. Шапошникова назначили даже не главным врачом, а начальником Генерального штаба Красной Армии. Но читаем дальше и на странице 244 с радостью узнаем, что папа Герштейн был уж такой партийный, что дальше некуда — член ЦК да еще, кажется, с 1918 года! Значит, старушка говорила неправду, что его понизили в

должности по причине беспартийности. Тогда за что же? Молчит... Но на странице 261 папа снова предстает как беспартийный страдалец тоталитаризма! Что такое? Однако на странице 352 новый удар: "Когда в 1942 году папу выводили из состава ЦК..." Хоть стой, хоть падай!

Если старушка по столь важному вопросу несла ахинею о родном папочке, то, как можно верить тому, что она написала о Мандельштамах, Ахматовой, Пастернаке и об очередях в дамских парикмахерских летом сорок первого года. В нашем доме, где жила и Э. Герштейн, когда писала воспоминания, на первом этаже и теперь находится парикмахерская. И я не исключаю, что, однажды увидев там очередь, Эмма Григорьевна мысленно перенесла это в сорок первый год.

В огромном многомиллионном городе, конечно, могло оказаться несколько сот или даже тысяч человек, которые с нетерпением ждали прихода немцев. Вон же покойный писатель Виктор Некрасов, Сталинский лауреат, укатив за границу, в 1981 году заявил в "Русской мысли": "Дело наше (в Отечественной войне) оказалось неправое". Ему вторит другой покойник, которому Ельцин уже поставил памятник, — Булат Окуджава: "Ведь на фронте я, по существу, защищал сталинизм... Я виноват!" Тут и благополучно здравствующий поныне критик Эмиль Кардин, воспитанник Военно-политической академии, член КПСС с 1943 года, отставной майор: "Не за такое уж "правое дело" велась война". В этом духе высказался также Григорий Бакланов. И опять голос с того света. Юрий Нагибин, кавалер ордена Октябрьской революции...

К слову сказать, некоторые названные здесь литераторы опять же евреи. И вот представьте себе, они ждали или теперь сожалеют, что воевали за неправое дело. А ведь их бы в первую очередь затолкали в душегубку, ибо приказ Гитлера, уверенного в захвате Москвы, гласил: из русской столицы ни один человек не должен уйти живым. Но поскольку Кардин когда-то написал погромную статью о Нагибине, а тот в своих воспоминаниях обозвал критика "платяной вошью", то, вероятно, они схватились бы у входа в душегубку, проталкивая друг друга впереди себя.

Нагибин однажды записал в "Дневнике": "Я по натуре — типичный паразит" (М., 1996. С. 76). Кто оспорит — Рекемчук? Правда, тут же добавил о своей натуре в целом: "я не настоящий". Во многом — да, но паразит истинный. Это он доказал всей своей жизнью. И как истинный паразит был лово и пронырлив, бесстыж и лжив. За две недели до смерти, постигшей его 16 июня 1994 года, в предисловии к "Дневнику" писал: "До восьмидесяти пятого года, когда началась перестройка, я жил вне общественной, социальной, политической жизни из соображений гигиены. По той же причине я, как мог, избегал литературной среды" (с. 6). Я, дескать, такой чистенький, а кругом, в том числе в Союзе писателей, одни чумазые. Вы подумайте: "как мог, избегал". Мог он избежать членства в Правлении Союза писателей России? Разумеется. Надо было взять самоотвод, и все. А он 16 лет членствовал, да еще одновременно 10 лет был членом Правления СП СССР. И это — вне общественной жизни? Мог не входить в редколлегиях журнала "Знамя"? Запросто. Не тянули же его туда канатом, А он, будучи бинарным членом Правлений двух Союзов писателей, одновременно те же 10 лет состоял и в редколлегии "Знамени". Мог избежать членства в редколлегиях многих других журналов и газет — "Нашего современника", "Литературных новостей", "Книжного обозрения", "Кольца А"... Да о

чем речь! А ведь это все проклятая литературная среда, презренная общественная жизнь...

Мало того, при таком-то отвращении к чумазым и вонючим ведь мог и в Союз писателей не вступать, как совсем по другим соображениям не вступил, например, умерший недавно Владимир Богомолов, талантливый рассказчик и романист. А его после появления пронзительного рассказа "Иван" даже приглашал, зыывал С. С. Смирнов, тогдашний первый секретарь Московского отделения СП. А этот в двадцать лет, еще не имея ни одной книги, с проворством юного паразита уже пролез в Союз писателей и тотчас помчался в его лучший Дом творчества в Коктебеле...

Ждал, ждал Нагибин прихода немцев в Москву и не дождался, а в 42-м году его забрали в армию. Ну, оказался не в пехоте, конечно, не в танковых войсках, а стал из соображений гигиены инструктором политотдела Волховского фронта, затем — старшим инструктором. Как Лев Копелев, например. Так дослужился до капитана. При этом во время войны у него, тогда мало известного литератора, то и дело выходили книги, иной год — до четырех к ряду: "Человек с фронта" (1943), "Большое сердце" (1944), "Гвардейцы на Днестре" (1944), "Две силы" (1944), "Ценою жизни" (1944), "Дважды рожденный" (1945), "Слава Николая Чистова" (1945)... Как можно видеть даже по заглавиям, книги были сильно патриотические. А по их обилию не трудно догадаться и о том, что за служба была у Нагибина в этом самом политуправлении, за что получал там звания и ордена. А после войны он, ругавший позже Гитлера за невзятие Москвы, не постеснялся получить еще и медаль "За победу над Германией". Вот такие, именно такие и ждали немцев...

Но вернемся к Млечину, к его источникам. Он обильно цитирует дневниковые записи 41 года о положении в Москве и в стране профессора Л. И. Тимофеева: "15 октября. Настроение подавленное... Говорят, наутро после вступления немцев Киев уже имел новое правительство, в котором оказались и члены Верховного Совета. Вероятно, то же будет и в Москве... Оборону Москвы поручили Штерну.

16 октября. Итак, крах. Говорят, по радио объявлено, что фронт прорван... Говорят, что выступила Япония... Резко враждебное отношение к старому режиму". "17 октября. Население не скрывает своего враждебного и презрительного отношения к руководителям... Говорят, что Сталин улетел из Москвы... Говорят, что Тимошенко в плену, Буденный ранен, а Ворошилов убит" (с. 656) и т. д.

Наш аналитик восхищен воспоминаниями Тимофеева. Он и не задумался, почему, чуть не каждая фраза начинается в дневнике со слова "говорят". Я хорошо знал профессора в студенческую пору и позже. Он жил во дворе дома Герцена, где давно уже находится Литературный институт, в правом флигеле, и работал в институте. Я бывал у него и во флигеле и в полученной позже прекрасной квартире на Ново-Песчаной, когда профессор стал уже членкором Академии Наук. В институте он руководил творческим семинаром, который я посещал, а потом был моим научным руководителем в аспирантуре.

Так вот, видимо, с детства Тимофеев был калекой. Его тонкие скрюченные ноги зимой и летом мы видели в валенках, он не мог стоять и передвигаться без костылей и почти не выходил из дома, путешествие от флигеля до Литинститута представляло для него непростую задачу. Отсюда в его дневнике и бесконечные

"говорят", ибо своими глазами он ничего видеть в Москве не мог. Но и дошедшие до него слухи о Японии, о "новом правительстве" в Киеве, о настроении москвичей, о Сталине, Штерне, Тимошенко, Буденном, Ворошилове — все оказались вздором. Я уж не говорю о слухе, согласно которому Тимофеев должен был стать членом гитлеровского правительства России...

Вот каковы так восхищающие нашего сочинителя источники познания истории. И, начитавшись Герштейн и Тимофеева, он продолжает живописать положение Москвы: "Танковая армия Гудериана дошла осенью сорок первого года до окраин Москвы". До каких окраин, чучело? Гудериан и не был под Москвой. Его танковую армию в декабре сорок первого так потрепали под Тулой, что в числе других 35-ти генералов Гитлер намахал его с фронта к чертям собачьим и отправил в запас, где он и просидел до марта сорок третьего, на советско-германском фронте он уже не показывался.

Господи, да что ж это такое? Путает патрон и пулю, не знает ни того, где воевал Рокоссовский, ни того, где Гудериан, а накатал 800 страниц о войне, о судьбе армии!

— Хорошо, — может ответить Млечин, — с Гудерианом и с Рокоссовским я наврал, но ведь другие "немецкие войска слишком быстро летом дошли до Москвы".

Смотрите, как он торопится за фашистов: летом! Это Наполеон со своей пехтурой да конной тягой летом-то в самом конце, точнее, в начале осени добрался до Москвы. А гитлеровский фельдмаршал фон Бок с танками да авиацией, с многотонными автомашинами да мощными тягачами, с радиосвязью да воздушными десантами, со всей суперсовременной техникой, — Бок-то ближе всего подполз к нашей Белокаменной только в начале декабря, т.е. на три месяца позже Наполеона. На три! А ведь начали вторжение с одной позиции да еще немцы-то на два дня раньше — 22 июня, а французы — 24-го. Ну и вдобавок вот какая деталь: Наполеон-то Москву захватил, а гитлеровцы, подышав живительным подмосковным воздухом, 5-го декабря вдарились от Москвы драпать.

Так где же немцы четверть года прохлаждались? А Смоленское сражение? Наш ученый пишет, что оно "продолжалось с 10 по 30 июля". Очередное вранье на голубом глазу. На самом деле с 10 июля по 10 сентября. В три раза урезал! Так всегда врет против нашей армии в пользу фашистской. А ведь это сражение сыграло великую роль: здесь на главном стратегическом направлении немцы впервые за все время их агрессий с сентября 1939 года вынуждены были перейти к обороне.

Тут же и еще загадочный пример: за помянутые им три недели боев немцы потеряли будто бы 50 тысяч человек, 220 танков, 1000 орудий, 150 самолетов, а наши потери — более 500 тысяч человек, около 2000 танков, более 14 тысяч орудий, 2300 самолетов. Так почему же при таких небольших потерях немцы перешли к обороне, и почему при таких грандиозных потерях Красной Армии они к радости Нагибина не поперли дальше на Москву. По советским данным, уже к 23 июля танковые и моторизованные соединения немцев потеряли почти половину, а пехотные — почти треть состава (ВОВ 1941-1945. С. 659). С какой стати я буду верить твоим, а не своим советским данным?

Тем более, что автор сперва уверяет, что "советская авиация перестала существовать в первые дни войны". Вообще перестала, уничтожена. Но через несколько страниц извещает, что "к 10 июля (т. е. к началу Смоленского сражения) у нас на всех (!) фронтах осталось 2516 машин". Выходит, совсем не перестала существовать. Значит, опять врал? Вот неутомимость! Ведь названная цифра все-таки не пустяк. Но это, как сказано, на всех фронтах — от Карельского и Северного до Южного и Закавказского. Допустим, на Западном фронте, как на самом важном, была половина всей авиации — около 1500 машин, пусть даже еще больше — 2000. Это, конечно, невероятное допущение, и едва ли даже Млечин с ним согласится, ибо, по его данным, к 1 июля на Западном фронте было всего лишь 120 исправных самолетов. Не могло же их количество возрасти за считанные дни в 10-15 раз. Ну а теперь-то мы от него слышим, что в ходе Смоленского сражения было уничтожено не 120, и не 1500, не 2000, а 2300 наших машин, т.е. гораздо больше, чем могло быть в реальности. Да откуда же они взялись? Ваккаус нам нарожал?.. А вот еще грандиознейшее обобщение: "266 дивизий сгорели (!) в пламени первых месяцев". Очухайся, их опять-таки и всего-то на западе столько не было.

Но если так, то объясни же, наконец, Нестор, почему при столь великих немецких победах и таких наших потерях они не захватили ни Москву, ни Ленинград. Ах, восклицает Нестор, вы ничего не смыслите в арийской душе! "Немцы могли войти (!) в Москву, но не хотели..." Вы подумайте! В Вену и Прагу могли и "вошли", в разбомбленную Варшаву могли и вломиться, в Копенгаген и Осло влезли, в Антверпен и Брюссель ворвались, в Париж и Белград приперлись, а к Москве подошли на тридцать верст, понюхали и повернули обратно. Да почему же? Ответ, до которого и Геббельс не додумался бы: "Они не хотели рисковать, они действовали по науке". Интересно! Напасть, начать войну, — на этот огромный риск пошли, а тут вдруг не захотели. Да и что ж это за наука, по которой можно было захватить десяток европейских столиц, но полагалось драпать от Москвы?

Никто, конечно, не собирается отрицать, что и в 1941 и в 1942 годах Красную Армию постигли очень крупные неудачи, в результате коих немцы дошли до Москвы, а на другой год — до Волги. В чем причина этого? Млечин видит ее, главным образом, в предвоенных репрессиях. Конечно, это сыграло свою роль. Но он уверяет, что если бы их не было, то вообще не было бы войны с ее огромными неудачами и потерями первых лет. Гитлер, дескать, побоялся бы напасть. А тут, говорит, дело дошло до того, что дивизиями командовали капитаны. Очень интересно. Но мы слышим это уже лет пятнадцать, и за все время никто не назвал ни одной дивизии, ни одного капитана. В чем дело? И вот же не было никаких репрессий в Польше, во Франции, в Англии... А Гитлер не только не побоялся напасть, но и разнес в прах войска этих держав в считанные дни и недели, Польшу — даже без мобилизации, т.е. с армией мирного времени. С другой стороны, генерал-полковник Гальдер, как начальник Генштаба вермахта знавший положение в своей армии несколько лучше, чем Млечин и Наумов, уже 23 ноября 1941 года был крайне озабочен тем, что "полками стали командовать оберлейтенанты, а батальонами младшие офицеры", т.е. сержанты. А ведь и в вермахте не было никаких репрессий.

Но сочинитель все свое: "Генералов так долго учили не проявлять инициативы, что в страхе нарушить или не выполнить приказ они терялись в горячке боя... Иона Эммануилович Якир, будь он жив, никогда не позволил бы себе так растеряться. Под его командованием войска сражались бы иначе. Но Якир был расстрелян".

Во-первых, дружок, в свое время даже из "Нового времени" тебя выставили бы, вздумай ты "нарушить приказ" и напечатай там антисоветскую статейку. Как и сейчас вышибут с телевидения, если вдруг опять "в нарушение приказа" взбредет в голову говорить правду о Советской эпохе и о нынешней власти. Даже Солженицына, любимца двух президентов, едва он вякнул что-то по телевидению против режима, тотчас прихлопнули. Увы, так было, так и есть. Поэтому не вздумай откапывать свой партбилет, зарытый у тещи на даче, и потрясать им с экрана. А уж в душе военнотружущего-то трепет перед нарушением или невыполнением приказа должен быть всегда, ибо армия живет по приказам.

А что касается спасителя Якира, то ведь это всего лишь благостная гипотеза. "Тремя военными округами, на которые пришелся немецкий удар, командовали неопытные генералы, которые даже не успели освоиться на своих должностях". А вот, мол, Якир был ужас какой многоопытный, мужественный и расторопный.

На самом деле сын кишиневского провизора Иона Эммануилович Якир в Первой мировой не участвовал и никакого военного образования не имел, а большую часть Гражданской пребывал не на командных должностях: комиссар бригады, начальник политотдела, комиссар дивизии, комиссар корпуса, член Реввоенсовета армии... На командных должностях еще начальником Управления военно-учебных заведений оказался уже в мирное время. Совсем не о твердости характера и мужестве говорят и письма Якира, с которыми он обратился к Сталину и Ворошилову 9 июня 1937 года, — в день, когда закончилось следствие по делу о военном заговоре во главе с Тухачевским. Эти письма опубликованы в книге В. Лескова "Сталин и заговор Тухачевского" (М. 2003. С. 162). Автор книги отметил, что КГБ представило это письмо делегатам XXII съезда с такими изъятиями, в таком препарированном виде, что оно превращалось в документ полной невиновности Якира. Наш беспорочный Млечин, не ставя под сомнение достоверность письма Якира, даже назвав "явно искренним", тоже опубликовал его, но при этом, как опытный шулер, далеко и явно превзошел КГБ. Вот его публикация.

"Родной, близкий товарищ Сталин!

Я смею так к Вам обратиться, ибо я все сказал, и мне кажется, что я честный и преданный партии, государству, народу боец, каким я был многие годы. Вся моя сознательная жизнь прошла в самоотверженной, честной работе на виду партии и ее руководства. Я умру со словами любви к Вам, партии и стране, с горячей верой в победу коммунизма" (с. 189).

А вот этот текст после слов "на виду партии и ее руководства: " — "потом провал в кошмар, в непоправимый ужас предательства. Следствие закончено. Я признал свою вину, я полностью раскаялся. Я верю безгранично в правоту и целесообразность решения суда и правительства. Теперь я честен каждым своим словом", — этот текст шельмец выбросил. Какова работа? Хоть сейчас сажай на место Зурабова или Вешнякова. Не осталось ни малейшего намека на признание своей вины.

Для полноты картины сопоставим Якира с "неопытным" генералом армии Д. Г. Павловым, командующим Западным фронтом. Он, в отличие от Якира, воевал еще в

Первую мировую. А в Гражданскую дошел до должности помощника командира полка. Затем, опять же в отличие от Якира, окончил Военную академию им. Фрунзе и академические курсы при Военно-технической академии. Позже участвовал и в Гражданской войне в Испании, за что был удостоен звания Героя Советского Союза, и в боях на Халхин-Голе, и в Финской, после которой получил высшее генеральское звание и был назначен командовать Западным округом. Вот такой "неопытный".

Столь же нелепо говорить, что Павлов "даже не успел освоиться" в новой должности командующего округом. К началу войны он пребывал на этой должности уже целый год. В такое время! И это же армия, а не кондитерская фабрика. К тому же Павлов еще в 1931 году здесь, в Белорусском военном округе, командовал механизированным полком, а в 1934-1936 годы тут же механизированной бригадой. Так что в целом он служил в этом округе лет 5-6 и имел возможность досконально изучить будущий театр военных действий. Но, увы, вечером 21 июня за несколько часов до нападения его больше интересовал другой театр — МХАТ, приехавший на гастроли в Минск. Павлов приказал поставить недалеко от своей ложи в Доме офицеров аппарат ВЧ, и, делая вид, что находится в штабе округа, оттуда со спектакля отвечал на вызовы Генштаба, уверяя, что все спокойно, или, как сказал бы Путин, когда пылал Манеж, "ситуация под контролем". Вот это — преступная безответственность, легкомыслие, а вовсе не недостаток опыта, образования, времени для освоения должности, а отсюда и растерянность командующего были важной причиной разгрома Западного фронта. Именно за это генерал и понес суровое наказание. Но все-таки он не писал таких, как Якир, писем Сталину. Мало того, подписывая протокол допроса, он на нем добавил: "Признаю себя виновным в поражении, но в заговоре не участвовал" (И. Залесский. И. В. Сталин и коварство его противников. Кн. 2. Минск. 2002. С. 159). А его пытались обвинить и в заговоре. Есть сведения, что Сталин сам отмел это как чушь.

" — Ладно, — вдруг опять согласится Млечин. — Промахнулся я и с Якиром. Но Тухачевский! Уж этот непременно спас бы родину..." Хотя, говорит, "есть люди, которые и по сей день считают, что маршала наказали не зря, что он действительно был врагом — готовил государственный переворот".

Знарок вопроса Млечин пишет, что арестованный в мае 1937 года Тухачевский "упорно (!) отрицал какую-либо свою вину в измене или в каком-либо другом преступлении. Не дали результата длительные (!) допросы. Он все (!) время твердил одно (!) — ни в чем не виноват". А вот что писал сам Тухачевский: "Будучи арестован 22-го мая (в Куйбышеве), прибыв в Москву 24-го, впервые был допрошен 25-го и сегодня, 26-го мая, заявляю, что признаю наличие антисоветского военно-троцкистского заговора и то, что я был во главе его" (Военно-исторический журнал №8'91, с. 44. Фотокопия рукописи).

И это на четвертый день ареста, после одного допроса и очной ставки с 'уличавшими его комкорами Фельдманом, Примаковым и Путной, на другой день пребывания на Лубянке. Где же "упорно отрицал"? Где же "длительные допросы"?

Дальше: "Обязуюсь самостоятельно изложить следствию все касающееся заговора, не утаивая никого из его участников, ни одного факта и документа". Где же "твердил одно — не виноват"?

Дальше: "Основание заговора относится к 1932-му году. Участие в нем принимали: Фельдман, Алафузов, Примаков, Путна и др., о чем я расскажу подробно дополнительно".

Млечин старается, как может: "Сталин сказал Ежову:

— Тухачевского надо заставить говорить все и раскрыть его связи. Не может быть, чтобы он действовал один...

Слова вождя были восприняты, как разрешение бить Тухачевского. Видимо, поэтому 26 мая он и подписал, что от него требовали". Откуда, спрашивается, прозорливцу известно, и что сказал Сталин наедине Ежову, и как тот понял его слова, и что Тухачевского били? К тому же ведь сам уверяет: "Командиров высшего звена не пытали. С высокопоставленными арестованными велись особые беседы..." Все четверо, названных выше, высокопоставленными и были.

Кроме того, Сталин уже знал, что Тухачевский, конечно же, был не один, ибо комкоров Примакова и Путну арестовали еще в августе 36-го года, и они девять месяцев молчали, но в середине мая, наконец, раскололись и назвали Тухачевского. Тогда арестовали и его.

Но самое-то большое жульничество Млечина состоит здесь в том, что он ни словом не упомянул, замолчал, причем в двух книгах, в которых пишет об этом, убийственный документ — собственноручно написанную Тухачевским записку на 143 страницах с изложением возможного хода войны с Германией и действий заговорщиков как до этого, так и в случае войны. И записка эта на таком высоком уровне военных знаний, в частности, особенностей возможного театра военных действий, что никакой следователь надиктовать ее не мог. Этот документ также опубликован в указанном номере "Военно-исторического журнала" и в следующем.

Не так давно не кто-нибудь, а член ЦК КПРФ Степан Бацанов, не где-нибудь, а на страницах "Правды" вслед за Яковлевым и Млечиным целиком оправдал Тухачевского и пропел ему хвалу. Оправдал магическим методом аналогии: вот, мол, в 1916 году по обвинению в шпионаже в пользу Германии был репрессирован начальник Генштаба, а потом военный министр В. А. Сухомлинов, а он ни в чем не виноват. Значит, ни в чем не виноват был и начальник Генштаба, а потом заместитель наркома обороны Тухачевский, которого "так же безосновательно" обвинили в шпионаже в пользу Германии. Мило, правда?.. Не будем здесь углубляться в историю Сухомлинова, заметим лишь, что его сняли с должности и арестовали еще в 1915 году, а в 1916-м приговорили к пожизненному заключению, но в 1918-м Советская власть освободила его по старости (70 лет), и он укатил в эмиграцию, где написал мемуары и умер в 1926 году.

А расхвалил автор "Правды" Тухачевского как стратега будущей войны посредством противопоставления ретрограду Ворошилову: "Чья точка зрения победила — донецкого слесаря с домашним образованием или потомственного дворянина, выпускника кадетского корпуса и юнкерского училища, гвардии поручика?" (Правда, 5 сент. 2003). Автор, так сказать, рабоче-крестьянской "Правды", разумеется, на стороне потомственного дворянина.

Но вот что выясняется при чтении помянутого "стратегического анализа", дотошно сделанного тогда Тухачевским на 143 страницах. При всей широте его военных познаний, о чем должны были свидетельствовать не только ссылки на Фридриха Второго, Клаузевица и Мольтке, маршал не смог предугадать характера будущей войны.

Прежде всего, он полагал, что "вряд ли можно допустить, чтобы Гитлер мог надеяться на разгром СССР". Но мы знаем, что он не только надеялся, а был уверен. Далее еще категоричней: "Я считаю задачу разгрома СССР с походом на Москву совершенно фантастической". И эту задачу, дескать, агрессор не мог ставить. А какую же поставит? "Максимум, на что Гитлер может надеяться, это на отторжение от СССР отдельных территорий", и то лишь в том случае, если СССР придется воевать на два фронта: на западе и на Дальнем Востоке.

А что оказалось в действительности? Гитлера не прельщали "отдельные территории", он ставил целью не только полный разгром СССР, но и уничтожение России как государства.

Тухачевский был уверен также, что Германия будет воевать против нас в союзе с Польшей, и все время писал о германо-польских, даже польско-германских силах и польско-германском командовании, а Чехословакия, дескать, может выступить на нашей стороне. Увы, к июню 1941 года и Чехословакия и Польша уже давно были под пятой Германии.

Тухачевский доказывал, что главный удар вражеских сил будет нанесен не на центральном направлении Минск — Москва, а на украинском. Увы...

Затем он считал, что "захват Ленинграда, Ленинградской и Калининской областей" не заинтересует польско-германское командование. Мы знаем, что и тут все произошло с точностью до наоборот.

Наконец, исходя из опыта Первой мировой, Тухачевский считал, что в новой войне будут широко применяться БОВ (боевые отравляющие вещества). Слава богу, он ошибся и в этом. Имели место со стороны немцев лишь отдельные эпизоды.

С. Бацанов внушает читателям "Правды", что "Ворошилов обещал воевать малой кровью на чужой территории, а Тухачевский предрекал тяжелую борьбу с глубокими ударами механизированных войск противника". Но вот что писал не Ворошилов, а Тухачевский: "Рассмотрим западные наши границы и западные театры войны, исходя из политической задач "бить врага на его территории". И все время говорит о наших "армиях вторжения", об "операциях вторжения, которые сразу же переносят военные действия на территорию врага".

Не Ворошилов, а Тухачевский рассчитывал, что "силы Белорусского фронта форсируют Неман у Гродно и южнее", что они будут решать "задачу поражения польско-германских сил в глубине польской территории". Тут можно лишь напомнить, что немцы захватили Гродно на второй день войны. А стратег полагал, что не только Белорусский фронт, но и Украинский имеет "удобства глубокого наступления": "Обратимся теперь к рассмотрению условий наступления наших армий на Украинском фронте".

Не слесарь Ворошилов, а дворянин Тухачевский внушал, что наша армия вторжения должна продвигаться "в глубину Польши, чтобы бить противника на его территории... Первые крупные сражения произойдут на польской территории". И рисовал картину "решающего столкновения в центре Польши". Характерна и такая дворянская мысль: "Если война вспыхнет неожиданно и поляки не будут иметь предмобилизационного периода, то действия наших армий вторжения будут носить еще более решительный характер". Наконец: "В результате операций вторжения в соответствии с нашим оперативным планом мне кажется весьма вероятным, что линия польско-германского развертывания будет отеснена на рубеж Гродно — Слоним — Лунинец — Львов". И все это, повторяю, в начале войны. Как уже сказано, Гродно немцы захватили 23 июня, Слоним — 26-го, Лунинец — 10 июля, Львов - 30 июня...

Как видите, тов. Бацанов, Тухачевский предрекал тяжелую борьбу с глубокими ударами противника не нам, а немцам.

Но для нас в данном случае гораздо важнее этих фантазий на тему будущей войны такие вот признания Тухачевского: "Каковы же были основные вредительские мероприятия, разработанные центром антисоветского военно-троцкистского заговора, которые должны были использовать наши затруднения с целью поражения наших красных армий?" (ВИЖ №91, с. 62). И в записке конкретно названы многие из этих "основных мероприятий" и лица, которым они поручались.

Например: "Необходимо отметить в первую очередь ту задержку, которую организационный отдел Генштаба (Алафузов) осуществил в вопросе увеличения числа стрелковых дивизий... Такая же опасная задержка проведена в вопросе широкого развертывания артиллерийского и танкового резерва Главного командования" (Там же. С. 59).

Еще: "Изучив условия возможного развертывания операций немцев и поляков против БВО и КВО во время апрельской военно-стратегической игры 1936 года и получив незадолго до этого директиву Троцкого и установку Генштаба через генерала Рундштедта на поражение на украинском театре военных действий, я обсудил все эти вопросы сейчас же после игры с Якиром и Уборевичем". Вы слышите, Млечин, с вашим кумиром Ионой Эммануиловичем из Кишинева "было решено оставить в силе действующий оперативный план, который заведомо был не обеспечен необходимыми силами" (Там же. С. 58, 62).

Дальше: "Я предложил Якиру облегчить немцам задачу путем сдачи Летичевского укрепленного района, комендантом которого был участник заговора Саблин... Вместе с тем я считал, что если подготовить подрыв мостов на Березине и Днепре, то задача поражения будет выполнена еще более решительно. Уборевич и Аппога получили задание иметь на время войны в своих железнодорожных частях диверсионные группы подрывников" (Там же. С. 58). Это написано, повторяю, рукой Тухачевского и в его стиле на другой день после первого допроса.

Дальше: "Уборевич и Якир должны были в течение лета разработать через штабы БВО и КВО практические мероприятия, вытекающие из этих установок" (Там же. С. 63).

Еще: "Дальним Востоком специально занимался Гамарник... Путь и Горбачев в их бытность на Дальнем Востоке стремились дезорганизовать систему управления ОКДВА (Особой Краснознаменной дальневосточной армии). В дальнейшем эту работу проводил Лапин" (Там же). И так далее.

И никаких доказательств, что все это было написано под давлением, не существует...

Вот и представьте, читатель: июнь 41 года, Тухачевский — нарком обороны или Верховный главнокомандующий, Якир — командующий Белорусским фронтом, Уборевич — Украинским...

4 июля 1937 года на расширенном заседании Военного совета Сталин сказал: "Вижу на ваших лицах мрачность и некоторую растерянность. Понимаю, очень тяжело слышать такие обвинения в адрес людей, с которыми мы десятки лет работали рука об руку и которые теперь оказались изменниками Родины. Явление это неприятное, но вполне закономерное. В самом деле, почему иностранные разведки должны интересоваться областью сельского хозяйства, состоянием транспорта, промышленности и оставить в стороне Красную Армию? Наоборот, иностранные разведки всегда интересовались вооруженными силами нашей страны, засылали к нам шпионов и резидентов... Но как бы ни были опасны замыслы заговорщиков, они нами разоблачены вовремя". И напомнил слова Ленина: "Неприступные крепости легче всего берутся изнутри".

Юрий Мухин, дотошно исследовавший роль маршала Тухачевского, сравнил его с Егором Гайдаром, маршалом перестройки. Если бы замыслы и этого маршала были разоблачены вовремя! Увы... Вот и взяли нашу дотолу неприступную крепость изнутри...

Но что такое Млечин сам по себе, отдельно взятый? Инфузория. Однако со всем своим невежеством и клеветой он — само лицо нового ельцинско-путинского порядка в захваченной крепости. К тому же, это титан мысли по сравнению со всеми познерами, сванидзами, Сорокиными, Новодворскими, Жириновскими... В самом деле, никто же из них не накатал, как он, десятка два книг.

И тут было бы несправедливо умолчать о тех, кто помогает Млечину издавать и распространять его зловонные писания. Это прежде всего упоминавшийся директор издательства "Центр-полиграф" Д. Е. Усанов, ответственный редактор О. И. Лемехов, редакторы М. М. Подзорова, Ю. Н. Маслов, Ю. О. Бем художественный редактор Л. И. Витушкина, корректоры Е. Ю. Биткова, Т. В. Соловьева и О. А. Левина... Смотри-кось, вроде почти сплошь люди русские, и ни один не поперхнулся. Неужели ни у кого отец или дед не был солдатом или офицером Великой Отечественной?..

И ты, Путин, призываешь меня к единению с Млечиным, Наумовым и со всей предательской биомассой? Как сказал великий поэт:

Я лучше в баре б...ям буду
подавать ананасную воду...

Леонид Млечин необычайно трудолюбив: когда он не говорит, то пишет, когда не пишет — говорит. И в речах, и в писаниях его всегда видна роковая страсть в двум главным темам: 1. Сталин 2. Евреи. Едва только дорвется до любой из них, как тотчас безумная страсть выходит на оперативный простор и все сметает по пути к новому пониманию истории и правды, совести и приличия.

Казалось бы, ну что может сказать о грандиозной и столь сложной фигуре Сталина, об остром и сложном еврейском вопросе человек, который не только вопиюще малограмотен, но и просто туп! Ведь часто, как мы видели, он явно не соображает, что пишет и о людях, и о событиях, и о времени. И это в любом из его писаний.

В двух книгах уверяет, например, что в ужасно секретной комнате ЦК партии хранился пакет с надписью "Вскрытию не подлежит". То есть никогда и никем. Если так, то зачем же его хранить? Разумнее просто уничтожить и освободить комнату. Не соображает.

Киров, говорит, "был в партии человеком малозначительным и в руководящее ядро не входил". С 1923 года — член ЦК, с 1926-го — первый секретарь Ленинградского горкома и обкома, с 1930-го — член Политбюро, близкий друг Сталина — "малозначительная фигура"! Да и сам Сталин в 1926 году "был еще не очень хорошо известен в народе".

Про Берия читаем: "Он — один из немногих, кто сумел пережить Сталина". Вот, мол, какой ловкач! Но Молотов, Маленков, Ворошилов, Каганович, Хрущев, Суслов, Булганин, Жуков, Рокоссовский и многие другие ведь тоже сумели. Да еще как! Иные ловкачи пережили Сталина лет на 35-40. А Берия-то как раз лишь на несколько месяцев. Незнание таких фактов человеком, сочиняющим книги о Советском времени, о его политических деятелях, можно объяснить только выдающейся тупостью.

Молотов однажды в 1939 году сказал, что идеи невозможно убить силой оружия и бессмысленно против них вести войны. Млечин понял это как защиту фашизма и уж так взвился, так обрушился на покойника! Но ведь тот был прав. Идеи можно победить только идеями. Да, мы часто для простоты говорим, что в Отечественной войне разбили фашизм, но это весьма неточно. На самом деле мы разбили армию, которую фашизм бросил против нас. Но идеология фашизма жива до сих пор. Это подтвердили не столь давние выборы в Германии, где неофашистам удалось получить места в парламенте одной из земель. А что такое вся послевоенная политика США как не фашизм? Даже раньше: атомная бомбежка Хиросимы и Нагасаки, как и бомбежка Дрездена и Гамбурга, в результате которых погибли сотни тысяч мирных граждан, в том числе детей и женщин, — это фашизм.

Когда 5 марта 1946 года Черчилль вылез со своей известной речью в американском городе Фултоне, Сталин первым дал ее должную оценку: "Господин Черчилль стоит теперь на позиции поджигателей войны. У него имеются друзья и в Соединенных Штатах.

Черчилль и его друзья поразительно напоминают в этом отношении Гитлера и его друзей. Гитлер начал дело развязывания войны с того, что провозгласил расовую теорию, объявив, что только люди, говорящие на немецком языке, представляют полноценную нацию. Господин Черчилль начинает дело развязывания войны тоже

с расовой теории, утверждая, что только нации, говорящие на английском языке, являются полноценными нациями, призванными вершить судьбы всего мира... По сути дела господин Черчилль и его друзья в Англии и США предъявляют нациям, не говорящим на английском языке, нечто вроде ультиматума: признайте наше господство добровольно, и тогда все будет в порядке, — в противном случае неизбежна война".

Время внесло некоторые поправки: место Черчилля заняли президенты США, а роль фашистской расовой теории стали играть лозунги прав человека и демократии. Довольно скоро после речи Черчилля американцы заявили Северной Корее: "Признайте господство нашей демократии добровольно, и тогда все будет в порядке, — в противном случае неизбежна война". Корейцы отказались признать, и началась война, в которой американцам при содействии советской авиации и с Божьей помощью набили морду. Через несколько лет они то же самое заявили Вьетнаму, и опять услышали в ответ из уст Хо Ши Мина: "А по ха не хо?" И опять американцы полезли, и еще раз при содействии тех же небесных сил им расквасили рожу и выбросили за океан. И уже в нынешние дни все лезут и лезут они, навязывая другим свой тип демократии, в Югославию, в Афганистан, в Ирак... Они и тут получили бы новый Вьетнам, если бы в Кремле сидели настоящие мужики. Спрашивается, чем кровавый погром, устроенный ныне в Ираке, пристойней погрома, учиненного Гитлером в Польше? Да ничем! Более того, Гитлер смотрится здесь лучше: ведь все-таки Польша соседка Германии, и между двумя странами были взаимные претензии, счета, обиды. А эти? Приперлись, как всегда, с другого бока планеты, предъявили свои наглые требования и начали громить. Что же это, как не фашизм? Иуда Кох и выbleядок Попов Гаврила мечтают о такой участи и для России. А вы, Млечин, не потому ли отказываетесь признать разбой американцев фашизмом, что в нем нет юдофобии? Да ведь это в фашизме совсем не главное, как изображают иные говорящие евреи, а лишь подсобное...

К чужим ошибкам млекопитающийся от чужих сосцов Млечин весьма бдителен. Так, о книге американского журналиста М. Эбона "Маленков", вышедшей в 1953 году, пишет: "В этой книге множество ошибок. Автор почему-то считал, что Маленков был дважды женат... Эти ошибки естественны, ведь в те годы никакой информации получить было нельзя". Допустим. Но перед тобой-то, звездочет, открыты все архивы, и издательства хвастают, что твои "всегда яркие" книги написаны "на основе самых полных, подробных, рассекреченных ныне источников". И как в свете этого обстоятельства выглядят не факты семейной жизни политика, а, допустим, заявление, будто после войны Сталин предъявлял к Турции территориальные требования. Какие? Из какого рассекреченного источника это взято? А с другой стороны, говорит, наши союзники по антигитлеровской коалиции будто бы "требовали распустить колхозы, и Молотов с ними согласился". Откуда этот вздор? Ведь Молотов это не воспетый тобою американский холуй Ельцин, а тогдашние союзники, в отличие от нынешних друзей по борьбе с международным терроризмом, и подумать не смели вмешиваться в наши внутренние дела и что-то требовать от нас. Или вот: "В 1946 году посадили почти 10 тысяч председателей колхозов". Кто сказал? Что, они вместе с Молотовым поддерживали требование союзников? Но если посадили так много, назови хоть пяток. Молчание...

А с нашей стороны, уверяет аналитик, "выдвигалось обвинение американцев в том, что из их посольства на Манежной площади собирались обстрелять Кремль, когда там соберутся Сталин и другие". Круто! Но почему сами американцы молчали и

молчат об этом ужасном обвинении? И не выполняет ли Млечин сейчас их задание? Неизвестно. Источник еще не рассекречен.

В самой Америке был позже такой случай. Советский дипломат Аркадий Шевченко, занимавший пост заместителя генерального секретаря ООН, запутался в своих грязных проделках и сбежал, попросил политического убежища. Мудрец размышляет: "Почему сбежал Шевченко? Скорее всего, ему очень понравился образ жизни заместителя генсека ООН и связанные с этим почет, привилегии, комфорт". Как понять мудреца? Он, что, думает, будто, став перебежчиком, Шевченко продолжал бы оставаться советским заместителем генсека ООН и сохранил бы так понравившийся ему образ жизни? Да, мудрец думает именно так. От перебежчиков переходит к разведчикам: "Советские разведчики старшего поколения с самого начала убедили себя в том, что США и Англия -опасный враг...". Да, убедили, но не сами себя, а США и Англия убедили их в этом. Мы ведь никогда не приходили на американскую или английскую землю с оружием в руках, а они на нашу — совсем недавно вместе с японцами да французами, чехами да румынами: кто в Архангельск, кто в Одессу, кто в Приморский край и Сибирь, а в XIX веке англичане с французами побывали еще со своими пушечками и в Крыму, да и в самой Москве погостили когда-то представители двенадцати языков Европы. А мы лишь один разочек побывали в Париже, да и то — в порядке ответного визита. К тому же США и признали-то Советский Союз только в 1933 году. Семнадцать лет затылок чесали. Это все от любви к нам?

Всей своей пылкой млечинской душой сочинитель всегда и в любом вопросе на стороне прекрасных западных демократий и против своей родины. Такова его позиция и в делах разведки. Ничуть не смущаясь, рассказывает, например, что в 1971 году по навету перебежчика Олега Лялина из Англии выслали 105 советских граждан. Это именно навет: если по широте души и допустить, что в Англии было столько наших разведчиков, то уж наверняка перебежчик не мог знать их всех. А в 1983 году такую же штуку проделали во Франции: выслали почти полсотни наших граждан. И что же, автор возмущен предательством соотечественника и бесцеремонностью властей этих стран? Ни звука негодования, ни слова протеста!

Но вот из СССР, обвинив в шпионаже, выслали какого-то Хайкина, пресс-атташе германского посольства. Тут Млечин бурно негодует, он уверен: "Хайкин не работал на разведку!... И каково было Хайкину, по которому катком проехался мстительный КГБ". Вы только сопоставьте: там за здорово живешь выслали полторы сотни наших, и у него ни слова в их защиту, а здесь один-единственный Хайкин, и он уже льет слезы о невинной жертве, раздавленной мстительным катком! Ничего себе месть: одно око за 150! И после этого говорит: "Я не знаю, что такое агент влияния".

Приводит одно место из воспоминаний Эренбурга. Тому наш посол в Германии Я. Суриц будто бы рассказывал, что Сталин еще в 1935 году однажды спросил его: "Скажите, немецкие евреи действительно настроены антинационально?" Настроение немецких евреев той поры дело давнее и далекое, но вот настроение таких, как Млечин и Наумов, у всех перед глазами...

"Американская разведка, — просвещает нас дальше энциклопедист, стала работать против Советского Союза уже после войны". Представьте, у него на сей раз и примерчик есть: "В 1945 году сбежал шифровальщик посольства СССР в Канаде И.

Гузенко. Он передал канадской полиции (?) много секретных материалов. Канадцы были потрясены тем, что Советский Союз шпионил за своими союзниками". Во-первых, исследователю надо бы знать, что с такими делами идут не в полицию. Во-вторых, почему я должен верить, что канадцы были потрясены? В чем это выразалось? А вообще-то здесь перед нами в чистом виде полоумная бакатинщина. Подумал хоть бы о том, что было не 50-60 лет тому назад, а что сейчас творится у него под носом. Уж такие мы ныне друзья с американцами, уж так милуются наши президенты, тиская и похлопывая друг друга, к тому же и коммунисты у нас чуть ли не в подполье, и капитализм благоухает, однако чем совсем недавно занимался в нашей стране американец Эдмонд Поуп, которого поймали ведь не на том, что он воровал огурцы в чужом огороде? Каким образом нанес он нашей стране многомиллиардный ущерб? От скольких лет тюрьги избавил его сердобольный товарищ Путин? Нет, не способен Млечин видеть даже те факты, что у него под носом. Он заявляет: "Сталин видел только то, что хотел видеть". Нет, милок, это не о Сталине, а о себе: хочу видеть американцев ангелами белокрылыми и вижу их такими; хочу видеть родину "империей зла" и вижу такой.

Не смея отрицать поразительные успехи советских разведчиков, Млечин уверяет, что это объясняется только их большим количеством. Увы, сударь, количество не всегда переходит в качество. Вот же сам-то наката два десятка пузатых книг и что — чему-нибудь научился, стал приличным автором? Наоборот, при попустительстве безграмотных издателей, с каждой новой книгой нарастает лавина невежества, бездарности, скудоумия.

Да и откуда же взялось большое количество наших разведчиков, если "разведчик из советских граждан не мог занять заметное место в нацистской Германии, потому что его бы неминуемо разоблачили". Что, разве не советским гражданином, а французом был легендарный Николай Кузнецов, который работал не просто в Германии, а в расположении немецких войск, среди немецких военных, в обстановке повышенной бдительности. А кто был Абель англичанин? Кто Маневич — швед? И потом, занимать "заметное место" разведчику вовсе не обязательно, скорее даже наоборот. Соображать надо!

Согласитесь, все-таки интересно, что такой вот человек мог написать еще и о евреях.

Перво-наперво он заявляет: "Власть требовала от евреев ассимиляции". Это кто же именно требовал — Свердлов? Троцкий? Каменев? Каганович? Литвинов? Ягода? Гамарник? Мехлис?.. Что, они требовали запретить еврею жениться на еврейке и принудительно выдавали евреек за русских? Уж не в приказном ли порядке еврейка Майя Плисецкая стала женой Родиона Щедрина? И, может быть, еврейский папочка Млечина в 1956 году женился на его еврейской мамочке тайно и плод своей любви они растили подпольно?

Но почему же названные руководители сами, нагло нарушая предписание власти, женились на еврейках? Да уж не во исполнение ли плана ассимиляции женилось на еврейках едва не большинство высших лиц страны - Бухарин, Рыков, Молотов, Ворошилов, Андреев, Куйбышев, Киров, Ежов и даже Поскребышев, секретарь Сталина? Вот у Иосифа Виссарионовича окруженьице-то было! Слово задушевное не с кем молвить. Ничего подобного немислимо в правящей элите ни одной страны мира.

Увы, план поголовной ассимиляции евреев провалился. Удалось ассимилировать только мать Жириновского, выдав ее замуж за юриста. И евреи осмелели. Родилась идея создания Еврейской республики в Крыму. Млечин пишет: "У кого возникла "крымская идея", до сих пор неизвестно. Михоэлс и другие деятели Еврейского антифашистского комитета не

считали возможным селиться в домах изгнанных оттуда татар". Такие они были благородные. Получив Крым, стали бы еще благородней.

Тут все вранье. Во-первых, давно известны авторы "крымской идеи". Это Михоэлс и его заместитель по ЕАК поэт Фефер, с которым во время войны он ездил в США агитировать американских евреев помочь нам деньгами. Будучи близко знакомы с Жемчужиной-Карповской, женой Молотова, они с ее помощью обратились к нему с этой сладкой идеей. Молотов ответил, что пусть они официально обратятся в Правительство. Те обратились. Но тут в дело вмешался тиран и по своей вечной тиранской привычке разбил прекрасную идею, как драгоценную вазу. И было это еще до того, как в мае 1944 года крымских татар выселили.

Переселение татар и некоторых других народностей Млечин изображает как самодурную акцию тирана: взбрело в голову — и выселил. При этом божится, что "погибло больше 130 тысяч человек. А кто выжил, находились на положении врагов народа".

Откуда эта цифра? Судя по всему, ее подарил профессор Наумов, такой же правдолюб. Ведь он вон какие картиночки малюет: "В нескольких районах стариков и женщин согнали в большие помещения, расстреляли и сожгли". Точно, как в "Архипелаге" Солженицына, но тот хоть признавался, что сам-то не видел. А этот словно сам присутствовал при этом и чудом спасся. Так назови, ученый тетерев, хоть один район, хоть одно село, хоть одно имя.

А вот я назову несколько цифр: во время немецкой оккупации Крыма татарские националисты сформировали 10 батальонов по 200-300 человек и 14 рот. Вместе с немцами они участвовали в карательных операциях, в которых были истреблены 86 тысяч мирных жителей и 47 тысяч военнопленных, а 85 тысяч угнано в Германию. Цифры эти из правительственного Сообщения ТАСС, опубликованного в "Правде" 24 июля 1987 года, когда "новое мышление" уже бушевало над страной, как тайфун "Иван Грозный" в сентябре этого года над Америкой.

А из документов того времени хлещет по вывеске профессора и его ученика Постановление ГКО, в котором говорилось, что спецпереселенцам разрешалось взять с собой личные вещи, одежду, бытовой инвентарь, посуду, продовольствие в количестве до 500 кг на семью (немцам Поволжья даже до тонны). На сданный скот, птицу, сельхозпродукцию выдавались обменные квитанции, по которым на месте прибытия предусматривалась равноценная компенсация. В пути переселенцы обеспечивались ежедневным горячим питанием, для чего Наркомторг был обязан выделить продукты. Для медицинского и санитарного обслуживания каждый эшелон сопровождали врач и две медсестры с соответствующим запасом медикаментов.

Постановление пространное, обстоятельное, с конкретным указанием, какое ведомство, кто лично за что отвечает: наркомзем (т. Бенедиктов), наркомзаг (т. Субботин), нарком-здрав (т. Митерев) и т. д.

Еще приведу целиком один пункт: "4. Обязать сельхозбанк (т. Кравцова) выдавать спецпереселенцам, направляемым в Узбекскую ССР, ссуду на строительство домов и на хозяйственное обзаведение до 5000 с рассрочкой до 7 лет". Вот такие "враги народа". Постановление подписано Сталиным. И попробовал бы кто-нибудь не выполнить возложенную на него задачу.

20 мая 1944 года генералы Серов и Кобулов направили наркому внутренних дел доклад об окончании акции. В нем были и такие строки: "Всего за время операции изъято: минометов — 49, пулеметов — 622, автоматов — 724, винтовок — 9888, боеприпасов — 326 887 шт.

При проведении операции никакие эксцессы не имели места".

Тут вранья не могло быть, ибо это служебный деловой доклад для конкретных решений и дел.

Так же обстояло дело и с переселением немцев Поволжья.

Профессору Наумову можно посоветовать заняться изучением того, как обстояло дело с американскими гражданами японского происхождения, которых власти интернировали, как только в декабре 1941 года началась война с Японией. По имеющимся данным, они жили за колючей проволокой. Но с этой стороны Америка наших разоблачителей не интересует. Даже о самом жестоком преступлении американцев во Второй мировой войне Млечин лишь походя замечает: "Атомная бомбардировка Хиросимы была для Сталина неприятным сюрпризом". Только и всего. Больше ему ни до чего дела нет. И даже не упомянул о Нагасаки, мерзавец...

Итак, ассимиляция провалилась, прогрессивная "крымская идея" задушена тираном. Что же дальше? "Поднятая Сталиным на вершину партийной власти малограмотная и злобная шпана, — заявляет этот Аристотель, скрежеща зубами, — ощущала ненависть ко всем, кто был другим". Что ж, отчасти и верно. Например, какой злобой к патриотам была проникнута в свое время статья "Против антиисторизма" и нынешние сочинения цековской шпаны Яковлева.

Впрочем, это было позже. А тогда задумал Сталин депортировать всех евреев. Известно, пишет Млечин (кому известно?), что было составлено "Обращение во всем евреям Советского Союза", в котором говорилось — он цитирует — что ужасно, мол, провинились мы перед советским народом, "позор обрушился на голову евреев", и потому, дескать, "мы полностью одобряем справедливые меры партии и правительства, направленные на освоение евреями просторов Сибири, Дальнего Востока и Крайнего Севера". Подумать только: недавно мечтали о Крыме, а теперь Сибири рады! Но все равно спасибо, мол, товарищу Сталину за высокое доверие. "Самоотверженным трудом евреи смогут доказать преданность Родине и великому, любимому товарищу Сталину".

Млечин уверяет, что "многие видные евреи подписали" это пламенное обращение, но кто именно, скрывает, подлец. Неужели Эренбург? Или Плисецкая? Или Райкин?..

Да уж не отчим ли его? Этот весьма видный еврей был заместителем главного редактора "Литературной газеты". Молчит, а намекает лишь на Кагановича. Он, мол, и текст составил. Был я как-то у Лазаря Моисеевича в день рождения. Вот бы спросить. Но тут явная нестыковка, ибо в другом месте пишет, что именно Кагановичу удалось "помешать Сталину устроить депортацию евреев". Чему же верить, болван?

"Правда, — признает дальше, — нельзя точно сказать, действительно ли собирался Сталин выселить всех евреев. Многие историки говорят: нет таких документов". Вот тебе раз! А приведенное в книге "Обращение к евреям"? Неужто сам сочинил, а не Лазарь Моисеевич?

И вот сей малограмотный еврейский клеветник и тупица каждую неделю просвещает по телевидению русский народ. Доколе, Путин?

Москва 2004

ЛАУРЕАТЫ КГБ И КАВАЛЕРЫ РПЦ ЗА РАБОТОЙ (М. Швыдкой, Э. Володарский, В. Астафьев)

В телевизионных передачах, когда в них участвуют собеседники, персонально приглашенные в студию, и зрители, голосующие по телефону, почти всегда мы видим одно и то же: сами организаторы (ведущие) и большинство их гостей отстаивают одно, а большинство зрителей — прямо противоположное.

Это свидетельствует о недобросовестной игре телевизионщиков, о стремлении не дать объективную картину мнений в обществе, а навязать нам свою, по разным причинам выгодную для них точку зрения. Особенно наглядно такой результат можно видеть в передачах В. Соловьева "К барьеру!" Там едва ли не всегда он сам и подобранные им "секунданты" оказываются на стороне меньшинства, проигравшего спор.

То же самое 18 ноября явила нам и передача, в которой под руководством М. Швыдкого, известного знатока всех видов фашизма, особенно еврейского, обсуждался фильм "Штрафбат".

Действительно, самых звонких похвал и фильму и его создателям было пропасть. Известный экономист Михаил Делягин там же обратил на это внимание: "Здесь большинство поддерживает фильм, а в обществе — наоборот!" Сценарист фильма Э. Володарский пытался это оспорить: "Мне звонят фронтовики, и ни один не позвонил, чтобы обругать меня, а, наоборот, говорили спасибо". Но ясно же, что звонили знакомые и друзья. А незнакомым где взять телефон великого сценариста?

Кто же расточал похвалы сериалу? Прежде всего мы услышали их, конечно, из уст помянутого знатока фашизма: "Этот фильм, созданный талантливыми людьми, — лидер среди сериалов последних десяти лет... Драма настоящая, подлинная... Драма постижения истории... Когда мы защищаем свою родину, мы обретаем величие и бессмертие, — фильм об этом!" Вот даже как воспарил.

Прекрасно! Но что значит "мы защищаем"? Где и когда в жажде величия и бессмертия Швыдкой лично защищал родину? По неохватной талантливости своей он состоит членом сразу трех творческих союзов театральных деятелей, писателей да еще и журналистов. Как известный герой Островского: "Один в трех каретах поеду!" Так неужели и Ефимыч сразу в трех каретах мчится в бой за родину? Являясь председателем Национальной комиссии по культуре ЮНЕСКО, вице-президентом Комитета коммуникаций Международного института театра при той же (или том же?) ЮНЕСКО, президентом Национального Российского центра Международной ассоциации театральных критиков, а также членом Совета попечителей Московского Аглицкого клуба, — на каком поприще Ефимыч проливал кровь и защищал родину особенно успешно? И не за эту ли пролитую кровь Ельцин дал ему Государственную премию России, а на другой год святейший патриарх поспешил пожаловать орден преподобного князя Даниила Московского? А и того раньше, в 1999 году получил Ефимыч французский орден "За заслуги", — не за то ли, что уговорил дубину Черномырдина выплатить французам 300 миллионов долларов царских долгов позапрошлого века? Право, все это довольно таинственно. Ведь Швыдкой же всего-то-навсего маленький, лысенький, тихий киргиз из небольшого аила Кант в предгорьях Тянь-Шаня. Там он родился 5 сентября 1948 года в годовщину позорного для России Портсмутского мирного договора с Японией, по которому мы теряли половину Сахалина. Но, оказывается, в этот же проклятый день календаря обретали будущего министра культуры, который страшнее японских самураев...

В похвалах фильму тщился не отстать от фашизоведа отставной полковник Александр Шаравин из Института военного и политического анализа. Сразу надо заметить, что этот военно-политический аналитик с первых же слов очень насторожил. Так, он рассказал, что двадцать лет тому назад пребывал "в рамках (!) советской идеологической машины", и когда наша 40-я армия вела в Афганистане боевые действия, то он, читая не только газеты, но и какие-то "специальные книжки", три года не мог понять, что там происходит, "пока сам не оказался внутри" (?). Это военный-то человек! Аналитик! И добавил: "То была моя трагедия!"

Почему "была"? Как показывают другие нынешние сентенции аналитика, трагедия прогрессирует. Например, он решительно заявил: "Слово "всегда" неприменимо для исторической правды!" Почему? Кто сказал? Откуда взял? Из чего это видно? Разве не соответствуют исторической правде, допустим, такие суждения: "Англия всегда стремилась загребать жар чужими руками"? (Стоит сравнить ее и наши потери во Второй мировой войне). Или: "США всегда не спешили вступать в мировые войны и всегда чудовищно наживались на них". Или: "Русский народ всегда изгонял захватчиков со своей земли". Или, наконец: "Полковник Шаравин всегда хвалил и будет нахваливать фильм "Штрафбат". Что здесь не так? И при чем здесь идеологическая машина?

С другой стороны, наряду с безоглядно смелыми завиральными идеями полковник не гнушается простодушного долдонства в таком духе: "Сверху спущенная истина не всегда является истиной". Ну кто же этого не знает! У всех на памяти хотя бы оболтус Гайдар, который спустил нам сверху истину, что если освободить цены, то они поднимутся в два-три раза и после кратковременного шока начнется новая райская жизнь. А цены подскочили в сотни раз, и для большинства народа жизнь началась действительно новая, но не райская, а помирайская... Так при чем, говорю, здесь какая-то машина, если тебя от рождения Бог обидел?

И вот эта опять же весьма загадочная личность, которой по сценарию предназначалась роль главного хвалебщика, вопиет: "Однобоких фильмов о войне мы насмотрелись сотни... Нет, тысячи! (Да почему не сотни тысяч? — В. Б.) А вот с другого бока заглянуть не могли набраться смелости". Что, изображали одни только успехи, победы, торжества? Интересно. А с какого бока показана война, допустим, в фильмах "Радуга", "Зоя Космодемьянская", "Молодая гвардия"?.. Это один вопрос. А вот другой: есть ли французский фильм о том, как в мае-июне 1940 года немцы разнесли в прах французски армии и вошли в Париж? Нет такого фильма. Зато есть развеселая победоносная комедия "Бабетта идет на войну" с прелестной Брижитт Бардо в главной роли. А есть ли английский фильм о том, как в те же дни гордые сыны Альбиона драпали от немцев в Дюнкерк и многим удалось тогда спастись через Ла-Манш только потому, что Гитлер, всегда восхищавшийся англичанами, приказал прекратить танковое преследование в расчете на то, что такой жест побудит Англию пойти на мир? Нет такого фильма. Зато есть опять же развеселая английская комедия "Мистер Питкин в тылу врага". А есть ли американский фильм о том, как в декабре 1944-го и они сто верст драпали от немцев в Арденнах? Увы, нет и такого фильма. Зато есть супергуманный клюквенный фильм о целой войсковой операции ради спасения одного рядового Райана.

Так почему же у вас, военный аналитик, нет никаких претензий к кинематографии наших союзников по войне, а у родного кино вы готовы шкуру спустить с того и другого бока?

Но полковник не слушает, он продолжает о творении Досталь и Володарского: "Мощное произведение!... Блестяще!... Ничего оскорбительного!... Это прорыв к правде!... "Штрафбат" приближается к правде, как никакой другой фильм о войне... Это фильм о силе и мужестве нашего народа... Он делает хорошую прививку нашему и будущему поколению... Его создатели мужественные и мудрые люди..."

Эти мужественные и мудрые тут же появились. Режиссер Николай Досталь сказал: "Мы старались сделать памятник приговоренным к подвигу. О них не говорили и не писали". Каков слог: памятник! А тут же и Ефимыч: "Такое понятие, как штрафники, в кинематограф не допускалось". Да откуда вы это взяли, эрудиты? Еще как писали, даже песни пели, и фильмы ставили о штрафниках! Вспомните Высоцкого, Галича. А фильм Льва Данилова, который так и назывался — "Штрафники"? А публикации в связи с ним? Уж режиссер-то обязан знать о работе коллеги, тем более — на ту же тему, уж главный-то критик и кавалер ордена преподобного князя Даниила Московского должен ведать. Вот так да! Критик Миша Бобчинский не знает о фильмах режиссера Левы Добчинского...

А еще, повторяя любимую мысль Эренбурга, Досталь призвал: "Давайте судить о фильме по тому, что в нем есть, а не по тому, чего там нет". Что ж, давайте. В фильме показано, например, как наши заградотряды сотнями расстреливают своих же красноармейцев, а это ложь и клевета, как показал я с еженедельнике "Патриот" N46'04, основываясь на свидетельствах почивших и здравствующих фронтовиков, исторических исследованиях и собственных воспоминаниях. Как же вас после такой подлой клеветы называть? И разве одного этого не достаточно, чтобы, самое малое, заставить вас пять раз подряд прочитать своей кошке вслух роман "Штрафники".

Вам еще сказать "о том, что есть"? Обратитесь к своему другу Володарскому, у него есть помянутый экземпляр "Патриота".

Тут же возник артист, играющий в фильме негодяя особиста Харченко (извиняюсь, не запомнил фамилию): "Фильм поднял одну из самых важных тем, самую главную тему: ценность человеческой жизни". Как это? Как это? Невинных людей ни за что отправляют в штрафбат, там над ними глумятся, их морят голодом, бросают на минное поле, с убогим оружием шлют в бой против целой танковой армии, их расстреливают заградотряды, никто в фильме против такой подлости не протестует, не восстает, и все это, оказывается, во имя темы человеческой ценности. Ну и загнул!

Дальше: "У меня один дед погиб в первые дни войны в районе Смоленска, потому что был брошен, как кусок мяса, с одной винтовкой на троих". Во-первых, сударь, ваш дед едва ли погиб в первые дни войны, ибо Смоленск немцы захватили почти через месяц после начала вторжения. Во-вторых, откуда вам известно о винтовке на троих — дед, что ли, в письме сообщил? или у Астафьева прочитал? в передаче Радзинского услышал?

Да, война есть война, на ней случается всякое, тем более в обстановке внезапного мощного удара по всей границе от Баренцева до Черного моря. Но к началу войны, как пишет известный военный историк генерал армии М. А. Гареев, в Красной Армии, насчитывавшей 5 млн. человек, состояло на вооружении 8 млн. винтовок (Неоднозначные страницы войны. М., 1995. С.

142). К тому же, как, надеюсь, вы понимаете, артист, летчики, танкисты, моряки и кое-кто еще в винтовках не очень нуждались. "Так что винтовок хватало, — пишет генерал, — но, к сожалению, в исключительно сложных условиях в начале войны они не всегда оказывались там, где были нужны". Вы слышите, артист, "к сожалению". А у вас — злоба и злорадство. И в этом вся суть вашего фильма, где вы убого играете убого и злобно написанную роль.

"Это не раз бывало и в немецкой армии, — продолжает Гареев. - Например, лейтенант К. Ф. Бранд в найденном нами дневнике писал, что его послали в бой под Курском, и у них было "по одной винтовке на троих" (Там же. С. 143). А это не наш катастрофический 41-й, а 43-й год, немцы еще в центре России. И однако немецкий лейтенант не называет себя "куском мяса", и в Германии никто не назовет его так, а ведь надо полагать, он тоже был убит.

И как язык поворачивается у этих не нюхавших пороха доморощенных свистунов гундосить о "мясе", о "мясорубке", — ведь речь-то идет о их отцах и дедах, спасших родину да заодно и таких вот наследничков.

"Второй мой дед, — продолжает "Харченко", — прошел всю войну от звонка до звонка". Это про лагерь так говорят, а на войне звонков не было, там призыв и демобилизация. Так почему же второго-то деда не бросили, как "кусок мяса"? Ведь по вашей логике непременно должны были!

Кончает артист так: "Люди жмут мне руку, благодарят, когда должны бы стрихнин сыпать мне в чай".

Ну, стрихнин это слишком, но я бы лично отстранил вас от кино до полного выздоровления от инфекции клеветы и самолюбования.

Тему "мяса" решил продолжить и развить хвалебщик фильма Юрий Богомолов, русский кинокритик. Возражая режиссеру Евгению Герасимову, отвергающему фильм, он сказал: "Вы ссылались на Владимира Карпова, а я сошлюсь на Виктора Астафьева: он сказал, что победили мы мясом. И в год 60-летия победы надо особенно это понять всем поколениям".

Вот какой юбилей Победы они намерены нам учинить! Но бедный Богомолов не ведает, что творит. Да, Астафье говорил: "Воевать не умели, залили кровью, забросали трупами". И Владимир Солоухин говорил то же самое. Но он, Владимир-то Алексеевич, как известно, при весьма отменных физических данных всю войну прослужил в кремлевской охране, никаких личных впечатлений о фронте иметь не мог. Потом кончил Литературный институт, вступил в партию и начал громыхать стихами во славу своего партбилета, коммунизма, Ленина и Советской власти:

Наше красное знамя пылает огнем
Над просторами африк и азий.
Ну, а Марс? Мы мечтаем о нем:
Коммунистам и это не область фантазий!

Каково? Но, увы, времена переменились, и певец, холуяствуя перед новой властью, все это предал, все это на деньги фирмы "Belka Trading Corporation" (США) стал поносить.

Астафьев же в начальную, самую страшную пору войны на фронте тоже не был. Его биограф А. Большакова пишет: "Осенью 1942 года ушел добровольцем на фронт" (Русские писатели XX века. М., 2000. С. 47). Каким добровольцем? Парню шел девятнадцатый год, и он уже, почитай, полгода как подлежал призыву. Но дело не в этом. Главное, пробыв на фронте года полтора в должности ротного телефониста, Астафьев до самой смерти остался в военном отношении человеком загадочно дремучим. Он даже не научился читать военную карту. Был уверен, например, что каждая стрелка на карте или схеме означает общевойсковую армию, тогда как на самом деле это — направление удара или контрудара теми или иными силами, которые иногда указываются в основании стрелки, допустим: 6А, или — 3 танковый корпус, или — 328 стрелковая дивизия, или все это вместе.

Но опять-таки не в этом суть. Главное, как и Солоухин, Астафьев до контрреволюции прославлял нашу Победу, а после во всеоружии своего невежества из тех же побуждений принялся клеветать. Например, раньше на страница "Правды" писал: "Мы достойно вели себя на войне... Мы, фронтовики, и весь наш многострадальный героический народ на все будущие времена прославивший себя трудом и ратным делом". При этом уж очень лез из кожи и порой изрядно привирал. Писал, например, что в победоносных боях соотношение потерь было 1:10 в нашу пользу. Тогда кто же кого, спрашивается, заваливал трупами и заливал кровью? Но потом уже, естественно, в "Московских новостях" Астафьев стал уверять на радость антисоветскому режиму, что такое именно соотношение потерь 1:10 было в пользу врага. (Подробно смотри об этом в моей книге "Честь и бесчестие нации"). За все это Горбачев дал ему Звезду Героя, а Ельцин отмусолил на 15-томное собрание сочинений. Так что, уверения и Солоухина и Астафьева, русский критик Богомолов, невозможно принять во внимание ввиду их фактической и нравственной ничтожности.

Но Швыдкой, будучи сам оборотнем, пытается оправдать и других оборотней: "Я сталкивался с людьми, которые в разные годы писали разные мемуары о войне и порой о тех же самых событиях". Сказано уклончиво-коряво, но суть ясна: об одном и том же кто-то сначала писал одно, а в другое время - совсем иное, т.е. лгали и приспособливались. Но Швыдкой, естественно, на стороне лжецов: "Это свойство человеческой памяти, это нормально". Да, для таких, как он, лживость и угодничество нормальное дело, это свойство их души, а вовсе не памяти.

Из умильно хвалебных примечательно еще выступление артиста В. Он появляется в двух последних сериях в эпизодической роли генерала, хотя и рядовым-то в армии отродясь не служил. Сдается мне, что весь фильм генерал видел. Иначе как объяснить хотя бы такое его заявление: "Володарский стал приводить не цифры, а говорить о конкретной судьбе". Ну, во-первых, художественный фильм — это почти всегда конкретные судьбы, — в чем тут достоинство великого Володарского? Во-вторых, цифр у него отменное множество: потери в бою — было в штрафбате 535 человек, погибло 500; заградотряды расстреляли 97 человек; наступают 500 танков противника; против них имеется 4 сорокапятки, 20 ПТР и т. д.

Другое дело, что его цифрам можно верить не больше, чем приведенным выше цифрам Астафьева или кремленолога Солоухина, который уверял, например, что маршал Жуков при каждом наступлении требовал десятикратного превосходства наших войск над немцами. От кого требовал? Неизвестно. А где взять столько войск? Бог весть! Еще хорошо, что кремленолог не уверял, будто Жуков от немцев требовал перед нашим наступлением десятикратного сокращения их сил.

Однако вот что еще интересней в выступлении артиста В.: "Каждый человек в нашей стране до сих пор штрафник в какой-то степени". Вы подумайте! Артист родился и вырос далеко от Москвы, на юге, в провинции. Кто-то из его родственников был репрессирован. Однако это не помешало ему приехать в столицу и поступить в престижный театральный вуз, а после его окончания он не вернулся в родной город поднимать любимую культуру малой родины и своего малого народа, — он устроился опять же в прекрасный столичный театр. Но при всем этом постоянно чувствовал себя штрафником. Ему всегда, естественно, хотелось избавиться от этого гнетущего чувства, и вот в надлежащий момент он выбрал свободу — со всей своей обретенной в Москве молодой семьей укатил в Израиль. Скатертью дорога! Таскать вам не перетаскать!... Там артист купался в свободе, блаженствовал, жуировал. Великолепно! Но прошло несколько годочков, и что же мы видим? Под израильским солнцем быстро облысевший артист вслед за коллегой Михаилом Козаковым, всем хорошо известным, покидает землю обетованную, где остаются две постаревших жены и двое детей. А он с новой молодой женой и с помощью сердобольной тещи вернулся на родину, т.е. туда, где каждый человек штрафник. Здесь, в Москве, а не в разбитом Грозном, хорошо устраивается: много играет в модном театре, фигурирует в кино, ездит на гастроли по стране и за границу, по представлению, надо полагать Швыдкого, получил звание заслуженного да еще и премию правительства Москвы, но все равно, все равно, все равно, как видим, чувствует себя штрафником. И его очень радует, что Володарский в фильме о войне "говорит не о величии русского народа и Отечественной войны". Фильм интересует его темой "конкретно отношения к живому человеку". Оно, говорит, "должно быть человеческим". Прекрасно! Услышали

бы это его конкретные дети и бывшие конкретные жены в Израиле... Таковы защитники и хвалители фильма "Штрафбат". Швыдкой скажет: "Это нормально".

Титаническую мысль об отношении власти к советскому народу как именно к штрафнику с энтузиазмом развивал еще и Б. Соколов, большой русский ученый, от обильного и давнего вранья об Отечественной войне уже дошедший до хронического косоглазия. Съездил бы тоже в Израиль. Нетушки, там не разгуляешься: слишком много евреев, побить могут.

А еще этот неистребимый Соколов заявил, что если бы в фильме командирами в штрафбате были не штрафники, то такие командиры оказались бы не чем иным, как надсмотрщиками. Ах, ты лапушка... даже врезать как-то жалко. Ведь в реальности-то именно так и было, и никаких надсмотрщиков. А при желании обозвать так можно любого, кто в том или ином смысле повыше тебя. Вот пошел Боря в детский сад, а там надсмотрщица тетя Ньюша; вступил Боря в пионеры, а там надсмотрщик вожатый; поступил Боря в ветеринарный институт, а там надсмотрщик декан... И нет конца этому жуткому гнету.

Разумеется, слово взял и сам Володарский. Начал так: "Во-первых, штрафбаты появились не после приказа 227 (т. е. не после 28 июля 1942 года), а значительно раньше. В воспоминаниях Рокоссовский пишет, что 5 июля 42 года к нам подошла 2-я бригада штрафников. Значит, была и 1-я".

Странно, маэстро... Открываю воспоминания маршала на 136 странице: " В августе (1942 года) к нам на пополнение прибыла стрелковая бригада, сформированная из людей, осужденных за различного рода уголовные преступления. Вчерашние заключенные добровольно вызвались идти на фронт, чтобы ратными делами искупить свою вину. Правительство поверило чистосердечным их порывам, таким образом и появилась эта бригада у нас на фронте".

Очень содержательная цитатка. Тут во-первых, не "5 июля", т.е. не "значительно раньше" приказа Сталина, а — "в августе", т.е. после приказа. Во-вторых, это не "бригада штрафников" (таких штрафных формирований и не было вовсе), а бригада уголовников-добровольцев. В-третьих, не сказано, что это "2-я бригада", а следовательно, была, дескать, и 1-я, — откуда великий маэстро взял это? Наконец, маршал не писал, что эти добровольцы были невинно осужденные, наоборот, он считает, что вина за ними есть и они искупят ее ратными делами, не обязательно кровью. Это важно отметить, поскольку у Володарского в штрафбате почти сплошь ни в чем неповинные белокрылые ангелы.

И вот как после этого слушать категорическую похвалу полковника Шаравина: "Я утверждаю: фильм основан на документальных материалах, на серьезной исторической базе". Как, говорю, слушать речи про "базу", если даже на обсуждении, даже на глазах почтенной публики сценарист являет нам не "базу", а лажу? Был, если помните, еще полковник Скалзуб. Тоже весьма решительный субъект. Он сейчас, пожалуй, сказал бы:

Я Володарскому и вам
Фельдфебеля в Вольтеры дам.

И глядишь, это было бы полезнее, чем полковник-аналитик в роли Вольтера.

Тут надо заметить, что к одноименному сочинению Володарского, по которому он написал сценарий фильма, в конце приложен список "Штрафные батальоны Красной Армии. 1942-1945". Он дан и в конце фильма. В этом списке черт ногу сломит. Например, читаем: "5-й отдельный штрафной батальон Северо-Западного фронта. 1942-1943". Означает ли это, что были в этом фронте еще четыре штрафбата: 1-й, 2-й, 3-й, 4-й? Ведь сам-то Володарский, как мы только что видели, считает, что если была 2-я бригада штрафников, то непременно была и 1-я. Но в списке указан еще только один штрафбат Северо-Западного фронта. Как это понимать? А где еще четыре?

Или вот: "11-й отдельный штрафной батальон Западного фронта. 1943". Значит, было еще 10? А в списке находим только три.

Еще: "11-й отдельный штрафной батальон 10-й армии. 1943-1944". А где остальные 10? Их нет! И так далее. Не означает ли все это, что перед нами фокус, подобный тем, которые в фильме показывает один солдат-картежник из уголовников? Нет ответа.

И сценарист продолжал: "Во-вторых, это неправда, что кадровые офицеры шли с радостью командовать штрафбатами!" Конечно, неправда. А кто сказал, что с радостью? Ведь и просто на фронт, даже просто в армию многие шли безо всякой радости, но была мобилизация, был приказ — и шли. Есть основание думать, что кое-кто из создателей фильма и в мирное-то время шел в армию без радости или даже не шел вовсе. Интересно бы знать, например, в каких войсках служили товарищи Володарский, Досталь, Вайсберг...

Дальше: "Меня интересовало, почему немцы вдруг (!) оказались под Москвой..." С чего вы взяли, что "вдруг", маэстро? Немцы с их супертехникой и вундер-оружием доползли, докарабкались ближе всего к нашей столице лишь в декабре. А вот Варшаву немцы захватили на 28-й день войны, а в Париж, разметав превосходящие франко-англо-бельгийские силы, вошли через месяц. Вот уж это вдруг так вдруг. Надо ли упоминать о Копенгагене, Осло, Брюсселе, Амстердаме, Афинах, Белграде, для захвата которых немцам потребовались считанные дни, а то и часы. Вся Европа распласталась под сапогом Гитлера. Но Володарского это не интересует, он не желает ничего сравнивать и сопоставлять. Ему, вояке, дай только позубоскалить о "мудрости наших генералов, маршалов, Генштаба, Верховного Главнокомандующего", которых вояка называет "мясниками". Ему, лауреату премии КГБ, дай только свободу для сотрясения атмосферы: "Мы, народ, победили не благодаря, а вопреки партии. Я так думаю". Он — народ... Да не думаешь ты так, а только подпеваешь стае клеветников от покойного Астафьева до живородящей Новодворской.

Однако Володарского в его простодушном эпигонстве можно какой-то молекулой души и пожалеть. Но не таков знаток фашизма Швыдкой. Вы посмотрите, что он проделывает.

Говорит Евгению Герасимову: "Что искажает картина — историю войны или миф о войне, который складывался на протяжении пятидесяти лет?" Вопрос изощренно провокаторский. Разумеется, фильм не об истории всей Великой Отечественной. Но

главное другое: история войны это нечто реальное и конкретное, а фашизовед и о каком-то мифе говорит, как о чем-то реально существующем и всем известном.

Первая реакция Герасимова была естественна и правильна: "Миф о войне? О чем вы говорите! О нашей великой победе? О подвиге народа?"

Фашизмолог понял, что хватил через край и струсил: "Вы меня не пугайте. Надеюсь, после передачи никого не арестуют..." И идет на попятную: " Я говорю о мифологии, которая складывалась о Второй мировой войне, мифологии очень важной, безусловно, очень дорогой всем нам". Вон как, даже дорогой! И наконец: "Я хочу понять вашу логику. Что искажает картина реальную историю войны или историю наших представлений о войне". На место "мифа", похожего на ложь, ловко ввернул "наши представления".

Герасимов, увы, не разобрался в хитростях фашизмолога. Умело поставленный как бы перед неизбежным выбором, он сказал: "Я думаю, историю". Но надо было спросить: "А где ваша логика? О каких мифах и представлениях речь, каковы они у вас, Ефимыч?"

Одно из этих "представлений — мифов" Швыдкой высказал в самом начале передачи, но, видно, в студийной суете и в жарких спорах Герасимов об этом забыл.

А сказал фашизмолог тогда вот что: "Мы точно (!) знали, что в армии воевали только (!) кристально честные, чистые, благородные люди". Даже не думали или считали, а "знали", и притом не как-нибудь, а — "точно"! Да откуда он это взял? Кто смог члену трех творческих Союзов внушить такую чушь? Необъяснимо! Или сам изобрел? Похоже.

Неужели не соображает, что армия это часть народа. А на свете нет ни одного народа, который состоял бы только из сверкающих кристаллов, перлов и бриллиантов добродетелей. Встречались в армии и трусливые, и вороватые, и наглые, лживые... И никто этого, разумеется, не скрывал, об этом и говорили и писали. Вспомните хотя бы героя довженковского очерка "Отступник", негодяя Меженина из бондаревского "Берега" или дезертира Гуськова из распутинской повести "Живи и помни". Но что об этом говорить, ведь Швыдкой ничего этого не читал, ему некогда, он фашизмы изучает, а в перерывы бегаёт за орденами то к президенту, то к патриарху.

Да, встречались на фронте и недостойные люди, но другое дело, что наша цель в Великой Отечественной войне была поистине кристально честной, чистой и благородной — разбить фашизм, освободить родину и другие народы Европы от гнета и порабощения. Но нам говорят: нет, в годовщину великой Победы изображайте только Межениных да Гуськовых, штрафников да дезертиров. Это, мол, и будет полная правда о Великой Отечественной, которую мы должны передать потомкам.

А какие еще мифы о войне, кроме мифа о сплошной беспорочности личного состава РККА, точно знает Швыдкой? Может, кто-то уверял его, что мы разбили немцев в приграничных сражениях и через две недели взяли Берлин? Нет, никто не сочинил такой миф. Или для него, несчастного малоумка, кто-то придумал, будто немцы не были ни под Москвой, ни на Волге? Нет, множество исторических трудов, мемуаров,

фильмов рассказали об этих трагических событиях. Или он поверил раннему мифотворцу Астафьеву, что соотношение потерь было 1:10 в нашу пользу. Нет, опубликованы документально выверенные данные, согласно которым соотношение боевых потерь всех сил агрессора и Красной Армии 1:1,3. Другое дело, что при этом немцы истребили миллионы пленных и мирных граждан, и уж при таком зверстве соотношение будет 1:4.

Какие еще мифы? Заткнись, Ефимыч, не смей людей своей черепушкой...

Но только ли врет фашизмолог или похваляется бывшим министерским умом? Нет, он был глубоко прав, когда назвал фильм "Штрафбат" "историческим документом времени". Воистину так! Мало того, это документ большой силы о нашем времени, — времени предателей и лжецов, приспособленцев и хапуг, оборотней и прохиндеев, словом, времени швыдких и володарских.

О таких защитниках фильма, как косоглазый Соколов или студентка Анна Каплан, страстно жаждущая "знать и о грязи" в истории Великой Отечественной войны — в грязи кое-кто любит купаться, — мы позволим себе больше не упоминать.

Но нельзя молча пройти мимо Валентина Смирницкого, нахваливавшего фильм и призывавшего развеять "миф о репрессиях". Действительно, вот уж тут миф существует. Его сварганили Солженицын, Яковлев, Радзинский, Евгения Альбац и другие энтузиасты мифотворчества. Одни говорят, что было репрессировано 10 миллионов, другие — 25, третьи — 60, четвертые — 110 и т. д. Вот сами и займитесь, Смирницкий, разоблачением этих комических цифр. А с меня довольно и того, что сказал в свое время Вадим Кожинов: "Ведь у них получается, что и воевать-то против немцев некому было".

А что касается Евгения Герасимова, главного критика фильма, то он решительно отвергал его, но при этом уж так был озабочен тем, чтобы не рассердить Володарского, Досталю и других создателей "шедевра лжи", как сказал о фильме офицер штрафбата ленинградец А. В. Пыльцын (Советская Россия. 27. XI. 04). Герасимов то и дело твердил о талантливости авторов, о художественной силе фильма и даже договорился до самоговора: "Мы растоптали советское семидесятилетие..." Кто — мы, Евгений Владимирович вы да я? Наши жены и дети? Нет, его остервенело топтали и продолжают злобно топтать такие пройдошливые кавалеры ордена Даниила Московского, как Швыдкой, такие оборотистые лауреаты премии КГБ, как Володарский.

И потому смешно было слышать, что "элементы лжи" оказались, мол, в фильме "только ради сюжета", что авторы "пошли против правды только для того, чтобы заинтересовать зрителя". Или: "Мой хороший друг Эдуард мог бы поработать серьезней... Великая Отечественная это единственное, что нас объединяет... Эдик мог бы..."

Герасимов, проснитесь! Ни Володарский, ни Досталь, ни Швыдкой ничего другого не могут и не хотят, ибо вся их цель — оболгать, извратить, оскорбить. И чем ближе к юбилею Победы, тем они энергичнее. Поэтому Великая Отечественная, вернее, изображение войны ими, не объединяет, а окончательно размежевывает нас.

А тут еще и Виктор Кожемяко, у которого от иных сцен сериала "Московская сага", видите ли, аж "мороз по коже подирает", советует его авторам почитать "интереснейшие работы" Вадима Кожина и Сергея Кара-Мурзы (Советская Россия. 25. XI. 04). Да это же все равно, что нильскому крокодилу рекомендовать питаться ананасами, а его крокодильчикам простоквашей!

Фильм не "искажает" картину войны, как говорите вы, Евгений Владимирович, продолжая деликатничать, а клеветает на Красную Армию. И потому, по вашим же словам, он оскорбил "фронтников, их корежит от него". Но не только фронтников, вы опять пытаетесь смягчить, фильм оскорбляет весь наш народ, кроме Швыдкого!

Очень верно сказал о фильме Михаил Делягин, отметивший, что несмотря на потоки крови, фильм очень слащавый. Но еще хуже, что "он показывает наш народ способным быть только жертвой, не умеющей постоять за себя. Кто тут враг — фашисты или ВКП(б)?" Ответ Володарского мы знаем: победили вопреки партии, т.е. в борьбе и с фашистами и с ней. "Но самое главное, — продолжал Делягин, — фильм воспекает покорность, неспособность защитить себя. Это очень страшно, ибо мы сейчас входим в эпоху, когда нам будет крайне нужна способность защищаться. Эта способность всегда была у нашего народа, а такие фильмы отрицают ее".

Я думаю, что именно за это фильм и его авторы получают премию от президента и орден от патриарха. А что им выдаст русский народ? Посмотрим.

Москва 2004

ГВАДЕЛУПЩИНА (В. Аксенов; Барщевские, Ю. Соломин, И. Чурикова и др.)

По первой программе телевидения с начала октября и почти до конца ноября в лучшее время крутили-крутили-крутили фильм Дмитрия Барщевского "Московская сага". Серий двадцать с чем-то. А 8 ноября, в великий праздник, опять же в лучшее время, часа три, знать, в виде праздничного презентика народу гоняли вытяжки из уже прошедших серий.

А какой шабаш рекламы, какой натиск пропаганды предшествовал и сопутствовал этому гомерическому шедевр! Ничего подобного наше кино и наше телевидение не знали отродясь. Многотиражные газеты и журналы отводили целые полосы с прельстительными портретами всех основных участников шедевра. Так и пялили они на тебя глазки, так и зывали: "Не пропусти! Не забудь! Отринь все дела, садись в 9. 20 к телевизору. Не можешь вечером, смотри повтор завтра утром. Не проспай!" А перед иными сериями в передаче "Доброе утро!" давали душевно-рекламные беседы с актерами и другими творцами синтетической жемчужины. В передаче же "Пять вечеров" для любителей клубнички показали выброшенные из окончательного варианта "эротические сцены", как пишет в "Известиях" деликатная Ирина Петровская. Но эротика — это пушкинская "Гавриилиада", лермонтовский "Сашка", симоновские стихи "о нежной и прохладной коже и о лице с горящим ртом", а здесь — вонючий блуд, блуд vulgaris, и ничего больше. Но отношение такое, словно это пушкинские черновики.

А еще и какие блямбы бьют с титров по мозгам зрителя перед началом каждой серии!"Правительство Российской Федерации"!... "Правительство Москвы"!...

"Федеральное агентство по культуре и кинематографии"!... "Комитет по коммуникациям и СМИ"!... Как понимать такое небывалое новшество? Что эти блямбы означают — высочайший патронаж? государственное финансирование? моральную ответственность за фильм их благородий Фрадкова и Лужкова? идейное вдохновение или прямой заказ Кремля? гарантия качества? наконец, право собственности, что ли? Загадка!... Или это просто четыре ряда заграждений из колючей проволоки для защиты от критики? Ведь не всякий решится пойти на прорыв таких заграждений, ибо неизвестно, что тебя ждет, если ты обидишь сии структуры. Вдруг из Москвы выселят?

Глядя на всю эту безоглядно агрессивную и в то же время трусливо оборонительную рекламу, помянутая И. Петровская в понятной тревоге: "Уж не туфту ли нам опять "впаривают"?"

И то сказать, можно ли вообразить, чтобы, допустим, на великом фильме "Броненосец Потемкин" стояло клеймо "Политбюро ЦК ВКП (б)"? А на несравненном "Чапаеве" — "Совет народных комиссаров СССР"? На незабываемых "Журавлях" — "Совет министров СССР"? На "Кубанских казаках" — хотя бы "Комитет Госкино"? А ведь тут все эти аналоги сразу и вместе!

Что ж это вы, маэстро Барщевский, такой бурный демократ, столь пламенный энтузиаст свободы творчества, что ж вы, сударь, к властям-то так назойливо лепитесь, к начальству столь нежно льнете, как какой-нибудь Суровцев, Оскоцкий или Евтушенко, трижды орденносец, лауреат, член Академии изящных искусств в Малаге и почетный гражданин Оклахомы: "Лучшие из поколения, возьмите меня с собой!"?

Вот же в вашем фильме персонажи читают наизусть Лермонтова, а он к властям не лепился. Куда там!"Но есть и Божий суд, наперсники разврата!..." У вас прославляется Пастернак, а он хоть и писал восторженные стихи о Сталине, но это же искренно, и тоже не льнул. Поминается Мандельштам, но и он пусть тоже нахваливал Сталина, но позволял себе и нечто весьма крамольное. Как же так? С кем вы, мистер мастер искусства — с Лермонтовым или с Оскоцким? За что вы — за пушкинский "неподкупный голос, эхо русского народа" или за ельцинско-еринскую колючую проволоку?

И это еще не вся агитация и пропаганда, ласкательство да заграждения. Важную роль тут сыграло еще и обсуждение фильма на той же первой программе под управлением антисоветчика Бориса Бермана, который в ходе обсуждения радостно воскликнул: "Советская власть не вернется! Ура!"

Кстати сказать, на повторный вопрос Тараса Бульбы "Много ли там наших?" бессмертный Янкель опять мог бы ответить: "Наших? Много! Даже во втором и третьем ряду: продюсер Марк Рудинштейн, банкир Игорь Коган, Сергей Устинов сын Левы Устинова... Куда ни плюнь — все наши!"

И как они ликуют по поводу своего участия даже в мимолетных эпизодических ролях! Банкир Коган восхищен: "Съемки "Саги" были большой тусовкой, приятной компанией, где все друг друга знают" ("Огонек" N45'04). Рудинштейн, тоже на любительском уровне сыгравший эпизодическую роль, в восторге: "Атмосфера была замечательной!" (Там же). То есть, надо полагать, замечательно нашей была

атмосфера, не так ли? Устинов, опять из самодеятельного кордебалета, более конкретен: "Я ведь очень хорошо знаком с семьей и Аксеновых, которые тоже здесь снимались, и с семьями Барщевских и Виолиных, которые делали этот фильм" (Там же). Да, делали усилиями всех живущих ныне поколений клана, включая внуков. Правда, тут вдруг обнаружилось нечто весьма советское: семейный подряд, который горячо приветствовался во времена товарища Брежнева. Вот вам и "не вернется", Берман, вот вам и "Уря!" Или это "подряд наших"?

Но не будем продолжать эту тему, лучше присмотримся к обсуждению. Оно состоялось задолго, серий за шесть-семь до окончания показа. Что за фокусы? Где это видано? Вот вас, Юрий Соломин, самого именитого в коллективе создателей фильма, вас, которого биографы величают "самим воплощением традиций старейшей русской сцены", неужели вас не покорила такая нерусская прыть расторопных дельцов? Вам не пришло в голову, что сказали бы об этой непристойной суете сыгранные вами герои — Телегин из "Хождения по мукам", Арсеньев из "Дерсу Узала", даже Иван Александрович Хлестаков?

Ильдар Жандарев, которому изредка дозволялось проявить себя на подхвате у Бермана, воскликнул: "Мы услышим здесь правду о "Саге" простых людей, особенно — простых женщин!" Сейчас вы увидите, что это за "простые люди", среди которых находились и режиссер, и сценарист, и артисты.

Очень характерным было выступление заслуженного мастера спорта широко известного, даже, по мнению Бермана, легендарного баскетбольного тренера, орденоносца Александра Яковлевича Гомельского, человека, как сам напомнил и как это все видели, "не молодого", но очень простого. Он возникал три раза. Сначала морщился: "Фильм сделан недостаточно эмоционально. Актеры играют нормально, но вяло, ничего яркого, запоминающего" (так!). Представляете, ничего запоминающего!

Тут взяла слово широко известная, но опять же очень простая женщина Александра Маринина. Ну, думаю, уж она-то сейчас скажет! Ведь подполковник милиции да еще и кандидат юридических наук, образованнейший человек. Аспазия! Софья Ковалевская! Скловдовская-Кюри! К тому же автор чуть ли не тридцати романов, многократно изданных тиражом за 30 миллионов экземпляров, лауреат премии МВД. Одни лишь названия иных ее романов бросают в дрожь: "Чужая маска", "Черный список", "Убийцы поневоле", "Шестерки умирают первыми", "Седьмая жертва", "Я умер вчера", "Не мешайте палачу", "Смерть и немного любви", "Посмертный образ", "Светлый лик смерти", "Смерть ради смерти", тут же и "Реквием"... И за это, повторю, премия МВД, а не Ваганьковского кладбища.

Человеку, написавшему столько таких книг, чего бояться, чего играть в жмурки? Да, уж она сейчас врежет...

И вот мадам разверзла уста: "Фильм замечательный. Я смотрю его с удовольствием". И все? Нет, нет!" Но он кажется мне холодным, ему не хватает чувства. Когда я читала роман Аксенова (по мотивам которого поставлен фильм), многие сцены романа вызывали у меня истерику до валокардина. И когда фильм приближался к этим сценам, я хватала заранее припасенный пузырек и думала: вот-вот сейчас мне будет плохо, и я приму капли. Но на экране почему-то не было той страсти, того напряжения. И мне, увы, не делалось дурно..."

Как видим, легендарный автор "Светлого лика смерти" поддержала легендарного мастера спорта. Но их поползновение тут же энергично пресекла другая простая женщина — Дарья Донцова, автор таких знаменитых романов, как "Дама с коготками", "Бассейн с крокодилами", "Покер с акулой", "Гадюка в сиропе", "Обед у людоеда", "Канкан на поминках", "Контрольный поцелуй", "Маникюр для покойника" и так далее. (Да почему ж до сих пор не лауреат премии МВД?)

Простая Донцова очень просто сказала простой Марининой — хотите верьте, хотите нет — буквально следующее: "Мариночка Анатольевна, котик вы мой пушистый, неужели вы оставались спокойны? А я плакала, рыдала, у меня в каждой серии — истерика... Эта книга, этот фильм про меня, про мою семью..."

Про какую семью? Я знал ее отца Аркадия Васильева. Писатель небольшой, но занимал большой и ответственный пост: долго был парторгом МК в Московской писательской организации. Вроде бы вполне благополучный человек. Любимая жена, перспективная дочка. Видимо, имел доступ к архивам КГБ и по их секретным тогда материалам написал книгу "В час дня, ваше превосходительство!" — о генерале Власове. К тому же в лагере не сидел, в ссылке не был, не знал разносов критики, имел прекрасную квартиру на улице Черняховского... Что еще надо для счастья! А дочка? Получила высшее образование, создала семью, бойко вступила на папину стезю, издается-переиздается, живет, кажется, в той же прекрасной квартире, не сидела, не высылалась... Что еще надо в наше время? А на героев фильма-то авторы вон что навалили. Что ж тут общего?

К сожалению, Маринина назвала только одну сцену, где у нее "сердце не зашло, не екнуло", а ей хотелось, чтобы екало, как селезенка у коня, — расстрел евреев где-то около оккупированного Чернигова. Но в этой сцене много странного. Дело происходит в июле 1943 года, а Черниговщина была захвачена еще в начале сентября 1941-го. Выходит, немцы учинили расправу лишь спустя почти два года оккупации. Почему? Обычно они делали это сразу, ведь иначе многие могли бы убежать, скрыться. Романист дал месту расправы название Гарни Яр. Это, естественно, приводит на память киевский Бабий Яр. Так вот, Киев немцы захватили 19 сентября, и уже в том же сентябре, т.е. через несколько дней начали расстреливать в Бабьем Яру евреев, коммунистов, советских работников всех национальностей и других жителей Киева. А тут, говорю, два года ждали! Странно.

Один персонаж романа говорит другому: "Ты разве про Гарни Яр не слышал? Там немцы жидов уничтожают... Две недели уже операция идет". Первыми об этом должны бы узнать, конечно, евреи и что-то предпринять. Уж за две-то недели! А их в описываемый день согнали, ведут под конвоем за город к месту убийства, а они так ни о чем и не подозревают, среди них "некоторые даже смеются. Одна женщина подкрашивает губы" (кн. 2, с. 247). И тут Маринина принимала валокордин.

Во-вторых, в фильме сам расстрел изображен несуразно. Как это могли шеренга за шеренгой валиться в овраг, непонятно. Очень странно и то, что русская писательница ни слова не сказала вот о чем: большую, если не основную роль в расстреле евреев и в романе и в фильме выполняют "русские добровольцы из команды "Заря". Среди "русских интеллигентов еврейского разлива" (Г. Резник) Аксенов тут не одинок. Вслед за ним, например, критик Бенедикт Сарнов, у которого в оккупации расстреляли родственников, из книги в книгу твердит ныне:

"Считалось, что немцы. Но на самом деле, скорей всего (!), те самые мужички — "богоносные, Достоевские", т.е. русские. И ведь никаких доказательств, одно желание плюнуть! А вы говорите валокордин, мадам.

Что еще могло огорчить Маринину в фильме? Вполне возможно, думается, например, вот что. Осень 1941 года. Молодая красавица Нина провожает на фронт мужа Савву. А как обычно-то русские женщины провожали на войну мужей, отцов, братьев? Дарили на прощанье ладанку или платок, кисет или фотографию. Помните, как провожала княжна Марья князя Андрея?

"Она робко, умоляющим взглядом смотрела на брата.

— Ты что хочешь думай, но для меня это сделай. Сделай, пожалуйста! Его еще отец нашего отца, наш дедушка носил на всех войнах...

— Ежели он не в два пуда... — сказал князь Андрей, но в ту же минуту раскаялся.

— Против твоей воли он спасет и помилует тебя, — сказала княжна Марья дрожащим от волнения голосом, держа перед братом овальный образок Спасителя с черным ликом в серебряной ризе на серебряной цепочке мелкой работы".

В "Тихом Доне" большевик Бунчук, восемь лет не бывший дома, на один день приехал с фронта к матери. И вот день пролетел. Прощание с матерью. "Она торопясь сняла с себя нательный маленький крест и, целуя сына, крестя его, надела на шею. Заправляла гайтан за воротник, а пальцы прыгали, кололи холодком.

— Носи, Илюша. Это — святого Николая Мирликийского. Защити и спаси, святой угодник — милостивец, укрой и оборони".

А в пору войны, выпавшей на нашу долю, мы пели:

В кармане маленьком моем
Есть карточка твоя.
Так значит, мы всегда вдвоем
Моя любимая...

И была ещё скорбная песня о том, что

Мне привез из-под Воронежа сосед
Шелком шитый, Кровью крашенный кисет...

А вот что нам изобразили в "Саге". Супруги прощаются почему-то не дома, не у военкомата, не на вокзале, как мы все прощались, а на скамейке у Патриаршего пруда, да еще и встретиться после войны планируют опять же здесь, на данной скамеечке. Знаю я сию скамеечку, знаю, некогда сиживал на ней: жил рядом — в угловом доме на Ермолаевском, в ста метрах от пруда. А за скамеечкой-то — павильон, где зимой выдавались коньки. Брал я их, на скамейке надевал и под лихую песенку ("Догони, догони!...") радостно скользил (не один, конечно!) по льду Патриаршего. Возможно, авторы "Саги" не знают, что когда-то по этому льду скользили Константин Левин и прелестная Кити Щербацкая. Им просто нужна была уединенная скамеечка для интимного разговора их героев. Нина тоже дарит

на прощанье уходящему на войну мужу некий "образок" в виде весьма неординарной загадки: "Как ты думаешь, милый, я тебе изменяла или не изменяла?" Ничего себе подарочек! Савва, а он ее обожает, естественно, ошалел. Она же, аттестуемая как "тонкая кость", "аристократка", будучи уверена, что ее святая правда поможет мужу во всех тяготах и опасностях войны, сообщает: "Да, милый, случилось, и не раз. Но больше — ни-ни. Завязала. Иди сражайся и будь непобедимым". И он ушел с этим двухпудовым "образком" в душе на войну и не вернулся, что совсем не удивительно.

Что же такое мы увидели? Это не просто душевная тупость, а тупость с претензией на лирику (скамейка у пруда) и на психологизм (человек сложен и, увы, грешен!). Справедливости ради должен заметить, что в романе сей ошеломительно аристократической сцены у пруда нет. Это персональный вклад в золотой фонд русского кино сценариста и режиссера.

Интересно, а что думает наш инженер человеческих душ и о такой еще сцене. У одного из главных героев романа, у липового маршала Никиты Градова была на фронте молодая возлюбленная Тася, " всю войну прошли вместе", говорит она. В сущности, была настоящей женой. А опостылевшая жена по паспорту оставалась в Москве. Что ж, дело житейское, бывало такое. В конце войны маршал погибает так же нелепо, как стал маршалом и дважды Героем, а Тася остается беременной и уезжает домой. Родив сына и потом выйдя замуж, она через несколько лет едет с мальчиком в Москву и является к сыну маршала Борису с просьбой устроить мальчика, то есть его единокровного брата, в пансионат, ибо она с мужем завербовалась куда-то на Север за длинным рублем. Нет, отвечает благородный Борис, никаких пансионатов, мой брат будет расти у бабушки в роскошном доме в Серебряном Бору. Прекрасно!

А что дальше? Любезный хозяин устраивает застолье, угощение. И вдруг мысль: "Ей сейчас, должно быть, немног за тридцать, моложе Веры". Вера — его нынешняя пламенно любимая, ей тридцать пять. Тоже хороший возраст, но в тридцать лучше качество. И тут "сладкая тяга прошла по всему его телу". А вскоре "жар опять прошел по его телу". Опускаю подробности... Дальше: "Она быстро сняла халатик. "Расстегните мне, пожалуйста, лифчик, Борис Никитич". Возможно, еще вчера так она просила и законного мужа. И вот "прошло довольно продолжительное время, пока после череды всех (!) излюбленных Борисом классических поз они наконец отпали друг от друга" (кн.

3. с. 327). Мальчик все это время смотрел по телевизору балет. Потом Борис скажет: "Надеюсь, мы с вами еще увидимся, и не раз. Теперь я очень хорошо понимаю своего отца".

"А я видел Сталина очень близко, — продолжал баскетболист, сидел напротив него в трех метрах на Спартакиаде народов СССР". Что ж, крупно повезло человеку. Я знаю людей, которые за эти три метра отдали бы три года жизни. Но что Гомельский увидел? О, много!" Видел его кошачьи дикие глаза... Позвольте, сударь, почему дикие? Кошка существо домашнее, ласковое. У моего Пуськи, например, очень добрые и красивые зеленые глаза. А вот что писал о Сталине и, в частности, о его глазах А. А. Громыко: "Прежде всего обращало на себя внимание, что он человек мысли... Глядя на Сталина, я всегда отмечал про себя, что у него говорит даже лицо. Особенно выразительны были глаза" (Памятное. Кн. 1. М., 1988. С. 199). Кто так мог бы сказать о Гомельском, о его мыслях и глазах?

А он продолжал: "Я видел его рябое страшное лицо". Но вот что читаем у того же А. А. Громько: "Мне случалось после смерти Сталина не раз читать и слышать, что, дескать, у него виднелись следы оспы. Я этого не помню, хотя много раз с близкого расстояния смотрел на него. Что ж, коли следы имелись, то, вероятно, настолько незначительные, что я их не замечал" (Там же).

Ну, а если и были даже самые ужасные следы, что за грех? Ведь это следы болезни, и только. Против нее в царско время, когда родился и почти до сорока лет жил Сталин, боролись мало, плохо, вот он в детстве и переболел ею. Так прилично ли баскетболисту-гуманисту говорить с отвращением о печальных следах болезни? Тем более, что самому-то крупно повезло: родился в прекрасное советское время, когда прививку от оспы делали всем, притом бесплатно, вот советская власть и защитила Сашеньку из Гомеля от заразной болезни. А главное, да мало ли было в истории самых замечательных людей с теми или иными физическими недостатками. Гомер был слеп, Бетховен оглох, Кутузов — одноглаз, Наполеон был небольшого роста и имел пузцо, адмирал Нельсон — без одной ноги, Байрон — хром, наш знаменитый адмирал Исаков — тоже без ноги и т. д. Ну, позлорадствуйте над ними, Гомельский. Однако не забудьте, сам-то каков? Вот уже лет сорок лысый, будто колено, нос — что твой паяльник... "Разве мама любила такого?.."

А он опять: "Я видел, как все люди, которые окружали его, боялись его взгляда, а в фильме Сталин добренький". После этих слов были даны кадры комически нелепого приема в Кремле, будто бы состоявшегося в конце 1942 года, где Сталин зимой фигурирует в несуразном белом кителе. Видно, Гомельскому хочется, чтобы при появлении Сталина все участники приема разбежались по углам, — так все его боялись. Вот была бы историческая правда!

Но один ваш любимец, лютей ненавистник вождя, писал: "Я довольно часто имел возможность общаться со Сталиным, слушать его и даже получать непосредственные указания по разным вопросам. Я был буквально очарован Сталиным, его предупредительностью, вниманием, осведомленностью и заботой. Я был всецело поглощен обаянием Сталина и восхищался им". Это кто ж так? Да ведь приснопамятный Кукурузник.

Кому же верить — престарелому баскетболисту, однажды лицезревшему Сталина, или сталинским соратникам Громько и Хрущеву? Ведь первый писал это уже после смерти Сталина и во время лихой борьбы против "культа личности". А второй хотя позже и скурвился, но именно в эту пору и написал приведенные строки?

Вдруг подал голос абориген телевидения Генрих Резник, адвокат с прокурорскими замашками и, как уже отмечалось, по собственной аттестации "русский интеллигент еврейского разлива" опять же. Он решительно, как всегда, заявил: "Историческая правда в фильме не искажена. А Сталин подходит под великолепную формулу Карякина (широко известный мыслитель солженицынского разлива. — В. Б.) Сталин и Берия являются выдающимися государственными деятелями, но они были палачами". И уже свое резюме: "А у палачей не может быть заслуг перед историей. Палачи это палачи".

Адвокат это, вроде бы, дитя логики. А что мы видим? Начал с претензией на логику, но тут же сбился на эмоции: если палачи и только, то какие же они

государственные деятели, да еще выдающиеся? Прокурорствующий адвокат хотел побить Сталина, а бьет любимого Карякина и себя заодно.

Тут третий раз вступает неугомонный аксакал Гомельский и опять дудит в ту же дуду: "Я видел Сталина своими глазами. Я прожил большую жизнь в баскетболе, мне очень много лет..." Господи, да все это знают, кроме Юрия Соломина, который назвал его Голеньским. А когда Берман поправил артиста, тот сказал: "Ну хорошо, Коломенский".

Баскетболист ужасно обиделся, но продолжал: "Вот момент, когда Сталин дает генералу Градову три раза исправиться: иди подумай, иди подумай, иди... Потом Сталин говорит: "Генерал правильно сказал". Показывают соответствующие кадры фильма. Гомельский делает заключение: "Такого не бывало у Сталина. Если Сталин сказал "нет", значит нет". И никаких, мол, гвоздей.

Именно о таких случаях говорят: не знает броду, а лезет в воду. Заслуженному баскетболисту удивительным образом неведомо, что в фильме тут использован широко известный факт из военной биографии маршала Рокоссовского, тогда генерала армии, во время обсуждения плана операции "Багратион" — наступления в Белоруссии. Может быть, с моей стороны, учитывая возраст Гомельского, это жестоко — приводить такое свидетельство его лопухости, но что делать, сам же он, баскетболист, лезет на рожон.

Г. К. Жуков как будто именно для него писал: "Стиль работы Ставки был, как правило, деловой, без нервозности, свое мнение могли высказать все. И. В. Сталин ко всем обращался одинаково строго и довольно официально. Он умел слушать, когда ему докладывали со знанием дела. (Гомельского, как, впрочем, и Аксенова, и Барщевского, едва ли стал бы слушать, но о двух последних — дальше. — В. Б.). Я убедился за долгие годы войны, что И. В. Сталин вовсе не был таким человеком, перед которым нельзя было ставить острые вопросы и с которым нельзя было спорить, даже твердо отстаивать свою точку зрения. Если кто-нибудь утверждает обратное, прямо скажу: их утверждения неправильны" (Там же. с. 280-281).

И еще: "После смерти И. В. Сталина появилась версия, что он единолично принимал военно-политические решения. С этим согласиться нельзя. Я уже говорил, что если Верховному докладывали вопросы со знанием дела, он принимал их во внимание. И я знаю случаи, когда он отказывался от своего собственного мнения и ранее принятых решений" (Там же. с. 468). Таких случаев маршал приводит не мало. Если интересно, то поищите их, Гомельский, сами. Но я знаю, что не будете искать, ибо вам, как и В. Аксенову, и создателям фильма, история войны всегда была и осталась совершенно неинтересна.

И вот опять кому же верить: Рокоссовскому с Жуковым или Гомельскому? Выбирайте, читатель.

Тут-то на бедного старца и обрушилась создательница "Смерти ради смерти". Но как!"В образе Сталина был найден точный сценарный и режиссерский ход. Точный!"

Здесь ведущий Берман воскликнул: "Марина Анатольевна пришла сюда с совершенно другим мнением!" И вот, мол, под напором неопровержимых доводов Донцовой, Соломина, Резника и моих...

"Нет! Нет! — воскликнула автор романа "Не мешайте палачу". — У меня свое мнение. В фильме есть перлы, жемчужины. Я согласна с Гомельским, что если Сталин сказал "нет", то это всегда нет..."

Тут я вспомнил анекдот, недавно рассказанный в компании Василием Ливановым.

Поскребышев входит в кабинет Сталина и говорит: "Иосиф Виссарионович, звонит Черчилль". Сталин берет трубку: "Здравствуйте... Нет... Нет... Нет... Да... Нет... Нет... Нет... До свидания". И кладет трубку. Поскребышев не удержался: "Иосиф Виссарионович, на что вы сказали Черчиллю "да"?" — "Он спросил, хорошо ли я его слышу".

А Маринина объясняет нам, что такое жемчужина: "Крупный план. Сапоги Сталина, идущего по ковровой дорожке. И охватывает ужас. И ты понимаешь, что с этим человеком невозможно иметь дело, с ним невозможно договориться, это не человек..."

Правильно, и Пастернак сказал:

Не человек — явление, Поступок ростом с шар земной...

Но почему же невозможно договориться и иметь дело? Помянутый Черчилль, а также Рузвельт и многие другие совсем не мелкие люди умели договориться со Сталиным и вели с ним дела, да еще какие! От которых зависела судьба всего человечества. А вы, котик пушистый, не можете себе этого представить. Это характеризует скорее вас, киса, а не Сталина.

А взять совсем другую сторону. В Москву приезжали, встречались со Сталиным, беседовали Герберт Уэллс, Андре Жид, Ромэн Роллан, Фейхтвангер, Бернард Шоу. Уж не говорю о советских ученых, писателях, артистах от Максима Горького до Симонова. И со всеми он договаривался. Игорь Моисеев, слава Богу, и ныне здоровствует. Может рассказать, как договорился со Сталиным о передаче его ансамблю зала Чайковского. Вы что ж, ничего не знаете об этом? Тогда, котик, надо поменьше пописывать, а кое-что и почитать. А, между прочим, могли бы вы побеседовать уж не с Ролланом, допустим, о его "Очарованной душе", а с Демьяном Бедным, скажем, о песне на его слова "Как родная меня мать провожала..."

Что касается действительно "простых", главным образом даже безымянных участников обсуждения, то никто из них не рыдал, не бился в припадке падучей, не хватался за лекарство. Наоборот, многие из них спокойно говорили о сериале: "Ошибка"... "не получилось, дети не смотрят, не понимают происходящего на экране, хотя я своих сажал"... "и молодые не воспринимают"... Могу добавить: в последних сериях и я, старый человек, ничего не понял. Потом прочитал в рецензии даже щирой демократки Аллы Боссарт: * "Сага", сочинённая семьей Барцевских меня деморализовала... Безбрежный конфуз... Здесь все было липой, клюквой и туфтой... невыносимо скучно... бразильское мыло... история для быдла..." * (Новая газета. 29.

XI. 04).

Но на экране тут опять вступали непростые "простые": "Сериал состоялся" (А. Гомельский)... "Фильм хороший, смотрю с удовольствием" (А. Маринина)... "Создателей сериала можно поздравить" (Э. Жандарев)... "Величайшие профессионалы. Хочется впитать всю их энергетику" (певица Лолита Милявская)... "счастье быть ее современником великой актрисы Чуриковой... Никитина блистательна, новая звезда" (Г. Резник)... "мечта сбылась!" (Б. Берман)... "Это большой пример для молодых... большое спасибо!... огромное спасибо!" (Д. Донцова) и т. д.

Несколько озадачили режиссер Д. Барщевский и исполнитель главной роли Ю. Соломин. Первый сказал: "Аксенову фильм нравится... Роман вышел в эти дни гигантскими тиражами. Главный голос принадлежит читателю, он покупает роман десятками тысяч экземпляров..." Во-первых, позвольте, о чем речь-то — о фильме или о романе? Во-вторых, ну какие там гигантские тиражи? Открываю книжечку: "Доп. тираж 12 тыс." Очевидно, к первоначальному тысяч в 10.

Ещё более озадачил Соломин тем, что высокомерно изрек о претензиях Гомельского: "Это говорит непрофессионал". А зачем же тогда пригласили его? Или в Малом театре пришли к выводу, что искусство создается только для профессионалов? Таков теперь Дом Островского?...

За три-четыре серии до конца состоялось еще одно обсуждение — на страницах еженедельника "АиФ". Упоминаю об этом только потому, что тираж "АиФ" 8, 5 млн. экземпляров. Тут от Инны Чуриковой мы узнали, что весь фильм целиком она не видела, но зато знает, что собака, фигурирующая в нем, принадлежит Соломину. Артист Дмитрий Харатьян поведал, что "натуру для исправительного лагеря сделали под Нахабином". Александр Резалин (Нузгар) сообщил, что в Гнездиновском переулке выстроили тифлисскую квартиру, "где я Нину Градову-Будину... к стенке прижимал". Это самое важное из того, что сказали артисты.

А писатель Сергей Есин признался: "Посмотрел только две серии. Дальше не стал. Все слишком предсказуемо, ожидаемо". Позволь, Сергей, не поверить. Разве можно было ожидать в фильме, за который ручаются аж Фрадков с Лужковым, хотя бы упоминавшуюся сцену у Патриарших? А разве можно было предсказать, что в фильме будет показано, как Сталин в октябре 41-го года пойдет в Мавзолей. Вы-то, автор книги о Ленине, знаете, что саркофаг с его телом еще в июле был отправлен на Урал. И как можно было заранее знать, что генералу Градову, единственному из всех командармов, за разгром немцев под Москвой сценарист присвоит звание Героя Советского Союза, когда даже Жукова, командующего Западным фронтом (фронтом!), самым важным в той операции, наградили всего лишь орденом Красного Знамени. Нет, нет, вы не правы: в фильме что ни кадр, то и загадка, что ни серия, то и опупение.

Публикация заканчивается многозначительными словами Татьяны Горбуновой, заместителя директора истории Москвы: * "Поверьте, бывает и хуже". * Верим и даже знаем: например, "Штрафбат" Досталя по сценарию Володарского или "Дети Арбата" Эшпая.

Приходилось слышать и более резкие отзывы о фильме, в частности, среди тех, кто называет его "Московская ссака" и даже "Московская кака" и т. п. Грубо, конечно, неприлично, хотя все-таки это и не матерщина. Но вы, леди и джентльмены, все равно возмущены, вы гневно протестуете. Я вместе с вами. Но, с другой стороны, весь роман В. Аксенова, "по мотивам" коего сделан фильм, от начала до конца напичкан уж такой изощренной матерщиной, такими похабными эпизодами, таким патологическим блудом, что рядом с этим одноразовая "кака" или "ссака" выглядят детской шуткой, однако же вы, леди и джентльмены, не протестовали против этого. Мало того, роман так понравился вам, так пленил ваши тонкие интеллигентные души, что вы потратили не один год жизни на его экранизацию и безмерное тиражирование с помощью телевидения. Так что, уж чья бы интеллигентная корова мычала...

Трилогия Василия Аксенова "Московская сага" была написана в 1992 году. Сейчас она вышла в издательстве "Изографус" (М., 2004. Стр. 1476. Редактор М. Гуревич). Автор сообщает, что писал роман в Вашингтоне, Москве и Гваделупе. Похоже, что большая часть текста написана именно в Гваделупе, может быть, в городке Ле-Мудь. Почему? Да уж очень много в романе гваделупщины и гваделупости. А какая там непроторная мудь!

+ + +

Телесериал "Московская сага", как уже было сказано, поставлен по одноименной трилогии Василия Аксенова, написанной главным образом в Гваделупе и США, для читателей которых первоначально и предназначался. Наш молодой читатель едва ли знает этого автора, хотя когда-то он был известен и отчасти даже знаменит как в западном полушарии, так и в восточном, как в северном, так, пожалуй, и в южном, — может быть, вплоть до Антарктиды с ее пингвинами. Да вот и совсем недавно он получил за что-то какую-то премию, и по этому поводу было некоторое ликование в некоторых литературных кругах России. 27 декабря, видимо, по этому случаю Аксенов даже появился на телеэкране в передаче шустренького Архангельского, который заменил испарившегося Шустера.

Однако же, когда ведущий представлял участников передачи и каждому гремели аплодисменты, то Аксенову, как незнакомцу, досталось лишь хлопка три-четыре и уж очень тщедушных. Так что, все-таки, пожалуй, есть нужда кое-что поведать о нем.

Прежде всего, естественно, З. Аксенов, говоря его собственным языком, — "плод любовных утех" в голодном 1932 году Павла Васильевича Аксенова, члена ЦИК, председател горсовета Казани и Евгении Семеновны Гинзбург (1904-1977), завкафедрой марксизма-ленинизма в одном из казанских вузов, впоследствии писательницы, неоднократно поминаемой в обеих "Сагах". Так что, перед нами писатель не простой, а потомственный, даже как бы и столбовой. И, видимо, именно этим объясняются многочисленные литературные излишества и проказы автора.

Так, он пытается ухватить за бороду аж Льва Толстого: "Глядя на движущийся паровоз, слыша свист и видя движение колес, Толстой отрицает за собой право заключить, "что свист и движение колес суть причины движения паровоза". Насчет колес позвольте усомниться — именно ведь они, катясь вперед или назад, вызывают движение всей нагроможденной на них штуки", заключает автор.

Кто же прав — Лев Толстой или лауреат премии журнала "Юность"? Увы, последний не может сообразить, что ведь колеса вертятся не сами по себе, не святым духом, — их через поршни крутит паровой двигатель, именно он вызывает движение. И если с горки или под влиянием силы инерции паровоз может некоторое время ехать с отключенным двигателем, то уж по прямой, или на горку, или назад — никак! И так во всем у Аксенова: замах рублевый, а удар — х..... В конце телесериала появляется молодой парень Вася, наделенный не только именем, но и другими биографическими чертами автора. Например, он тоже из Казани, а его родители "жертвы ежовщины". Он говорит незнакомой девушке: "Я — пария в этом обществе", т.е. человек отверженный, угнетенный, лишенный всяких прав.

К слову сказать, париев в романе и фильме навалом. Именно как пария изображен Борис Градов, живущий один в пятикомнатной квартире на улице Горького против Центрального телеграфа. Он сын погибшего на войне маршала Советского Союза, дважды Героя, сам фронтовик и "почти Герой" (неизвестно за что представили к Герою, но вместо Звезды как пария, что ли, получил орден Красного Знамени). После войны он хотел поступить в институт международных отношений или в авиационный, а ему "дали понять, что шансов нет никаких". Почему? А потому, что его мамаша после смерти мужа вышла замуж за американца и живет в США. Значит, бесправный пария. Это напоминает недавний рассказ киносценариста Э. Володарского о том, что знаменитого Владимира Высоцкого не принимали ни в один дачный кооператив по той причине, что его знаменитая жена Марина Влади — иностранка. Как теперь проверить, что и он был пария? Господи, да пришел бы в наш писательский кооператив "Красновидово". Если мы приняли в него Барщевских, то неужто отказали бы Высоцкому. У нас тут чуть ни каждый третий с родственниками за границей. Даже у меня есть родной брат в Эфиопии.

Но кто же сыну маршала и Героя заранее сказал, что у него, фронтовика-орденоносца, никаких шансов? Я лично поступал в шесть московских вузов (кто не верит, кому показать чудом сохранившиеся студбилеты и зачетные книжки), и никто со мной предварительно не беседовал. Борис намекает: "Ну, вы понимаете, о ком я говорю". Допустим, понимаю, но уж если так, то непонятно другое: почему до сих пор не отобрали у парии пятикомнатную маршальскую квартиру на одного в самом центре столицы? Неизвестно. А с другой стороны, как могли принять в МГИМО антисоветского долдона Козырева, который и родился-то в Брюсселе, и жил там, и до сих пор остается американским агитатором. Это он подтвердил в телепередаче "Времена" 28 ноября прошлого года: "Америка никогда не желала нам зла, она любит нас. Вот я недавно был в Чехии, там обожают Чайковского..." Во-первых, причем здесь Чехия, когда речь идет об Америке? Не соображает! А что до музыки Чайковского, то любовь к ней вполне может уживаться с ненавистью к России. Разве не это, еще будучи президентом Чехии, показал Вацлав Гавел, радостно потирая ручки, промурлыкавший: "Больная Россия лучше, чем здоровый Советский Союз". А совсем недавно вслед за ним и Александр Квасьневский, вчерашний комсомолец, а ныне доживающий свой срок президент Польши, где тоже любят не "Сагу" же, а Чайковского: "Россия без Украины лучше, чем с Украиной". Даже наш амбивалентный президент не стерпел и промурлыкал что-то гневное. А надо было бы внятно сказать: "Польша гораздо лучше без восточнопруссских земель и Силезии, политых кровью советских солдат, чем с Восточной Пруссией и Силезией, которые ей подарил Сталин", т. е. она лучше в знакомом ей виде генерал-губернаторства Варшавского. Живут твердолобые в

стеклянных домах, а швыряются камнями. Но наш амбивалентный едва ли и знает об этих подарках Польше. Кто ему мог рассказать — Собчак? Глеб Павловский? Миронов, друг Егора Исаева?

Но интересней всего третий пария сериала — Митя, приемный сын Градовых. Он не только "всегда чувствовал себя чужаком в советском обществе", но и с пионерского возраста жил злобной страстью: "Вот подрастем и мы им покажем, гадам, — коммунистам и чекистам. Ух, как я их ненавижу!"

Его настоящий отец — зверюга-кулак. При угрозе раскулачивания он сжег свою избу вместе со всей семьей, спастись удалось только вот этому Мите. Перед войной он окончил школу и собирался поступать в медицинской институт, "естественно, по протекции деда", замечает писатель. Меня тут больше всего заинтересовало это аксеновское "естественно". Я, повторюсь, поступал в шесть вузов и, естественно, безо всяких протекций. А тут протекция считается делом само собой разумеющимся. Но это к слову.

Так вот, пария Аксенов беспрепятственно окончил медицинский институт и не в Казани, не в Рязани, не в Магадане, а в Ленинграде, получил работу, но вскоре потянуло на мамину стезю. Перебрался в Москву. Написал одну повесть, другую, третью... Все это, начиная с повести "Коллеги" в 1960 году, лихо печаталось в популярнейшем тогда журнале "Юность" и выходило отдельными изданиями. Все это одни критики и органы печати бурно нахваливали, другие, естественно, — наоборот.

В 60-70-е годы, как, впрочем, и раньше, интерес во всем мире к советской литературе был огромный. Книги Аксенова, как и других советских авторов, хорошо издавались и за границей. Причем, не только в Болгарии, Румынии, Польше, ГДР, Венгрии, Югославии, Чехословакии. По одной-две книжечки были изданы и подалее — во Франции, Англии, Испании, Швеции, Греции, даже в Израиле и Японии. Всего за десять лет с 1965 по 1975, по данным издательства "Книга" (М. 1976) на иностранных языках труды В. Аксенова издавались 41 раз. Не хило! Почти как Леонида Жуховицкого, которого издавали даже на малайском. Надо ли говорить об изданиях на родине? Уж никак она не отстала от малайцев. К тому же, на родине сочинения Аксенова не только отменно издавались, но кое-что еще и становилось спектаклями, фильмами.

Своеобразным дополнением к такой жизни этого парии были многочисленные заграничные поездки по линии Союза писателей: во Францию, Японию, даже в Латинскую Америку и т. д. Все это не помешало гневной декламации Аксенова на замшелую тему "железного занавеса", изобретенного-де "вождем бриттов" (Сага, кн. 3, с. 78). Тут уже начинается враньё, закващенное на невежестве: это выражение почти за тридцать лет до бритта Уинстона встречаем у Василия Розанова: "С лязгом, скрипом, визгом опускается над Русской Историей железный занавес."

— Представление окончилось.

Публика встала.

— Пора надевать шубы и ехать домой.

Оглянулись.

Но ни шуб, ни домов не оказалось".

Приведя сей сюжет в своей замечательной книге "Из итогов XX века", только что вышедшей в ленинградском издательстве "Владимир Даль", Петр Палиевский пишет: "Всматриваясь сейчас в этот образ, можно понять, что в нем нет ничего неверного ни с какой точки зрения. И революция представлена в ее истинном размахе, и действительный конец русской истории как отдельной, собственно русской, и поведение людей, которых Розанов именуется публикой... Просто человек оказался достойным собеседником тех, кто "призвал его на пир".

Потом этот образ 25 февраля 1945 года в газете "Дас Райх" использовал Геббельс: если, мол, немцы прекратят сопротивление Красной Армии, то "над Европой опустится железный занавес". Естественно, побывав в волосатых ручках Геббельса, которого всеблагие в собеседники, разумеется, не звали, этот б/у образ потерял свежесть и сильно деформировался. А Черчилль-то, как эстафетную палочку, взял его именно из этих волосатых ручек: "Над Восточной Европой опустился железный занавес..." Сталин сразу разглядел эстафету и через несколько дней после речи вождя бриттов в Фултоне сказал: "Господин Черчилль и его друзья поразительно напоминают в этом отношении Гитлера и его друзей". В первую очередь, конечно, дружка Геббельса. Сочинений Аксенова товарищ Сталин, к сожалению, не читал. А если бы почитал, то, пожалуй, сказал бы: "Никакого занавеса не было, а был фильтр, который пропускал в нашу страну Фолкнера, Рокуэлла Кента, Поля Робсона, но задерживал бациллы и спирохеты вроде "Московской саги"...

В декабре 1962 года, только что вернувшись из Японии, молодой пария Аксенов был приглашен в Кремль на встречу руководителей партии и правительства с художественной интеллигенцией. Там он произнес бессмертную речь, опубликованную в свое время в журнале "Известия ЦК КПСС". В частности, с восторгом говорил о том, что "в Японии вызывает изумление и восхищение уровень духовной жизни нашего народа. Многие из нашего рассказа просто поражало японцев... Это для них совершенно необычно, невероятно". И дальше: "Я разговаривал в Японии с одним буржуазным интеллигентом. Он спросил меня, как вы считаете, вот нам здесь кажется, что те перемены, которые происходят в вашей стране (хрущевская "оттепель", поношение Сталина и т. п. — В. Б.), в какой-то степени сближают вас с нами? Вы как бы идете к нам — к капиталистическому искусству? Я ему ответил: все обстоит как раз наоборот! Это как раз победа нашей идеологии!" Какой? Разумеется, советской, коммунистической. Казалось, сейчас Аксенов начнет читать "Стихи о советском паспорте":

Читайте! Завидуйте!

Я — гражданин Советского Союза!

Но он, не прибегая к стихам, пошел однако еще дальше — уверенно предрек: "Все свидетельствует о том, что он (японцы и весь Запад — В. Б.) стихийно, подспудно, но все-таки идут к социализму". Вот ведь как! Ну что за прозорливец этот пария!

Тут же он счел патриотическим долгом внести ясность в вопрос, о котором тогда было много разговоров — об отношении между поколениями: "Наше единство в нашей марксистской философии, в нашем историческом оптимизме... Некоторые критики говорят, что советская молодежь, молодые советские литераторы не помнят своего родства, что мы отвергаем то, что было завоевано нашими отцами, не уважаем своих отцов, что вообще советская молодежь, дескать, противопоставляет себя отцам. Особенно любит такие выводы на Западе

буржуазная реакционная пресса. Мне хочется по этому поводу сказать, что все это неверно, все это глубоко неправильно. Мы уважаем своих отцов и любим своих отцов". Какая мужественная, сокрушительная отповедь реакционерам Запада.

Право, окажись на той встрече Маяковский или Николай Островский, они едва ли могли бы сказать лучше. Но, разумеется, они уж наверняка не позволили бы себе в конце речи такого угодничества, как Аксенов: "Я благодарен партии и лично Никите Сергеевичу за то, что я могу с ним разговаривать, могу с ним советоваться". Видимо, только регламент помешал добавить: "Могу смотреть на него, могу дышать с ним одним воздухом, могу здесь, в Кремле, воспользоваться тем же сортиром, что и дорогой Никита Сергеевич".

Впрочем, что ж, Аксенов был не одинок. Вот что писал Хрущеву дня через три после встречи бурный гений Эрнст Неизвестный: "Дорогой Никита Сергеевич! Я благодарен Вам за отеческую критику. Она помогла мне... Никита Сергеевич, я преклоняюсь перед Вашей человечностью, и мне много хочется писать Вам самых теплых и нежных слов (так в тексте. — В. Б.). Никита Сергеевич, клянусь Вам и в Вашем лице партии, что буду трудиться не покладая рук". И трудится! И не покладает.

Да что Аксенов, что Неизвестный! Сам твердокаменный титан Солженицын после новой встречи на Ленинских горах 8 марта 1963 года, почтительно не решаясь обеспокоить самого Хрущева, писал как высшему арбитру — В. С. Лебедеву, его чиновному помощнику. Речь шла о пьесе "Олень и шалашовка", которую решительно отвергал Твардовский: "Я хочу еще раз проверить себя: прав ли я или Александр Трифонович. Если Вы скажете то же, что он, то я немедленно забираю пьесу из театра "Современник"... Мне будет больно, если я в чем-либо поступлю не так, как этого требуют от нас, литераторов, партия и очень дорогой для меня Никита Сергеевич Хрущев". Ему будет больно... Вот так и в 45-м году говорил он следователю: "Мне будет больно, товарищ Езепов, если я вас огорчу". И закладывал друзей, даже родную жену, будто бы антисоветчиков...

Но вот что рассказывает об Аксенове его великий друг Евгений Евтушенко... По данным биографического справочника "Русские писатели XX века" (М., 2000) оба друга живут сейчас в Америке: Василий, видите ли, аж в самом Вашингтоне, а Евгений — в Оклахоме (это вроде наших Тетюшей). Они, получив звание профессоров, занимаются там просветительской деятельностью. Но и тот и другой не забывают свою горькую родину. О Василии уже сказано, а Евгений в прошлом году на страницах "Литгазеты" затеял небывалую в русской литературе — через океан! — склоку с Риммой Казаковой: кто из них больше еврей. Он ей лепил в глаза через Атлантику: "Твой муж был Радов-Вельш! Еврей!" Она ему в ответ: "Твой отец Исаак Гангнус! Еврей!" и т. п. Я, признаться, никого из них не держал за еврея, но теперь и не знаю, что думать.

Когда Евтушенко жил еще в России, то в ароматной статье "Фетхование с навозной кучей" на страницах той же "Литгазеты" рассказывал о Аксенове удивительные вещи. Оказывается, после участия во встрече с Хрущевым 8 марта 1963 года, на которую попал на сей раз сразу после возвращения из Латинской Америки, он в кругу друзей в каком-то темном подъезде гвоздил высокопоставленных собеседников: "Банда! Эта банда способна на все!" и т. д. Вот так марксистское единство... А позже в Коктебеле, оказавшись в общественной столовой, изрядно

тяпнув и, как видно, не успев закусить, вскочил на стол и с этой горней высоты обрушил свой гнев на простых работяг, стоявших с подносиками в очереди: "Вы знаете, кто вы такие? Вы жалкие рабы!... Вы рабы!... рабы!... рабы!" Вот вам и дружба поколений... Так он выража протест против ввода наших войск в Чехословакию. Но причем здесь посетители дешевых забегаловок? Если ты против, то у тебя, писатель и собеседник властителей, больше ответственности и больше возможности для протеста, чем у рядового работяги.

Евтушенко назвал этот приступ антинародного недержания "речью, достойной Перикла". Но, во-первых, Перикл, когда пил, то хорошо закусывал. Во-вторых, никогда не произносил речей в нетрезвом виде. В-третьих, он уважал своих соотечественников, в том числе демос. А наш оратор на высоких трибунах лебезил и угодничал перед властью и тут же тайно проклинал и поносил ее, и в этом своей вины и стыда, конечно, не видит: "Этот социализм нас всех сделал ханжами" (3,354). Кто же еще!

Словом, несмотря на любовь к Хрущеву, бесчисленные издания-переиздания и бесконечные заграничные вояжи за счет Союза писателей, Аксенов внутренне давно был готов к добровольной депортации за океан. Видно, гены работали. В помянутом биографическом словаре говорится: "В 1979 году Аксенов заявил о выходе из Союза писателей". Что-то не могу я вспомнить о таком лихом заявлении. Где заявил? Кому? И потом: заявление это одно, а выход — совсем другое. Вот Инна Лиснянская действительно заявила, что выйдет, если будут приняты меры против участников альманаха "Метрополь", и вышла, когда меры были приняты. Позже мне довелось написать письмо секретарю Союза писателей Ю. Верченко с просьбой восстановить Лиснянскую.

Аксенов же, обретя благодаря альманаху, который он и организовал, ореол бунтаря-страдальца, в 1980 году проворно слинял в Америку. Этой автодепортации удивился один только Хрущев, правда, уже на том свете.

А в США этого бунтаря давно поджидали другие бунтари: Солженицын и Неизвестный, вскоре к ним присоединился и Евтушенко. Какой роскошный букет русской культуры образовался за Атлантикой! Вот бы еще Керенского туда. Но, увы, к тому времени он уже по душам беседовал с Хрущевым...

После истории с убого фрондерским "Метрополем" и автодепортации Аксенова в США я редко о нем слышал и не читал его. Но так как вокруг этого имени всегда было много суеты, звона и шухера, я, не дав себе труда разобраться по существу, почему-то считал беглеца писателем квалифицированным, осведомленным, даже не без зачатков скромности. Но стал читать "Сагу" и глазам своим не верил. Здесь такое буйство мозговых извилин, такие ужимки, кульбиты и антраше совести, такие закидоны по части антисоветчины и секса... Это, право же, настоящая энциклопедия своего рода.

И охват фактов, событий, лиц — широчайший: от мировой политики до интимных подробностей быта. Например, уверяет, что при создании ООН Сталин требовал, чтобы ее членами были все советские союзные республики — от России до Эстонии. Лютая чушь!

А в 1946 году, говорит, Тито "предложил Сталину полный вход Югославии в СССР на правах союзной республики и вход всей клики в состав Политбюро". А Сталин будто бы ужасно перепугался. Разумеется, это всего лишь прихотливая игра извилин, и она сама себя разоблачает: в состав ПБ входили отнюдь не все "клики" всех союзных республик, а лишь редкие представители этих "клик". Другой вопрос, что была тогда идея объединения Югославии и Болгарии, но именно Сталин посоветовал этого не делать.

А вот совсем из другой оперы: божится, что Берия "любил кончать" несимпатичных ему людей "лично в своем служебном кабинете, неожиданным, в ходе дружеской беседы, выстрелом в висок из браунинга... После чего вызывал своих служащих и говорил: "Неожиданный финал. Плохо с сердцем и смените ковер!" И такие, как Барщевский и его супруга-сценарист, ведь уже довольно пожилые люди, верят, что это святая правда. Она им так нравится! Хоть подумали бы: какое там сердце, если кровь на ковре?

Из третьей оперы. Желая высмеять одного ненавистного ему человека, автор вкладывает ему в уста такой пассаж из времен дореволюционной молодости: "Хорошо помню эту аптеку. Я там покупал такие штучки по десять копеек, две штучки в пачке. Не всегда, к сожалению, был мой размер". Друг любезный, ведь эти штучки из тонкой резины и всегд были безразмерные. Неужто уже отшибло? Да и были ли они до революции? Ведь такая резина — дело не простое. А уж если были, то наверняка стоили не дороже гроша.

И вот при всем этом человек заявляет, что чувствует себя "как бы лишь регистратором событий". Беспристрастным и точным регистратором! Что ж, посмотрим еще...

Недавно в связи с бандитским нападением Америки на Ирак ходил такой анекдот. Американка говорит мужу: "Джон, помоги разобраться. По телевидению говорят то Ирак, то Иран. Как же в конце концов правильно?" — "Драгоценная, — ответил муж, — ты еще не самая большая дура в нашей прекрасной стране: тут разница всего в одну букву, а наш президент путает не только Ирландию с Исландией, где тоже лишь одна буква не совпадает, но даже Ливан и Ливию, Австрию и Австралию, Францию и Филиппины".

Русско-гваделупско-американский писатель Аксенов нередко оказывается в одной компашке с этой американкой, а то и с Бушем. Судите сами. Казалось бы, как писатель в его возрасте, да ещё пишущий о войне, может путать Катынь и Хатынь, хотя и тут разница всего в одну букву. Представьте себе, путает! Считает, что Катынь, Катинский лес, где были расстреляны пленные польские офицеры, находится не под Смоленском, а в Белоруссии, где была деревня Хатынь, в которой немцы расстреляли и сожгли в сарае 149 крестьян, в том числе 75 детей.

Хатынь, как недостойный внимания пустячок, у Аксенова и не упоминается, хотя его персонажи, включая одного из главных — Никиту Градова, воюют в Белоруссии. А ведь таких сожженных и расстрелянных деревень и сел там оказалось 433. Всего же в республике фашисты уничтожили четверть населения. Но об этом, говорю, в трех томах — ни слова. А маловероятный по обстоятельствам романа расстрел евреев описан и несуразно показан в фильме со всей дотошностью. Вот до чего доходит гваделупское безразличие ко всем, кроме своих.

Причем, при расстреле орудуют русские пленные, а не только немецкие фашисты. Для этих артистов это тоже крайне характерно...

Кстати сказать, советская наступательная операция 1944 года в Белоруссии имела кодовое название "Багратион", а наш регистратор называет ее "Кутузов". Путаает читателей: на самом-то деле "Кутузов" это Орловская наступательная операция, составная часть Курской битвы 1943 года.

Наряду вот с такими бесчисленными "катынями-хатынями" поразил меня и язык аксеновской "Саги". Он убог, тщедушен и вульгарен. Автор пытается обогатить его и разнообразить с помощью то многим непонятной "блатной музыки", то зловонной матерщины, то впаривает изящное выражение или целую фразу на английском, а то и французском. Например, нет, чтобы просто сказать "роковая женщина", он выдает *la femme fatale*. Иной раз персонажи целый монолог выдают на английском. Поди, Барщевский при этом чувствовал себя перенесенным в июль 1805 года, в салон известной Анны Павловны Шерер, фрейлины императрицы Марии Федоровны. С беседы ее гостей на французском начинается "Война и мир" Толстого. Можно представить себе, как это заворожило сценариста и режиссера фильма.

А какие здесь вороха словесной иностранщины! Гля, мол, какие мы образованные: "Рестон извлек "монблан", чтобы записать ответ на полях "бедекера"... "он спросил с прямой кватербека"... "пандемониум произволов"... "у диктора диспептический вид"... "они отправились на суарэ"... "демимонд"... и т. п. Все это не что иное, как пошлое литературное нищелудство.

И неустанные ухищрения не помогают: если ни чувства языка, ни слуха нет, так уж нет. Порой доходит до того, что автор употребляет даже не те слова, которые требуются по смыслу, не понимает их. Например: "С торцевой стены дома, что здесь, как и в Германии, именуется брандмауэром, смотрела афиша". На самом деле и в Германии и в России брандмауэр (Brand пожар, Mauer-стена) — глухая стена из негорючего материала между двумя домами, которая ставится в расчете помешать распространению огня в случае пожара.

Да уж ладно, коли, объездив весь мир, все-таки не понимает иные иностранные слова, но ведь и с русскими то же самое. Например: "Никита превзошел самое (!) себя". Что, русский Никита превратился во француженку Никиту, которую нам тоже крутили по телевидению? Или: "Над фасадом клуба зиждился (!) портрет Сталина"... Это автор решил блеснуть редким словцом. "За пределами России преобладали водная и воздушная стихии". Как это понимать? Или: "Части Красной Армии были раскиданы по гигантскому пространству края от Аляски до Кореи". Это каким же образом, когда Аляска и Корея оказались в Приморском крае?

А уж если прицепится романист к неизвестно чем-то полюбившемуся словцу или обороту речи, не оторвешь: "Никита ловил себя на том"... "Борис ловил себя на том"... "Нина поймала себя на том"... "Градов поймал себя" и т. д. Жаль, что автор ни разу не поймал себя за язык. Или: "мы просто русские врачи"... "он просто видел полную абсурдность"... "он просто такой же офицер"... "они просто сияли"... "ну просто мелькают"... "он же просто ребенок"... "просто противно стало"... Не так противно, как надоедливо.

Или: "Нина была потрясена"... "потрясенная Майка"... "Борис был потрясен и ошеломлен".. Мандельштам "просто ошеломлен"... "Савва смотрел с ошеломленным видом"... "ошеломляюще чужие..."... "ошеломленный Никита"... "ошеломляющее волнение"... "ошеломляющие салюты"... "ошеломляющая жизнь"... "ошеломленное собрание"... "ошеломляющие финалы"... "ошеломляющий парадокс"... "ошеломляющий страх"... "ошеломляющий момент"... "ошеломленные игроки"... "ошеломленная красotka"... "ошеломляющие субъекты"... "ошеломляющая нежность"... даже "еда шла по потрясенному пищеводу к ошеломленному желудку" и т. д. Правда, иногда встречается вариант: "Градовы чувствовали себя ошарашенными"... "Зал был ошарашен" и т. д. Описать волнение, удивление, смятение весьма непросто, и вместо этого писатель направо и налево ловко навешивает ярлыки: "потрясенный"... "ошеломленный"... "ошарашенный".

О полной глухоте свидетельствуют и такие оборотцы: "чужие чужаки"... "снаружи не обнаруживается"... "это было сказано тем же тоном"... Каким жетоном?.. "Борис продолжал в том же духе"... Что за жидуха?.. "ведь они же поэты"... Кто? Сам ты жопоед? И так далее.

И после этого он хнычет: "Мы понимаем, что сами себя ставим под удар критика из враждебной литературной группы". Конечно, сам ставит, никто его не заставлял. Но, во-первых, а разве мог бы не поставить? Увы... Во-вторых, неужели в вашей-то "литгруппе" такие критики, что не смеют даже объяснить писателю, на чем зиждется брандмауэр и что не хорошо в своих книгах давать пристанище жопоедам?

Портрет персонажа дать тоже дело очень непростое, Аксенов не умеет и это, он и здесь навешивает бирки. Гораздо проще! Например: Никита Градов — "идеал мужской красоты", Вуйнович внешне — вылитый Вершинин из "Трех сестер" Чехова", Нина — "цветущая красавица", Мэри — "принцесса Греза", видите ли, Вероника — тоже "принцесса Греза", но еще и "первая красавица Москвы" и т. д. Как хочешь, так их и воображай. У нас свобода и здесь!

И при таких-то натянутых отношениях с родным языком этот коллежский регистратор еще заикается о "неидеальной власти над русским языком" Сталина. Он грузин по рождению, в русской среде оказался уже не мальчиком, но ты, русак гваделупский, найди в его 17 томах хотя бы одного жопоеда!

Бросается в глаза и то, что книга буквально нашпигована именами писателей, артистов, музыкантов, художников, не говоря уж о государственных деятелях и военных, а также цитатами, афоризмами, куплетами песен и т. д... Это вороха, вереницы, тучи, армады... Совершенно как у генерал-философа Волкогонова в его трехтомнике "Триумф и трагедия".

Политики, например, от Перикла до Кагановича мельтешат в "Саге". Философы — от Шопенгауэра до Константина Леонтьева, Владимира Соловьева и Сулова. Композиторы — от Вивальди, Баха до Колмановского. Художники — от Леонардо, Кустодиева и Врубеля до Бродского, Дейнеки и ныне здравствующего Бориса Ефимова. Артисты — от Любви Орловой, Лемешева, Шульженко до Нейгауза и благоденствующего по сей день Ростроповича. А еще иностранные артисты — от Айседоры Дункан и Чаплина до Дины Дурбин. Писатели... Тут тоже необходимо подразделение, и более строгое. Во-первых, русская классика — от Антиох

Кантемира и Державина до Чехова и Горького. А какие эшелоны классических произведений упоминаются! От толстовской эпопеи "Война и мир" до блоковской поэмы "Двенадцать". И что за полчища персонажей! Евгений Онегин и Татьяна Ларина, Собакевич и Коробочка, Хорь и Калиныч, Андрей Болконский и Анна Каренина, Грушенька и Настасья Филипповна... Вся школьная программа в мои годы. А что за классические цитатки даны! Из числа самых замусоленных: "Где стол был яств, там гроб стоит"... "И всюду страсти роковые, и от судеб защиты нет"... "Паду ли я стрелой пронзенный"... "Иных уж нет, а те далече"... "Белеет парус одинокий"... "Была без радости любовь"... "Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые"... "Коня на скаку остановит"... "Королева играла в башне замка Шопена"... и т. д. О Господи! Вот бы еще одну цитатку: "Нет на прорву карантина..." Да, да, точно, как у покойного Волкогнова. Но что с того было взять? Кто его еще помнит? А этот-то писатель, автор фундаментального труда "Гегельянцы и гегельяшки", лауреат, почетный гражданин Гваделупы...

Вы спросите: что за мания? зачем это? Как зачем? Чтобы такие, как Барщевский, сразу поняли и соблазнились: "Какой эрудит! Не хуже Волкогнова! Надо его экранизировать. Авось Лужков на это отмусолит, сколько попрошу".

А ведь еще, конечно, тут и советские писатели — от Демьяна Бедного, Маяковского, Есенина до Эрдмана, Юрия Трифонова, Коли Глазкова. И опять — списки их произведений, хоровод персонажей, бочки маринованных цитат: "Революционный держите шаг!"... Любовь Яровая, Эллочкалюдоедка... "пускай ты выпита другими"... "нас водила молодость в сабельный поход"... "Хождения по мукам"... "Мы живем, под собою не чуя страны"... "Любовью дорожить умеете"...

Еще и такие же силосные ямы из продукции иностранной литературы: "Ромео и Джульетта", Паоло и Франческа... "И башмаков еще не износила"... "Дальше — молчание", дон Базилио, Гулливер, Байрон, Шелли, "Королева Марго", "Прощай вино в начале мая"... "Маленькая хозяйка большого дома"...

У меня нет сил перечислять дальше. А ведь еще тут и режиссеры кино и театра, и спортсмены, и фильмы, и спектакли, и оперы, и оперетты, и строки из песен, и афоризмы вроде "Мы не можем ждать милостей от природы" и т. д. Правда, сам-то может рассчитывать только на милость природы, когда, например, уже в 1936 году, за два года до смерти Мандельштама, объявляет, что его уже нет в живых, когда кинорежиссера Сергея Юткевича, Героя труда, четырежды лауреата причислил к театральным критикам и т. п. Все это в таком изобилии создает тягостное впечатление провинциальной волкогновщины.

Но часто Аксенов не просто упоминает то или иное лицо, а с целью оболгать, оскорбить его или извратить то, что с ним связано. Одного назовет хряком, другого — скотоподобным, третьего — охламоном... Правда, однажды и себя назвал охламоном, против чего возражений ни у кого нет.

А Достоевский, например, упоминается всегда как писатель, книги которого, мол, в советское время трудно было достать — не издавались, и читатели вынуждены были обмениваться только старыми изданиями. Это скучное солженицынское вранье образца 1968 года. Вот данные Книжной палаты, которые приведены в моей книге о Солженицыне "Гений первого плевка" (М. 2005): "Всего после революции к ноябрю 1981 года (160 лет со дня рождения писателя) в нашей стране вышло 34

миллиона 408 тысяч экземпляров его книг. Это получается в среднем 540 тысяч ежегодно".

Но Аксенов жаждет переплюнуть Солженицына на международной арене. Вот, говорит, и Джойса, и Пруста у нас долго не издавали, только в 1938 году осмелились. Он, видите ли, не может без них жить. Опять вранье. Главы из необъятного "Улисса" были напечатаны в московском сборнике "Новинки Запада" еще в 1925 году, в том самом, когда появляются перед нами персонажи "Саги". Сборник рассказов "Дублинцы" Джойса в 1927-м вышел в Ленинграде. В 1935-м главы из "Улисса" печатались в журнале "Интернациональная литература" (NN 1-3 и 9-12). В семи номерах! Да еще в четырех первых номерах за 1936 год. А в 1937-м, когда геро "Саги" замышляли государственный переворот, в ленинградской "Антологии новой английской поэзии" опять были напечатаны "Дублинцы". Статьи о нем печатались в журналах "Литературный критик" и "Интернациональная литература". А Марсель Пруст в 1934-1938 годы был издан в четырех томах. И писали о нем не коллежские регистраторы, а Луначарский, Воронский и другие известнейшие критики того времени.

Итак, товарищ Аксенов предстал перед нами в своей "Саге", увы, в образе весьма скорбном. Он много видел, много слышал, но всё — вполглаза, вполуха. А тут еще и природная тупость... Спокойно, товарищ Барщевский, спокойно. Никто не заставлял вас из 3-томной эпопеи выдувать 23-тонную опупею. Не по приговору Басманного суда вы сделали это со своими дражайшими родственниками, включая внуков, которым ведь еще жить и жить с клеймом приспешников режима.

Тупость и невежество понятия непростые. Как сказал поэт, все мы немножко лошади. Для каждого из нас многие области жизни — потемки. Что я знаю о ядерной физике? Только то, что существуют электроны, которые носятся вокруг протонов, — и ничего больше. Полный невежда. Но у меня хватает ума не писать книги по ядерной физике, романы о ее тружениках. А вот что однажды воскликнул Достоевский, прибегнув к первому из помянутых понятий: "Гоголь — гений исполинский, но ведь он и туп, как гений!" (ПСС, т. 20, с. 153). Надо полагать, Достоевский имел здесь в виду фанатичную одержимость гения своим призванием, своей "идеей", когда многое из того, что не имеет к этому отношения, игнорируется или просто не замечается. У Пастернака об этом сказано так:

На столе стакан не допит, Век не дожит, мир забыт...

Вот и Аксенов туп, в принципе, на такой именно манер, а уж сколько тут гениальности, сами видите. Он одержим прежде всего идеями антисоветизма, коммунофобии, русоненавистничества, а также блуда без границ, и ничто другое его не интересует.

Например, отродясь не прослужив в армии ни дня, ни разу не понюхав пороху, имея весьма смутное представление об истории всей Второй мировой войны и, в частности, Великой Отечественной, он в своей "Саге" задался целью в антисоветском духе "обозреть феерию (!), известную в истории под названием Вторая мировая война" (кн. 2, с. 7). Феерия от слова "фея". Какое реченьице сыскал кудесник русского языка! Война для него феерия с участием безносой феи и хоровода 50-ти миллионов ее жертв. А послевоенная "холодная война", начатая

Западом, это для него "новая человеческая забава". Все-то ему в мировой истории весело и забавно. Совершенно как Эдварду Радзинскому, собрату. А борьба за мир это не что иное, как "жульничество", в котором принимали активное участие "какие-нибудь жолио кюри", а также "продавшиеся с потрохами Фадеев, Сурков, Полевой, Симонов и, увы, Илья..." Даже не решается назвать Эренбурга: как же-с, ведь соплеменник, а проданся советской власти с потрохами.

Такова тупость по-аксеновски. Это похуже глухоты языковой. В телесериале сия гваделупщина воспроизводится бережно, старательно и благоговейно. Откуда, с чего Барщевскому быть сообразительней, образованней и деликатней Аксенова? Одна ж порода свихнувшихся на антисоветчине.

Приведу пока только еще один уж очень характерный примерчик заморской тупости, связанной с войной. Персонаж эпопеи академик Градов идет в Москве по улице Горького и видит на стене дома сатирический плакат "Окно ТАСС": "На левой его половине грудастый наглый немец в каске грозно наступал на несчастных русских крестьян:

Днем сказал фашист крестьянам:
Шапку с головы долой!

На правой же половине те же крестьяне саблех снимали с грудастого тела мордастую голову:

Ночью отдал партизанам
Каску вместе с головой!

И что же думает аксеновский академик? А вот: "Борис Никитич долго топтался и созерцал плакат. Неадекватность возмездия как-то неприятно его удивила. Все-таки ведь только шапку снять требовал, а поплатился головой". И воображение рисует ему ужасающую картину во всех медицинских подробностях: "Вчистую сразу, одним махом все мышцы, сосуды, связки и позвонки. Какова хирургия!" Академик возмущен, негодует, называет плакат "дурацкой пакостью", выражает уверенность, что у наших союзников англичан ничего подобного быть не может (кн. 2, с. 180-181).

Что это, как не одна из самых острых форм тупости? Словно колхозный бригадир потребовал от рядовых колхозников, чтобы они снимали шапку, а те в ответ хватя его саблех по шее... Но ведь на плакате внятно же сказано, что пришел фашист в каске, захватчик, поработитель, и ясно же любому, что он явился на нашу родную землю к этим крестьянам через море крови, через горы трупов, и вот еще требует, чтобы покоренные ему кланялись, а они уколошили оккупанта и убийцу, т.е. всего-то лишь защитили себя. Ничего этого академик не соображает, его волнует проблема адекватности. Да, это самая настоящая тупость, замешанная на ненависти к родной стране, к своему народу и на холуйстве перед Западом. Могут сказать: "Но это же персонаж, а не автор!" Да, персонаж, но — самый главный в романе и самый любимый автором. Разве мог он сознательно представить его тупицей? Нет, конечно. Автор просто произвольно наделил любимого героя своим собственным интеллектом парии и своей ненавистью.

Итак, режиссер Д. Барщевский поставил телесериал "Московская сага" "по мотивам" одноименной трилогии В. Аксенова. Каковы же основные мотивы трилогии? Их несколько.

Во-первых, мотив, тема самой Москвы. Как говорится, по определению. Второй мотив — Великая Отечественная война. Третий — Сталин. Четвертый — репрессии. Пятый — еврейский мотив. Шестой — пронзительный мотив всеохватного блуда во всех его формах: в реальной, виртуальной, гомосексуальной и т. д. Да, таковы главные мотивы. Но все это еще и пронизано, как уже сказано, злобой, ненавистью, похабщиной и хамством. Тоже мотивчик.

Что ж, с Москвы и начнем. В фильме никакого образа столицы нет, а есть дом основных героев в Серебряном Бору, где обитало высокое начальство, "элита", еще две-три московские квартиры, мельком — грязные улицы, по лужам которых шагают мобилизованные солдаты.

А в романе есть попытка рассказать о городе обстоятельно. Как иные вчерашние провинциалы, а потом новоселы столицы, автор старается показать себя ее знатоком. С этой целью щеголяет старыми названиями улиц, магазинов: Никольская, Мюр и Мерилиз и т. д. И, конечно, возмущен их переименованием, издевается над новыми названиями. Так, улица Горького именуется у него то Пешков-стрит, а то и вовсе the Bitter Street. Так, дескать, я люблю старую Москву, так готов за нее в бой.

Но, увы, не обходится без промашек. Например, тот же тупоумный академик Градов, старый человек и потомственный москвич, возмущается: "С какой стати, скажите, Разгуляй становится Бауманом?" Очень благородно, если только не принимать во внимание, что никаким "Бауманом" Разгуляй не стал, а как стал еще в 17 веке Разгуляем, так до сих пор и остается им.

В описании Москвы романист действительно показал себя большим знатоком, но — только ее магазинов и ресторанов. Мы видим у него то Смоленский гастроном, то магазины "Российские вина", "Сыр", "Коктейль-холл", что были на улице Горького, то рестораны "Савой", "Арагви", "Прага", где его герои пьют коньяк "Греми" и "Цимлянское игристое", то ресторан "Москва", где во время танцев гасили свет и под потолком медленно крутился освещенный прожектором огромный зеркальный шар. Да, все верно, все точно, все так и было, как сейчас помню.

Но когда автор от питейно-пищевой и увеселительной-потребительской сферы жизни обращается к духовной, то здесь желание щегольнуть словцом или фактом то и дело оборачивается провинциальным конфузом. Например: "Сияли купола Новодевичьей лавры..." Красиво сказано, только Новодевичий (естественно, женский) монастырь никогда лаврой, т.е. большим мужским монастырем, не был и быть не мог. Лавр в России насчитывалось всего четыре: Киево-Печерская, Троице-Сергиева, Александро-Невская да Почаевско-Успенская.

А все тот же тупой академик Градов вспоминает, когда и где он встретил свою будущую жену Мэри: "Ну, конечно же, 1897 год, балкон Большого Зала консерватории. Она опоздала. Уже играли (!) "Eine kleine Nachtmusik" Моцарта,

когда по проходу прошло и обернулось на двадцатидвухлетнего студента некое юное, тончайшее не русское создание... Принцесса Греза!"

Господи, какую кучу красот наворотил! Ну, придумал бы что-нибудь попроще, допустим, библиотеку, каток или даже трамвай. Нет, ему непременно требуется Моцарт, консерватория, принцесса Греза да еще и написание на языке оригинала. Как Барщевскому потребовалась для сцены проводов на фронт одинокая скамейка у Патриарших прудов... Но, увы, гваделупское пижонство и при Моцарте, и при всех других красотах остается гваделупщиной и пижонством. Тем более, что никакой встречи в 1897 году в Большом Зале не могло быть, ибо он открыт лишь в 1901 году.

А если, оставаясь в пределах указанной сферы, перенестись во времена поближе? Вот в августе или сентябре 1938 года Нина Градова, поэтесса, принцесса Греза-бис, рассказывает, "как заходила в редакцию "Знамени" на Тверском, как весело обедала в Доме литераторов" и т. д. И чего она веселилась в дни, когда Ежова сменял Берия? А журнал "Знамя" находился тогда не на Тверском бульваре, а на улице Станиславского, 21. ЦДЛ же назывался не Домом литераторов, а Клубом писателей, в их разговоре просто клубом. Я не стал бы и упоминать о таких вещах, если бы не такие уж назойливые провинциальные потуги автора выдать себя за московского всезнайку. Тем более, что ведь отчетливо видно здесь лицемерие...

Лев Толстой, неоднократно запросто поминаемый в "Сage", писал в "Войне и мире": "Всякий русский человек, глядя на Москву, чувствует, что она мать; всякий иностранец, глядя на неё и не зная ее материнского значения, должен чувствовать женственный характер этого города, и Наполеон чувствовал его.

— Этот азиатский город с бесчисленными церквями, Москва, священная их Москва! Вот наконец этот знаменитый город! — сказал Наполеон и, слезши с лошади, велел разложить перед собой план этой Moscou".

И дальше: "Артиллерия (французов) поехала по Арбату... Спустившись до конца Воздвиженки, артиллерия остановилась... Для всех (французов), начиная от маршала и последнего солдата, это место было не Воздвиженка, Моховая, Кутафья и Троицкие ворота..." То есть совсем не то, что для любого русского человека, "а это была новая местность нового поля".

А что для нашего современника, прожившего в Москве все-таки немалую часть жизни, ставшего здесь писателем, родившего здесь детей, похоронившего здесь мать? Ему Москва отвратительна, у него с души воротит от ее жителей и улиц, зданий и учреждений, от того, что происходит здесь.

В самом деле, он то и дело презрительно и злобно роняет походя: "московское убожество"... "жизнерадостная" гостиница "Москва" и Дом Совнаркома"... "уродливая скульптура пионера"... "на углу Пушкинской площади парила триумфальная дева социализма"...

Конечно, в устах оголтелого антисоветчика ненависть к социалистическим новостройкам, к Совнаркому, к пионерам даже в виде изваяний вполне понятна. Но вот метро — уж вовсе внеполитическая новостройка. Вспомнил бы хоть о том, сколько детей, женщин, стариков, в том числе его соплеменников, спаслись в метро

во время немецких бомбежек. Но гваделупец и тут исходит бешеной слюной ненависти. Ему мерещится только одно: "Пропагандный смысл московского метро. Лучшее в мире! Подземные дворцы! Подвиги комсомольцев-метростроевцев!" Ведь сам-то не только отбойный молоток, а, поди, ничего тяжелее столовой ложки да карандаша ни разу в жизни и в руках не держал.

Лютым зверем кидается на все, что рождено в советской Москве и во всей стране: "плюгавая школа рабочей молодежи"... "гнусные скороходовские ботинки"... "гнусное издательство "Советский писатель"... Господи, даже издательство, где выходили его собственные плюгавые книги! Я там за всю жизнь не издавался ни разу — ни при Лесючевском, ни при Анатолии Жукове, ни при Арсении Ларионове, но я не назову его гнусным, даже если Ларионов опять увильнет и не издаст давно обещанный пятитомник. Нет, Ларионов совсем не гнусный человек, он много и хорошо говорит о нравственности.

Смотрите еще: "гнусные морды вождей... их отшлифованные ряжки"... Что ж, и это вполне понятно в устах осатаневшего антисоветчика. Но ведь тут же и "бульдожистый мильтон", который его охранял... "харя вахтера в институте", где, может быть сам бесплатно учился... "толстопузый сержант", который вместо него в армии служил... Уж чем простые-то люди ему не угодили? И опять: "сержанты с мордами скопцов"... "гнусные морды красноармейцев"... "квадратная русская ряжка"... "эти морды, собственно говоря, видишь повсюду. В каком-то смысле это важнейший этнический тип"... Вот как омерзителен гваделупцу русский тип.

Вспомнились ему несколько известных жителей Москвы, например, покойная киноактриса Валентина Серова и ныне здравствующая балерина Ольга Лепешинская. Казалось бы, какое ему до них дело? Нет! Он и о них изрыгает гадость: их, мол повезли в Кремль... На месте Ольги Васильевны и родственников Серовой я бы этого регистратора к суду привлек. А у вас, Барщевский, неужели не хватает ума понять, что сегодня такие пакостники позорят всенародно любимых артисток, а завтра "гигантским тиражом", как вам мнится, они могут то же самое написать и о вашей жене или о дочери: "Наташу и Дашу в мэрию!!!ть повезли". И обоснование найдут: ведь мэр Лужков субсидировал вашу 23-серийную "бодягу для быдла", по выражению "Новой газеты".

Как всегда, ненависть ко всему советскому и русскому у Аксенова дополняется восторгами иностранщиной во всех видах. Здесь — по адресу "волшебных германских кинодив и красоток" — Марики Рокк, Сары Леандр и даже Лени Рифеншталь, которая была кинопсаломщицей нацизма и любимицей Гитлера.

Пришел ему на память еще один москвич — Валерий Чкалов. Как его обгадить? Думал, думал и измыслил. Однажды, мол, "знаменитый и бесстрашный" летчик предложил подвезти на своей автомашине, не зная, кто это, одну красивую курву, которую эти артисты пытаются выдать за страдающую русскую аристократку, но узнав, что она жена репрессированного, "позорно засуетился и пересадил ее на трамвай". Ну подумал хотя бы, да неужто тертая курва первым делом об этом и объявила незнакомому, но знаменитому человеку, сев к нему в машину?

Такие пассажи имеют, бесспорно, чисто автобиографический смысл это не о Серовой, а о себе: ведь именно его же Хрущев в Кремле употреблял. И не о Чкалове, который, между прочим, к описываемому времени уже погиб, а опять о себе: это он

же свою первую жену из машины, отправлявшейся в Америку, пересадил в московский трамвай. Но в уста помянутой курве автор вложил резюме: "Мужчины в этой стране вырождаются, некому будет воевать". Да, вся и надежда была на гваделупцев. Они и спасли страну.

Но не только советскую, — так же злобно ненавидит Аксенов и старую, дореволюционную Москву. Как ему видится, например, Кутафья, любовно помянутая Толстым? "Пузатая Кутафья башня". А тут и "толстопузый сундук Исторического музея"... На себя посмотрел бы в зеркало, свое бы русофобское пузо пощупал.

Да, это уже тип этнической русофобии, что, видимо, больше всего и вдохновило Д. Барщевского на создание суперсериала...

И вы думаете, на этом артисты иссякли? Что вы! Вот та самая божественной красоты курва Греза едет в Москву: "В вагоне стояла духота, разило потом и протухшей пищей, все чесались, дети зверели от безделья, отовсюду слышались то храп, то попердывание..."

А в фильме есть эпизод, где упоминавшийся Вася зашел с только что встретившейся и понравившейся девушкой в кафе. Пьют вино, едят мороженое. Вдруг он начинает наизусть декламировать Пастернака, она подхватывает и продолжает. Это в фильме любимый способ показать, до чего ж эрудированны и интеллигентны, блин, их герои. Стоило, например, ещё и курвёшке Веронике вякнуть: "Белеет парус одинокий", как её обожатель Вуйнович подхватил: "В тумане моря голубом"... Ах! Но о жене своей этот аристократ говорит знакомым: "Дикое животное".

Так вот, прочитали молодые люди в два голоса несколько строк Пастернака, и девушка говорит: "Вот и познакомились". Поэт в их кругу словно пароль для опознания своих, символ веры. А ведь Пастернак, между прочим, тоже ездил на поездах и вот как описывал это:

В горячей духоте вагона
Я отдавался целиком
Порыву слабости врожденной
И всосанному с молоком.

Сквозь прошлого перепетии
И годы войн и нищеты
Я молча узнавал России
Неповторимые черты.

Превозмогая обожанье, Я наблюдал, боготворя:
Здесь были бабы, слобожане, Учащиеся, слесаря.

В них не было следов холопства, Которые кладет нужда.
И новости и неудобства
Они несли как господа.

Рассевшись кучей, как в повозке, Во всем разнообразьи поз, Читали дети и подростки, Как заведенные, взасос.

И вот Москва, пассажиры идут в метро...

Потомство тискалось к перилам
И обдавало на ходу
Черемуховым свежим мылом
И пряниками на меду.

В чем же дело? Вагон и вагон, духота и духота, дети и дети, но у Аксенова — всеобщая почесуха, а у Пастернака — черемуха, у коллежского регистратора — попердывание, а у поэта — мёд. Все дело в качестве "всосанного с молоком". Аксенов с молоком всосал русофобию и антисоветчину.

А ведь и это не всё. Еще писатель и его персонажи страсть как любят попердеть в своем кругу об "извечной косности русского народа", о том, что "этой нации рабов с ее варварскими наклонностями следует поучиться у более древних цивилизаций". А полюбуйтесь, как глазами любимого героя подана военная карта родины: "Синие стрелы японских сил, словно рыбины, тыкались в вымя и под хвост огромной коровы Советского Союза". Помните некоего Гельмана, лет десять тому назад казавшего по телевидению макет коровы с надписью "Россия", которой он смотрел под хвост? Первоисточник-то - наш мастер художественного слова. Именно тогда появилось его смердящее сочиненьице. А уж потом заскулил Окуджава: " Меня удручает огромность страны..."

Можно представить себе, как он ликовал по поводу того, что от СССР оторвали миллионов 5 с лишним квадратных километров, больше Индии! Но все равно, Россия огромна — 17 миллионов. Наверняка и это удручало Окуджаву. И я тогда посоветовал ему: езжай в родную по отцу Грузию, или в родную по матери Армению, или в Израиль, хотя он вроде и не родной, зато подходит по размеру. Да, эти страны гораздо более компактны, всего несколько десятков тысяч квадратных километров. И поселясь, допустим, в Израиле (14,2 тыс. кв. км, меньше половины Крыма), обратись к американцам: "Меня удручает огромность вашей страны (9, 4 млн. кв. км.). Это почти Китай! Верните Мексике с кровью оторванный у нее Техас, Франции — Луизиану, Испании — Флориду, России — Аляску, которые когда-то удалось высмолить у слабоумных правителей этих стран ни за нюх табака. Вот тогда я вас люблю". Но нет, в Израиль поэт не уехал, США не стыдил, а любил при всей их китайской огромности.

Это их общая черта: болезненная ненависть к родине всегда дополняется таким же болезненным пресмыкательство перед Западом: "Ведь все, что приходит оттуда, с Запада, всегда кажется чем-то инопланетным". Вот вскоре после войны Борису Градову его мать, укатившая в США с новым мужем-американцем, прислала каких-то презентиков в мешке. И он в восторге даже от этого мешка: "России нужно еще сто лет, чтобы построить такой мешок с двойными стенками, с плоским днищем, с синей завязкой". И это офицер Красной Армии говорит о родине, только что разгромившей фашизм и освободившей пол-Европы, о стране, которая через несколько лет первой в мире пошлет человека в космос.

+++

В теме Великой Отечественной войны, вообще в военной теме невежественная клевета и злобность Василия Аксенова расцветают еще более роскошным цветом. Это как бы сумма, полученная от умножения Радзинского на Млечина и возведенная в степень Чубайса. Разумеется, она суммировано достойно отражена и в сериале Д. Барщевского.

Человек не знает, например, что нумерация воинских частей имеет определенный порядок, что, допустим, придуманный им "24-й пехотный батальон" такая же ерунда, как и придуманный "духовой оркестр Резервного фронта", который к тому же еще и прибыл в Москву на похороны командующего. Да разве в столице не нашелся бы оркестр для такого случая? А батальон полковое подразделение, но никогда нигде пехотный полк не состоял из 24 батальонов.

А начинает-то Аксенов военную тему издали, аж еще с Суворова, которого его персонаж, награжденный орденом Суворова Первой степени, называет "гнусным старикашкой". Еще бы не гнусный! Бил всех врагов России, то есть наверняка же друзей и почитателей Аксенова. А умер он от трудов праведных в возрасте, который милейший гваделупец уже превзошел.

Может, по этой причине и путается все время в воинских званиях, должностях, военных терминах, датах и т. д. Так, у него один комбриг спрашивает знакомого комдива: "Что ты думаешь о событиях в Вооруженных Силах?" Разумеется, вооруженные силы были, но в годы и Гражданской войны и Отечественной их называли Красная Армия. А как у Аксенова — уже после Отечественной.

У него и Троцкий, и Фрунзе, и Ворошилов, и Блюхер — "главкомы". Пишет, например: "Ворошилов наслаждался своей ролью главнокомандующего..." На самом деле первые трое были не главкома, а наркома. Верховными же главнокомандующими после Февральской революции были Брусилов, Корнилов и Керенский, после Октябрьской — царские офицеры — поручик Крыленко (до марта 1918 года) и полковники Вацетис (1918-1919) и С. Каменев (1919-1924). Всю Отечественную — Сталин.

Фрунзе наш баталист именуется еще и "командармом, сокрушившим Колчака и Врангеля". Действительно, сокрушил, но в роли командующего не армией, а фронтом — Восточным и Южным. Аксенову же что армия, что фронт едино.

В этом убеждает и то, что он пишет об "особой ударной армии", которой-де в 1941 году командует его генерал Градов: "Армия, равная почти всему войску Наполеона, едва ли не триста тысяч человек". Во-первых, было у нас в Отечественную пять ударных армий и одна особая — на Дальнем Востоке, но "особой ударной" — ни единой. Во-вторых, средняя численность общевойсковой армии была тогда раза в три меньше градовской, совершенно фантастической. В-третьих, "войско Наполеона" это не почти 300 тысяч, а едва ли не 600. Могут сказать: "Ну, ошибся. С кем не бывает!" Да, со всеми бывает, но у него ошибки, — все в одну сторону: в свою пользу и против родной страны.

Этот липовый генерал Градов, уже став клюквенным маршалом и соломенным командующим фронтом, в романе и в фильме стыдит своего сослуживца, увидев на его груди медаль "XX лет РККА": "Послушайте, это не этично. Вы же не были

двадцать лет в составе РККА". (Господи, язык-то какой: вместо простого "не служили" — "не были в составе"). Аксенов думает, видно, что и медаль "Восьмисотлетие Москвы" давали только тем, кто 800 лет успешно пробыл "в составе москвичей"? А медаль, выпущенная к столетию В. И. Ленина, — тем, кто сто лет работал с Ильичем?

С цифрами, с датами, названиями у Аксенова уж особенно плохо. Как только вчера с гваделупской пальмы слез. Вот слышал где-то краем уха и уверяет, что после Гражданской войны "РККА сократилась на 560 тысяч войск". На самом деле не на, а примерно до этой цифры. А что пишет о численности заключенных, допустим, в 1950 году: в одном месте — 14 миллионов (3, 254), в другом — 25 миллионов, причем только в лагерях, не считая тюрем (3, 37). Что ему стоит бросить в ту или другую сторону десятков миллионов соотечественников! Подробней поговорим об этом в главе о репрессиях.

А вот только для того, чтобы сказать и больше не появляться в романе, какой-то Аркадий Геллер говорит: "На польском фронте в октябре 1920-го..." В каком октябре? Там, увы, все закончилось еще в августе.

Я тешил себя надеждой, что Аксенов, в отличие от Млечина, знает хотя бы, что такое пуля и что такое патрон. Тщетно! Вот его спятивший от злобы любимец Митя, кулацкий отпрыск, упоенно и, разумеется, в совершенно безопасной обстановке расстреливает из автомата памятник Ленину, и вдруг - "пули кончились!" (3, 494). Пули! Господи, до чего ж они однообразны, как одним пальцем деланы. Вспоминаются стихи 41-го года:

Из бронзы Ленин. Тополя в пыли.
Развалины разбитого вокзала.
Под утро немцы в городок вошли
И статую низвергли с пьедестала...

То есть аксеновские персонажи помогали в этом случае фашистам.

Когда же Аксенов вплотную заводит речь об Отечественной, то с самого начала здесь такая концентрация вздора, такое невежество, что Млечин, поди, от зависти корчится.

Брезгливо приводит "сталинское изречение: "Наше дело правое! Враг будет разбит, победа будет за нами!" А это вовсе не Сталин, а Молотов сказал в первый день войны. Сталин же выступил по радио 3 июля, и уверенность в победе высказал несколько иначе.

Эта речь в фильме и не упоминается. С какой стати? Не Илья же выступал. А романист не мог отказать себе в удовольствии с высоты пальмы поглумиться и над речью и над самим Сталиным. Вот что в дни обороны Москвы попердывал один его персонаж: "Сталин пропал. — После речи третьего июля, после того, хм, хм, библейского (?) обращения к народу — "братья и сестры", видите ли, с того дня о нем ничего не слышно, никто не видел его во внешнем мире (!). Это ужасно".

Надо бы знать полудурку, что Сталин и вообще-то редко появлялся "во внешнем мире", а он, болван, к тому же еще и путает суровое время войны с нынешней порой

круглосуточной бреховины, когда всякие президенты и главнокомандующие с утра до поздней ночи маячат на телеэкранах.

И опять автор дает слово этому пердуну: "Где же Сталин? По некоторым сведениям, его давно уже нет в Москве. Если это так, значит, они совсем потеряли надежду отбить (?) столицу. Неужели 1812 год повторится?"

Да, в самом главном Двенадцатый год повторился: разгромили армию врага, остатки вышвырнули и гнали до его столицы, а там он сдался на милость победителя. Правда, повторился с маленькой неточностью: Наполеон-то был в Москве, а Гитлер получил от ворот поворот. Так что нам "отбивать" столицу не пришлось.

Замечу, что приведенное попердывание аксеновский персонаж произвел в романе 1 ноября 41 года. Пройдет всего шесть дней, и весь мир услышит и увидит Сталина во время бессмертного парада на Красной площади. Этого парада ни в каком виде нет ни у Аксенова, ни у Барщевского, ни в столь же убогих "Детях Арбата" Эшпая, ибо даже простое упоминание о нем разносит в прах всю малограмотную стряпню ненавистников России.

А что пишет о численности Красной Армии во время Отечественной! В одном месте — 7 миллионов (2, 114), в другом — 10 миллионов (3, 37), в третьем — 20 миллионов (2, 378). В два-три раза больше!

Очень характерно и это: "Первые бомбы упали на Москву 5 августа". Кажется, это единственный случай, когда авто врет бескорыстно: на самом деле первые бомбы "упали" на Москву в ночь с 22 на 23 июля 41-го года.

Но почему бы здесь — ведь такой подходящий момент! — не вспомнить и о том, когда советские первые бомбы обрушились на Берлин? А было это в ночь с 7 на 8 августа того же года, потом — 10 и 16 августа, всего до 4 сентября — десять налетов на Берлин, Штеттин и Нойбрандербург.

Но это абсолютно не интересует наших летописцев. Аксенову вот что надо изобразить: "Английское министерство авиации оповестило о последовательных атаках на цели в Гамбурге и Штеттине. Горят доки и индустриальные объекты" И еще: "Германские бомбардировщики продолжали атаковать военные сооружения в Москве". Ну, исключительно военные! Большой театр, театр Вахтангова, универмаг на Пресне... Точно, как ныне американцы в Югославии, в Афганистане, в Ираке...

Но время идет, и немцы наступают, прут на Москву. В романе об этом так: "Группа армий "Центр" фельдмаршала Бока сконцентрировалась для окончательного штурма Москвы. В ее составе почти два миллиона войск, две тысячи танков, огромное количество артиллерии. В воздухе полное превосходство люфтваффе". Представьте себе, почти все близко к правде.

Дальше: "Танки красных (разве мы воевали с белыми? — В. Б.) не выдерживают ни малейшего соприкосновения с немецкими бронированными кулаками. Немцы жгут их сотнями". Это какие же танки? Например, говорит, "мамонтоподобные 120-тонные танки "Слава Сталину!" со скоростью 6 километров в час". Конечно, такие легко жечь сотнями. А кто их видел? Млечин? Радзинский? Мама родная? Разгадку

мамонта находим в другом месте: "В балке стояла дюжина чудовищ, гордость РККА, 60-тонные ИСы ("Иосиф Сталин"), медлительные динозавры, излюбленная мишень немцев. "Мессершмитты" их даже за добычу не считали". Лихо! Значит, не мамонт "Слава Сталину!", а динозавр "Иосиф Сталин". Что ж, у англичан был танк "Черчилль". И не 120 тонн весил ИС, а 60, да? Выходит, сперва-то в два раза соврал? Нет, больше, ибо на самом деле ИС это и не 60 тонн, а 46. И скорость не 6, а 37 км/час. Тут соврал шестикратно. А сам-то можешь за час одолеть хотя бы 7 километров? Разве что за гонораром. Но, как ни странно, и словцо правды вырвалось: самый мощный танк Второй мировой войны ИС действительно был гордостью РККА и воевал до самого Берлина.

Но слушайте оракула дальше: "Группе армий "Центр" противостоят разрозненные и деморализованные паническим отступлением армии русских"... Словом, полный развал. Нет спасения! Гибель!

И тут Аксенов и Барщевский изображают нам заседание Политбюро, будто бы состоявшееся на станции "Маяковская" числа 11-12 октября: "Жуков только что назначен главкомом (!) Западного фронта", а это произошло 10 октября 41-го года.

Вранье начинаются с первых строк: "В отдалении различался белый бюст. Думал ли "красивый, двадцатидвухлетний" с моноклем в глазу, что обернется божком в подземном капище". Речь о Маяковском и его бюсте на этой станции. Но поэт никогда не ходил с моноклем, у него было хорошее зрение. Это в компании русских футуристов Давид Давидович Бурлюк так выдрючивался, тоже, между прочим, позже обитатель США.

Такая же туфта и дальше: "В вагонах сидели члены Политбюро Молотов, Каганович, Ворошилов, Берия, Хрущев".

Во-первых, Берия тогда не был членом ПБ. Во-вторых, как Хрущев-то здесь оказался? Он же член Военного совета Юго-Западного фронта, а там в эти дни своих дел хватало. Не писал же Толстой, что на совете в Филях присутствовал председатель Военного департамента Государственного совета генерал Аракчеев.

Затем перечисляются военные: Тимошенко, Жуков, Еременко, Конев, Лелюшенко, Говоров, Акимов. Но Тимошенко опять же не мог быть, т. к. в качестве командующего находился там, где и Хрущев. А как могли оказаться тут остальные командующие фронтами и армиями? Ведь идут напряженнейшие бои, и они должны быть там, на месте, в войсках.

Да и вообще никаких заседаний в метро Политбюро не проводило, но уж Бог с ними, с А. и Б., оказавшимися в трубе. Гораздо хуже другое. Они твердят о Совете обороны, заседание которого готовит-де отсутствующий в метро Сталин. Какой еще Совет обороны в то время? Как видно, эти баталисты и не слышали, что вся власть в стране была сосредоточена в руках ГКО, а военные вопросы решало не Политбюро, а Ставка во главе со Сталиным, разумеется, в согласовании с Наркоматом обороны и Генштабом.

Все присутствующие изображены с ненавистью кастратов к сексапилам. У одного — "глиняные уста", у другого — "каменное лицо", у третьего — "лицо из булыжников", четвертый — "кривоногий", пятый — "с мощным задом", шестой —

"ломовик", седьмой — "как жабу проглотил", восьмой - просто "малоприятный русский мужик"... Уж национальность-то эти богоизбранные гваделупцы никогда не забудут подчеркнуть. А попробуйте сказать "малоприятный гваделупец А. с мощным задом и слабой головой". Или "кривоногий гваделупец Б., словно проглотивший осьминога", — о, какой визг поднимут гваделупцы на телевидении и в газетах!

Но и без этого им все нейдет, у них есть и уточнение к уже сказанному о своих спасителях: "типы гоголевских комедий... генералитет на уровне фельдфебелей". И не соображают, что ведь плоско, лживо и не задевает никого, ибо ясно же, что самито не что иное, как типы Ильфа и Петрова: один — Васисуалий Лоханкин, другой — Киса Воробьянинов.

Глумление над нашими генералами, над нашей армией, конечно же, сопровождается восхищением немецкими: "многомиллионные войска обладали подвижностью балерины"... "Люди войны — Эрвин Роммель, крупнейший виртуоз среди полевых командиров; Федор фон Бок, достигший западного берега Волги..." По невежеству и злобе идет на прямую фальсификацию, на приписку и не подавится. Какой Бок? Когда он видел Волгу? Еще 15 июля 42-го года, когда немцам до Волги было далеко, Гитлер отстранил его от командования, и он вскоре достиг восточного берега Шпрее. А что касается балетных данных вермахта, то надо было бы подчеркнуть, что они особенно ярко проявились на пути от Сталинграда до Берлина...

На этом выдуманном заседании какое-то долговязое страшилище, которого нам предлагают считать за генерал Жукова, произносит совершенно бредовую речь о положении на фронте. Он говорит: "После взятия Калуги танки Гудериана выходят на Можайск". Не мог Жуков этого сказать хотя бы потому, что Калуга была еще не захвачена!

Дальше: "В районе Малоярославца нам удалось собрать группу войск из состава 43 армии. В нее входит 110 стрелковая дивизия, семнадцатая танковая бригада". Ну, какая наглость, какая уверенность в безнаказанности - еще и номера частей называет! Да не мог Жуков и этого сказать: 110сд и 17тб никогда не были в составе 43А. И ведь это не исключительный случай жульничества, а система. Вот еще читаем: "Третья гвардейская танковая армия, взявшая Житомир, была вынуждена вновь отдать его панцерным гренадерам генерал-полковника Германа Хофа". Даже в частности как отчетливо виден холуй! Немецкого генерала и звание и даже имя указал, а кто командовал нашей гвардейской армией, его не интересуется. Сообщаю: командовал генерал-полковник Павел Семенович Рыбалко (1894-1948), впоследствии маршал бронетанковых войск, дважды Герой Советского Союза. Да, Житомир пришлось освободить дважды. В первом освобождении 12 ноября 1943 года армия Рыбалко не участвовала.

А в фильме Барщевский добавляет в уста их Жукову: "Танки Гудериана остановлены в районе Малоярославца".

Любезный, да вы знаете ли, кто такой Гудериан, чем он командовал, а также, где Калуга, Можайск и Малоярославец? В общем-то, ни вам, ни вашей родной сценаристке знать это вовсе не обязательно, но коли ставите фильм, в котором война... Объясняю: генерал-полковник Гудериан командовал на советском фронте

2-й танковой группой (позже — армией) и никакого отношения к захвату Калуги не имел. Город захватили, если уж говорить только о танках, силы 4-й танковой группы, которой командовал генерал-полковник Герман Гот. И остановили Гота не под Малоярославцем, который был захвачен 18 октября, а под Наро-Фоминском, — он 22 октября был захвачен частично. Сечете? Гудериан же орудовал южнее и допер до Тулы, от коей пришлось не по своей воле повернуть трюх-трюх-трюх на запад.

Берия, которого и Аксенов, и Барщевский с помощью бездарного артиста изобразили заодно со всеми нашими партийными и военными руководителями полноценным идиотом, как и полагается идиоту, спрашивает: "Главный вопрос в том, что танки Гудериана остановились?" Ваш Жуков, как и полагается идиоту, отвечает: "Главный вопрос сейчас не перед нами (!), а перед Гудерианом: хватит ли у него горючего на две недели, чтобы взять Москву".

Аксенов тут добавляет от лица своего синтетического Жукова: "Он понимал, что остановить немцев под Москвой может только неудачное для них стечение обстоятельств, какой-то их собственный просчет, но уж никак не сопротивление дезорганизованной Красной Армии". Только!

А вот что в эти дни записал в своем дневнике начальник Генштаба сухопутных войск вермахта генерал-полковник Гальдер, едва ли тоже известный вам: "Фельдмаршал фон Бок лично руководит ходом сражения под Москвой. Его необычайная энергия гонит войска вперед, но они совершенно измотаны и не способны к наступлению (например, в моей бывшей 7-й пехотной дивизии одним полком командует оберлейтенант, а батальонами — лейтенанты)". Это что же довело до такого состояния бравых вояк — нехватка горючего?

Дальше: "Фон Бок сравнивает сложившуюся обстановку с обстановкой на Марне, когда последний брошенный в бой батальон может решить исход сражения". Но и один батальон у фельдмаршала не нашелся. Это кто же перебил доблестных воителей?

Вы хоть теперь-то, Аксенов, когда прошло уже лет 12 после выхода вашего 1500-страничного попердывания, и вы, Барщевский, по прошествии нескольких месяцев после показа фильма, понимаете, какова бездна вашего невежества и лживости? Хоть бы в отношении горючего и двух недель, От Тулы до Москвы меньше двухсот километров. Танки могут пройти это расстояние в три-четыре дня. А от Малоярославца, поди, вдвое ближе. Чего ж изобретенный вами на посмешище Жуков лепечет о двух неделях?

Но беседа ваших идиотов продолжается: "А народное ополчение?" — "Это несерьезно. Организовать (!) Бородинску битву на этот раз не удастся". Во-первых, с чего вы с Аксеновым взяли, что Бородинскую битву "организовали" ополченцы? Кто вам сказал, что армии Багратиона и Барклая состояли из ополченцев, — не Володарский? Во-вторых, откуда такое презрение к ополчению: "Могучее воинство с одной трехлинейкой на троих"? Но и этого показалось мало: "Тысячи необученных "шпаков" с одной винтовкой на десятерых". Запомните и внукам расскажите: за войну в действующую армию влилось 36 дивизий народного ополчения. Из них 26 прошли всю войну, а 8 удостоены звания гвардейских. Не слышали?

После этого совещания идиотов в метро аксеновско-барщевский Сталин вспомнил о замечательном комкоре Градове, который с 1939 года отбывал срок в лагере. Сталин приказал немедленно освободить легендарного комкора, вернуть ему звание и награды, выполнить любые его требования и назначить командующим Особой ударной армии под Москвой. Сам Аксенов посадил его, как и жену-курву, года на два с половиной, но сам же то и дело врет о них: "Четыре года лесоповала!"

Узнав, что началась война, Градов остался совершенно равнодушным к ней. Он считает, что воевать за родину — это прежде всего защищать ненавистный ему советский строй. Он восклицает: "Драться против гитлеровской расовой гегемонии за гегемонию сталинского класса, за хевру!"

Но все-таки, прихватив по пути милашку Тасю, Градов является на фронт, выслушивает чей-то доклад, потом куда-то смотрит в бинокль, зачем-то летит в неизвестном направлении на самолете, отвечает на бесконечные "Здравия желаю!" снующих мимо солдат и офицеров. И что в итоге? Орды немцев бегут и гибнут под натиском Особой ударной легендарного Градова. Никаких других наших армий в фильме нет, а ведь на самом деле их было десятка полтора. И единственный из командующих Градов получает Звезду Героя, а позже за столь же загадочные заслуги — вторую. Теперь он командует уже фронтом. Это "миллион вооруженных мужиков". Фронт называется "легендарным Резервным". Да, был Резервный фронт. Он несколько раз создавался на короткий срок и расформировывался или получал другое наименование. Им поочередно командовали Жуков, Буденный, Рейтер, М. Попов, опять Рейтер, Конев, Малиновский. Никаких легенд за ним не числилось. В романе Резервный фронт проходит всю войну. Что ж, писатель волен сочинять легенды. Но все же...

Вот какие мысли посещают иногда командующего фронтом Градова: "Мое левое крыло выходит к Ржеву в то время, как мое правое крыло охватывает Вязьму" (2, 21). Из этих слов читатель с ужасом видит, что Градов не понимает, где какой фланг (крыло) у него находится. Ржев-то, между нами говоря, на сто с лишним километров севернее Вязьмы, а советские войска были обращены лицом на запад. Какой же к черту этот Градов командующий, какой в жопу дважды Герой! Это Вася Аксенов, дважды штафирка, командующий кланом Барщевских.

Это у немецкого командующего левое крыло могло быть у Ржева, а правое — у Вязьмы. И тут нельзя не вспомнить, что Л. Млечин пишет о лете 41-го года: "Линия фронта все удалялась и удалялась". От чего удалялась? Да, конечно же, от германской границы, от Берлина, от новой имперской канцелярии. Так Млечин выдал, что смотрит на Великую Отечественную войну именно из Берлина. То же самое выдал и Аксенов в рассуждении о правом и левом флангах. Значит, оба они и патрон не отличают от пули, и смотрят на войну глазами немецких оккупантов. Какое трогательное совпадение!

Но вот что, говорит повелитель Барщевских, произошло потом во время Белорусской операции 1944 года: "Резервный фронт вошел в стык между Вторым и Третьим Белорусскими фронтами, разметал части генерал-фельдмаршала Буша и генерал-полковника Рейнхардта и открыл территорию для почти беспрепятственного наступления".

Да, конечно, целый фронт, как легендарный "24-й батальон", вошел в стык двух других наших фронтов — это легенда высшего пошиба, ибо при этом он ведь должен был в первую очередь разметать войска не Буша и Рейнхардта, а генерала армии И. Д. Черняховского (3-й Белорусский) и генерала армии Г. Ф. Захарова (2-й Белорусский), — как же иначе врезаться между ними? И потом, а что делали в этой операции еще и 1-й Прибалтийский И. Х. Баграмяна да 1-й Белорусский К. К. Рокоссовского? Судя по всему, только любовались легендарным подвигом легендарного Резервного фронта.

А итог таков: "Градов был награжден неслыханным до сей поры образом: скакнул сразу через генерала армии к высшему званию — маршала Советского Союза". Еще бы! И действительно, до Градова и после никто так не скакал: и Жуков, и Василевский, и Рокоссовский, — все прошли ступеньку за ступенькой. Даже Брежнев. Нет и не было равных Градову! Правда, вот за Золотыми Звездами он, увы, не угнался за Брежневым!

Нельзя умолчать еще об одной сцене в духе Ильфа и Петрова — о приеме в Большом Кремлевском дворце "в конце зимы 1942 года".

Первое, что тут бросается в глаза, это "возвышавшаяся над всеми серьезная голова генерала Власова". Да, была такая серьезная голова, но еще с лета этого 42-го года она пребывала у немцев и работала на них.

И в то же время: "Заметно было отсутствие Молотова. Он пребывал в этот момент (!) в Лондоне, куда прилетел инкогнито под именем "мистер Смит из-за границы". Там он подписал с Иденом и Черчиллем (?) договор о двадцатилетнем сотрудничестве СССР с Англией". И подписался "мистер Смит из-за границы"?

Дальше новый пример всегдашней гваделупости: "А ведь сколько словесной энергии потрачено было со времен "ультиматума Керзона" на проклятья английскому империализму! Не смеется ли провидение над большевиками, а вместе с ними и над лордами Альбиона?" Провидение смеется над олухами. Вспомнил бы еще Крымскую войну или уж поближе — участие Англии в интервенции Антанты против молодой Советской России. Ну, вот как с такими людьми о чем-то спорить, рассуждать? Тем более, что ведь названный договор был заключен еще 26 мая 42-го года, и следовательно в "этот момент", зимой, Молотов вполне мог быть на приеме.

Но вот новая беда: ведь никакого приема-то в те дни не было и не могло быть! Какой там к чертям прием! Что такое зима 1942 года? Это решающие бои Сталинградской битвы, уничтожение окруженной армии Паулюса, на выручку которой рвался Манштейн, И Ставка, Генштаб по горло были заняты этим. Многие генералы, в том числе и Рокоссовский, подло преподнесенный здесь, были, разумеется, под Сталинградом, Рокоссовский — во главе Донского фронта...

То были картинки в основном из 41-го года, из 42-го, а вот уже и 1943-й. Такое же пиршество ума! Читаем: "Прошлым летом в конце июля (по тексту получается, что это июль 1942 года — В. Б.) Никита (тот самый маршал) натолкнулся на отца в самом пекле, на плацдарме Лютеж". Опять туфта! Лютежский плацдарм был захвачен в сентябре 43-го года. Но если даже милосердно допустить, что автор просто описался, а имел в виду 43-й год, то все равно туфта: в июле 43-го

плацдарма тоже не было. А дальше еще увлекательней. Нам сообщается, что здесь на плацдарме отец маршала только что оперировал сержанта Нефедова, который со своим взводом "умудрился отразить все атаки на высоком берегу Десны". Какая Десна? Откуда? Ведь знаменитый Лютежский плацдарм был на Днепре, севернее Киева, а не на Десне.

Аксенову одного фантастического приема в Кремле показалось мало, через несколько месяцев, осенью 43-го, он закатил еще один, пограндиозней. После второго приема аксеновский Градов, как уже было сказано, становится командующим Резервным фронтом. И где этот фронт под его доблестным командованием ни повоювал: под Москвой, под Сталинградом, на Курской дуге, в Восточной Пруссии, в Прибалтике... Сочинитель просто не понимает, что такое фронт. Командующих фронтами и армиями Ставка, разумеется, перебрасывала с одного участка на другой, но целый фронт — за тысячу километров?..

И вот, нагородив вороха несусветной чуши, злобного вздора, невежества, Аксенов устами своего любимого маршала и дважды Героя так говорит о Великой Отечественной: "Позорная сталинско-гитлеровская война!"

Как же мог он не пленить этим и Барщевского со всем его кланом, и Лужкова со всем его "правительством", и Соломина со всеми его званиями и наградами!

А картины разгрома фашистов, нашей победы и торжества вы не найдете ни в той "Сага", ни в другой, ни в рахитичных "Детях Арбата" Эшпая. Это им абсолютно не интересно. Вот когда немцы под Москвой, это их увлекает.

+ + +

Продолжением темы предыдущей главы, естественно, должна быть тема Сталина. Но мы уже касались ее в начале статьи. Поэтому можно лишь кое-что добавить.

Вообще-то говоря, ничего нового по сравнению с писаниями Волкогонова, Радзинского, Млечина и подобных им у Аксенова и Барщевского здесь нет. Мягкие сапоги, "киндзмараули", "Герцеговина Флор" и ужасный диагноз знаменитого академика-психиатра В. М. Бехтерева: "Паранойя!" и т. д. — сколько же можно все это мурыжить!

О помянутом диагнозе, ссылаясь на заявление внучки ученого, тоже академика Н. П. Бехтеревой, некто О. Мороз давно точил лясы в "Литгазете" (28.9.1989), которую возглавлял тогда неудачливый и скучный прохиндей Ф. Бурлацкий. А теперь этим же занимаются персонажи и аксеновского романа, и фильма "Сага", и фильма "Штрафбат" Володарского. Как будто этот диагноз тогда же напечатали в газетах и трудящихся пригласили обсудить его. Но вот что, спустя несколько лет после Мороза, в ответ на вопрос корреспондента: "Правда ли, что ваш дед вышел от Сталина и сказал, что тот параноик, за что его и отравили?", Н. П. Бехтерева сказала: "Это была тенденция — объявить Сталина сумасшедшим, в том числе с использованием якобы высказывания моего дедушки, но никакого высказывания не было, иначе мы бы знали... Кому-то понадобилась эта версия. На меня начали давить, и я должна была подтвердить, что это так и было. Мне говорили, что они напечатают, какой Бехтерев был храбрый человек и как погиб, смело выполняя врачебный долг. Какой врачебный долг? Он был прекрасный врач. Как он мог

выйти от любого больного и сказать, что тот параноик? Он не мог этого сделать" (АиФ N39'95). Кому понадобилось, кто давил, кто обещал, даже академик сказать опасалась. Да ведь ясно, кто — бурлацкие, аксеновы, млечины. Речь тут, разумеется, не о Сталине, а о них — как они десятилетиями жуют одну и ту же протухшую жвачку.

Саговый академик Градов, тоже размышляя об этом, в конце концов заключает: "Не развивается ли у меня самого какая-то паранойя?" Очень мудро! Поучиться бы этому авторам обеих "Саг", "Штрафбата" и "Детей Арбата".

А еще, сообщает Аксенов, Сталин был ужасным пьяницей: "первую (!) пару стаканов он выпивал залпом". А следующие "пары" уже глотками.

Ну, и, конечно, нет конца его кровавым проделкам. Утонули в США, катаясь в лодке по озеру два советских еврея — Исай Хургин и Эфраим Склянский. Кто виноват? Сталин виноват! Почему не бросил им из Кремля спасательный круг? Умер после операции нарком Фрунзе. Кто виноват? Сталин виноват! Что, он сам оперировал? Нет, оперировали пять знаменитых профессоров, но зачем Сталин надеялся, что операция пройдет успешно и поможет? В Грузии убили Ладо Кахабидзе. Кто виноват? Сталин виноват! Что, Ладо у него жену отбил? Нет, но есть подозрение, что у него, возможно, имеются документы о возможном сотрудничестве Сталина с царской охранкой. Да ведь уже давно доказано историками, что шпионское сотрудничество Сталина с царской охранкой, как и шпионское сотрудничество Ленина с германским Генштабом (воображение-то небогатое!), — давняя чушь, невежественная политическая провокация, туфта. А вдруг, говорят нам аксеновы, вдруг эти историки, в том числе бывший посол в СССР Джон Кеннан, подкуплены?

Новое о Сталине в "Сагах" — только новое вранье и модернизированное невежество. Например: "Сталин был сослан в Туруханский край, но дерзновенно бежал из ссылки" (кн. 3, с. 245). Даже в виде исключения гваделупчик не может говорить правду. 23 февраля 1913 года Сталин был арестован в Петербурге, осужден на четыре года ссылки и полностью отбыл срок в селе Курейка у самого Полярного круга. Говорят, сейчас там приготовлено место для всех его клеветников, включая Аксенова и Барцевского. Посмотрим, удастся ли им бежать.

Однако, как ни лезли из кожи, повизгивая и попердывая, Аксенов, Барцевский и банкир Игорь Коган, которому была поручена роль Сталина, но достичь того уровня выразительности образа, которого достигли в "Детях Арбата" режиссер Андрей Эшпай и артист Максим Суханов, им не удалось. Такое впечатление, что своего комического полудурка Эшпай и Суханов лепили с кого-то из очень близких родственников, может быть, с папочек или дедушек.

Но мне лично кажется, что таким лет через пять станет Леонид Жуховицкий, пламенный почитатель Эшпая и Суханова. Видно, 75-летнего старца уже никто не слушает, кроме 25-летней жены и 45-летней тещи. Так он подался в "Советскую Чувашию", где недавно объявил: "Уважать собственное государство нет никакой возможности". Это почему же? А потому, говорит, что "нет никакой возможности выбиться из серого ряда трудом и талантом и вообще добиться разного, о чем мечтает человек". Но, во-первых, откуда в "сером ряду" таланты? Во-вторых, ты, по собственному признанию, из этого ряда, но ведь добился же очень много разного, о чем наверняка мечтал: вместо службы в армии поступил в Литературный институт,

издал гору книг (все больше о любви), получил премию "Литгазеты", был членом редколлегии "Московского литератора", почившего в бозе альманаха "Апрель", журнала "Литературные листки", а также красовался вице-президентом какого-то "Московского клуба" (Не зря в 1963 году напечатал незабываемую повесть "Я сын твой, Москва"), еще заведовал кафедрой Высшей школы культуры (это где?), руководил студией молодых прозаиков, а сверх всего этого был еще и председатель Совета Международного института глобальной морали. И вот, являясь адептом глобальной морали, и заявил: Россию уважать не за что! Оказывается, "француз любит Францию за то, что прекрасная, что Париж — мировая столица, что Наполеон — величайший полководец, а Кристиан Диор — величайший модельер. Американец любит свои Штаты за то, что самая свободная и богатая страна в мире, а конституция у них лучшая на планете. Даже мальтиец гордится своим крохотным островом..." А Россию не только любить, но и уважать не за что.

Все ясно. Кроме некоторых мелочей. Например, почему бы нам не любить Россию за то хотя бы, что одноглазый русский Кутузов вышвырнул помянутого величайшего полководца из России обратно в столицу мира? Почему бы нам не любить Россию хотя бы и за то, что в минувшей войне мы у стен своей столицы разгромили немцев и погнали до Берлина, а та самая "столица мира" была объявлена дристунами открытым городом, и немцы через месяц после начала наступления взяли ее без боя. Почему бы нам не любить Россию еще и за то хотя бы, что одна лишь наша Брестская крепость держалась против нашествия дольше, чем вся распрекрасная Франция. Почему бы нам не любить Россию и за то еще, что у нас, кажется, нет величайших модельеров, но есть величайшие писатели, композиторы, ученые, художники, есть величайшая культура, которой в стране гордятся все, кроме гваделупцев. Наконец, почему бы не любить Россию и за то, что еще недавно даже и люди из "серого ряда" могли получить бесплатное образование, сделать карьеру и сладко жить до 75 лет с 25-летней супругой?

С другой стороны, почему бы нам не сказать благородным французам, что это стыдно, пользуясь слабоумием Черномырдина и других наших нынешних правителей, содрать с нас 300 миллионов долларов царских долгов позапрошлого века.

И почему бы нам не презирать Америку за то, что ее "лучшая на планете" конституция позволяет ей быть худшим бандитом на планете.

А вообще-то страну любят не за то и не за это, а просто родина и все тут. Как давно сказано, любовь, как солнце на небе, неизвестно на чем держится.

Жуховицкий лицемерит, когда называет Пушкина, Блока и Пастернака "нашими великими поэтами". Он расходится с ними кардинально. Пушкин не может быть для него нашим и великим хотя бы из-за стихотворения "Клеветникам России". А как омерзительны должны быть Жуховицкому строки Пастернака:

Сквозь прошлого перипетии
И годы войн и нищеты
Я молча узнавал России
Неповторимые черты...

Без Диора, без лучшей в мире конституции, а — неповторима.

Уж не говорю о Блоке:

Россия, нищая Россия, Мне избы серые твои, Твои мне песни ветровые, Как слезы первые любви...

Ни французских красот, ни американских богатств, даже нищая, а жить без нее невозможно. Как можно любить нищую, Жуховицкий никогда не поймет. Вот Окуджава, которого "удручали размеры страны", который сожалел, что был на фронте, который, как и Ельцин, с наслаждением любовался расстрелом Дома Советов, — это действительно ваш поэт, вы ему уже и памятник по решению Ельцина отгрохали где-то...

Однажды в Коктебеле Жуховицкий безо всякого интереса с моей стороны к этому уверял меня, что я, Владимир Бушин, "как все знают", полунемец, а он, "скажу по секрету", — полуполяк. Когда я по случаю рассказал это покойному Оскару Курганову, соседу Жуховицкого по подъезду, еврею, старик долго и неутешно смеялся. Нет, Леня, ты не поляк, не русак, а гваделупец, и мне странно, что ты не оказался в числе создателей "Саги" хотя бы в роли консультанта по русофобии. Народный поэт Чувашии Валерий Тургай, судя по его оплеухе Жуховицкому со страниц "Патриота", думает так же.

+++

Тема репрессий, как и все остальные в "Саге", наспигована осточертевшим до зубной боли убогим враньем. Ну, во-первых, все писали доносы друг на друга, все работали на НКВД-КГБ, "вся страна была такая". Значит и Аксеновы, и клан Барщевских доносили друг на друга?

Во-вторых, "брали ни за что". Очень интересно! И взяли, в-третьих, как твердят Немцов, Альбац, Солженицын, Хакамада, не то 20, не то 50, не то 100 миллионов человек. Вся страна, естественно, представляла собой "гигантский лагерь, необозримый лепрозорий, где все обречены" (3, 402). Спаслись бегством в Америку только Аксенов, Неизвестный, Евтушенко да Коротич.

Однако еще лет пятнадцать назад начали реабилитацию. Возглавил такое благородное дело возвышенного ума человек — А. Н. Яковлев, академик прохиндейских наук. И каков итог? Реабилитировано за все это время около 1,5 млн. осужденных. (Дуэль. 8. X, 02).

Кто же были остальные 98, 5 миллионов? И были ли вообще эти 100 млн.? Пусть об этом думает Аксенов, который, в отличие все-таки от названных выше, говорит, что в годы войны одновременно в лагерях сидело не то 14, не то 25 млн. человек. Да поможет ему, если жив, начальник секретариата ГУЛАГа майор Подымов, который 6 августа 1955 года в докладной записке начальнику ГУЛАГа генерал-майору Егорову С. Е. сообщал, что "всего в подразделениях ГУЛАГа хранится 9, 5 млн. личных дел заключенных" (И. Пыхалов. Время Сталина. Ленинград. 2001. С. 17). Всех заключенных за все время советской власти. Для сравнения: согласно ежегодному отчету ФБР, в не столь далеком 1999 году в США было 2 с лишним миллиона заключенных (Там же).

В-третьих, уверяет Аксенов, сажали главным образом по политическим обвинениям. Однако, приведя соответствующие цифровые данные архивов, И. Пыхалов делает вывод: "Среди заключенных в лагерях большинство составляли уголовники, а политические не более 1/3. Еще меньше было политических в исправительно-трудовых колониях" (Там же, с. 24).

В-четвертых, отбыть срок и по закону освободиться из заключения было невозможно. Тут уж Аксенов жестоко хлещет сам себя по месту, которое и он и его персонажи всегда деликатно называют "жопой": ведь персонажи его собственного сочинения, угодив в неволю в самом конце 1938-го или в начале 1939 года, в конце 1941-го были освобождены: и Градов, и его жена-шлюха, и полковник Вуйнович... Эти теплые художественные образы можно дополнить цифрами холодной статистики: в то же самом году вышли на свободу 624.276 человек (АиФ N45, 11 ноября 1989).

Но Аксенов свое: не только, мол, невозможно было освободиться по закону, но даже, в-пятых, "никто никогда и не убежал". Слово опять статистике: в том же 1941 году из лагерей бежало 10.592 нетерпеливых человека (Там же). Альфред Терентьич, какой вы скучный...

Но вот доносы написаны, отправлены, взяты на учет. Что дальше? Разумеется, арест. И тут ждут нас особенно сильные впечатления.

Как проходили аресты? Никита Михалков... Однажды его спросили: "Как вашему клану удастся процветать при всех режимах?" Он гордо ответил: "Волга течет при всех режимах и при всех режимах половодна!" Так-то оно так, но только она при всех режимах течет в одном и том же направлении — с севера на юг. А вы, ваше степенство?

Так вот, Михалков-Волжский в своем бессмертном антисоветском фильме "Утомленные солнцем"... Что за манера озаглавливать фильмы и романы, как фельетоны, — всем известной и каламбурно деформированной строкой: "Утомленные солнцем", "Сибирский цирюльник", "Крейсера соната"... Волжский-Михалков изобразил нелепейшую картину ареста. В воскресный день да еще в какой-то праздник, когда на улице полно народу, на дачу прославленного комдива, героя Гражданской войны, являются в одинаковых плащах, шляпах, с одинаковыми зверскими рожами сотрудники НКВД, хватают комдива (у него на груди три ордена Красного Знамени), швыряют в машину, он просит позвонить Сталину, называет номер телефона, в ответ его зверски избивают, превратив лицо в кровавую маску, затем по пути почему-то пристрелили водителя встречной машины, — вот вам и сталинская эпоха! Как же было хотя бы даже за один такой эпизодик не дать оборотню Волжскому, повернувшему с юга на север, "Оскара"? Дали!

Видимо, эпизод произвел сильное впечатление на многих. Не так давно даже в статье одного моего доброго приятеля, очень уважаемого мной человека проницательного ума и широкой осведомленности, можно было прочитать, что К. К. Рокоссовскому при аресте выбили глаз. Я нашел довольно большой послевоенный портрет маршала и послал моему другу с просьбой определить, какой глаз стеклянный.

При этом написал, что глаз глазом, а вот доктор исторических наук, профессор и ведущий сотрудник Института Российской истории Академии Наук да еще и директор какого-то Центра документации Борис Илизаров в своем новаторском труде "Тайная жизнь Сталина" (М., Вече. 2002) пишет, что Рокоссовскому "выбили девять зубов, сломали три ребра и разбили молотком пальцы ног" (с. 410). Правда, антисоветчик даже не знает имени-отчества Константина Константиновича, как и других маршалов, и пишет: "Г. К. (!) Рокоссовский, А. В. (!) Василевский" (там же, с. 179). Но зато какая осведомленность насчет зубов, ребер и пальцев! Откуда она? Может, из того самого Центра документации, где он многоуспешно директорствует? Нет, оказывается, из труда собрата-антисоветчика Константина Залесского "Империя Сталина" (М., Вече. 2000).

А у этого всезнайки еще сказано вот что: "В марте 1940 года Рокоссовский был неожиданно освобожден (по представлению С. К. Тимошенко)" (с. 390). Во-первых, для кого неожиданно? Сам Рокоссовский и все, кто его знал, были твердо уверены в его невиновности, и все время со дня на день не могли не ожидать его освобождения. Во-вторых, Тимошенко назван здесь, как видно, в уверенности, что тот был наркомом обороны, но в марте 1940 года он им не был.

Дальше: "После лечения в ноябре 1940 года Рокоссовский был назначен командиром 19 механизированного корпуса" (там же). Рокоссовского освободили 23 марта. И вот, мол, до ноября, т.е. семь месяцев потребовалось для того, чтобы вставить девять зубов, отремонтировать три ребра, и отрастить новые пальцы на ногах. И только после этого назначили комкором. О Господи!

Во-первых, сам Рокоссовский писал: "Весной 1940 года я вместе с семьей побывал в Сочи". (Весной — значит, после освобождения в апреле мае). Потом его пригласил Тимошенко, ставший в мае наркомом, и предложил вступить в командование не "19-м механизированным", а 5-м кавалерийским корпусом. Но корпус еще находился в пути из Сибири на Украину. В ожидании его Рокоссовский был послан в Киевский военный округ помочь в проверке войск, которым предстоял поход в Бессарабию. Он состоялся 28-30 июня. "Вернувшись из Бессарабии, я вступил в командование (5-м кавалерийским) корпусом", — вспоминал Рокоссовский. Это произошло в июле.

Выходит, что в апреле-мае состояние здоровья не помешало ему поехать на курорт, отдохнуть, вернуться в Москву, в июне — выполнять ответственное служебное задание в Киеве и Бессарабии, а в июле принять корпус. А когда же вставляли зубы, ребра и отращивали пальцы? Неизвестно... И только после всего этого, о чем Залесский по невежеству или умыслу умолчал, в ноябре, Рокоссовский возглавил механизированный корпус. Но не 19-й, как уверяет тот же знаток. К началу войны у нас всего-то было лишь 9 механизированных корпусов, командиром 9-го и был назначен Рокоссовский.

Ну как же верить этим ученым свистунам, если они не знают даже имена тех, о ком пишут, и множество других легко доступных фактов.

Кто после этого поверит вам, Залесский, когда вы пишете: "Пока Рокоссовский возглавлял вооруженные силы Польши, органами Госбезопасности при его полном потворстве были проведены (!) массовые аресты офицерского состава". А ваш ученый собрат Илизаров вздувает вранье еще пуще. Ему мало "потворства", мало

"арестов": "Рокоссовский санкционировал (!)..." И не аресты, а "массовые расстрелы (!) польских офицеров". Кто вам, ученые балаболки, поверит, если вы не знаете фактов, лежащих на поверхности, а рассуждаете о делах, которые заведомо были бы тайными, секретными, о фактах трудно доступных.

Рокоссовский не рассказал о своем аресте, но, зная о других, можно с большой степенью вероятности предположить картину.

Надежда Мандельштам рассказала, как ее муж был арестован первый раз в Москве в ночь на 14 мая 1934 года: "Около часа ночи раздался отчетливый, невыносимо выразительный (?) стук. "Это за Осей", — сказала я и пошла открывать...

Из большой комнаты вышел О. М. "Вы за мной?" — спросил он. Невысокий агент, почти улыбнувшись, посмотрел на него: "Ваши документы"... Проверив документы, предъявив ордер и убедившись, что сопротивления не будет, чекисты приступили к обыску" (Воспоминания. М. 1999. С. 10-12).

Всего агентов было трое. А случайно присутствовали при аресте Анна Ахматова и знакомый переводчик Давид Бродский. Его мемуаристка безо всяких оснований считала тоже агентом, но тайным: "Бродский был, вероятно, к нам подсажен, чтобы мы, услышав стук, не успели уничтожить каких-нибудь рукописей". Это, конечно, из области бреда. Вот услышали они "невыносимо выразительный" стук — и что?

Второй раз Мандельштама арестовали в доме отдыха Саматиха под Москвой в ночь на 2 мая 1938 года: "Нас разбудили под утро — кто-то скромно постучал в дверь. О. М. вышел отворить. В комнату вошли трое — двое военных и главврач". Последний, надо полагать, в качестве понятого. На сей раз и "никакого обыска не было. "На что нам ваши бумаги? — миролюбиво сказал военный и предложил О. М. идти. Все это продолжалось минут двадцать" (там же, с. 423-427). Мемуаристка уверена, что и в этом случае был тайный агент - некая "интеллигентная барышня, знакомая с Тыняновым, Кавериним и еще с кем-то из вполне приличных людей". Но и тут уверенность не имеет никаких обоснований.

А как насчет Солженицына? Он рассказывает: "Комбриг вызвал меня на КП, спросил зачем-то мой пистолет, я отдал, не подозревая никакого лукавства, — и вдруг из напряженной в углу офицерской свиты выбежало двое контрразведчиков, в несколько прыжков пересекли комнату и четырьмя руками одновременно хватаясь за звездочку на шапке, за погоны, за ремень, за полевую сумку, драматически заорали:

— Вы арестованы!

И обожженный и проколотый от головы к пяткам, я не нашел ничего лучше, как: — За что?"

Кроме самого факта ареста, все здесь, конечно, вранье. И то, что командир бригады отбирает оружие, — не его это дело; и то, что рассказчик отдал пистолет без малейших сомнений; и то, что контрразведчики, как Тарзаны, в "несколько прыжков", словно опасаясь сопротивления обезоруженного человека, с диким воплем кинулись на него и сорвали даже ремень; и то, что арестовали не по-тихому,

не в укромной обстановке, а в присутствии целой "офицерской свиты", которая, выходит, знала о предстоящем спектакле...

А тут еще и совершенно кошмарный фон! Оказывается, спектакль разыграли в сложнейшей фронтовой обстановке: "не то мы окружили немцев, не то они нас". И было это "под дыханием близкой смерти": "Дрожали стекла. Немецкие разрывы терзали землю метрах в двухстах". Жутко сказать, смерть дышит не то в лицо, не то в затылок, а мерзавцам смершевцам хоть бы хны, им только бы сцапать горемыку Александра Исаевича, будущего Нобелевского лауреата. Крайне сомнительно и то, что в столь ответственный момент сражения (если оно было) вокруг комбрига собралась целая "свита" командиров, когда всем им надлежало быть на своих постах рядом с солдатами. Но как ни фальшив и напыщен весь этот спектакль, а нет в нем ни мордобития, ни выбитых зубов, ни сломанных ребер. Верно указано и то, что смершевцев было двое.

А вполне правдивую картину ареста мы находим в книге первой жены нобелиата Натальи Решетовской "В споре со временем": "Все произошло неожиданно и странно. 9 февраля (1945 года) старший сержант Илья Соломин, ординарец Солженицына, зашел к своему командиру с куском голубого бархата. "Я сказал ему, — передает слова ординарца Решетовская, — что у меня ведь все равно никого нет. Давайте пошлем в Ростов Наташе, блузка выйдет".

Как видим, ни о каком окружении, ни о дыхании близкой смерти и речи нет. Командир и ординарец заняты обычным в те дни делом: судачат, как использовать кусок трофейного бархата. Дело-то было в Восточной Пруссии.

Соломин продолжал: "В этот момент вошли в комнату двое. Один спросил: "Солженицын Александр Исаевич? Вы нам нужны". Какая-то сила толкнула меня выйти следом. Он уже сидел в черной "эмке". Его увезли".

Да, эта бархатная версия ареста гораздо достоверней, чем тарзанья: все тихо, деловито, обыденно.

Наконец, можно заглянуть и в далекое прошлое. Как, например, был арестован Достоевский? Он тоже рассказал об этом. И в его рассказе ничего тарзаньего, никаких мордобитий, а, наоборот, — ирония, усмешка над подполковником, унтер-офицером и приставом, что втроем пришли за ним часов в пять утра 23 апреля 1849 года.

Скорей всего подобно этому был арестован и комдив Рокоссовский: явились два-три человека при оружии, предъявили ордер, он, естественно, подумал, что это ошибка или чей-то злой умысел, как и оказалось, и послушно последовал с пришедшими в ДПЗ или еще в какое-то узилище.

А вот как у Аксенова арестовывают комкора Никиту Градова: "Звонок в дверь и громкий страшный стук". Сразу вранье: ведь уже позвонили, зачем еще и громыхать в дверь, поднимать шум, будоражить соседей, ведь исполнители этой акции вовсе не заинтересованы в ее оглашении, совсем наоборот. Вспомним Надежду Мандельштам: "кто-то скромно постучал", — это гораздо правдоподобней.

Жена комкора открыла дверь. "Комната немедленно заполнилась чекистами, вошло не менее семи человек". Всех от Достоевского до Солженицына арестовывали два-три человека, а тут не менее, а, может, и более семи: учитывая характер всей трилогии, есть основание думать, что в квартиру вломилась лишь часть наряда, но не меньше осталось в подъезде или на улице. Ну, как недавно в Краснодаре путинские наемники арестовывали председателя городской Думы коммуниста Александра Кирюшина: нагрязнула целая рота спецназа в масках!

А там "старшой (!) подошел к комкору с нехорошей улыбкой: "Пойдете с нами, Градов. Вот ордер на арест"... Никита держал в руке гнусную бумажонку ордера. "Какова причина ареста, майор?" Это совершенно в духе солженицынской фантазии: "За что?" Еще бы Градов спросил, какую статью ему шьют и какой срок грозит.

Не надо быть знатоком дела или семи пядей во лбу, чтобы понимать, что арест — чисто техническая операция, исполнители которой и не должны знать ее причину. Их дело арестовать гражданина А и доставить его в полной сохранности в пункт В — все. Вот еще почему так тупоумно лжив эпизод ареста у антисоветчика Волжского, где сотрудники НКВД, разумеется, и не знают, виноват или нет арестованный, но они представят его начальству избитым до полусмерти как врага народа.

У Аксенова такая же чушь: "Градова начали избивать уже в фургоне. Один ударил в челюсть, другой в глаз, третий в ухо". Зачем? Да почему же не один кто-то? Ведь это нетрудно. Но если били все, то интересно, как — по очереди или одновременно? И тогда почему только трое? Ведь их было не менее семи. Так что для полноты картины закономерно предположить, что четвертый (глазник) ударил в другой глаз, пятый (ушник) — в другое ухо, шестой — в поддых, седьмой — в нос и т. д. Словом, точно по Михалкову... Впрочем, стоп! Ведь роман-то появился раньше, чем фильм. Так что, скорее Никита копировал Васю, чем наоборот. Но это не существенно: два сапога — пара.

А вот арест Вероники, жены Градова.

"Звонили в дверь один раз, другой, третий. Потом послышался резкий наглый стук кулаком и сапогом: "Открывайте! Открывайте немедленно!" Опять знакомая живопись.

Но что касается количества пришельцев, то тут, правда, выдержана классическая форма: пришли только три человека. Кто? "Ночная команда: мужчина в военной фуражке и в штатском пальто, надетом на форму (Для маскировки, что ли? — В. Б.), женщина в кожаном пальто и в мужской кепке (явная маскировка!), младший командир со служебной овчаркой на поводке". Собака здесь, надо полагать, как символ идиотизма.

"Мы из НКВД, — сказал старшой (!) в пальто. — У нас ордер на арест". Известный нам своим тупоумием профессор Градов думает, что пришли за ним, но оказалось, за его невесткой. И "старшой" объясняет ему: "Ваша невестка проходит как соучастница по делу вашего сына Никиты Борисовича". Да не мог он этого не только сказать, но и знать. Не мог!

В фильме сцену решили "утеплить". Во-первых, с целью полноты картины обыска Веронику раздели догола и заставили принять несколько поз, удобных для обозрения всего, что есть у женщины. Во-вторых, Мэри (И. Чурикова), свекровь арестованной, бешено орет своим проснувшимся внукам: "Смотрите! И запомните, если вы не научитесь их ненавидеть, эта власть не кончится никогда!"

По всему духу и романа и фильма ее тут же должны бы за такие слова увести вместе с невесткой, но никто из пришедших и ухом не ведет. Естественно, это в прах разрушает весь эпизод да и весь фильм, впрочем, уже разрушенный ранее.

И хотелось бы здесь сказать: "Мадам Чурикова, советскую власть давно предали и убили. Но почему вы лично и ваши кинодружки пятнадцать лет не можете успокоиться, не радуетесь, а все беснуетесь, задыхаясь от ненависти к ней? Народ бедствует, а вы жрете в три горла и душит вас злоба. Или это в такой форме прорывается ваш сучий страх перед неизбежной расплатой за предательство родины, за ограбление народа? Пожалуй, это испепелит вас всех изнутри еще до дня Страшного суда. А если доживете и будете мямлить — "я ничего не знала, не понимала", — ни вам, ни Соломину никто не поверит"...

Итак, не то 14, не то 25, не то 125 миллионов невинных людей арестованы и отправлены в неволю. Жизнь там ужасная: морят голодом, непосильный труд, издевательства... Однако все это не мешает Никите Градову каждое утро делать зарядку, включая такие трудные силовые упражнения, как стойка на руках (в сорок лет!), растираться снегом и даже иметь столь сильную сексуальную потребность, что приходилось одолеваять ее по способу тех, кто знает женщин, как свои пять пальцев.

Что ж, действительно, попадали в заключение и невинные, причем, даже из числа уже тогда или впоследствии людей знаменитых: тот же генерал К. К. Рокоссовский, авиаконструктор А. Н. Туполев, атомщик И. В. Курчатов, ракетостроитель С. П. Королев, поэт Ярослав Смеляков... Но все они, выйдя на свободу, остались достойными гражданами своей страны, ее великими патриотами.

И вот, несмотря на кошмарную картину арестов и лагерей в романе, персонажи Аксенова, разрисованные аристократами духа, почитателями Блока и Пастернака, порой позволяют себе шуточки и хохмочки на столь жуткую тему. Допустим, сидят они за завтраком в своем прекрасном монрепо, что в элитном Серебряном Бору, и беседуют.

" — Кого взяли-то ночью? — с некоторой светской пресыщенностью поинтересовался Савва.

— Дворник сказал, что взяли троих, — Големпольского, Яковлеву и Шапиро с женой, — ответила Нина (жена Саввы).

— Значит, не троих, а четверых, — Савва покивал с явным одобрением. — Хороший улов.

Нина не выдержала, расхохоталась. Еленка залилась счастливым смехом".

Что им так весело? Это беседа полоумных? Нет, таковы любимые персонажи Аксенова.

Но гораздо важнее то, что писатель вывел обширную галерею махровых антисоветчиков, патологически злобных врагов и власти и страны, и народа, готовых на заговор, на восстание, мечтающих уничтожить руководство СССР. Они были такими до неволи и остались такими, выйдя на свободу, получив обратно звания, должности, награды, а иные — даже сделав блестящую карьеру.

Одну из этих фигур мы только что упоминали, — это Мэри, именуемая, как помним, принцессой Греза, в исполнении Чуриковой, очень похожей на принцессу. Ведь того и гляди, эта принцесса-фурия взорвется от ненависти или окоцурится от разлития желчи... А вот ее дочушка-красавица Нина, поэтесса. Приехав с бригадой артистов на фронт, она увидела "тысячи лыбящихся ряшек" красноармейцев. Она считает, что вся страна это "гигантский лагерь, необозримый лепрозорий, где все обречены". И потому давно "надо было в подполье уходить, выбивать их террором, как та единственная героиня Фаня Каплан!" Тут можно заметить, что Каплан была отнюдь не единственная. На Ленина, как подсчитал Вадим Кожинов, было шесть нападений, но известным стало только одно. И ведь не только в Ленина стреляли.

Так же злобствует и Борис, брат Нины. Уже после войны, увидав однажды из окна своей пятикомнатной квартиры на улице Горького портрет Сталина на Центральном телеграфе, он сладостно мечтает: "Вот кого надо бы убрать. Он давно уже на девять граммов напрашивается". Помните есаула Половцева из "Поднятой целины" Шолохова? О том же самом мечтал.

Вероника, сноха Мэри, по делам ее показана в романе грязной потаскухой, "пышущей клубничным жаром", но одновременно автор все-таки пытается навязывать нам ее как романтическую страдающую аристократку. В ход пускается густопсовый набор пошлостей: опять "принцесса Греза", "звезда всей жизни" и "недостижимая мечта" полковника Вуйновича и т. п. В фильме же она только страдающая аристократка.

Стоит сравнить хотя бы два момента. В фильме охранник Шевчук насилует ее в лагере под угрозой расстрела. Вот, мол, какой кошмар! А в романе она сама, став любовницей начальника лагеря Кольцова, заманивает еще и Шевчука: "Чего не заходишь, казак?" И казак стал заходить, причем продолжал это и на свободе, где он каким-то образом стал шофером ее мужа, и всю войну в маршальской квартире и после войны, на чем однажды его и свою мамочку застиг помянутый выше ее сыночек Борис. Заходил до тех пор, пока во исполнение своей мечты потаскушка не укатила в США с американским генералом. Интересно, читала ли роман Ольга Будина, играющая Веронику, знает ли, какова ее героиня по замыслу писателя.

Казалось бы, при такой интенсивной сексуальной загруженности, когда этой милашке предаваться антисоветчине? Однако предается, и еще как! Вы только послушайте: в 1938 году "она смотрела на корабли во владивостокской бухте и предавалась фантазиям. Ну, вот, вообразим, что советские Вооруженные Силы разбиты навсегда и окончательно... Но пока мы смотрим и ждем. Как у Блока, ждем кораблей. Дымки уже появились, идет эскадра победителей. Кто они — японцы? Нет, это уж чересчур — с японцем! Впрочем, говорят, что они исключительные

чистюли. Нет, нет, это будут американцы, эти белозубые ковбои, вот кто это будет, и среди них какой-нибудь Рональд, рыцарски настроенный калифорниец;

мягкие звуки блюза; воспоминание на всю жизнь..." Рональду Рейгану, 40-му президенту США, было тогда уже 27 лет, а когда стал президентом, то сделал все для реализации "фантазии" героини Аксенова.

Блок в этой подлой "фантазии" о разгроме и уничтожении своей родины назван с целью изобразить великого поэта единомышленником курвы, свихнувшейся на русофобии. Нет, мадам, не Лермонтов, не Блок и не Пастернак, который тоже в романе и фильме цитируется грязными устами, — не они поэты таких шлюх и создателей их, а небезызвестный Владимир Печерин, признавшийся:

Как сладостно отчизну ненавидеть
И ожидать ее исчезновенья...

Но спрашивается, откуда в этой пустой голове такие "фантазии" и мечты? И тут приходится принять во внимание, что ведь эта дрянь вот уже лет пятнадцать как "великолепная жена" комкора Градова, начальника штаба Особой дальневосточной армии, и он ее боготворит.

Однако до сих пор речь шла все-таки лишь о мечтах и фантазиях. Но вот тот самый полковник Вуйнович. Он тоже "ненавидел Сталина и всю эту бражку", но не про себя, не молча ненавидел. В 1938 году он служит где-то в Средней Азии, но однажды все бросил и нагрнулся на Дальний Восток, в Хабаровск к своему другу комкору Градову, который, как мы знаем, служит в Особой Краснознаменной Дальневосточной армии на ключевой должности начальника штаба.

Явившись к другу, аристократ первым делом заявил ему: "Я люблю твою жену и постоянно, ежедневно и еженощно мечтаю о ней. Четыре тысячи триста восемьдесят дней и ночей мечтаю о ней". Как именно мечтает, мы уже знаем. И после этого нам впаривают, что перед нами аристократ, а не быдло. Да самое настоящее! И права Алла Боссарт. писавшая в "Новой газете", что весь фильм — творение быдла для быдла.

Но главная цель приезда Вуйновича за тысячи верст не в этих радостных для всех заявлениях. Полковник считает Сталина, все политическое руководство врагами, положени страны — отчаянным, гибельным и завел с другом речь о спасении страны.

"Каким образом?" — спрашивает Никита. "Ты должен знать каким, ответил Вуйнович. — Военному человеку полагается знать, как предотвращать вражеские действия". Особой Дальневосточной армией командует маршал Блюхер. А ты, говорит, имеешь большое влияние на него, этим и надо воспользоваться: подбить маршала на восстание, а за ним пойдут многие. В сущности, размышляет потом Градов, это был "разговор, в котором речь шла о восстании". И у Вуйновича даже были уже готовы несколько вариантов плана восстания.

"Как ни странно, — пишет всей душой сочувствующий этому Аксенов, - шансы на успех у плана Вуйновича были. По одному из вариантов в Москву поездом направить батальон разведчиков. Никто бы не разобрался, что за часть и куда

направляется. Батальон прибывает в Москву перед самой сессией Верховного Совета, берет Кремль и арестовывает Сталина. По другой схеме ударная группа прилетает в Москву тремя самолетами. При неудаче этих вариантов можно было поднять широкое восстание, освободить заключенных на Колыме и в Приморье (те самые 14-25 миллионов — В. Б.), попытаться восстановить Дальневосточную республику, Блюхеру предложить пост президента".

Такие планы хорошо сочинять, сидя в белой панаме под пальмой в Гваделупе и считая, что в мире у тебя множество единомышленников, готовых ради твоего плана на все. Но как мог Вуйнович (полковник же!) не задуматься хотя бы о том, где взять батальон, который захотел и решился бы пойти на штурм Кремля и на арест Сталина? Или каким образом освободить заключенных и поднять "широкое восстание"? И откуда уверенность, что заключенные, если их освободить, непременно примкнут к идиотам и предателям?

Но Аксенов уверен, что не только придуманный Вуйнович, но и реальный Блюхер — его единомышленник. Он наделяет его такими мыслями: "Технически все сделать несложно. Приехать из Хабаровска в Москву с группой охраны, войти в Кремль, арестовать мерзавцев, выступить по радио, отменить коллективизацию, вернуть нэп". Аксенов божится, что и Тухачевский готов был возглавить антисоветское восстание, как в свое время и показал на следствии.

А Вуйнович, вернувшись из Хабаровска в свою часть, "несколько месяцев не раз встречался с однополчанами и почти впрямую вел с ними разговоры о возможном выступлении армии против НКВД". И что вы после этого хотите от НКВД? Естественно, стратега замели. Но и после того, как его освободили, прошла война, а он все горько сожалеет: "Ведь не поднимешь же восстание после такой войны! И кто за тобой пойдет?.." Жаль, что его не посадили еще и после войны.

А вот и главный персонаж — Никита Градов. Да, он отсидел года два, но был освобожден, во всем восстановлен, скоро его сделали генерал-полковником, Героем, дали 33 ордена (у Жукова было только 29). И что в итоге? А вот. На правительственном приеме "в конце зимы 1942 года" в Кремле (мы уже говорили, что тогда такого приема не было и быть не могло, но в данном случае важно не это) "генерал-полковника Градова вдруг посетила весьма оригинальная мысль: "Интересно, если бы я приказал своим автоматчикам прикончить всю эту компанию, подчинились бы ребята?" Вот! Какая кровожадная злобность, а! Все те же мечты и фантазии. И в этом генерал Градов ничем не отличается ни от своей полоумной жены-потаскухи; ни от сестрички, завидующей террористке Каплан; ни от сыночка Бори, мечтающего о том же, что и папочка, глядя на портрет Сталина; ни от родимой мамочки, обезумевшей от ненависти к советской власти; ни от племянника Мити, расстрелявшего памятник Ленина... Одна компашка предателей и сволочей.

"Он глянул вбок на стоявшего через несколько человек от него красавца Рокоссовского: "Интересно, а Косте не приходит в голову такая же мысль. Ведь сам, как я, недавно тачку толкал". Какой он тебе, сука, Костя? Да, тоже толкал, но он — человек большого ума и сердца, способный понять и забыть ошибки и несправедливости, а ты, Градов, — вонючая гнида, какую только и мог измыслить равновеликий Аксенов в своей Гваделупе. Потому Рокоссовский через десять дней после освобождения заявил: "В ВКП (б) вступил в марте 1919 года. Партийным

взысканиям не подвергался. Ни в каких антипартийных группировках не состоял и никогда от генеральной линии партии не отклонялся. Был стойким членом партии, твердо верящим в правильность решений ЦК, возглавляемого вождем тов. Сталиным" (ВИЖ N12'90. С. 87). А ведь гнида тоже состоял в партии, но об этом ни в той, ни в другой "Саге" — ни слова.

Вывод из всего этого таков. Создав в романе атмосферу вражды и ненависти к советскому социалистическому строю, выведя обширную вереницу персонажей, не только ненавидящих власть, но и готовых к заговорам против нее, к террору против руководства, начиная со Сталина, мечтающих о восстании и даже составляющих конкретные планы контрреволюционного переворота в стране и убийства ее лидеров, — писатель-демократ Аксенов тем самым в меру своих сил подтверждает наличие тогда в стране заговорщиков и антигосударственных заговоров, доказывает правоту Прокурора Союза ССР А. Я. Вышинского, Председателя Военной коллегии Верховного суда В. В. Ульриха, заместителя председателя Военной коллегии Б. И. Иевлева и всех других, кто сурово осудил врагов народа. Другого выхода у них не было. Ждать, когда заговорщики начнут выполнять свои планы — убивать руководителей и поднимать людей на восстание, было преступно.

Короче говоря, да, этот писатель своими посильными художественными средствами доказал закономерность и справедливость репрессий тридцатых годов: если советская власть не уничтожила бы заговорщиков, то они уничтожили бы и власть и ее руководителей.

Как известно, были заговоры, были покушения против Цезаря и Наполеона, против Павла Первого и Александра Второго, против Ленина и Гитлера... И какие! С кровопролитием, а то и со смертельным исходом. Почему же не могли быть заговоры и покушения на Сталина, который, пожалуй, круче всех наших вождей "Россию поднял на дыбы"?

Но ни один заговор, ни одно покушение на Сталина не удалась. Горько сожалея об этом и досадуя, Аксенов, чтобы хоть отвести свою гваделупскую душу, все-таки измыслил одно покушение, будто бы имевшее место 7 ноября 1927 год во время празднования Десятой годовщины Октябрьской революции. В этот день в Москве состоялось выступление оппозиции во главе с Троцким, который к тому времени уже не был ни членом Политбюро, ни председателем РВС, ни наркомвоенмором, ни даже рядовым членом ЦК, а оставался лишь начальником Главэлектро, т.е. был Чубайсом того времени. Вновь подтверждая справедливость репрессий, Аксенов вложил в уста своему Троцкому-Чубайсу жестокие слова отчаяния и сожаления: "Надо было обращаться не к студентам, а к пулеметчикам!"

Москвичи забросали оппозиционеров тухлыми яйцами. Выступление позорно провалилось. Но Аксенов изображает, будто три агента Троцкого ворвались в комнату отдыха за трибуной Мавзолея и напали на Сталина. Жив он остался только потому, что троцкист-террорист был еще и великий гуманист: он не решился выстрелить, опасаясь задеть пулей кого-то из посторонних. А самому Троцкому лишь "отсутствие чувства юмора помешало использовать свой единственный шанс", т.е свергнуть Сталина и стать во главе России.

Смысл этого придуманного эпизода все тот же: подтвердить справедливость репрессий и засвидетельствовать свое почтение товарищу Вышинскому. Bravo, Вася! — сказал бы Андрей Януарьевич.

+ + +

Вот мы и добрались до еврейского мотива. В обоих "Сагах" он имеет множество сторон, граней, оттенков. Мы отчасти уже касались его, когда писали о том, что в обоих шедеврах обстоятельно изображено, как в Белоруссии немцы руками русских пленных расстреливают евреев, но — ни слова об уничтожении в республике миллионов — каждого четвертого белоруса.

На страницах романа Аксенова евреев много. Ну, очень много. Тут и реальные лица, например, писатели: Осип Мандельштам ("Это же гений, гений!... Его не понимают только ослы"), поэт-пароль Пастернак, стихи которого не знать наизусть для интеллигентного человека позорно, Илья Эренбург ("могучее перо"), Борис Слуцкий, стихи которого очень хороши для эпиграфов и заглавий книг, здесь даже Любка Фогельман, моя соседка по дому, прославленная когда-то Смеляковым. Еще тут Масс и Червинский, Дыховичный и Слободской, а также "маркиши, феферы, квитко"... Это дополняется цитатами из того же Мандельштама: "Я пью за военные астры"... "Мы живем, под собою не чуя страны"... Из того же Пастернака: "Какое, милые, у вас тысячелетье на дворе"... "Не спи, не спи, художник"... Из Багрицкого: "Нас водила молодость в сабельный поход..." и т. д.

Тут и музыканты: "звезда первой величины вдохновенный" Эмиль Гилельс, "звезда первой величины вдохновенный" Давид Ойстрах, Никита Богословский и Фогельсон, "феерический советский еврей" Саша Цфасман и уж никак не менее феерический американский еврей Бенни Гудман... А сколько еще среди персонажей! Академик Рогальский, композитор Полкер, художник Певзнер, военврач Берг, еще военврач Гуревич, третий военврач Тышлер, парикмахер Лазик, портной Наум, старуха Каппельбаум, разумеется, есть и Шапиро, и Рабинович, а еще эстонский еврей Гриша Гольди, и даже импортный румынский еврей Илюша Вернер...

Что ж, прекрасно! Как на телевидении. Но беда в том, что почти всем этим персонажам нет житья, ибо в стране царит жуткий государственный антисемитизм. И писатель приводит живой пример этого. "Юный хмырь" с выразительной русофильской фамилией Сранин беспрепятственно и глумливо распевал такую вот антисемитскую песенку:

Стахушка не спеша
Дохошку пехешла.
Навстхечу ей идет милицьонех.
— Свистка не слушала, Закон нахушала.
Платите, бабушка, Штхав тхи хубля!
— Ах, боже, боже мой!
Ведь я спешу домой, Сегодня мой Абхаша выходной.
Купила кухочку, Фханцузску булочку, Кусочек маслица, Два пихошка.
И никому не дам, Все скушает Абхам, А кухочку разделим пополам.

Боже милостивый, да что же тут антисемитского? Перед нами трогательный образ малоимущей старушки, верной любящей супруги, которая во имя драгоценного

мужа и социальной справедливости не робеет и перед милиционером. Я бы лично гордился своей женой, если бы она вот так решительно стала на защиту курочки для меня. Конечно, штраф-то лучше бы уплатить, но у нее, видно, ни копейки не осталось, все потратила на Абрашу. И потуги юного хмыря, коверкающего произношение, тонут в величии образа замечательной старушки. К тому же, он ведь коверкает и речь милиционера, скорее всего, русского парня. Словом, не антисемитизмом тут пахнет, а русской курочкой, русским пирожком и еврейским геройством. А ведь писатель привел это, не жалея места для пространной цитаты, как самый возмутительный пример государственного антисемитизма.

В фильме евреев на экране почти нет, они в основном за экраном. Правда, есть сексуально озабоченная и придурковатая Циля, внушающая жалость. Да русский профессор Градов, пожелавший однажды стать евреем. Этим, как и многим другим, о чем уже говорилось, дается понять, что евреи самый несчастный, самый горемычный в мире народ, перечень его страданий бесконечен, и потому он больше всех заслуживает сочувствия, сострадания, восхищения.

Рассуждать об этом можно долго. Лучше предоставим слово Борису Слуцкому, любимому поэту Аксенова. К третьему тому своей эпопеи он поставил эпитафию из его стихов, а потом — разъяснение к нему на две страницы. Мы тоже приведем строки этого поэта с пояснениями совсем небольшими.

Получается, стало быть, вот как:
слишком часто мелькаете в сводках новостей...

Ну, разумеется, не только новостей. А что значит "слишком часто"? Это, например 23 серии подряд в течение двух месяцев да еще разухабистая реклама до и во время показа фильма.

... слишком долгих рыданий
алчут перечни ваших страданий...

Каких "страданий"? Например, тех самых, что размалеваны в романе и в фильме. Кто составляет их "перечни"? Например, как мы видели, Аксенов и Барщевский, Сванидзе и Млечин. А чьих "рыданий" они ожидают? Всего человечества. А в частности, например, Матвиенко, и она рыдает.

Надоели эмоции нации
вашей, как и ее махинации...

Что за нация? Разумеется, гваделупская. А какие "махинации"? Об этом сказано выше очень много.

И обрыдли все ваши сенсации
средствам массовой информации.

Что за "сенсации"? Да хотя бы вот эти самые две "Саги", поданные как шедевры.

Для полноты впечатления повторим целиком:

Получается, стало быть, вот как:

Слишком часто мелькаете в сводках
новостей, слишком долгих рыданий
жаждут перечни ваших страданий.
Надоели эмоции нации
вашей, как и ее махинации.
И обрыдли все ваши сенсации
средствам массовой информации.

Так сказал покойный Слуцкий. Его с горечью и болью дополнила здравствующая Юнна Мориц:

Как мало в России евреев осталось, Как много жида развелось...

+ + +

Как вы помните, Аксенов возмущался по телевидению похабной песенкой "Ты целуй меня везде". Но Боже милостивый, какие сексуальные загогулины вытворяет сам со своими персонажами именно везде: на свободе и в заключении, на фронте и в тылу, в московской маршальской квартире и в деревенском чулане, на сеновале и на снегу, в библиотеке и в шкафу, даже в лесу на свежем пеньке... И притом — со всеми персонажами: с маршалом и домработницей, с полковником и женой маршала, с офицерами и солдатами, с поэтессой и художником, с теннисистами и мотоциклистами, с марксистами и троцкистами...

Романист вроде бы осуждает "похотливые фантазии" своего персонажа Маслюкова, полковника, и "мотивы ненасытной похоти" самого Берии, маршала, но сам-то изобретает уж такие "фантазии", что и полковник и маршал не годятся ему в подметки. Каждая половая связь или помыслы о ней носят в романе не обычный житейский характер, а изощренно-редкостный. И каждая сцена описана дотошно, обстоятельно, все названо бесстыдными словами безо всяких умолчаний, — так и видится при этом пускающий слюну похотливый старичок вроде Федора Павловича Карамазова, мечтающего о Грушеньке.

Начать хоть с самого как бы невинного — с мечтательного, виртуального блуда, т.е. не сбывшегося или, как сказано в Писании, с блуда "в сердце своем". В семье Градовых лет сорок служит домработница Агаша, смиренное, преданное деревенское существо. И вот, оказывается, какие страсти одолевали ее: "Тихонький скрип в ночи, и Борюшка (т. е. хозяин-то, профессор) входит, ласкает, и милует, и мучает немножко, и мы все трое еще больше друг друга любим — и Борюшка, и Мэрюшка (его жена), и Агашенька... Несметное количества раз решила в мечтах!"

Трудно, конечно, поверить, чтобы простая деревенская женщина всю жизнь мечтала о "любви втроем", как было, допустим, у изощренных интеллигентов Зинаиды Гиппиус, Мережковского и Философова, но Аксенову хочется этого, и ему нравится именно такая Агаша. Почему? Не автобиографический ли здесь момент? Или писатель уверен, что это он показывает глубину и сложность человеческой натуры, в частности, простой русской женщины?

А вот марксистка Циля. Они с Кириллом Градовым занимались в деревне политпросвещением. Когда кончили дело, она вдруг говорит: "Градов, а как ты насчет небольшой половушки?" — "Что ты имеешь в виду, Розенблюм?" - "Ну,

просто легкое физиологическое удовлетворение. Давай, Градов! Вон сарай на холме. Отличное место для этого дела!" И они вошли в сарай: "Циля быстро нашла более или менее сухой угол, бросила туда охалку более или менее сухого сена..." Подробности, как и во всех других эпизодах страсти, я опускаю, они омерзительны. И представьте себе, после этой "половушки" в углу сарая, похожей на изнасилование, Кирилл женился на своей насильнице! Вот какие извывы человеческой души на сей раз и русской, и еврейской знает писатель Аксенов!

Дальше: "Приехала Оксана и прямо с порога начала снимать юбку". Кто такая? Мать троих детей, жена сотрудника Минтяжпрома. Куда приехала? К любовнику-шекспироведу, с которым спуталась, будучи еще его студенткой.

Одна дама хочет поразить своего партнера и, раздеваясь в ванной, решает: "Я войду к нему совершенно голой". И входит. Другая предается страсти на тахте "прямо в шубке и в туфлях". Третья, ей восемнадцать лет, думает о незнакомом приглянувшемся парне: "Пусть он и переведет меня из разряда девушек в разряд женщин". Ну, перевел... И так далее.

Очень интересуют Аксенова кровосмесительные связи. О том, как Борис Градов-младший упивался разнообразием "любимых поз" со своей молодой мачехой Тасей, мы уже говорили. А его сестра Елка думает о нем самом: "Жаль, что он мне брат, вышла бы за него замуж". С другой стороны, Борис однажды "почувствовал нечто совершенно неподобающее племяннику по отношению к сорокадвухлетней тете Нине". А Нина в свою очередь тщетно взывала к двоюродному брату Нугзару: "Назойливый мальчишка! Ты забыл, что мы близкие родственники?!" Это ей не помогло. У них это просто. Уж так обожает Аксенов создавать подобные ситуации и копаться в них. Цимес мит компот!... Возможно, и тут не обошлось без автобиографического мотива.

А еще сладко ему рисовать картины такого рода: "Прибыв вчера ночью, Тышлер застал свою мать Дору с любовником". Кто-то из троих был смущен? Отнюдь! Сынок восклицает: "Гениально, неувядаемая Дора!" И Борис-младший "однажды вернулся домой в неурочный час и остолбенел от стонов. В кабинете покойного отца на диване лицом в подушку лежала мать. За ней на коленях в расстегнутом кителе"... " Шевчук махнул рукой: вали отсюда, не мешай матери получать удовольствие" и т. д.

А вот помянутая Нина Градова, поэтесса, возвышенная душа. Она витает главным образом в литературной сфере. Однажды "ловила на себе не ахти какие сдержанные взгляды знаменитого литератора". Кого? Оказывается, Михаила Булгакова. Другой раз в Тифлисе на пирушке ее кумир поэт Мандельштам сказал: "Нина, я просто ошеломлен..." И что? "К концу ночи они оказались наедине в центре города... "Нина, за что такой подарок судьбы?"... Он попытался приблизить ее к себе, но в этот момент раздался хриплый голос: "Давай, давай, целуй его, моя паршивая жена! Напишешь в биографии, что спала с Мандельштамом. Я разрешаю". Это Степа Калистратов, ее муж, гомосексуалист.

После Степы, а до него — Семы, мужем Нины стал Савва. Но это не имеет никакого значения. Вот около нее возник еще один персонаж: "Поэт и мировой журналист. Все было ясно с первого же момента. Они встретились несколько раз в квартире его друга. Она, как когда-то с другими поэтами, а иногда и с мерзавцами, сама

растегнула ему рубашку..." Кто ж это был на сей раз? Илья Григорьевич Эренбург, вице-президент Всемирного Совета мира, лауреат двух Сталинской и Ленинской премий. А еще "голубые глаза генерального секретаря Союза писателей не раз останавливались на поэтессе Градовой с откровенным мужским интересом"...

И теперь вообразите: Булгаков, Мандельштам, Эренбург, Фадеев, не говоря уж о ворохе мужей... Какие восторги, какой полет. Но муж Савва на фронте, и вдруг случайная встреча с художником Певзнером. И она спрашивает: "У тебя тут есть что-нибудь?" — "Что? — со страхом спросил шестнадцать лет влюбленный в нее Певзнер". — "Комнатенка, сарай, шкаф, где мы можем уединиться". Шкаф у влюбленного нашелся.

Вы думаете, что эта Нина самая-самая "прости господи" в романе? Ничего подобного! Есть еще Вероника, жена маршала Градова, а потом американского полковника.

"Всякий раз, когда полковник Вуйнович видел жену своего друга Градова, он делал усилие, чтобы избавиться от мгновенных и сильных эротических импульсов". Что ж, бывают такие неуправляемые импульсы. Но вот что примечательно для этого персонажа, который аттестуется тоже как аристократ "с рыцарским кодексом чести", как белая кость, голубая кровь. Во-первых, явившись в дом Градовых, он сообщил возлюбленной, что женился, у него трое детей, а жена его — "дикое животное". Во-вторых, еще раз объяснился в любви. Но главное, хоть сей момент "он готов был сделать с Вероникой то же самое, что однажды (во время Гражданской войны) сделал с одной барынькой в захваченном эшелоне белых, т.е. повернуть ей спиной к себе, толкнуть, согнуть, задрать все вверх. Именно эта конфигурация вспыхивала перед ним всякий раз, когда он видел Веронику". Кто в этом виноват? Он убежден: Гражданская война.

А жена друга? Ей тоже "всегда при встречах с ним казалось, что вот еще миг — и закружится эротическая буря". Так все на грани было и сейчас, но — "послышался стук в дверях, явился благоверный, комкор Градов".

А до этого на одном большом приеме Веронике невольно, однако закономерно приходит мысль, что все, вероятно, смотрят на нее и думают, "сколько человек из присутствующих" поимели ее.

Патологический блуд во всех его видах и формах — грязный, смрадный, сарайно-чуланно-рогожный, трипперно-сифилитический — насквозь пронизывает всю трилогию. Чего стоит хотя бы один персонаж, который переживает сексуальное блаженство во время избиения на допросе дряхлой старухи...

Но вершина всего — "секс антисоветский на пне". Вот его фрагменты. Вероника и американский полковник в лесу. " — Ну, что же, целуйте! — сказала она. Растегнула свою жакетку и блузку. "Идите сюда. Вон туда. Разве не видите?" Он увидел свежеспиленный пенёк. "Где ваши пуговицы?" Они пристроились на пне.

Она стонала, то откидывая голову назад, то кладя ее ему на плечо. "Гады, мерзавцы, вот вам, вот вам! — бормотала она. — Ненавижу, ненавижу..." Так она беспощадно и страстно мстила проклятой советской власти, родине перед тем, как укатить с полковником в Америку...

И закрадывается мысль: а не спятил ли автор на сексуальной почве по причине существенного личного недобора в погоне за литературными лаврами? Думается, возможно.

Известную мысль о том, что небольшую часть народа можно обманывать долго, а весь народ — лишь короткое время, — эту мысль мы трансформируем для нашего случая так: халтурщик может изображать себя мастером, знатоком, интеллектуалом короткое время, но это невозможно в трехтомной эпопее или в 23-серийном фильме.

+ + +

В начале статьи я писал, что Аксенов в надежде раскрасить и оживить свою убого однообразную, малограмотную антисоветчину и назойливо патологическую сексуальщину прибегает к разного рода "оживляжу": к разухабистой матерщине, мудреным иностранным словечкам и выражениям вроде "астральной инкарнации", к фразочкам на английском, к цитатам из газет и т. д. Но, как всегда, и тут не обходится без фальшивок, без невежества. Например, дает такой текст будто бы из американского журнала "Тайм" за 1949 год: "Самым трагическим гостем Нью-Йорка на прошлой неделе был композитор Дмитрий Шостакович. Он прибыл, чтобы участвовать во Всемирном конгрессе деятелей культуры и науки за мир. Являясь символом свирепости полицейского государства, он говорил как коммунистический политик и действовал так, будто его приводил в движение часовой механизм... Боссом и директором русской делегации является румяный, узкоглазый Александр Фадеев, политический руководитель советских писателей и чиновник МВД" (3, 122).

Разумеется, ничего подобного этой комической бреховине в "Тайм" не было и не могло быть по той хотя бы причине, что и "Конгресса мира" в США не было и не могло быть: тогда в стране свирепствовал разгул антикоммунизма, главными бесами которого были сенатор Джозеф Маккарти и упомянутый в книге судья Медина. А на самом деле 1-й Всемирный конгресс сторонников мира проходил в Париже и Праге в апреле 1949 года.

Так вот, все с той же целью "оживляжа" Аксенов придумал еще и такое: ненавистных ему исторических лиц он изображает в виде крыс, жаб, змей, собак и т. д. И как вздумается манипулирует ими: "Однажды ночью в старинных развалинах жаба встретила с крысиндой"... Ну, дело не хитрое, ума большого не требует, и эффект тут не большой. Но после этого что может нам помешать вообразить себе и самого автора в образе крысы, которая с остановкой в Гваделупе приплыла к нам из Америки с целью все тут заразить, обгадить, что можно, сожрать и сдохнуть!

В начале статьи было сказано еще и о том, что перед каждой серией "Саги" шли титры: "Правительство Российской Федерации", "Правительство Москвы" и еще названия каких-то высоких инстанций. Я обратился к М. Фрадкову и Ю. Лужкову с просьбой объяснить, что это означает. От первого адресата ответа не последовало, а от второго получил письмо. Вот оно:

"Правительство Москвы.

Комитет по телекоммуникациям средствам массовой информации г. Москвы.

06.12.2004 N9-76-424/4

Уважаемый Владимир Сергеевич!

В связи с Вашим обращением к Мэру Москвы Ю. М. Лужкову относительно размещения в телесериале "Московская сага" титра "Правительство Москвы" сообщаем, что указанный телесериал произведен по заказу Правительства Москвы в рамках Городской целевой программы создания отечественных телефильмов.

Начальник Управления В. А. Трусов".

Так что эта гваделупская крысятинка — прямой заказ (надо полагать, целиком и оплаченный из наших с вами средств) Лужкова, Фрадкова и их правительств. Видимо, рассчитывали еще и большую премию получить. Еще бы! Ведь такие высокие заказчики. Но фильм получил такой яростный отпор в прессе самого широкого диапазона от "Правды", "Советской России", "Завтра" до "Известий", "Новой газеты", "Московского комсомольца", что никто не посмел и заикнуться о премии для него, — о котором было сказано, что он "состряпан для быдла руками быдла". Такой оказалась участь и фильмов "Штрафбат", "Дети Арбата", "Диверсант", "Солдаты". А вспомните, как М. Швыдкой превозносил хотя бы "Штрафбат": "Новое слово! Рейтинговый лидер!" и т.д.

Когда господ Лужкова и Фрадкова призовут к ответу за то, что они испохабили столицу страны, превратив ее в подобие Чикаго, а всю страну — в подобие банановой республики, то им припомнят и народные денежки, пущенные на заразную крысятину.

ЭПИТАФИИ, привидевшиеся автору при посещении Еврейского кладбища в Вострякове

ЕЛЬЦИН Б. Н.

(1931)

Лежу я здесь, сознанием грею,
Среди не чуждых мне фобов,
Что дал свободу всем
евреям
А Русских обратил в рабов.

ГАЙДАР Е. Т.

(1956)

Замри, прохожий! Ты перед Гайдаром.
При жизни был он родины кошмаром.
Никем не будет превзойден Егор,
Как балоболка и ученый вор.

ЧУБАЙС А. Б.

(1955)

Под камнем сим лежит Чубайс.
Таких история не знала.
Какой светильник разума погас!
Какое мурло вякать перестало!

НЕМЦОВ Б. Е.

(1959)

Борис Ефимович Немцов -
Брюнет, философ, сочинитель, Нижегородский экс-правитель
На вид и не из подлецов.

Он просто сладко жить любил, И ловок был, как Шеварднадзе.
Хотя кричал: "Я — камикадзе!" —
Но не себя — других губил.

ЛУЖКОВ Ю. М.

(1936)

Еврейскому любезен Богу
Лужков, в КПСС возвращенный, -
Ведь заложил он синагогу
Не где-нибудь, а на Поклонной!

За это он теперь в раю
Со Старовойтовой прекрасной.
Не страшно ей за честь свою:
В раю мужчина безопасный.

СВАНИДЗЕ Н. К.

(1952)

Лежит здесь Коля, сын Карлуши -
Красавец, умник, эрудит.
Всю жизнь плевал народу в душу, Но все ж не главный он бандит.

КИСЕЛЕВ Е. А.

(1954)

Спи сладко, Киселев Евгений...
А ты, прохожий, горько плачь.
Ведь он поистине был гений
Как лжец, прислужник и стукач.

ШАРАПОВА А. Ш.

(1959)

Мадам Шарапова Арина, Дочь коммуниста Шамиля, Не ела сроду маргарина, Не выглядела как перина, И даже знала, кто Золя.
Но свет такой мерцал в очах, Что пес мой глянул — и зачах.

МИТКОВА Т. И.

(1961)

Татьяна, бедная Татьяна, С тобой я вместе слезы лью.
Ты в руки модного тирана, Во власть бесстыжего экрана
Уж отдала судьбу свою!

А ведь могла б не с Березовским, И не с Гусинским вместе врать, -
Могла б иметь свою кровать, А днем на рынке Палашевском
Селедкой частно торговать.

"Дуэль" N18 сентябрь 1997.